

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сборник научных трудов

Выпуск 4

Издательство «Универс-Групп»
2007

УДК [159.9](#) (092)
ББК 88

Рецензент
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры общей психологии и психологии развития
К.С. Лисецкий

Редакционная коллегия:
Агафонов А.Ю. (председатель), Шпунтова В.В.,
Зоткин Н.В., Косарева И.О., Литягина Е.В., Лисецкий К.С., Соболева
А.В., Черепанова У.Г., Шапатина О.В.

Психологические исследования: Сборник научных трудов. Выпуск 4. /
Под ред. А.Ю. Агафонова, В.В. Шпунтовой – Самара, Изд-во: «Универс-
Групп», 2007. – 244 с.

Четвертый выпуск сборника содержит статьи, написанные студентами, аспирантами и преподавателями факультета психологии Самарского государственного университета. Данное издание включает в себя работы теоретического и эмпирического характера, отражающие современное состояние науки в таких отраслях как психология личности, психология развития, психология труда, экономическая и организационная психология, психология познания, психология спорта, социальная, семейная, историческая психология и др.

Сборник ориентирован на студентов, аспирантов, преподавателей и всех, кто интересуется новыми исследованиями в психологии.

УДК [159.9](#) (092)
ББК 88

СОДЕРЖАНИЕ

.....	2
.....	2
.....	2
ПСИХОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ	5
С.З.Агранович.....	5
С.В.Березин.....	5
Слово и жест, миф и ритуал: психологическая драма рождения человеческого сознания	5
Е.Е.Волчек, Д.Д.Козлов.....	15
Экспериментальное исследование ретроактивной семантической настройки на эффективность воспроизведения.....	15
Т.А.Кузнецова.....	20
Смысл слова как выражение креативности.....	20
А.В.Макаров.....	25
Феномен рефлексии в работах В. Лефевра.....	25
Д.Ю.Сысоев.....	30
О способе существования психики.....	30
ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ	43
М.Царёва.....	43
Влияние образа родителя на понимание подростком задач взросления.....	43
ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ	50
О.А.Кулакова.....	50
Психологические аспекты избыточного веса.....	50
ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ	61
Е.А.Павлова, М.С.Бобылев.....	61
Дистанционные технологии в обучении студентов–психологов.....	61
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ	64
Н.А.Букреева, Д.М.Горновитова.....	64
Психологические и исторические причины роста экстремистского движения в России в 1860-1870-х гг.....	64
Н.В.Зоткин.....	70
Александр Петрович Нечаев – организатор психологической науки в России и первый ректор Самарского университета.....	70
СЕМЕЙНАЯ ПСИХОЛОГИЯ	75
С.В.Березин.....	75
Первичный прием матери наркомана: стенограмма и анализ.....	75
О.А.Галкина.....	92
Изучение симптоматического поведения в семье.....	92
ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ	102
Р.М.Арефулин.....	102
Защитные механизмы личности и проблема экспликации неосознаваемого страха смерти.....	102
Р.М.Арефулин.....	109
Психологические последствия принятия идеи конечности существования.....	109
Е.А.Бессонова, В.В.Шпунтова.....	114
Формирование ценностных ориентиров в малой группе.....	114
Г.Н.Гордеева, В.В.Шпунтова.....	123
Особенности формирования ценностей в подростковом возрасте: роль семьи и референтной группы.....	123
Н.В.Зоткин.....	134

Методика для исследования мотивационно-потребностной сферы личности.....	134
<u>Н.В.Зоткин, Л.З.Сафиуллина</u>	139
Проявление ценностных ориентаций личности на осознаваемом и неосознаваемом уровнях.....	139
<u>Е.А.Зоткина</u>	146
Роль значимых отношений в развитии личности.....	146
<u>И.О.Косарева, Н.М.Нечаева</u>	153
Психология костюма: индивидуальность или типология?.....	153
<u>И.О.Косарева, О.Н.Шалдыбина</u>	168
Изучение зависимости представлений о времени от особенностей ценностной сферы человека. Результаты эмпирического исследования.....	168
<u>М.С.Мышкина</u>	171
К проблеме интенциональности в психологии личности.....	171
<u>Н.В.Просвиркина</u>	177
Исследование влияния духовных практик на психологическое благополучие личности.....	177
<u>Д.Хансварова</u>	184
Особенности восприятия понятия смерть (на примере студентов 3-го курса английской филологии).....	184
<u>В.В.Шпунтова</u>	187
Развитие ценностей личности в онтогенезе.....	187
ПСИХОЛОГИЯ СПОРТА	208
<u>А.В.Соболева, Н.Н.Кремнева</u>	208
Проблема формирования устойчивого интереса к занятиям спортом в группах начальной подготовки.....	208
<u>А.В.Чавкина, А.В.Соболева</u>	211
Проблема агрессии в психологии спорта.....	211
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ	221
<u>И.О.Косарева</u>	221
Психологические аспекты управления организационными изменениями.....	221
<u>И.О.Косарева, К.Ю.Матвеев</u>	227
Экономическая психология или психологическая экономика?.....	227
<u>А.В.Макаров</u>	233
Исследование зависимости социально-психологического климата в коллективе от релаксивных качеств руководителя.....	233
Результаты корреляционного анализа.....	239
<u>А.В.Макаров</u>	244
Личность руководителя и социально-психологический климат коллектива.....	244
<u>А.В.Макаров</u>	249
Социально-психологический климат: анализ концептуальных подходов.....	249
ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА	258
<u>М.Ю.Шейнис</u>	258
Исследование влияния индивидуального стиля деятельности на профессиональную успешность.....	258

НАПРАВЛЕНИЕ 1. ПСИХОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ

С.З.Агранович

С.В.Березин

Слово и жест, миф и ритуал: психологическая драма рождения человеческого сознания

Человечество очень рано заметило огромную роль речи в рождении и формировании как культуры, так и индивидуального сознания. Уже в архаических ритуалах молчание, отсутствие речи, запрет на слово были знаками причастности к чуждому, нечеловеческому миру, миру смерти, пространству хтонического хаоса; обретение же слова, членораздельной речи -главнейшим признаком человека, существа социального и цивилизованного. Такое отношение к звуковой речи можно наблюдать и в архаических инициациях, следы которых остались в сказках разных народов о молчащих героях. Например, известен международный сказочный сюжет (в русском фольклоре это сказка «Братья вороны»; Ганс Христиан Андерсен обработал этот сюжет датского варианта сказки в своей авторской сказке «Братья-лебеди»). В этом сюжете одна из героинь, юная девушка, изгнанная из социума (в сказочном варианте по воле злой мачехи) и живущая со своими братьями, превратившимися в тотемных животных, в лесу, готовит ритуальную одежду (кольчуги из крапивы), испытывая тяжелые физические страдания. Если девушка заговорит, то магическая сила кольчуг будет утрачена навсегда и ее братья, заколдованные мачехой, не вернуться в человеческий мир. Девушка проходит испытание молчанием. Юный принц делает ей предложение, венчается с ней, народ обвиняет *молчунью* в колдовстве, она возведена на костер и, лишь почти закончив последнюю кольчугу, набрасывает ритуальную одежду на братьев. Братья и сестра возвращаются в человеческий мир. Сказка построена на основе архаических представлениях об образе инициации. Абитуриенты этого древнего ритуала временно умирали. В этой сказке мы видим две формы выражения ритуальной смерти: молчание (в представлениях первобытных мертвый всегда молчит и не смеется) и превращение в животное (животные также как и мертвецы не способны к речи и смеху).

Следы представлений об отсутствии речи как знаке смерти, знаке преодоления черты (хотя бы ритуальной) между миром человеческим и миром звериным, космосом и хаосом, жизнью и смертью могут быть обнаружены в разных формах обета молчания: от первобытного ритуального молчания (охота, инициация и т.д.) до обета молчания как высочайшей

формы христианской аскезы. Подобные явления могут быть обнаружены в некоторых современных формах экстремального общения. Так, например, когда коллектив (теперь чаще детский) исключает подвергнутого абстракции из сферы речевого общения, как бы ритуально "убивая" его и т.д.

Мифы народов мира полны повествований о путях добывания языка культурными героями или дарения его людям божеством. Достаточно вспомнить Прометея и его основные дары людям: огонь и речь.

Библейская традиция предельно абсолютизирует божественную, демиургическую, космогоническую роль слова. "В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог".

Значимость звукового языка для антропогенеза и социогенеза всегда отмечала наука. Однако почти все научные гипотезы о формировании членораздельной речи упирались в то, что биологи, изучающие современных обезьян, и антропологи, работающие с останками древних предшественников человека, абсолютно неопровержимо доказали, что приматы в силу особенностей строения рта и гортани, в принципе не способны к какому-либо звукоподражанию и имитации членораздельных звуков, в отличие, например, от некоторых птиц (попугаев, воронов, скворцов).

Одной из наиболее популярных, по крайней мере в нашей стране, гипотез, воспринимаемых как аксиома, является предположение о том, что решающую роль в процессе формирования человека сыграл труд. В своей известной работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» Ф.Энгельс подчеркивал, что благодаря труду развились функции рук и органов речи, произошло постепенное превращение мозга животного в развитый человеческий мозг, расширился круг восприятий и представлений, трудовые действия стали носить сознательный характер. Вся история, таким образом, есть ни что иное как образование человека трудом. Труд как целесообразная деятельность человека начался с изготовления орудий труда, становясь все более разнообразным, совершенным, многосторонним, сложным. Необходимость общения и передачи информации в процессе все усложнявшейся коллективной трудовой деятельности требовали высвобождения рук. Так появилась речь.

Дальнейшее развитие коллективной трудовой деятельности и речи, необходимой для согласования действий, были основными факторами формирования человеческого сознания. Содержание работы Ф.Энгельса представляет собой попытку обоснования его центральной идеи – труд создал человека [10].

Все это звучит довольно убедительно и не только в силу привычки, многократных повторений, доходящих порой до заклинаний и агитационных слоганов, но и в силу того, что нельзя отрицать огромной роли труда в формировании человека и человеческого сознания, в создании такого

уникального явления как человеческий социум. Наша позиция заключается в том, что если труд и играет весьма значительную роль в процессе формирования человека, то он вряд ли может претендовать на роль первотолчка в этом процессе.

Возникает целый ряд вопросов: почему именно *эти* приматы, попав в экстремальные природные условия, не пошли обычным для животного мира путем приспособления к изменившейся окружающей среде на основе естественного отбора (или не вымерли, наконец)...

Отсутствие ответа на вопрос о причинах исключительности, уникальности эволюции именно этой группы приматов невольно наводит на мысль о некоей телеологичности их судьбы.

И еще: если труд сыграл роль первотолчка в формировании качественно нового существа, то чей это был труд, если человек еще не сформировался, а труд, даже в самой примитивной форме свойственен только человеку. Самые сложные операции, совершаемые животными не являются трудом, а являются инструментальным поведением.

Многое может быть объяснено открытием, сделанным в 2001 году генетиками Оксфордского университета, обнаружившими ген FOXP-2, определяющий способности человека к речи. Оксфордским генетикам удалось определить, что этот человеческий ген отличается от аналогичных, обнаруженных у животных (горилл, шимпанзе, орангутангов, мышей), изменением кодируемой им аминокислотой последовательности. Эта мутация, затронувшая только предшественников современных людей, по мнению исследователей, передавшись по наследству, дала толчок для формирования речевого аппарата, то есть могла стать причиной того, что у человека развились структуры лица и челюстей, делающие речь *потенциально* возможной.

Профессор антропологии Стэнфордского университета (Калифорния), эксперт по происхождению человека Ричард Клейн остроумно, и как кажется небезосновательно увязавший открытие оксфордских генетиков и находки древнейших в истории человечества культурных объектов и артефактов, сделанные археологами Нью-Йоркского университета в пещере Бломберс (Южная Африка), выдвинул одновременно и гипотезу о том, что формирование человека стало результатом целой цепочки случайных мутаций, с чем, на наш взгляд, совершенно невозможно согласиться. Не только потому, что труд, не будучи первотолчком, сыграл огромную роль в формировании человеческого сознания, но и потому, что свести все к результатам мутаций было бы невозможно.

Р.Клейн высказал надежду на то, что со временем генетикам удастся открыть особые гены, отвечающие за процессы познания и общения. Мы полагаем, что этой надежде не суждено сбыться никогда. И вот почему. В работах крупнейшего отечественного психолога прошлого века Л.С.Вы-

готского было убедительно доказано, что любая высшая психическая функция, целокупность которых и составляет процессуальную сторону человеческого познания, появляется на сцене дважды: сначала как интерпсихическая (то есть как форма взаимодействия индивидов), а затем как интрапсихическая (то есть существующая во внутреннем пространстве индивида, как полностью внутренний процесс) [3]. Следовательно, механизмы наследования способности к человеческому познанию имеют не генетическую природу, а культурно-социальную. Генетический материал может обеспечить только способность к элементарной рассудочной деятельности, роль которой у животных, как считает Л.В.Крушинский, состоит в обеспечении адаптивной реакции уже при первой встрече с новой ситуацией [6]. Что касается предположения Р. Клейна о существовании гена общения, то здесь уместнее было бы говорить о генетической детерминации элементов преднамеренности коммуникаций. Собственно человеческие формы общения имеют культурно-социальную природу. Подтверждением последнего тезиса являются не только работы М.И.Лисиной и ее коллег [7], но и случаи детей-«маугли», то есть детей, выросших среди животных: их коммуникативная активность исчерпывалась звериными проявлениями.

Мы полагаем, что мутация гена FOXP-2 создает только анатомо-физиологическую предпосылку возникновения членораздельной речи, но не предопределяет ее возникновения. Эта мутация могла никак не повлиять на дальнейшую судьбу приматов, у которых она возникла, могла никак не реализоваться, либо реализоваться «по минимуму» как у певчих птиц, способных к довольно сложному звукоподражанию.

Если элементарная рассудочная деятельность животных способна, по мнению современных этологов и зоопсихологов, обеспечить приспособление к ситуации, а коммуникативные средства достаточны для выражения эмоциональных состояний, то остается непонятным, что было или могло быть причиной развития интеллекта у древнейших предшественников человека.

Можно предложить гипотезу, которая обоснована и отчасти подтверждена в книге С.З.Агранович и Е.Е.Стефанского «Миф в слове: продолжение жизни», где показано, что некоторые слова фактически являются названиями жестов, результатом озвучки знаков более примитивной чем человеческая речь сигнальной системы [1]. Выдвинутая С.З.Агранович гипотеза имеет по крайней мере одно неоспоримое достоинство: формирование человеческого интеллекта и членораздельной речи на основе вербализации животного жестового кода исключает необходимость множественных и разнородных мутаций, когда рост количества случайных совпадений резко снижает вероятность получения ожидаемого результата. Статистический анализ показывает, что объяснение возникновения челове-

ского сознания как результата множественных случайных мутаций делает его явлением не просто маловероятным, а практически уникальным даже в масштабах Вселенной. Нам представляется, что здесь мы имеем дело с очередным проявлением антропоцентризма. Но если не мутации, то что?

В последние десятилетия лингвисты все настойчивее говорят о роли жеста в возникновении языка. «Согласно новейшим исследованиям, — пишет Вяч. Вс. Иванов, — язык символических действий как в истории отдельного человека, так и в истории человечества предшествует словесному языку и служит базой для усвоения последнего» [4; 351]. По мнению Н. Б. Мечковской, «звуковой язык складывался как своего рода „перевод“ и закрепление в звуке тех значений, которые выражались при помощи движений и жестов (как в древнейших ритуалах, так и в практическом общении соплеменников)» [8; 54].

На наш взгляд, истоком этих движений и жестов были древнейшие биологические животные действия, которые со временем семантизировались еще в рамках животного стада. Материал, осмысленный в книге С.З. Агранович и Е.Е. Стефанского, позволяет высказать предположение, что именно животное инстинктивное действие нередко стоит у истоков многих древнейших слов.

Так, чисто физиологическая, функциональная, инстинктивная поза подставления самки самцу еще в рамках животного стада стала знаком покорности, подчинения более слабым особям доминирующему животному. Славянское слово *клятва* «законсервировало» в себе жест поклона, который первоначально, в рамках сообщества приматов был чисто функциональным выражением готовности самки к совокуплению, затем семантизировался в жест покорности по отношению к более доминантной особи, а в рамках социума, получив вербальное обозначение, зафиксировал значение словесного подтверждения верности человеку, обществу, власти, идее, то есть клятвы.

Физиологический акт мочеиспускания, семантизовавшись, внутри стада помимо первоначальной жесткой функциональной и биологической обусловленности стал осмысливаться как знак мечения своей территории. Уже в человеческом обществе он порождает такие слова как *черта*, *место*, порождает представление о круге, линии, меже и т.д. Черта и отделяемое ею место, вероятно, становятся если не первым, то одним из первых моделирующих концептов человеческой культуры.

Характерный для приматов взаимный уход за шкурой (перебирание шерсти, удаление из нее мелкого мусора и насекомых), связанный с непосредственным тактильным контактом особей и закрепляющий взаимоотношения внутри стада, стал основой выработки ощущения единения пока еще внутри группы животных на уровне инстинкта. Животный знаковый жест тактильного контакта, объединяющего стадо, не мог не выделить в

рамках уже человеческого формирующегося ритуала ладонь, как наиболее значимую для передачи информации часть тела. Ритуальное оставление отпечатков ладони на стенах доисторических пещер, соприкосновение ладонями с ладонями умерших, отразились в таких словах как *пещера*, *печь*, *печать* и таком понятии как *печаль*. Печаль можно рассматривать как чисто человеческое чувство единения предков и потомков посредством наиболее информационно-насыщенной части человеческого тела – ладони.

Образовавшиеся в результате вербализации слова до сих пор, подобно угольным пластам, хранят отпечатки тех жестов, в результате семантизации, эволюции и вербализации которых они возникли.

Таким образом, животная сигнальная система возникает и формируется на чисто биологической базе функционирования организма, частично утрачивая свою функциональность и приобретая знаковую, связанную с внутривидовой коммуникацией. Информация, которую несет эта знаковая система, имеет в основном пространственный характер, так как связана с пространственной ориентацией отдельной особи и всего животного стада в реальном времени. Из действий, движений и сигнальных криков формируется некий код, который успешно работает на протяжении огромных временных промежутков, оттачиваясь и совершенствуясь.

Жест и в рамках животного стада, и в складывающемся сообществе пралюдей несет в себе потенциальную возможность формирования первоначального информационно-действенного сигнального узла, основанного на пространственных отношениях.

Язык жеста, исходя из этого, является неким сенсомоторным кодом, который базируется на сигнальной системе животного стада и при очень высокой степени развития в принципе может оказаться предшественником звучащей речи. Как уже говорилось, многие слова оказываются названиями жестов, «переводом» языка жестов на членораздельный язык. Они становятся результатом процесса, который можно условно назвать вербализацией сенсомоторного кода.

Мы полагаем, что прототипом к началу сложного процесса вербализации жестового кода стала мутация FOXP-2.

Появление членораздельных звуков в жизни пралюдей, вероятно, и привело к тому, что на базе довольно сложной и хорошо разработанной животной знаковой, жестовой сигнальной системы, основанной на инстинкте, возникает качественно новая, человеческая, знаковая система, опирающаяся уже на формирующийся человеческий интеллект.

Можно предположить, что возникновение рядом с жестовым кодом и параллельно ему нового, звукового, когда один предмет или явление означались двумя разными способами, само по себе могло стать первым шагом к делению мира на две части, в рождающемся человеческом сознании. Вероятнее всего, появившийся в результате мутации поток случай-

ных членораздельных звуковых проявлений, первоначально носивших лишь экспрессивно-эмоциональные функции, просто стохастически накладывался на старую отработанную жестовую знаковую систему. В формирующемся мышлении наших далеких предков такое раздвоение могло знаменовать начало нового, чисто человеческого, уже интеллектуального, а не инстинктивного подхода к переживанию, осмыслению и освоению окружающей действительности, ее протомифологическое или, возможно, уже мифологическое моделирование. Тем более, что любая архаическая картина мира всегда является бинарной, делит мир на две части: свое – чужое, космос – хаос, жизнь – смерть, конструкция – деструкция, правое – левое. Мало того, любая космогония является мифологическим описанием деяния по разделению мира, проведению черты, границы, т.е. отделению структурированного, обитаемого, человеческого космоса от неструктурированного, необитаемого, нечеловеческого хаоса. В связи с этим, нельзя исключить также гипотетического предположения, что особенности человеческого мозга, принципиально отличающие его от мозга высокоразвитого животного, то есть в первую очередь разделение функций «архаического» правого, «немого» полушария, отвечающего за решение пространственно - двигательных задач в реальном времени (в конечном итоге, за жест), и левого, более «позднего», отвечающего за членораздельную речь, могли возникнуть в ходе процесса членораздельного озвучивания, а значит и глубинной перекодировки, очеловечивания первичного животного жестового кода, достигшего к тому времени достаточно высокого уровня.

В процессе антропосоциогенеза элементы «животной», сигнальной системы должны были пережить принципиальные качественные изменения, глубинную перекодировку, чтобы стать частью абсолютно новой знаковой системы, основанной уже не на инстинкте, а на рождающемся сознании. Под влиянием возникшей в результате мутации во многом случайной и для функционирования животного организма и животного сообщества явно «излишней», избыточной членораздельно-звуковой знаковой системы, возникают ситуации наложения членораздельно-звуковой информации на жестовую. Это не могло не породить сложных смежностно-ассоциативных связей. Смоделировать хотя бы гипотетически этот процесс с точки зрения современного сознания весьма трудно, почти невозможно, если, конечно, путь этот не осмысливать как результат некоего «дара» «со стороны» или «свыше». Единственное, что возможно утверждать с уверенностью, это то, что в этом сложнейшем процессе перекодировки ведущую роль играла вербализация, т. е. называние жестов, действий или состояний, являвшихся частью животной сигнальной системы и осваивавшихся сознанием как части рождающейся примитивной человеческой картины мира и новой человеческой знаковой системы. Единственным мате-

риальным подтверждением этого процесса могут быть следы, оставшиеся в языке, мифологической картине мира и, не исключено, что и в морфологических и функциональных особенностях человеческого мозга, отличающих его от мозга животных.

Гипотетически можно предположить, что сама мутация FOXP-2 тоже не могла стать единственным и окончательным толчком к формированию языка, ведь она произошла фактически у животного. Однако обстоятельства сложились необыкновенно удачно. Об этой мутации известно очень мало, тем более нам. Однако есть основания предполагать, что она обладает качеством «самопроизвольного включения». Об этом говорят материалы исследования мозга и психики младенцев первого года жизни. Как известно, человек рождается с мозгом, лишенным функциональной асимметрии и поэтому младенец издает только «правосторонние» звуки подобные реву или визгу. К середине первого года развития начинается формирование функциональной асимметрии, что находит внешнее звуковое выражение в переходе к гулению, которое фактически является отработкой членораздельных звуков. Доказано, что гуление не является результатом звукоподражания. Абсолютно глухие младенцы тоже начинают гулить [5]. Таким образом, гуление знаменует по всей вероятности «начало работы» программы, обусловленной мутацией. Самопроизвольное включение программы членораздельного звукового фона, возможно, работало и у наших древних предков. Так появилось животное, обладающее двумя коммуникативными системами: старой животной, жестовой знаковой системой, которая развилась через семантизацию функциональных движений, и новой, появившейся в результате мутации. Это был членораздельный звуковой код. Конечно, у наших предков, как и любых других приматов, были и сигнальные крики, но они принципиально не отличались от жестовых сигналов. Их отличие заключалось лишь в том, что они были доступны вне пределов видимости. Они были явно правополушарными. Новый звуковой код был принципиально иным. Мало того, он был явно избыточным. Биологическая целесообразность его была равна нулю. Однако две качественно разные и гетерогенные по происхождению, связанные с функциями разных органов чувств сигнальные системы начали взаимодействовать, взаимовлиять, семантизируя и перекодировывая друг друга. Доказательства такого параллельного функционирования двух систем в настоящее время найти очень трудно. Н.Б.Мечковской и Вяч.Вс.Ивановым высказаны гипотезы, согласно которым звуковой словесный язык складывается на основе языка символических действий как результат закрепления в звуке тех значений, которые выражались при помощи движений и жестов. В книге С.З.Агранович и Е.Е.Стефанского есть попытка обоснования этого процесса с опорой на следы, сохранившиеся в истории языка и культуры.

Параллельная работа двух коммуникативных систем не могла не породить конфликтных ситуаций в работе мозга. Жизнь в условиях двух знаковых систем постоянно воспроизводила ситуацию, аналогичную той, которую Г.Бейтсон называет *двойное послание* [2]. Суть этого явления заключается в том, что индивид получает сообщение, вербальная составляющая которого может противоречить или отрицать невербальную составляющую, или наоборот: невербальная составляющая может отрицать или противоречить вербальной. Если при этом коммуникатор никак дополнительно не маркирует предпочитаемую альтернативу, реципиент оказывается перед лицом коммуникативного парадокса, вызывающего рост внутреннего напряжения и неопределенности. Систематическое попадание индивида в ситуацию двойного послания и застревание в генерируемых ею состояниях обуславливало то, что Г.Бейтсон называет шизофреногенной или шизофреноподобной ситуацией. Общение современного человека насыщено коммуникативными парадоксами; они лежат в основе таких сложных форм социального поведения как интриги, розыгрыши, флирт, шутки и т.п. В подавляющем большинстве случаев коммуникативные парадоксы возникают спонтанно и являются результатом активности бессознательного. Однако уровень развития интеллекта и вербального языка современного человека таков, что он может осознанно продуцировать двойные послания, сопровождая их метакоммуникативными сообщениями (имеются в виду сообщения по поводу сообщений), либо «распознавать» коммуникативные парадоксы и активно запрашивать у его автора разъяснений. Способность к обнаружению парадокса в коммуникации и его конструктивного преодоления требует высокого уровня развития интеллекта. Элементарной рассудочной деятельности животных, пусть даже и содержащей в себе признаки высших психических процессов, явно недостаточно для разрешения коммуникативных парадоксов. Несчастные носители мутации гена FOXP-2 оказались в чрезвычайно сложной ситуации: их общение уже стало двухканальным, а интеллектуальных возможностей для преодоления возникающих коммуникативных парадоксов еще не было. Единственной возможностью преодоления разрушительного для животного информационного стресса могла быть только аффективная реакция, не связанная с конкретной эмоцией, а потому неизвестная животному миру. Еще со времен Аристотеля утверждалось, что смех является делом исключительно человека. Все мифологии мира с необыкновенным упорством говорят о смехе как носителе, дарителе и признаке жизни. То же самое обнаруживается в огромном материале ритуальной практики народов мира. Смех маркирует мифологическую модель мира, разделяя человеческое и нечеловеческое, живое и мертвое, космос и хаос, правое и левое. Герои мифа и сказки, переходя в чуждый человеку мир, вынуждены отказываться от смеха, дабы не быть опознанными как живые и не погиб-

нуть. Смех в архаических формах сознания есть главный и явный признак живого человека. Другие признаки (чихание, оборачивание и т.д.) являются как бы редуцированной тенью смеха. Существует значительное количество исследований функций смеха при инициации, при ритуальном убийстве, при жертвоприношении, при охоте, севе, родильных обрядах и т.д. Внимательное рассмотрение этих материалов убеждает в том, что первоначально смех был весьма далек от приписываемой ему современным сознанием функции выразителя радости и комизма. Смех всегда стоит на границе миров. Смех может быть означен как чисто человеческая аффективно-судорожная реакция на неожиданный прорыв от животной однозначности к человеческой бинарной модели мира. Двойственность сигнальных систем породила двойственность мира. Мы убеждены, что опасная игра с членораздельными звуками, в которую случайная мутация «втянула» наших далеких предков, не могла не воздействовать агрессивно и по-своему разрушительно на мозг животного. Она способствовала формированию функциональной бинарной асимметрии головного мозга «будущего человека». В результате информационного стресса происходили качественные изменения знаковых систем. Жестовая знаковая система порождает формы, подобные ритуалу, а членораздельно-звуковая – слово-миф.

В заключении книги С.З.Агранович и Е.Е.Стефанского интересно анализируется одно из высказываний В.Н.Топорова. Обращаясь к мифу и ритуалу, В.Н.Топоров замечает, что в греческом языке слову *mythos*, которое буквально обозначает некую «до-речь», «ее природный субстрат, хаотизированное звукопускание» противопоставлялось слово *logos* – «слово-мысль», «слово-понятие». Трактую этимологию слова миф, исследователь пишет, что *миф* – это «то состояние души, которое стучится в мир слова <...>, не довольствуясь ритуалом» [9; 60].

В своей работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» Ф.Энгельс писал: «Сначала труд, а затем и вместе с ним членораздельная речь явились двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг» [10; 73].

Думается, что ситуация выглядела иначе. Сначала членораздельная речь, пусть даже в форме хаотичного звукоизвержения (МИФОС), а лишь потом – труд, ибо труд присущ только человеку. Возникновение человеческого сознания рисуется Ф.Энгельсу медленным, тихим рассветом, набирающим силу в темном мозгу животного и окрашивающим мир яркими человеческими красками. Нам же слышится дьявольский хохот, судорожная аффективно-истерическая реакция несчастного животного на внезапное ощущение собственного бессилия перед неопределенностью, порождаемой небывалым взаимодействием двух сигнальных систем, словно удар молнии, разрывающим его мозг на две части. Это было, если не осо-

знание, то «восчувствование» двусмысленности мира и своей судьбы, которую до сих пор переживает человечество, бесконечно моделируя в бесчисленном множестве мыслительных и материальных бинарных оппозиций, расчленяя, разрывая, разрубая мир.

Литература

1. *Агранович С.З., Стефанский Е.Е.* Миф в слове: продолжение жизни (Очерки по мифолингвистике). Монография. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2003. – 168 с.
2. *Бейтсон Г.* Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии / Пер. с англ. – М.: Смысл, 2000.- 476 с.
3. *Выготский Л.С.* История развития высших психических функций // Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 3 Проблемы развития психики / Под ред. А.М.Матюшкина. – М.: Педагогика, 1983. – 368 с.
4. *Иванов Вяч. Вс.* Примечания // Леви-Стросс К. Структурная антропология. – М.: Наука, 1985. – С. 340-364.
5. *Корсунская Э.А.* Предисловие // Шматько Н.Д. Пелымская Т.В. Если малыш не слышит... Пособие для учителя. – 2-е изд., перераб. – М.: просвещение, 2003. С. 3-14.
6. *Крушинский Л.В.* Биологические основы рассудочной деятельности. – М.: Изд-во МГУ, 1986.
7. *Лисина М.И.* Общение, личность и психика ребенка /Под ред. А.Г. Рузской. – М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. – 384 с.
8. *Мечковская Н.Б.* Язык и религия. – М.: Агентство «ФАИР», 1998.
9. *Топоров В.Н.* О ритуале: Введение в проблематику// Архаический ритуал в фольклорных и ранне-литературных памятниках. - М.:Наука, 1988. С.7-10.
10. *Энгельс Ф.* Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека / Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3-х т. Т.3. – М.: Политиздат, 1983. – С. 69-82.

Е.Е.Волчек, Д.Д.Козлов

Экспериментальное исследование ретроактивной семантической настройки на эффективность воспроизведения

Изучение мнемической деятельности человека имеет многовековую историю, однако «несмотря на пристальный и длительный интерес к ис-

следованию памяти, тайны ее до конца не разгаданы». Без преувеличения можно сказать, что во все периоды развития западноевропейской мысли за памятью признавалась исключительная роль в психической жизни человека. Психологии памяти посвящено огромное количество теоретических, эмпирических и экспериментальных работ. Это неудивительно, если принять во внимание тот факт, что уже на начальном этапе становления психологии как самостоятельной отрасли научного знания память стала объектом экспериментальных исследований.

Память – стержневое психическое образование. Именно благодаря памяти становится возможным накопление сознательного опыта. Существует большое количество исследований посвященных изучению влияния ранее осознанной и неосознанной информации на дальнейшее воспроизведение, описаны многочисленные факторы и эффекты, влияющие на эффективность воспроизведения. Большинство из них оказывают проактивное влияние на воспроизведение (А.Ю. Агафонов, Е.Е. Волчек, 2005). Немало исследований посвящено проблеме ретроактивного влияния на переработку информации. Однако здесь внимание исследователей сосредоточено, преимущественно, на особенностях восприятия, точности опознания элементов стимульного ряда. Актуальность исследования обусловлена, таким образом, необходимостью углубления и расширения психологических знаний о влиянии последующей информации на работу человеческой памяти, в частности, на воспроизведение.

Исследование, проведенное с целью изучения влияния фактора ретроактивной семантической настройки на воспроизведение информации, было направлено на проверку следующего предположения: ретроактивная настройка влияет на точность воспроизведения стимулов.

В эксперименте приняло участие 60 человек обоих полов в возрасте от 23 до 35 лет. На момент проведения исследования все испытуемые имели высшее образование.

Исследование включало две экспериментальные группы и одну контрольную. Группы насчитывали по 20 человек.

Для проведения эксперимента был составлен список из 40 слов: лыжи, соревнование, шах, скорость, олимпиада, победа, гол, стрельба, рекорд, сила, фитнес, гребля, команда, борьба, гимнастика, удар, баскетбол, фигурист, бег, плавание, поход, костер, бард, палатка, песня, котелок, гитара, дрова, поляна, электричка, «тушенка», рюкзак, лауреат, лестница, компас, жара, рыбалка, кеды, дождь. Список был составлен таким образом, чтобы: а) значение слов-стимулов было понятно испытуемым. Это позволило устранить влияние на результат «незнакомости» и непонятности стимульного ряда для испытуемых; б) к словам стимулам были подобраны ассоциативно связанные изображения. При этом понятий, обозначаемых стимульными словами, на изображениях не было (например, в ка-

честве ассоциации на стимул «лыжи» предъявлялось изображение лыжни).

Исследование включало в себя несколько этапов. Первый этап инвариантен для всех трех групп. Испытуемым по очереди на 1 секунду и последующей паузой в 1 секунду предъявляются слова – стимулы в дном и том же порядке. После предъявления всего стимульного ряда испытуемым предлагается воспроизвести запомненные слова-стимулы.

В рамках второго этапа первой экспериментальной группе предъявлялись изображения на тему «Спорт», ассоциативно связанные с первой частью списка. После этого испытуемые должны воспроизвести как можно больше элементов первоначального стимульного ряда.

Второй экспериментальной группе предъявлялись изображения на тему «Туризм», ассоциативно связанные со второй частью списка. После этого испытуемые должны воспроизвести как можно больше элементов первоначального стимульного ряда.

Испытуемые контрольной группы воспроизводили искомые элементы без каких-либо предварительных процедур.

При обработке результатов все полученные данные были разделены на шесть групп:

группа 1: количество слов-стимулов на тему «спорт», воспроизведенных испытуемыми первой экспериментальной группы (группа Э1),

группа 2: количество слов-стимулов на тему «туризм», воспроизведенных испытуемыми первой экспериментальной группы (группа Э2),

группа 3: количество слов-стимулов на тему «спорт», воспроизведенных испытуемыми второй экспериментальной группы (группа Э3),

группа 4: количество слов-стимулов на тему «туризм», воспроизведенных испытуемыми второй экспериментальной группы (группа Э4),

группа 5: количество слов-стимулов на тему «спорт», воспроизведенных испытуемыми контрольной группы (группа К1),

группа 6: количество слов-стимулов на тему «туризм», воспроизведенных испытуемыми контрольной группы (группа К2).

Выдвинутая гипотеза говорит о том, что при наличии ретроактивной настройки количество воспроизведенных стимулов целевой группы больше. Иными словами, следует ожидать, что при отсутствии настройки количество воспроизведенных слов-стимулов в разных группах будет примерно одинаковым, а при сравнении групп с наличием и отсутствием настройки будут наблюдаться статистически достоверные отличия между группами по количеству воспроизведенных слов-стимулов, при этом ретроактивная настройка будет увеличивать количество воспроизведенных слов. Поэтому выдвинутая гипотеза в данном экспериментальном дизайне может быть операционализирована следующим образом:

1. Группы Э2, Э3, К1 и К2 (т.е. группы без настройки на воспроизводимые стимулы) не будут статистически различаться по количеству воспроизведенных слов-стимулов;

2. Количество слов-стимулов, воспроизведенных в группе Э1, будет статистически достоверно большим, чем количество слов-стимулов, воспроизведенных в группах Э3 и К1;

3. Количество слов-стимулов, воспроизведенных в группе Э4, будет статистически достоверно большим, чем количество слов-стимулов, воспроизведенных в группах Э2 и К2.

Для проверки эмпирической гипотезы был использован t-критерий Стьюдента для независимых выборок. Выбор данного критерия был обусловлен тем, что он является наиболее мощным статистическим критерием, позволяющим выявлять различия в средних значениях переменных, измеренных в метрической шкале. Необходимыми условиями применения данного критерия являются:

1. примерное соответствие распределения значений в каждой из сравниваемых групп нормальному распределению;

2. отсутствие статистически достоверных различий в дисперсии двух сравниваемых групп.

Все расчеты проводились в статистическом пакете StatSoft Statistica v.6.0.

Оценка соответствия распределения нормальному проводилась с помощью W-критерия Шапиро-Уилка, являющегося наиболее мощным критерием для определения соответствия распределения нормальному из реализованных в пакете Statistica. Критерий Шапиро-Уилка W используется для определения нормальности. Если W статистика значима, то гипотеза о нормальном распределении значений переменной отвергается. Критерий Шапиро-Уилка W привилегированный критерий нормальности, так как его свойства обладают большей мощностью перед широким выбором альтернативных критериев нормальности. Заметим, что в STATISTICA используется улучшенная версия алгоритма, которая применима к выборкам, содержащим до 2000 наблюдений. Описательные статистики для каждой из групп, а также результаты расчета W-критерия представлены в таблице 1:

Таблица 1. Описательные статистики и результаты теста на нормальность распределения для каждой из групп.

Группа	среднее значение	границы 95% доверит. инт.		стандарт. отклон.	W-критерий	
		нижняя	верхняя		значение	p-уровень
К1	8.25	7.27921	9.22079	2.074279	0.93176	0.16693
К2	7.75	6.84052	8.65948	1.943275	0.94983	0.36458
Э1	11.50	10.39979	12.60021	2.350812	0.95087	0.38041
Э2	7.90	7.04238	8.75762	1.832456	0.95054	0.37534

Э3	7.25	6.27921	8.22079	2.074279	0.93115	0.16251
Э4	11.30	10.09382	12.50618	2.577228	0.92144	0.10562

Результаты статистических расчетов, проведенных в соответствии с операционализацией выдвинутой гипотезы, приведены в таблицах 2-4:

Таблица 2. Сравнение количества воспроизведенных слов-стимулов разных групп при отсутствии наводки на воспроизводимые стимулы

Сравниваемые группы	Ср. знач. в сравн. группах		значение t-критерия	степени свободы	р-уровень	Значение F-критерия	р-уровень
	в первой	во второй					
К1 и К2	8.25	7.75	0.786697	38	0.436338	1.139373	0.779051
К1 и Э2	8.25	7.90	0.565528	38	0.575039	1.281348	0.594323
К1 и Э3	8.25	7.25	1.524519	38	0.135659	1.000000	1.000000
К2 и Э2	7.75	7.90	-0.251150	38	0.803051	1.124608	0.800634
К2 и Э3	7.75	7.25	0.786697	38	0.436338	1.139373	0.779051
Э2 и Э3	7.90	7.25	1.050265	38	0.300230	1.281348	0.594323

Таблица 3. Сравнение количества воспроизведенных слов-стимулов на тему «спорт» в группе Э1 (с наводкой) и группах Э3 и К1 (без наводки)

Сравниваемые группы	Ср. знач. в сравн. группах		значение t-критерия	степени свободы	р-уровень	Значение F-критерия	р-уровень
	в первой	во второй					
Э1 и К1	11.50	8.25	4.636015	38	0.000041	1.284404	0.590794
Э1 и Э3	11.50	7.25	6.062481	38	0.000000	1.284404	0.590794

Таблица 4. Сравнение количества воспроизведенных слов-стимулов на тему «туризм» в группе Э4 (с наводкой) и группах Э2 и К2 (без наводки)

Сравниваемые группы	Ср. знач. в сравн. группах		значение t-критерия	степени свободы	р-уровень	Значение F-критерия	р-уровень
	в первой	во второй					
Э4 и К2	11.30	7.75	4.918610	38	0.000017	1.758885	0.227512
Э4 и Э2	11.30	7.90	4.808326	38	0.000024	1.978056	0.146075

Результаты, приведенные в таблицах 3-4, показывают, что гипотеза подтвердилась с высоким уровнем статистической значимости (во всех

случаях $p < 0,0001$). Данные таблицы 2 подтверждают предположение о примерном равенстве количества воспроизведенных слов-стимулов, относящихся к разным семантическим группам, при отсутствии ретроактивной настройки (во всех случаях $p > 0,1$). Разница величин дисперсий в сравниваемых группах ни в одном случае не оказалась статистически достоверной, что свидетельствует о высокой надежности полученных результатов.

Выводы:

1. Ретроактивная семантическая настройка влияет на эффективность воспроизведения информации.
2. Влияние данного фактора выражается в увеличении воспроизводимого объема информации, актуализированного в сознании посредством следующей за запечатлением настройки.

Т.А.Кузнецова

Смысл слова как выражение креативности

Научный руководитель Е.В.Литягина

Все предметы, окружающие человека имеют для него название, и даже если какого-то названия он не знает, то придумает сам. Окружающий мир человека – это не просто предметы, люди, какие-то события – это ещё и слова их обозначающие. Есть обозначения, которые приняты для всех, какие-то слова понимает только определённая группа людей, вполне возможно существуют слова, значение которых знает всего лишь один или два человека; бывает, так что одно и тоже слово для разных людей обозначает совсем разные вещи, явления, чувства и эмоции.

А.Р. Лурия называет слово основной единицей строения языка [6,34]. С помощью слова человек может передать информацию, выразить свои чувства, желания, намерения. Возникает вопрос, как это становится возможным, если одно и тоже слово для разных людей будет «звучать» по-разному. А главное, почему так происходит?

А.Р. Лурия отмечает, что слово включает в свой состав, по крайней мере, два основных компонента. Первый компонент относит слово к какому-либо предмету. Функция слова – обозначение предмета, признака, действия или отношения. Второй компонент слова – это его значение, по которым А.Р.Лурия понимает функцию выделения отдельных признаков в предмете, обобщения их и введения предмета в известную систему категорий [6,141].

Однако это не объясняет, того, почему слово для отдельно взятого человека может иметь своё неповторимое, индивидуальное значение. Этот вопрос давно интересует учёных. Что бы ответить на него, наряду с понятием «значение» было введено понятие «смысл». На западе об этом впервые заговорил французский лингвист Ф. Полан, в России эту идею начал

развивать Л.С. Выготский. В дальнейшем о смысле и значении слова писали многие исследователи: А.Н. Леонтьев, А.А. Леонтьев, А.Д. Леонтьев, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, С.М. Морозов, А.Р. Лурия и многие другие. Однако исследователи не пришли к единому выводу о том, как соотносится значение и смысл слова. У каждого из этих авторов есть своя точка зрения по этому вопросу. Рассмотрим наиболее интересные на наш взгляд подходы.

Вслед за Ф. Поланом Л.С. Выготский считает, что смысл слова представляет собой совокупность всех психологических фактов, возникающих в нашем сознании благодаря слову. Согласно Л.С. Выготскому, смысл слова сложное образование, которое имеет «несколько зон различной устойчивости». Значение является одним из компонентов смысла. По Л.С. Выготскому значение гораздо более постоянное, унифицированное и точное, чем смысл. Хотя значение тоже не остаётся постоянным и в разных ситуациях слово может обладать различным значением. «Слово, взятое в отдельности и лексиконе, имеет только одно значение. Но это значение есть не более как потенция, реализующаяся в живой речи, в которой это значение является только камнем в здании смысла». Выготский объясняет различие между значением и смыслом слова на примере слова «попляши» в крыловской басне «Стрекоза и Муравей». Слово «попляши» имеет вполне устоявшееся значение. Однако в контексте басни Крылова оно приобретает «гораздо более широкий интеллектуальный и аффективный смысл. Оно означает в этом контексте одновременно: «веселись» и «погибни»»[2,321].

Таким образом, согласно Л.С. Выготскому смысл слова – это всё что возникает в сознании благодаря этому слову (мысли, эмоции, переживания, ассоциации, воспоминания из прошлого опыта), значение является наиболее устойчивой частью смысла, которая реализуется в конкретной операции.

А.Н. Леонтьев по-другому рассматривает смысл и значение слова [2,231]. «В значении отражается результат общественного опыта познания действительности, то, что является общим для всех представителей данной культуры, данной группы. В значениях представлена преобразованная и свернутая в материи языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств, связей и отношений, раскрытых совокупной общественной практикой» [4,115]. А.Н. Леонтьев говорит о том, что значения существуют, прежде всего, в языке, который является их носителем, но не создателем. Значения устанавливают связь человека с миром общественных отношений и позволяют интегрировать общественно исторический опыт в систему индивидуального, выходя за рамки актуального времени, за рамки непосредственного восприятия. «Значение есть категория общественного сознания, есть категория принципиально-языковая; значение,

следовательно, объективно и устойчиво; оно отражает отношение предмета не к индивиду, но к коллективу...» [4,116]. Таким образом, по мнению А.Н. Леонтьева в значениях представлена преобразованная и свернутая в материи языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств, связей и отношений, раскрытых совокупной общественной практикой. В значении отражается результат общественного опыта познания действительности, то, что является общим для всех представителей данной культуры, данной группы.

Интересный взгляд на соотношение смысла и значения у Д.А. Леонтьева. По его мнению, эти понятия не нужно противопоставлять друг другу, скорее следует рассматривать то, как они соотносятся. Д.А. Леонтьев обращает внимание на то, что личностный смысл нельзя рассматривать как индивидуальный, принадлежащий одному человеку, поскольку не является чисто индивидуальной порождающей его деятельностью. В то же время, значения, так же как и смыслы, неразрывно связаны с деятельностью, но, в отличие от смысла, они не переходят из общественного сознания в индивидуальное. Однако если рассматривать смысл и значение контексте индивидуального сознания можно увидеть их противоречие по двум параметрам: 1) значение (общее, социальное) – смысл (индивидуальный, уникальный) и 2) значение (отражение объективных, существенных свойств) – смысл (отражение лишь индивидуально значимых свойств).

Однако с точки зрения деятельностного подхода противопоставление смысла и значения недопустимо [5,437].

Мы рассмотрели несколько подходов о соотношении смысла слова и его значения. В данном исследовании мы будем придерживаться подхода А.Н. Леонтьева так как он наиболее точно разводит понятия смысла и значения слова. Значение, по его мнению, всегда связано с общественной деятельностью. Личностный смысл возникает в процессе индивидуальной деятельности, а также при появлении личного отношения к совершаемой деятельности.

На наш взгляд интересно рассмотреть не только вопрос о соотношении значения и смысла слова, но и то, как это связано с личностью человека. В конечном итоге именно человек наделяет слово, как значением, так и смыслом. Таким образом, слово всегда несёт в себе отпечаток личности человека. В данном исследовании мы рассматриваем такую черту личности как креативность. На наш взгляд креативность тесно связана именно со смысловым компонентом слова (так как значение общепринято и не несёт ничего нового для окружающих).

По мнению израильского психотерапевта и педагога Эрика Ландау слово креативность происходит от латинского *creare*, что означает порождать, создавать, творить [1,403].

Креативность также можно определить как «уровень творческой одаренности, способности к творчеству, составляющий относительно устойчивую характеристику личности» [8,5]. В последние годы термин получил в отечественной психологии широкое распространение, почти вытеснив бытовавшее ранее словосочетание *творческие способности*.

Интересное мнение о том, что такое креативность можно найти у Ф. Баррона и Д. Харрингтона. Согласно этим исследователям, креативность – это способность реагировать на необходимость новых подходов и новых продуктов, данная способность позволяет также осознать новое в бытии. Согласно Ф. Баррону и Д. Харрингтону, специфическими свойствами креативного процесса, продукта и личности являются их «оригинальность, состоятельность, валидность, адекватность задаче и еще одно свойство, которое может быть названо пригодностью — эстетической, экологической, оптимальной формой, правильной и оригинальной на данный момент» [3,102].

Понятие креативности, введенное Э. Торренсом, обозначает способность к творчеству в широком смысле слова – способность продуцировать новые идеи и находить нетрадиционные способы решения задач [1,404].

Н. Роджерс говорит о креативности, как способности обнаруживать новые решения проблем или обнаружении новых способов выражения [7,164].

Большинство авторов говорят о креативности как о способности создать или открыть что-то новое, оригинальное, отличное от традиционных подходов и взглядов. На наш взгляд это можно соотнести со смыслом и значением слова. В значении отражается результат общественного опыта значение выражает то, что является общим для всех представителей данной культуры, данной группы. Смысл же, напротив, отражает личный опыт человека, отличный от традиционного культурного содержания. Таким образом, употребление слов по смыслу, на наш взгляд может быть связано с креативностью личности, с её способностью преодолеть стереотипные, традиционные подходы.

Объектом нашего исследования будет личность человека. Предметом исследования употребление человеком слов по смыслу или по значению в зависимости от уровня его креативности.

Мы можем выдвинуть следующую гипотезу нашего исследования: чем более развито креативное мышление, тем больше будет представлен смысловой компонент в определении и употреблении слов.

Мы опираемся на то, что креативное мышление неотъемлемая часть креативной личности. Креативность мы определяли по методике Торренса (вербальная часть). Вербальная часть методики Торренса определяет креативность по трём компонентам: гибкость, беглость и оригинальность. «Продуктивность (беглость, скорость) – отражает способность к поражде-

нию большого числа идей, выраженных словесно или виде рисунка, и измеряется числом ответов, соответствующих требованиям задания; гибкость – характеризует способность выдвигать разнообразные идеи, переходить от одного аспекта проблемы к другому, использовать разнообразные стратегии решения; оригинальность – предполагает способность к выдвиганию новых, необычных, неочевидных идей».

Далее мы предложили испытуемым дать определение десяти слов и посмотрели, насколько в определениях был представлен смысловой компонент. Мы исходили из того, что значение слова соответствует его словарному определению, а также наиболее часто встречающимся определениям в данной выборке. За смысловые компоненты мы принимали – оригинальность определения в данной выборке, эмоциональность, воспоминания из собственного опыта.

Примерный текст инструкции звучал следующим образом: «перед вами десять слов, дайте им своё определение». Слова были подобраны так, чтобы они были известны данной выборке испытуемых. Также было дано несколько устойчивых словосочетаний, значения которых общеприняты.

Список слов для исследования: ёлка, парта, чёрный кот, двойка, звонок, перемена, чёрный день, подушка, червяк, торт. Слова были подобраны так, чтобы их словарные значения были известны данной выборке испытуемых и чтобы они с большой долей вероятности вызывали «отношенческий» компонент. В исследовании приняло участие 20 человек 19-20 лет. Вот определения слов, которые встречались в данной выборке испытуемых наиболее часто: елка – хвойное/зелёное дерево; парта – деревянный стол/предмет мебели; чёрный кот – животное на четырех лапах, чёрного цвета; двойка – отрицательная оценка, ставят в школе; звонок – сигнал/звук; кнопка в которую звонят; перемена – перерыв отдых; чёрный день – неудачный день; подушка – на ней спят; червяк – живёт под землёй/животное; торт – кондитерское – изделие с кремом. Данные определения мы отнесли к значению слова.

За каждое оригинальное определение мы начисляли испытуемому один балл. Мы определили сколько баллов получили наши испытуемые за данные ими определения слов. Также подсчитали, сколько баллов было набрано по каждому из компонентов креативности. Чтобы понять действительно ли личность, которая давала определения по смыслу, а не по значению более креативна, мы посчитали корреляцию количества баллов за смысл слов с баллами за каждый компонент креативности. Для этого мы использовали расчёт коэффициента ранговой корреляции Спирмена. В результате нашего исследования мы обнаружили, что испытуемые которые давали определения слов опираясь на смысл, а не на значение (давали собственные оригинальные определения, учитывающие их личный опыт и от-

ношение) получили большое количество баллов за такой компонент креативности как оригинальность. За такие компоненты креативности как гибкость и беглость испытуемые получили разное количество баллов, не зависимо от того, какие определения слов они давали. Таким образом, наша первоначальная гипотеза частично подтвердилась. Мы выяснили, что употребление человеком слов по смыслу, а не по значению связано с таким компонентом креативности как оригинальность.

Связи с гибкостью и беглостью не выявлено. Возможно, эти компоненты больше связаны с интеллектуальным развитием личности, быстротой реагирования, концентрацией внимания, а не с креативностью как способностью создавать что-то новое.

В нашем исследовании мы рассмотрели не только то, как соотносятся смысл слова и его значение, но и то, как личность человека влияет на означивание слова. Это значит, что мы можем предположить о том какая перед нами личность, если знаем каким образом она означает слова (в данном исследовании мы рассмотрели такую черту личности как креативность).

Литература

1. *Акимова М.К.* Психодиагностика. СПб.: Речь, 2003. 403 с.
2. *Выготский Л.С.* Мышление и речь.
3. *Дорфман Л.Я., Ковалёва Г.В.* Основные направления исследований креативности в науке и искусстве. Вопросы психологии. 1999. №2. С. 101-106.
4. *Леонтьев А.Н.* Избранные психологические произведения. М.: Педагогика, 1983. – 318 с.
5. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла. М.: Смысл, 2001. – 445 с.
6. *Лурия А.Р.* Язык и сознание. М.: Изд-во МГУ, 1998. – 336 с.
7. *Роджерс Н.* Творчество как усиление себя. Вопросы психологии. 1990. №1. С.164-168.
8. *Савенков А.А.* Барьер прошлого опыта. Школьный психолог №4. 2001. С.5-6.

А.В.Макаров

Феномен рефлексии в работах В. Лефевра

Теория рефлексивных процессов и управления В. Лефевра определило новое направление в изучении феномена рефлексии. В. Лефевр предложил более широкую и, вместе с тем, оригинальную трактовку рефлексии в отличие от традиционного философско-психологического понимания. Автор считает, что рефлексия – это, прежде всего, способность встать на позицию исследователя по отношению к себе и другому «персонажу», его

действиям и мыслям (Лефевр, 1973). Такое определение рефлексии однозначно меняет предмет исследования рефлексивных процессов, поскольку сами эти процессы реализуются не в изолированном пространстве, а в открытой системе аутосубъектного и субъектно-субъектного взаимодействия.

В своих работах В. Лефевр защищает следующие ключевые положения:

1. Человек способен встать на позицию наблюдателя, заинтересованного исследователя (или контролера) по отношению к собственным действиям (мыслям, чувствам, состояниям, образам).

2. Человек способен встать на позицию исследователя по отношению к другому человеку и его действиям.

3. Существуют разные уровни рефлексии, т.е. рефлексивная система.

Исходя из этого, возникает представление о рефлексии как гетерогенном образовании: уровней и видов рефлексии у человека может быть столько, сколько он может осуществить ментальных наблюдений, различающихся между собой по содержанию. В свою очередь, такая интерпретация рефлексии дает возможность сделать следующие логические выводы:

1. Благодаря наличию рефлексии, психика человека обладает способностью к многовекторному наблюдению (в том числе, интроспективному).

2. Благодаря рефлексии психика способна к саморегуляции.

Можно сказать, что В. Лефевр понимает рефлексивную структуру как систему зеркал и зеркальных отражений. Самонастраивающиеся «психические зеркала», в которых отражается либо сам человек, либо его взаимодействия с другими людьми, позволяют корректировать представления о собственном Я и изменять позиции в отношении Другого. С точки зрения традиционного понимания рефлексии, подход Лефевра, безусловно, обладает новизной и эвристичностью.

К заслугам В. Лефевра следует отнести также попытку систематизации рефлексивных феноменов, т.е. создание графической модели рефлексивных элементов. Сама эта идея неразрывно связана с пониманием рефлексии как системного образования. Этот подход позволяет вычленировать уровни и внутренние связи между элементами рефлексивной системы.

В своей графической модели рефлексии В. Лефевр выделяет следующие уровни:

- субъект;
- образ субъекта (субъект наблюдает самого себя);
- модель (образ себя у образа себя), т.е. субъект видит себя, наблюдающим за собой.

Общепсихологические идеи В. Лефевра относительно природы рефлексии и ее функций были конструктивно реализованы в прикладных и

междисциплинарных исследованиях, в теории и практике рефлексивного управления, в моделировании коммуникативных процессов и т.д.

В основе современной идеологии принятия решений лежит принцип, заключающийся в том, что принимающий решение субъект должен гарантировать себе «минимальный проигрыш». Любое изменение ситуации, по мнению В. Лефевра, может возникнуть лишь в результате акта осознания. В этом случае «рефлексивное строение» субъектов такого взаимодействия выглядит следующим образом. Осознание субъектом (S1), что он «устроен определенным образом», изменяет его представление о самом себе, но при этом оказывается, что второй субъект взаимодействия (S2) выступает как своеобразное «всевидящее» око, сразу же отразившее эту новую картину «самого себя». Осознание не удаляет этого «всевидящего ока», сохраняющего свою доминирующую позицию, S1 может адекватно отразить свое содержание, но этот факт будет одновременно с его позиции отражен S2.

Автор обращает внимание на то, что ситуация может развиваться через последовательные эффекты осознания без какой бы то ни было информации, поступающей извне. Новая информация возникает в результате отражения предыдущего состояния. Используя терминологию В. Лефевра, можно сказать, что оператор, порождающий принцип максимина, является особой формой самосознания.

Процесс передачи оснований для принятия решения одной из сторон другой вслед за В. Лефевром мы называем рефлексивным управлением. Любые «обманные движения», провокации, интриги, маскировки, создание ложных ситуаций и вообще ложь произвольного типа представляют собой рефлексивное управление. Другими словами рефлексивное управление – это специальное воздействие на другую сторону с целью склонить ее принять решение, предусмотренное и предопределенное контролирующей стороной. Данный метод может быть успешен, только если управляемая сторона не знает, что ею управляют. В противном случае рефлексивное управление может нанести вред управляющей стороне в связи с тем, что управляемая сторона может реконструировать интенции своего оппонента (Лефевр, 2003).

Простейшими типами рефлексивного управления является управление рефлексивными решениями, т.е. решениями, которые включают посылку информационного сообщения другой стороне с целью детерминирования ее поведения. Поскольку метод рефлексивного управления привел В. Лефевра к разработке модели интенционального выбора и формулировке закона само-рефлексии, необходимо кратко остановиться на описании типов принятия решения или типов управления.

1. *Рефлексивное управление посредством формирования картины.* Это один из наиболее распространенных типов управления с целью: дать

управляемой стороне вполне определенную информацию, а не ликвидировать вообще поступление любой информации.

2. *Рефлексивное управление посредством формирования цели.* Наиболее распространенным типом такого управления является провокация.

3. *Рефлексивное управление посредством формирования доктрины противника.* Доктрина управляемой стороны – это оперативное средство, в простейшем случае – алгоритм, посредством которого из цели и из сложившейся ситуации «вырабатывается» решение. Иногда доктрина предстает как система элементарных предписаний, например, «если $a > b$, то следует выбрать a » и т.д. Другим способом формирования доктрины осуществляется посредством обучения, в результате которого определенное действие закрепляется как стандарт противодействия какому-либо определенному поведению.

4. *Рефлексивное управление посредством связки.* Является более сложным способом рефлексивного управления. При существовании «глобальной цели», которая формируется до начала взаимодействия и может сохраняться до конца, ставятся частные цели, возникающие в процессе взаимодействия как следствия отражения некой локальной ситуации и «вынуждающие» другую сторону действовать в нужном для первой направлении.

5. *Рефлексивное управление посредством превращения.* Это управление представляет собой передачу управляемой стороне якобы своего взгляда на ситуацию. Передача может быть осуществлена сознательным подбросом определенной документации, с обязательным «подтверждением» того, что «замаскированные объекты» управляемой стороны не обнаружены (хотя на самом деле они вскрыты), а «ложные объекты», построенные им, восприняты как «настоящие», хотя на самом деле их ложность установлена. Другим вариантом данного вида управления является формирование у управляемой стороны определенного убеждения, а в действительности прямо противоположное поведение.

6. Наиболее «совершенный» вид рефлексивного управления - *формирование «оператора осознания».* Иными словами, это воздействие непосредственно на сам экран сознания. Этот тип управления не предусматривает достижение управляющим какой-то конкретной цели в конкретной ситуации. По существу, если процесс формирования увенчался успехом, решения управляемой стороны в совершенно различных ситуациях могут быть с достаточной уверенностью предсказаны другой стороной, осуществившей такую процедуру управления.

Кроме этого необходимо отметить, что «провал» рефлексивного управления является особым способом «передачи» управляемой стороне ценной для него информации.

В. Лефевр является автором рефлексивно-интенциональной модели субъекта (RISM), отражающей внутренний мир и поведение субъекта, взаимодействующего с двумя различными объектами (Лефевр, 2004). RISM – это особая математическая репрезентация субъекта, совершающая выбор между двумя альтернативами. Данная модель отображает два аспекта активности субъекта – утилитарный (связан с практически выгодным поведением) и доонтологический (связан с идеалистическим поведением). Причем «моральная» ориентация альтернатив может не совпадать с их утилитарной оценкой. Эти аспекты связываются формализмом модели в единый процесс генерации поведения.

RISM предсказывает вероятности, с которыми субъект выбирает альтернативы; одна из них играет для него роль позитивного полюса, другая – негативного. В рамках этой модели предполагается, что субъект перед актом выбора находится в неопределенном состоянии, которое может быть охарактеризовано распределением вероятностей выбора альтернатив. Необходимо подчеркнуть, что способность субъекта производить выбор альтернатив с фиксированными вероятностями говорит о его достаточно высоком уровне развития.

Наиболее важным отличием RISM от прежних существовавших моделей является введение в нее особой переменной, которая соответствует модели себя у субъекта (Лефевр, 1965, 1966; Lefebvre, 1977), значение которой интерпретируется, как интенция субъекта совершить выбор. Интенциональное поведение в RISM задается условием $B=I$, где B – значение переменной описывающей поведение субъекта, а I – значение переменной, соответствующей образу себя. В рамках данной модели субъект стремится генерировать такую линию поведения, при которой достигается и поддерживается указанное выше равенство $B=I$. Этот принцип генерации поведения в дальнейшем получает название закона саморефлексии – «субъект стремится создавать такие образцы поведения, чтобы установить и сохранять подобие между самим субъектом и его моделью себя» (Lefebvre, 2002).

Несомненно, что идеи В. Лефевра являются продуктивными в плане анализа, моделирования и планирования тех процессов, которые строятся на коммуникативной основе. К таким процессам относятся процессы управления персоналом. Развитые рефлексивные качества руководителя как важнейшая составляющая общей компетенции менеджера, во многом, обуславливают не только эффективность профессиональных коммуникаций, но также социально-психологический климат в коллективе, психологическую атмосферу, позитивно влияют на взаимопонимание между руководителем и подчиненными, способствуют снижению социально-психологической напряженности. Напротив, «закрытость» руководителя, его неспособность (или нежелание) понимать характер отношений с подчинен-

ными, пренебрежение тем, как подчиненные воспринимают его и исходящие от него управленческие решения, - все это приводит к ухудшению психологического климата в коллективе, снижает внешнюю мотивацию труда сотрудников и косвенно влияет на удовлетворенность работой. Поэтому есть достаточные основания полагать, что степень сформированности рефлексивных качеств руководителя (в частности, социорефлексия) непосредственно влияет на социально-психологический климат в подчиненном ему коллективе. Вместе с тем, высказанное положение, опирающееся на теорию В. Лефевра, требует своей эмпирической проверки.

Литература

1. *Дависон Дж. Е., Лефевр В.А.* От предсказаний к рефлексивному управлению // Международный научно-практический междисциплинарный журнал «Рефлексивные процессы и управление», - №2. Т.3. 2003. - С.35-52.

2. *Лефевр В.А.* Закон само-рефлексии: возможное общее объяснение трех различных психологических феноменов // Международный научно-практический междисциплинарный журнал «Рефлексивные процессы и управление», № 1. Т.3. 2003. - С.64-73.

3. *Лефевр В.А.* Конфликтующие структуры. – М., «Советское радио», 1973. – 158 с.

4. *Лефевр В.А.* Ментализм и бихевиоризм: слияние? // Международный научно-практический междисциплинарный журнал «Рефлексивные процессы и управление», №1. Т.4., 2004, С.75-98.

5. *Лефевр В.А.* Элементы логики рефлексивных игр // Проблемы инженерной психологии. 1966, вып. IV.

6. *Lefebvre, V.A.* (1977). The Structure of Awareness: Toward a Symbolic Language of Human Reflexion, SAGE, Beverly Hills.

7. *Lefebvre, V.A.* (2002). The Law of Self-Reflexion. Journal of Reflexive Processes and Control, 1, 2, 91-100.

8. *Lefebvre, V.A., Adams-Webber, J.* (2002). Function of Fast Reflexion in Bipolar choice. Reflexive Processes and Control, 1, 1, 29-40.

Д.Ю.Сысоев

О способе существования психики

Начнем с достаточно тривиальных и общих соображений. Чем отличаются предметы исследования общей и социальной психологии? Известно, что официально признанной датой рождения психологии социальной является 1908 год, год выхода в свет работ В. Мак-Дуголла и Э. Росса, но первым экспериментальным исследованием, послужившим толчком к

появлению социальной психологии, является 1897 г. Н. Трипплетт обнаружил, что поведение человека существенно меняется при его взаимодействии с другими людьми. То обстоятельство, что этот факт послужил «точкой бифуркации» социальной и общей психологии, до сих пор, с моей точки зрения, не осознан в достаточной мере теоретиками психологии.

Действительно, интуитивно ясно, что изменение поведения человека в группе людей не может быть объяснено, исходя из наблюдения за поведением отдельного человека. То вопиюще-очевидное допущение, которое мы при этом опускаем из рассуждения, может быть восстановлено так: «Поведение человека определяется чем угодно – строением головного мозга, его анатомией и физиологией, нервными окончаниями и т.д. – только не поведением других людей». Это означает, что мы словно забыли, – к примеру – читать текст человек научается далеко не сразу и только под воздействием значимых для него людей, что стоя в одиночестве на остановке, девушка поправляет прическу тем же уникальным и полным неповторимого очарования жестом, каким делала это ее мама, что альпинист, следуя в одиночку по еще неизвестному человечеству маршруту, стаптывает обувь точно так же, как, быть может, это делал и его отец.

Итак: социальная психология изучает поведение людей в группе, фиксируя при этом и поведение отдельного человека, а общая психология – поведение отдельного человека, фиксируя при этом и поведение значимых для него людей. Факт зафиксирован, осталось его только объяснить. Замечу, что было бы странно встретить объяснение поведения человека в группе в виде редукции к его анатомическим или физиологическим особенностям. Следовательно, нужно ответить на два вопроса: 1. Как связаны между собой общая и социальная психологии? 2. Почему, не смотря на явный изоморфизм исходной ситуации, психофизиологическая проблема возникает при исследовании процесса восприятия «черной палочки» на листе белой бумаги в рамках общей психологии, но не возникает в социальной при объяснении эксперимента Аша, выявившего явление конформного поведения?

Ответить на первый вопрос гораздо проще, чем на второй. Полагаю, что перед нами типичная для естественных и гуманитарных наук ситуация предметной рефлексивной симметрии двух научных дисциплин. Профессор М.А. Розов, определяя рефлексивную симметрию двух актов деятельности, пишет, что это такие «два такие акта деятельности, которые отличаются друг от друга только осознанием результата и взаимно друг в друга преобразуются путем изменения нашей рефлексивной позиции. Допустим, осуществляя некоторые действия, мы рассматриваем результат «А» как основной, а результат «Б» – как побочный. Смена рефлексивной позиции будет заключаться в том, что «А» и «Б» меняются местами, т.е. «Б» становится основным продуктом, ради которого осуществляются дей-

ствия, а «А» переходит в разряд побочных результатов. Очевидно, что «физическая» природа наших действий при этом не претерпевает никаких изменений, т.е. остается инвариантной» [6,105]. Действительно, исходная ситуация для общей и социальной психологии одна – речь идет о поведении человека в среде других людей. С той только разницей, что социального психолога интересует влияние группы на поведение человека, фиксируемое посредством наблюдаемого изменения в его поведении, а общую психологию – поведение отдельного человека, которое, как легко обнаружить, тесно связано с поведением других людей.

Психофизиологическая проблема возникает тогда, когда мы искусственно нарушаем рефлексивную симметрию, но не научных дисциплин (общая и социальная психологии), а актов деятельности. Поясню свою точку зрения. В работе Генри Глейтмана «Основы психологии» авторы, полемизируя с теорией стадийного развития Ж. Пиаже, описывают следующий эксперимент: «Кроме того, младенцы, по-видимому, очень рано узнают, что в этом же физическом мире живут и другие люди, что эти люди могут видеть и слышать приблизительно то же самое, что и они. Наглядно подтверждают этот факт исследования на *распределение внимания*. Например, 9-ти месячный младенец будет смотреть туда же, куда направлен пристальный взгляд его матери (Scaife and Bruner, 1975). Способность смотреть в том же направлении, что и другой человек, развивается достаточно быстро: в одном исследовании младенцы в возрасте 12-18 месяцев сидели на коленях у своих мам, которых просили смотреть на одну из игрушек, стоящую в определенном месте. Но в тот момент, когда мамы смотрели на игрушку, они заставляли своих детей смотреть им в лицо, так что младенцы никак не могли видеть, на что именно так пристально смотрят их мамы. Но как только мамы прекращали их удерживать, младенцы тут же поворачивались и смотрели на ту самую игрушку, на которую их матери смотрели несколько мгновений назад» [3,632] Обращает на себя внимание, что авторы описывают поведение 12–18-ти месячных младенцев так, как будто они является специалистами по проблеме тождества. Действительно, сказать о младенце, что он «смотрит на ту самую игрушку, на которую его мама смотрела несколько мгновений назад» означает, во-первых, что мы весьма сильно модернизировали интеллектуальные способности младенца, приписав ему фактически наше собственное понимание происходящего, и, во-вторых, попытались объяснить его поведение свойствами, присущими ему самому, вероятно, от природы. Мне представляется, что из поля зрения авторов «Основ психологии» выпал значительный слой социальной реальности, а именно – континуум социальных эстафет [6,214], представляющих собой в простейшем случае воспроизведение одних актов деятельности по образцам других. Дей-

ствительно, если бы речь шла не о младенце 9-ти месяцев, а о взрослом человеке, то его поведение в ситуации, описанной Г. Глейтманом, можно было бы описать двумя различными способами. Мы вполне можем сказать, что человек смотрит туда же, куда раньше смотрели мы сами – на ту самую игрушку. Сказав это, мы зафиксировали содержание нашего собственного – и его – акта деятельности, при этом мы предполагаем, что и его и нашей целью являлось наблюдение за одним и тем же предметом. Можно описать его поведение и вторым способом: мы можем указать на тот факт, что человек, за поведением которого мы наблюдаем, воспроизводит нами заданный образец; при этом мы восстанавливает эстафетную структуру, которая определяет его – да и нашу – деятельность. В данном случае, однако, нам не удастся включить в описание цель (та самая игрушка), к достижению которой он стремился.

Если в случае с двумя возможными описаниями акта деятельности взрослого человека ни тот, ни другой способ описания не приводят к парадоксальной модернизации, то в случае с младенцами 12–18-ти месяцев выпадение из нашего поля зрения того факта, что он воспроизводит образец, заданный матерью, вынужденно ведет нас к катастрофическому и принципиальному непониманию. Нам начинает казаться, что младенец ведет себя необъяснимым и загадочным образом, фактически мы предполагаем, что он “читает” мысли взрослого человека. Замечу, что объяснением поведения младенца в экспериментах Scaife and Bruner – как и любого другого поведения человека – является и должно являться указание на факт воспроизведения ребенком того образца, который ему задает его мама. Эксперимент, описанный Scaife and Bruner является фундаментальным для психологии. Это становится очевидным тогда, когда мы обращаем внимание на именно на факт воспроизведения ребенком того образца, который – на наших – глазах задает ему мама. Напомню, что именно этой “части” поведения нам явно не хватало тогда, когда речь шла о поведении одного человека. Это еще раз подкрепляет догадку, согласно которой групповое поведение ничем принципиально не отличается от “одиночного”. Если в этом контексте вспомнить тезис Л. Витгенштейна – “Не существует персонального языка” [2,243] –, то станет очевидно, что речь идет о любом поведении, о любых актах деятельности.

Заметим, что два возможных описания акта деятельности – фиксация его содержания и указание на образцы, по которым он построен, – являются так же и двумя рефлексивно симметричными актами деятельности. Действительно, действие – в нашем случае речь идет о повороте головы – для этих актов является одним и тем же, а вот цели – различными. Но та, что была основной, вполне может стать побочной, и наоборот. Рефлексивную симметрию такого рода, основанную на противо-

поставлении факта воспроизведения эстафеты и получаемых при этом практических результатов, называют программно-предметной [6,116]. Резюмируя анализ эксперимента Scaife and Bruner 1975, надо сказать, что возникновение психофизиологической проблемы – результат искусственного нарушения рефлексивной симметрии – программно-предметной, в данном случае, – актов деятельности, нарушения, заключавшегося в игнорировании факта воспроизведения младенцем образца, заданного ему мамой.

На это можно возразить, сказав, что построение одних актов деятельности по образцам других (т.е. существование практических результатов на уровне социальных эстафет), вовсе не объясняет очевидное для каждого взрослого человека существование сознания и его собственных психических актов. Но в том то и заключается суть дела, что человек, обладая представлением о самом себе, о своем собственном сознании, о своем «Я», существует как носитель этого сознания только в силу того, что его окружает эстафетный континуум. Попытаюсь это доказать. Замечу, что с моей точки зрения «сознание» вовсе не нужно – да и принципиально невозможно – элиминировать, его можно и нужно редуцировать к эстафетному континууму.

Начну с того, что явление рефлексивно симметричных актов деятельности обнаруживается и в области актов психических. Существуют ли рефлексивно симметричные психические акты? Полагаю, да. Обратимся к исследованиям из области восприятия.

Вот каким образом Г. Глейтман, А. Фридлунд и Д. Райсберг описывают основную загадку, встающую перед общей психологией на пути объяснения восприятия объектов внешнего мира: «Какие именно механизмы задействованы тогда, когда мы видим яблоко? На первый взгляд может показаться, что единственная проблема – это извлечение смысла из информации, поступающей по визуальному каналу. Но как же мы умудряемся определить его как съедобный фрукт, который растет на дереве, избавляет нас от слишком частых посещений доктора и так далее? .. И это не единственные и даже не основные вопросы, которые может задать тот, кого интересуют проблемы восприятия. Фундаментальная проблема заключается не в том, почему мы видим те или иные объекты, а скорее в том, почему мы вообще что-либо видим» [3,253]. Итак, проблема может быть сформулирована следующим образом: наше восприятие объектов внешнего мира предполагает постоянный «переход» от «чего-то» неопределенного к «чему-то» вполне определенному и – в большинстве случаев – хорошо знакомому. Допустим для простоты, что мой приятель показывает мне издали какой-то фрукт; вглядываясь в него, я узнаю в нем яблоко. Представляется, что Генри Глейтман, формулируя фундаментальную проблему объяснения вос-

приятия, борется с собственным рефлексивно симметричным отображением. Действительно, «какой-либо» фрукт всегда связан с объектом восприятия, в противном случае нам нечего было бы воспринимать. Мой опыт восприятия яблок, существующий на уровне воспроизведения образцов, является тем средством, используя которое, я и идентифицирую «что-то» как яблоко. Стоит продолжить анализ чуть дальше, и становится ясно, что объект и средство постоянно меняются местами при нашем восприятии. Итак, «какой-либо» фрукт стал яблоком, т.к. по каким то признакам я это установил. Обратите внимание – неопределенное стало определенным, какой-то фрукт стал яблоком. Но установив, что передо мной – яблоко, я тут же начинаю отвечать на следующие за этим вопросы: какой сорт яблок, размер, цвет, свежесть и т.д. Яблоко теперь становится «носителем» неопределенности, и, следовательно, объектом восприятия. Такого рода симметрию называют объектно-инструментальной рефлексивной симметрией [6,114]. Перед нами пример симметрии именно этого типа. Но не актов деятельности, а психических актов. Этот тип симметрии очень близок к симметрии предметной; противопоставление одного типа другому основано на том, что в процессе деятельности объекты, на которые направлено действие, и средства, которые мы при этом используем, могут меняться местами, занимая попеременно место основного и побочного результата.

Проанализирую еще один пример работы нашей психики, связанный с рефлексивной симметрией психических актов. А.Ю. Агафонов пишет: «В 1993 году В.М. Аллаhverдов описал открытый им феномен неосознанного негативного выбора, который, по мнению исследователя, проявляется и в работе памяти, и при восприятии, и в процессе мышления. В мнемической деятельности он выражается в эффектах устойчивого невоспроизведения тех или иных стимульных знаков. ... Результаты показали, что при *невоспроизведении определенных стимульных знаков, эти знаки имеют тенденцию вновь не воспроизводиться, если они включены в новый стимульный набор*. Другими словами, невоспроизведение – это не факт забывания, не когнитивная ошибка, ... а закономерное следствие принятия «сознательного» решения, что нужно воспроизводить, а что нет. Для того чтобы не вспомнить, необходимо помнить, что именно не следует вспоминать!» [1,200]. О чем идет речь? Допустим, по тем или иным причинам, которые я не решаюсь осознавать, меня страшит число, изображаемое обычно цифрой 37. Точнее надо было бы выразиться следующим образом: то число, что меня страшит, получается в результате сложения 36 и 1 (36+1). Независимый наблюдатель, оценивающий мое воспроизведение ряда натуральных чисел, сразу обнаружит «ошибку» – ведь я напишу так: ... 35, 36, 36+1, 37,

38 ... Обратив на это мое внимание, он поставит меня перед выбором: я могу продолжать использовать арифметическое выражение «36+1» как средство для обозначения числа 37, могу обозначить это число типичным способом – ... 36, 37, 38, ..., но могу и задаться вопросом о тех причинах, в силу которых число «36+1» меня страшит. Ясно, что при воспроизведении ряда натуральных чисел, «корректность», т.е. типичность, зависит от того, какую цель я преследую. Стоит только заметить, что три вышеперечисленные цели порождают попарно рефлексивно симметричные психические акты. Действительно, в том случае, если я предпочитаю не преодолевать свой страх и продолжаю использовать обозначение «36+1», сама это выражение является средством для обозначения числа 37; в том случае, когда я намерен перебором страх написать – ... 35, 36, 37, 38, ... и посмотреть, что из этого получится, цифра 37 становится объектом, на который направленно действие, а мое знание способов сложения является средством построения ряда натуральных чисел. Перед нами – объектно-симметричные психические акты. Полагаю, что кавычки в выражении «сознательное» решение» у А.Ю. Агафонова появляются не случайно – он явно описывает неосознанное им рефлексивно симметричное преобразование, возможное, правда, для внешнего наблюдателя, но не для испытуемого.

Для того, чтобы оценить необходимость возникновения «психофизиологической проблемы», нужно ответить на фундаментальный вопрос: каков способ существования психики человека? Ответ на него совпадает с ответом на вопрос о том, под воздействием каких «сил» мы осуществляем преобразования в случае рефлексивно симметричных психических актов. Проанализируем с этой целью исследования различий в поведении «новичков» и «мастеров», описанные Г. Глейтманом: «Опора на знакомые программы действий дает много преимуществ. Как мы выяснили, она позволяет нам при поиске решения сосредоточиться на стратегических аспектах задачи, не заикливаясь на деталях. Комплекс алгоритмов, хранящихся в памяти, позволяет организовать процесс решения, выделить нужные подзадачи. Так, новички обычно фокусируют внимание на внешних признаках физической задачи, поэтому стараются объединить, например, все задачи, в условии которых есть пружина, или задачи, в которых присутствует наклонная плоскость. Мастера, напротив, быстро определяют глубинную структуру задач, поэтому группируют их не по внешним признакам, а по физическим законам, лежащим в основе решения той или иной задачи. Первичное восприятие, управляемое имеющимися алгоритмами более высокого порядка, фокусирует их внимание на стратегиях, необходимых для решения задачи (Chi, Feeltovich, and Glasser, 1981). Переход к знакомым программам действия может стать настолько привычным явле-

нием, что они будут выполняться без участия мышления. Другими словами, действие становится *автоматическим* и выполняется при минимуме внимания. Часто это именно то, что требуется, но иногда такой *автоматизм* сам может создать проблему: автоматические действия трудно прекратить или изменить» [3,364-365]. Очевидно, что перед нами – яркий пример программно-предметной симметрии психических актов: «новичок» интересуется «внешними признаками задачи», т.е. его в первую очередь интересует решение данной задачи – но при этом опирается на знакомые ему программы; «мастера» в первую очередь интересуют программы, но при этом он подбирает их под решение данной задачи. Не согласиться с трактовкой «автоматизма» можно по двум причинам. Во-первых, с негативной оценкой автоматизма. Да, конечно, «автоматические» действия трудно прекратить или изменить; но не означает ли это, что мы являемся «носителями» психической жизни и сознания именно потому, что постоянно и сами того не осознавая воспроизводим «знакомые программы действий»? Во-вторых, с трактовкой Г. Глейтмана способа существования программ действий. Действительно, странно было бы даже пытаться искать в «индивидуальной памяти» другого человека те способы действий, которых нам не достает для решения данной задачи. Единственное, что может сделать «новичок», если он хочет стать «мастером», - анализировать решения задач «мастеров». Но это как раз и означает, что способом существования программ действий является воспроизведение актов деятельности по образцам. Не заметив это, мы, во-первых, попадаем в объятия «психофизиологической проблемы», т.е. нашей собственной рефлексии, и, во-вторых, теряем ту реальности, которая обуславливает существование нашей психики.

Но не получается ли так, что психика человека – это набор программ, существующих и воспроизводимых на уровне социальных эстафет? Да, именно так. Способом существования психики является воспроизведение одних актов деятельности по образцам других. Некоторая психологическая сложность принятия этого тезиса может быть – отчасти – объяснена тем, что далеко не все эстафеты имеют непосредственное отношение к «структуре» психики, к специфике программ психики. Следовательно, построение эстафетной модели психики предполагает спецификацию и – по крайней мере – типологизацию данных программ. Попробуем осуществить предварительный анализ.

Будем исходить из следующего предположения: сознание и психика человека – это набор программ фиксации результатов, существующих на уровне социальных эстафет; сами программы психики человека так же существуют на уровне эстафет. Это – своеобразные эстафеты, существующие на эстафетах. Такую ситуацию можно пояснить на примере

процессов построения научной теории. Это почти парадоксальное явление, поскольку, как показывает анализ [5,8-16] опыта развития философии и методологии науки в XX веке, построение научной теории нельзя объяснить ни ее «выводимостью» из опыта (т.к. любой факт теоретически нагружен), ни ее «следованием» из ранее существовавших теорий (т.к. редукция теорий осуществляется как раз в обратном порядке – старую теорию из новой можно вывести, но не наоборот). При этом ясно, что научная теория строится на базе уже известных фактов. А суть «парадоксальности» заключается как раз в том, что теория порождает свои собственные эмпирические основания.

Воспользуемся уже накопленным опытом для предварительной типологизации программ психики человека. М.Г. Ярошевский, описывая эксперименты Г. Гельмгольца в области психофизиологии органов чувств, обращает внимание читателя на следующее: «Важнейшим моментом, выявившимся в экспериментах Гельмгольца, оказалась зависимость сенсорной деятельности от внешних объектов, на которые она направлена. Во всех случаях обнаружилась потребность в отчетливом видении предмета, в возможно более ясном и адекватном его восприятии. Оптическая цель выступала в качестве если не единственного, то во всяком случае могущественного фактора в детерминации деятельности зрительного аппарата. ... Среди многих опытов Гельмгольца в этом направлении можно было бы упомянуть использование различного рода призм, искажающих визуальный образ, складывающийся в естественных условиях видения. Несмотря на то что преломление лучей дает искаженное восприятие предмета, испытуемые очень скоро научались видеть сквозь призму правильно. Это достигалось благодаря опыту, состоящему в многократной проверке действительного положения объекта, его формы, величины и т.д. посредством движений рук, глаз и всего тела. Эксперименты неоспоримо доказывали, что чувственное восприятие подчиняется не непосредственному сенсорному эффекту, возникающему по законам оптики, а предмету, каким он существовал сам по себе. ... Другим решающим моментом, выступившим перед Гельмгольцем при изучении специфики детерминации психических явлений, была зависимость непосредственного восприятия внешних объектов от предшествующего опыта, влияние которого сплошь и рядом оказывалось столь принудительным, что не могло быть преодолено сознательной рефлексией. Обобщая относящиеся к этой области факты, Гельмгольц выдвигает учение о «бессознательных умозаключениях». ... Еще один ценный вывод, содержащийся в теории «бессознательных умозаключений», был связан с констатацией обусловленности нового психического акта всей совокупностью сходных обстоятельств. Гельмгольц нашел структуру «бессознательного вывода» во много раз повто-

рявшейся и потому упрочившейся ассоциации представлений» [7,205-206]. Так что же именно обнаружил Г. Гельмгольц в своих экспериментах? Действительно ли оптическая цель – т.е. «предмет сам по себе» – является детерминантом в деятельности зрительного аппарата? О чем свидетельствует необходимость сенсорных и моторных действий при восприятии «искаженного образа предмета»? Чем принципиально отличаются друг от друга «предмет сам по себе» от «искаженного предмета»? Как существует и осуществляется «много раз повторяющийся и потому упрочившиеся ассоциации представлений», приводящая нас к «бессознательным умозаключениям»? Как совместить утверждения о том, что восприятие объекта зависит от нашего прошлого опыта, с одной стороны, с тем, что наша сенсорная деятельность зависит от внешнего объекта «самого по себе»?

Полагаю, что на вопросы этого типа можно начать отвечать так. «Структура» психики человека – по крайней мере на примере зрительного восприятия – образована тремя типами программ, существующих на уровне воспроизведения нами образцов деятельности. Первый тип программ задает цель акту восприятия. Это – как бы ответ на вопрос: «Что именно нас интересует при восприятии данного объекта – цвет, форма, удаленность от нас, степень освещенности и т.п.?» Ясно, что список целей при восприятии объекта можно значительно расширить, поскольку в нашем распоряжении имеются значительное число программ целеполагания психических актов. Важно то, что, во-первых, одна и та же цель может быть поставлена и достигнута при восприятии разных объектов, и, во-вторых, при восприятии одного объекта нами могут быть поставлены и реализованы разные цели. Именно эти обстоятельства и приводят к существованию рефлексивно-симметричных психических актов при восприятии объекта. Программы этого типа будем называть программами осознания. Программы второго типа обеспечивают тот необходимый набор действий (сенсорных, моторных), которые должны совершить наши «глаза, руки, да и все тело» для того, чтобы цель, заданная в рамках программы осознания, была достигнута. Этот тип программ будем называть корпоральными (от лат. corpus – тело). Тот факт, что «движения», т.е. действия глаз, рук и всего остального являются именно воспроизведением образцов и только так и существуют, обнаруживается, к примеру, следующим образом. В книге А.А. Залевской «Введение в психолингвистику» описываются результаты экспериментальных наблюдений за движениями глаз человека, читающего текст на родном языке, при помощи тахистоскопа: «Слежение ... за передвижением глаз человека по строке по ходу чтения дает основания для выводов, что глаз совершает «скачки» по тексту («саккады»), а объем воспринимаемого зависит от многих факторов. ... Обнаружено,

что глаз дольше фиксируется на более длинных, чем на коротких словах, и на менее знакомых (т.е. более редких) по сравнению с частотными словами; к тому же последнее слово в предложении вызывает наиболее длительную фиксацию. Читающие останавливают глаз почти на 80% значимых слов (существительных, глаголов и др.), несущих смысловую нагрузку в тексте» [4,243]. Обратите внимание – слова могут быть более или менее «длинными», они могут быть более или менее «знакомыми», они являются «существительными или глаголами». В этом описании автор словно забывает о том, что перед испытуемым – пятна типографской краски, нанесенные на бумагу. Можно, вероятно, предположить, что наши глаза совершают именно такие движения вовсе не потому, что текст сам по себе таков, каким его воспринимает экспериментатор – ведь испытуемому еще предстоит сегментировать и понять этот текст, а потому, что у нас большой опыт чтения и написания текстов на родном языке. Действительно, вполне можно экспериментально проверить универсальность того типа движений, который обнаруживают русскоязычные читатели. Какой результат мы получим, изучая тип движений глаз японца, читающего японское мужское письмо? Думаю, что не «слева - направо». О чем это свидетельствует? Да о том, что движения глаз в данном случае обусловлены корпоральными программами, существующими на уровне социальных эстафет, программами, «фиксация» работы которых в экспериментах с тахистоскопом и приводит нас к вычленению типичных для чтения – в рамках данной культуры – движений глаз.

Как быть с неустранимым, в случае зрительного восприятия, влиянием «предмета самого по себе»? Обратите внимание на то обстоятельство, что М.Г. Ярошевский, описывая и интерпретируя эту составляющую опытов Г. Гельмгольца, явно противопоставляет «непосредственный сенсорный эффект, возникающий по законам оптики» – «предмету самому по себе». Считаю, что это принципиальное противопоставление, приводящее к гораздо более глубокому пониманию работы психики человека, чем то, которое может быть получено в рамках физиологического редукционизма. Действительно, той реальностью, которая обуславливает существование человека как семиотического существа, является в данном случае вовсе не свет, не оптические – законы его распространения, а мир нашей Культуры, существующий и воспроизводящийся в эстафетном континууме. Мир социальных эстафет «обрекает» каждого человека воспринимать «прямоугольные» предметы именно как прямоугольные, «зеленые» – именно как зеленые и т.д. Очевидно только, что «прямоугольность» и «зеленый» – это не свойства предметов «самих по себе», это, скорее, характеристики, которыми их наделяет наша психика, опираясь на образцы. Ясно, что многообразие различ-

ных форм, цветов и оттенков, и т.д. относительно только к данной культуре. Поэтому, вероятно, мы никогда не увидим предметов той формы и цвета, которые видели наши предки до, к примеру, открытия и широкого распространения такой геометрической фигуры, как «прямоугольник», или определенного оттенка зеленого. Зато мы, в отличие от них, можем увидеть подсолнухи тех цветов и форм, которые подарил нам в 1888 году гений Ван Гога. Эстафеты или программы, подключаемые нами для ответа на вопрос, задаваемый программой осознания, будем называть программами репрезентаторами. В определенных пределах мы вольны их подбирать, отвечая на один и тот же вопрос. Это происходит тогда, к примеру, когда нас начинает интересовать специфика оттенка цвета данного подсолнуха. Чем его цвет отличается от другого, растущего рядом? Насколько он уникален? Но заметьте, что «отвечая» на эти вопросы, мы достаточно редко получаем атипичные для нашей Культуры ответы. Но это и означает, что мы при восприятии объекта опираемся на программы репрезентаторы, позволяющие нам переносить в данную ситуацию прошлый опыт, опыт, накопленный поколениями срабатывания социальных эстафет.

Резюмировать сказанное можно следующим образом. Эстафетная модель психики человека весьма далека от завершения. В ее основу положено представление о специфичных программах, существующих на уровне социальных эстафет, определяющих как сам факт психической жизни человека, так и ее содержание. Психика в этой модели является набором программ трех типов (программы осознания, корпоральные, репрезентаторы), позволяющих фиксировать результаты, воспроизводимые в эстафетном континууме. Собственно, сознание человека и состояния его сознания – это своеобразный «экран», изображение на котором появляется в результате срабатывания или «проекции» программ трех вышеперечисленных типов. Полагаю, что эстафетная модель психики несет в себе достаточно мощный исследовательский потенциал. К примеру, уже сейчас можно объяснить возникновение «психофизиологической проблемы». Суть дела в том, что действия – сенсорные и моторные, совершаемые нами, цели, которые мы ставим, к примеру, при восприятии объектов внешнего мира, и сами объекты, включаемые нами в поле зрения, существуют одним, а не тремя различными, способом. Речь идет о воспроизведении актов деятельности по образцам, о континууме социальных эстафет.

Литература

1. *Агафонов А.Ю.* Основы смысловой теории сознания. – СПб.: Издательство «Речь», 2003. – 296 с.

2. *Витгенштейн Л.* Философские исследования. // Витгенштейн Л. Избранные философские работы. – М., 1994. – Ч. 1.
3. *Глейтман Г., Фридлунд А., Райсберг Д.* Основы психологии: Пер. с англ./ Под ред. Большакова В.Ю., Дружинина В.Н. – СПб: Речь, 2001. - 1247 с.
4. *Залевская А.А.* Введение в психолингвистику. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. – 382 с.
5. *Кузнецова Н.И.* Философия науки и история науки: проблемы синтеза: Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора философских наук. – М., 1998. – 47 с.
6. *Розов М.А.* Явление рефлексивной симметрии при анализе деятельности. // Теория познания. Т.4., М., Наука, 1995. – 482 с.
7. *Ярошевский М.Г.* История психологии. – 3-е изд., дораб. – М.: Мысль, 1985. – 575 с.

НАПРАВЛЕНИЕ 2. ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ

М.Царёва

Влияние образа родителя на понимание подростком задач взросления

Научный руководитель Н.Ю.Самыкина

Актуальность заявленной темы заключается в рассмотрении образа родителя в сознании подростка как одного из критериев, оказывающих влияние на процесс решения подростком задач взросления.

Проблема настоящего исследования выражается в сложности объективного изучения и выявления критериев процесса взросления. Само содержание понятия «задача взросления» является недостаточно прояснённым, а связанная с ним феноменология — недостаточно изученной.

Рассматривая в данной работе подростковый период развития личности, можно утверждать, что как бы постепенно ни формировались отдельные компоненты «Я» личности, именно этот период считается периодом возникновения сознательного «Я». Именно в этом возрасте в структуре самосознания подростка происходят фундаментальные изменения. В подростковом периоде человек начинает выделять своё «Я», познавать его, осознавать собственную индивидуальность и обретать личную идентичность. Эти процессы приводят к формированию устойчивой Я-концепции, развитию самосознания и становлению личности подростка.

В рамках психологии взросления одним из важнейших процессов развития личности и формирования Я-концепции является процесс решения задач взросления. Под задачами взросления понимаются актуальные задачи развития человека, успешное решение которых определяет дальнейшее личностное развитие. Решение задач взросления в подростковом периоде способствует становлению непротиворечивой Я-концепции и приобретению личностью такой системной характеристики как взрослость.

В настоящей дипломной работе, исследуя процесс решения подростком задач взросления как важного аспекта развития личности, мы обращаемся к теме родительско-детских отношений. Семья, являясь первичным источником социализации человека, не может не оказывать влияние на его личностное развитие.

В рамках проводимого исследования мы предполагаем, что образ родителя оказывает влияние на понимание подростком задач взросления, а именно: актуализация позитивного образа родителя способствует понима-

нию подростком задач взросления, а актуализация негативного образа родителя блокирует процесс понимания задач взросления.

Под «позитивным образом родителя» мы понимаем положительное отношение подростка к своему родителю и положительную оценку отношения родителя к нему, то есть позитивное восприятие подростком своих отношений с родителем. Под «негативным образом родителя» мы понимаем отрицательное отношение подростка к своему родителю, отрицательную оценку отношения родителя к нему, то есть негативное восприятие подростком своих отношений с родителем.

Под «пониманием подростком задач взросления» мы подразумеваем осознание подростком наличия явления, то есть задачи взросления, её эмоциональное переживание, осознание значимости этой задачи для своей жизни и интерпретация на её основе своего поведения. Понимание подростком задач взросления будет раскрываться нами непосредственно через описание им его переживаний, самоощущений, Я-высказывания, диалог с самим собой.

При объяснении механизма включения образа родителя в сознание подростка, как фактора оказывающего влияние на его поведение и сознание, мы опираемся на теорию отраженной субъектности В.А. Петровского, согласно которой, в сознании подростка будет сформирован образ родителя. Данный образ будет выступать в форме идеального значимого другого, являться носителем смыслов и источником преобразования личности, и, в свою очередь, будет оказывать влияние на поведение, сознание подростка и на процесс решения им задач взросления.

При выделении задач взросления мы ориентируемся на книгу «Профилактика наркотизма: теория и практика», под ред. С. В. Березина и К.С. Лисецкого.

В эмпирическом исследовании в рамках данной дипломной работы приняло участие 17 человек в возрасте от 16 до 18 лет: 10 девушек и 7 юношей, учащиеся 11-ых классов и 1-ого курса. Исследование проводилось в Самарском Государственном университете.

Исследование состоит из 3-х частей.

В первой части проводимого нами исследования мы используем опросник «Взаимодействие родителей с детьми» («Подростковый вариант») для выявления отношений между подростком и родителями по 10 шкалам:

1. Требовательность.
2. Строгость.
3. Контроль.
4. Эмоциональная близость.
5. Принятие.
6. Сотрудничество.

7. Согласие.
8. Последовательность.
9. Авторитетность родителя.
10. Удовлетворенность отношениями с родителем.

Во второй части исследования мы предоставляем подростку список задач взросления, из которого он должен выбрать 3 задачи взросления как темы для разговора, о которых он бы хотел побеседовать. Во время эксперимента подростку будут задаваться вопросы, раскрывающие суть выбранной им темы и актуализирующие внутренний диалог подростка.

Диалог с подростком записывается на диктофон.

Для проведения третьей части исследования мы просим подростка принести с собой фотографию родителя, того, кто, по мнению подростка, оказывает наибольшее влияние на его жизнь, независимо от того, как сам подросток оценивает отношения с данным родителем. В данном случае является важным осознание подростком самого факта влияния. Данная фотография будет присутствовать в поле проведения эксперимента. Мы просим рассказать подростка о родителе, чью фотографию он принёс. Рассказ о родителе и присутствие его фотографии в поле проведения эксперимента способствует актуализации образа родителя в сознании подростка.

Подростку снова предлагается тот же список задач взросления, из которого он должен выбрать 3 задачи взросления как темы для разговора, о которых он бы хотел побеседовать. Причём задачи он может выбрать как те же самые, что и в первом случае, так и другие, то есть на его усмотрение.

Диалог также записывается на диктофон.

В конце данной части исследования подростку предлагается ответить на вопросы:

1. Когда было легче, спокойнее отвечать на вопросы: в первой или второй части исследования?
2. Что изменилось?
3. Как повлияла фотография родителя?
4. Какие были эмоции в первом и во втором случае?

При проведении исследования критериями влияния образа родителя на понимание подростком задач взросления мы считаем:

- возможные изменения при выборе подростком задач взросления (каковы критерии выбора),
- изменения в форме и содержании диалога (появление пауз, заминков, высказывание цитат, иррациональных установок),
- изменения в поведении подростка (позе, мимике),
- появление вегетативных реакций (покраснение щёк и т.д.).

В ходе проведённого исследования были получены следующие результаты:

1. Не было выявлено выраженных изменений в поведении подростков во второй части исследования (с фотографией родителя), содержания и форме диалога с ним. Не было выявлено вербальных изменений: появления заминок, пауз, сложностей при выражении подростком своей мысли при ответе на вопросы, высказывании иррациональных установок, цитат; не было выявлено невербальных изменений: в позе, мимике подростка. Возникающие в ходе диалога паузы и заминки, как правило, были связаны с размышлениями подростка на ту или иную тему.

2. Вегетативные реакции сопровождали определённую тему, важную для подростка, а не являлись реакцией на появление фотографии родителя. Появление покраснения щёк у одного из участников во второй части исследования (с фотографией родителя) сопровождало диалог на тему «Отношения со сверстниками обоих полов», что свидетельствовало об эмоциональной значимости данной темы для подростка.

3. Состояние нервозности (перебирание предметов и т.д.) было связано с ситуацией исследования. Участники перед началом исследования спрашивали: «Чем мы будем заниматься? Никто не узнает о результатах?», проявляли волнение, что являлось реакцией на ситуацию неопределённости.

4. При сравнении эмоционального состояния в первой и во второй частях исследования подростки отмечали, что во второй части исследования чувствовали себя более спокойнее, увереннее. Это объясняется тем, что ситуация исследования была им уже знакома и не вызывала волнения.

5. Подростки во второй части исследования обращались к фотографии (смотрели на неё), как правило, только в случае беседы на тему «Отношения с родителями и другим взрослым». Так как появление фотографии способствовало актуализации внутреннего диалога подростка с родителем.

6. Во второй части исследования не было выявлено закономерностей при выборе подростками задач взросления, как тем для разговора, которые могли бы свидетельствовать о наличии влияния актуализации образа родителя на выбор подростком задач взросления. Критерием выбора задач взросления как тем для разговора являлась эмоциональная значимость темы для конкретного подростка, личная заинтересованность в ней, так как отдельные участники исследования и в первый и во второй частях исследования выбирали одни и те же темы. Также критерием выбора тем для беседы во второй части исследования для подростка выступал факт того, что в первой части исследования на эту тему не разговаривали. Это озвучивалось подростком при выборе тем: «О чем ещё мы в прошлый раз не разговаривали?».

7. Необходимо отметить, что в результате ранжирования выбираемых участниками исследования задач взросления как тем для беседы было выявлено:

А) Наиболее часто выбираемыми оказались темы «Отношения со сверстниками обоих полов», «Отношения с другим человеком и группой» и «Отношения с родителями и другими взрослыми».

Данные результаты объясняются тем, что в подростковом возрасте ведущим типом деятельности становится интимно-личностное общение. В круг общения подростка включаются сверстники обоих полов. Эмоционально значимым становится построение отношений со сверстниками противоположного пола.

Характерные для подросткового периода развития личности процессы выделения своего Я, осознания собственной индивидуальности и приобретения личной идентичности ставят перед подростком задачи соотнесения себя с другим человеком, поиска круга общения, референтной группы, на ценности которой он мог бы ориентироваться, построению определённых отношений с группой и выделению себя внутри этой группы.

Тема отношений с родителями является значимой для подростка в связи с характерной для данного возраста перестройкой системы отношений с ними. В сознании подростка отношения с родителями начинают переживаться по-новому в связи со стремлением к автономии, эмансипации от них. Подросток учиться выстраивать эмоционально независимые отношения с родителями.

Б) Наименьшее количество выборов получили темы «Отношения с именем» и «Отношения со временем».

Это можно объяснить тем, что в подростковом возрасте определённое отношение к своему имени, как правило, уже сформировалось. Имя в сознании подростка становится не отделимо от собственного Я и не является предметом дифференцированных переживаний. Поэтому имя и отношение к нему не переживаются подростком как актуальная проблема, эмоционально значимая тема.

Представления о времени в подростковом возрасте достаточно расплывчаты, нет четкого представления о связи и последовательности прошлого, настоящего и будущего. Временная жизненная перспектива только начинает формироваться. Поэтому для подростка тема времени как тема для беседы является непонятной и не вызывает эмоционального отклика.

В) Выбор подростками тем в первой (без фотографии родителя) и во второй (с фотографией родителя) частях исследования существенно не отличается от общего рейтинга тем, описанного выше. В первой части исследования наиболее часто выбираемыми темами стали темы «Отношения со сверстниками обоих полов», «Отношения с другим человеком и группой» и «Отношения с родителями и другими взрослыми». Во второй части

исследования наиболее часто выбираемыми темами стали темы «Отношения со сверстниками обоих полов», «Преодоление внутриличностных конфликтов». Темы «Отношения с внешностью», «Отношения с другим человеком и группой», «Отношения с родителями и другими взрослыми», «Отношение к себе» получили одинаковое количество выборов. Возможные критерии выбора тем во второй части исследования описаны ранее в пункте № 6.

8) Также не было выявлено закономерностей между показателями по шкалам опросника «Взаимодействие родителей с детьми» («Подростковый вариант») при выявлении отношений подростка и родителя и наличием либо отсутствием факта влияния фотографии родителя на поведение подростка и диалога с ним. Участники исследования, имеющие высокие показатели по шкалам опросника «Взаимодействия родителей с детьми», то есть хорошие отношения с отдельно взятым родителем, в одних случаях говорили о наличии влияния появления фотографии родителя в поле эксперимента на диалог с ним («фотография помогала, было легче рассказывать»), а в других случаях — не обнаруживали наличия влияния («фотография никак не повлияла»). Следует отметить, что процент последних значительно больше.

В результате проведённого исследования не было найдено подтверждений того, что актуализация позитивного образа родителя способствует пониманию подростком задач взросления, а актуализация негативного образа родителя блокирует процесс понимания подростком задач взросления.

Полученные результаты можно объяснить следующим образом:

Во-первых, одна из главных особенностей подросткового и раннего юношеского возраста — смена значимых лиц и перестройка взаимоотношений со взрослыми.

Переходный возраст — период эмансипации ребенка от родителей. Одной из самых важных потребностей переходного возраста становится потребность в освобождении от контроля и опеки родителей, учителей, старших вообще, а также от установленных ими правил и порядков.

Рост самостоятельности подростка ограничивает и функции родительской власти. К старшим классам поведенческая автономия, как правило, уже весьма велика: старшеклассник самостоятельно распределяет свое время, выбирает друзей, способы досуга и т. д.

Степень идентификации с родителями в юности меньше, чем в детстве. Родительский пример уже не воспринимается так абсолютно и некритично, как в детстве. У подростка появляются другие авторитеты, кроме родителей.

Таким образом, в период взросления для подростка отношения с родителями остаются эмоционально значимыми, но происходит процесс

отделения подростка от родителей, что обеспечивает более независимые отношения между подростком и родителем. Это способствуют формированию подростком своей жизненной позиции, системы взглядов и ценностей, которые становятся независимыми от взглядов и ценностей родителей. То есть при понимании и решении важных жизненных задач — задач взросления — подросток будет стремиться опираться на выработанную им самостоятельную жизненную позицию, поступать независимо от родителей.

Во-вторых, образ родителя в сознании подростка в рамках данной работы рассматривается нами как идеальный значимый Другой. Образ родителя в сознании подростка как представленность значимого Другого сохраняется и без непосредственного присутствия и влияния родителя. Данная представленность родителя в памяти и воображении подростка стабильна, становится частью его сознания и жизни и сопровождает подростка всегда. Поэтому при актуализации образа родителя, мы обращаемся к той части сознания подростка, которая постоянно им переживается и осознается. При этом «Я» подростка существует автономно от образа родителя в сознании. Поэтому непосредственный процесс актуализации образа при помощи предъявления фотографии родителя не внёс ярко выраженных изменений в поведение и диалог с подростком.

В-третьих, при выборе подростком родителя, который оказывает наибольшее влияние на его жизнь, как правило выбирался родитель, с которым у подростка хорошие отношения, что сказывалось на ситуации актуализации образа родителя, а именно, эта ситуация переживалась подростком как комфортная и не вызывала существенных изменений в поведении и диалоге с подростком.

Таким образом, мы теоретически обосновываем возможность того, что актуализация образа родителя в сознании подростка может не влиять на понимание подростком задач взросления, а именно, не вызывать ярко выраженных изменений в поведении и диалоге с подростком.

Подтверждение или опровержение выдвинутых предположений требует эмпирической проверки, что в перспективе может стать основой для дальнейшего исследования.

НАПРАВЛЕНИЕ 3. ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

О.А.Кудакова

Психологические аспекты избыточного веса

Научный руководитель К.С.Лисецкий

Хотя ожирение определяется как избыток жира в организме, оно является комплексным состоянием, которое клиницисты расценивают как хроническое заболевание, связанное с сердечно-сосудистой и целым рядом других патологических состояний. Подобно всем нормальным болезням, ожирение способствует развитию других болезней, риск развития сопутствующих ожирению заболеваний в значительной степени определяется особенностями отложения жировой ткани в организме. Наиболее неблагоприятным является абдоминальный тип ожирения, сочетающийся, как правило, с комплексом гормональных и метаболических факторов риска, составляющих основу метаболического синдрома [5].

По прогнозам экспертов ВОЗ, при сохранении существующих темпов роста заболеваемости его уровень к 2010 г. возрастет еще в среднем на 8%, а к 2025 г. в мире будет насчитываться более 300 млн. человек с диагнозом ожирения.

Почему такое происходит, что в этом виновато? Наше гастрономическое изобилие и легкодоступность еды, малоподвижный образ жизни, наследственность, или стрессогенность нашей жизни. Не секрет что ожирением не страдают животные в дикой природе, страдает только человек и одомашненные животные. Конечно ожирение мультифакторное заболевание, и все эти факторы вносят свой вклад в его развитие, но постараемся разобраться, что способствует развитию этого заболевания, и почему же происходит рост этого заболевания. Большинство исследований по проблеме избыточного веса придерживаются единого мнения по поводу того, что у 60 % больных с ожирением наблюдается эмоциогенная еда, которая у подобных больных является основным механизмом прибавления массы тела. Эмоциогенное пищевое поведение тесно связано с заеданием стрессов, депрессией и повышением уровня тревоги. При депрессиях прием пищи нередко остается единственной формой поведения, которая приносит больному положительные эмоции и снижает симптомы депрессии. Выраженность эмоциогенного пищевого поведения может привести к значительному увеличению массы тела [16].

Культура и аффективные расстройства. Известно, что только эмоции и стресс, могут, выражено влиять на изменение физиологического,

биохимического, вегетативного баланса человека. В последнее время многие ученые используют для объяснения причин различных заболеваний диатез-стрессовую модель [14]. Согласно этой модели, биологическая уязвимость выливается в болезнь только при условии воздействия стрессоров – неблагоприятных психологических и социально-психологических факторов. Хронический стресс зачастую сопровождается нарушением обмена в центральной нервной системе группы медиаторов (биогенных аминов, в частности серотонина и β -эндорфина), снижение содержания которых приводит человека в состояние депрессии или тревоги. С другой стороны, изменение чувствительности к ним нервной системы приводит в ряде случаев к возникновению так называемых «панических атак» или приступов бегства... от самого себя [10]. В современной культуре существуют достаточно специфические психологические факторы, способствующие росту общего количества переживаемых отрицательных эмоций в виде тоски, страха, агрессии и одновременно затрудняющие их психологическую переработку.

Другой вопрос, откуда они берутся? Кросскультурные исследования депрессии показали, что число депрессивных нарушений выше в тех культурах, где особо значимы индивидуальные достижения и успех, и соответствие самым высоким стандартам и образцам [14]. Американцы, вкладывающие большие деньги в исследования и лечение депрессии, становящейся бичом этого процветающего общества, всемерно пропагандируют культ успеха и благополучия. Этот культ настолько глубоко вошел в сознание современного американца, что его патогенность зачастую не осознается, к сожалению, несмотря на особенности нашей культуры, он неуклонно внедряется и в российскую действительность. В качестве еще одной причины роста тревожных, впрочем, так же как и депрессивных, расстройств можно назвать культ силы и культ рации, которые ведут к запрету на переживание и выражение негативных эмоций. При этом резко затрудняется их психологическая переработка, а значит, происходит их постоянное накопление, при этом психика работает по принципу «парового котла без клапана».

Согласно современным представлениям, одним из важных факторов этих заболеваний являются подавленные, не отреагированные во внешнем плане эмоции [11]. Из вышесказанного можно заключить, что эмоциональную жизнь современного человека определяют две разнонаправленные тенденции. Первая тенденция характеризуется возрастанием частоты и интенсивности эмоциональных нагрузок, чему способствует ряд особенностей современной жизни: стремительное изменение социальной и физической среды, повышение темпов жизни и ее стоимости, разрушение традиционных семейных структур, социальные и экологические катаклизмы. На это человек реагирует переживаниями страха, тревоги, беспомощно-

сти, тоски и отчаяния. Вторая тенденция характеризуется негативным отношением к эмоциям, которым приписывается деструктивная, дезорганизирующая роль, как в политической, так и в личной жизни отдельного человека. Как уже отмечалось, эта тенденция связана с рядом присущих XX в. ценностей: культом рационального логичного подхода к жизни, ценностью внешнего благополучия и успеха, культом силы и мужественности, идеалом человека, способного справляться с трудностями жизни, мыслится крутой бизнесмен или расчетливая бизнес-леди.

Итогом становится возрастание числа расстройств аффективного спектра (депрессивных, тревожных, соматоморфных, психосоматических, пищевого поведения) [14]. Рассмотрим подробнее механизм, с помощью которого эмоциональное состояние человека может влиять на развитие ожирения.

Влияние нейро-эндокринной регуляции на вес человека. Масса тела человека находится под сложным контролем нервно-гуморальных влияний, определяющих в конечном итоге выраженность пищевой мотивации и уровень основного обмена. Центры голода и насыщения, а также регуляции основного обмена находятся в супраоптических ядрах гипоталамуса. Однако процессы насыщения, голода, интенсивности обмена веществ также находятся под контролем вышестоящих структур головного мозга: таламуса, лимбической системы и коры [17]. Ожирение является заболеванием, в патогенезе которого ведущую роль играют выраженные в той или иной степени гипоталамические нарушения, обуславливающие изменение поведенческих реакций, особенно пищевого поведения, и гормональные нарушения. Повышается активность гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой системы: увеличиваются секреция АКТГ, скорость продукции кортизола, ускоряется его метаболизм. Снижается секреция соматотропного гормона, обладающего липолитическим действием, нарушается секреция гонадотропинов и половых стероидов (сходная картина бывает и при стрессе). Характерны гиперинсулинемия, снижение эффективности его действия. Эффекторными системами являются гормоны щитовидной железы, надпочечников, поджелудочной железы, половых желез, а также вегетативной нервной системы [2].

Исследования, проведенные специалистами, позволили выявить основные биохимические механизмы, лежащие в основе регуляции чувства насыщения, ощущения голода. Известно, что центральная нервная система реагирует на изменение уровня глюкозы в крови. Повышение уровня глюкозы в крови служит сигналом для высвобождения целого ряда нейротрансмиттеров (серотонина, норадреналина и др.) и физиологически активных пептидов (β -эндорфина, нейропептида Y и др.) [13]. Повышение содержания серотонина и, β -эндорфина воспринимается корковыми струк-

турами как «удовольствие». Выделение норадреналина вызывает чувство прилива сил, энергии, увеличивает уровень основного обмена [9].

Напротив, при голодании, диетах отмечается недостаток выделения серотонина, норадреналина, β -эндорфина и ряда других биологически активных веществ в кровь. Снижение уровня серотонина субъективно может восприниматься организмом человека как состояние депрессии, уменьшение концентрации норадреналина – упадка сил, β -эндорфина – неудовольствия, дискомфорта [2].

Выделение серотонина является ключевым в формировании ощущения насыщения. Заметим, что в ряде случаев у больных могут отмечаться нарушения синтеза серотонина, что может препятствовать формированию у них нормальной структуры пищевого поведения. Нарушение синтеза серотонина может иметь врожденный и приобретенный характер. Больше всего на баланс серотонина в организме человека влияют отрицательные эмоции в виде тревоги, тоски, страха, агрессии вызывающие повышенное разрушение триптофана в желудочно-кишечном тракте, могут приводить к развитию серотониновой недостаточности.

У лиц с врожденными или приобретенными дефектами центральной серотонинергической системы могут быть особенно сильно выраженными субъективные негативные реакции на голодание, выражающиеся в снижении продукции серотонина. У таких людей даже незначительное голодание может приводить к развитию выраженной депрессии. Поэтому такие больные употребляют пищу, не исходя из потребностей основного обмена, а исходя из стимуляции серотонинергической функции центральной нервной системы, что может приводить к избыточному употреблению пищи и развитию ожирения.

Известно, что центральная серотонинергическая система является основной в регуляции чувства голода и насыщения. В экспериментах на животных показано, что голодание приводит к супрессии этой системы. Напротив, повышенное потребление пищи приводит к увеличению связывания серотонина с рецепторами и повышает эффективность его обратного захвата [9]. Возрастание связывания серотонина приводит к уменьшению его концентрации в синаптической щели. Также концентрация серотонина в синаптической щели уменьшается из-за активизации его захвата.

Таким образом, развитие ожирения сопряжено с уменьшением уровня серотонина в синаптической щели, что приводит к развитию состояния наподобие депрессивного. Для того чтобы «снять депрессию» за счет индукции синтеза серотонина, человек вынужден употреблять повышенное количество пищи, что усугубляет развитие ожирения. Таким образом, было наглядно показано, что булимия и депрессия имеют общие биохимические патогенетические механизмы – дефицит серотонина.

Помимо серотонинергической системы, в центральной регуляции массы тела человека принимают участие и другие пептидергические системы. Одна из них – система меланокортина. Показана стимуляция экспрессии гена промеланокортина (предшественник опиоидных пептидов и меланокортина) под влиянием лептина.

Лептин также играет существенную роль в регуляции чувства насыщения. Он вырабатывается жировыми клетками (адипоцитами) и стимулирует выделение нейропептида Y и меланокортина нейронами в синоптическую щель [2]. Показано, что под влиянием лептина, вырабатываемого жировыми клетками, стимулируется экспрессия промеланокортина (основного предшественника опиоидных пептидов в ЦНС) [4], β -эндорфин и другие эндогенные опиоидные пептиды могут вызывать ощущения наподобие эйфории.

Кроме того, у больных с ожирением установлено наличие дисбаланса вегетативной нервной системы: наблюдается преобладание тонуса симпатической нервной системы над парасимпатической [2], что также часто наблюдается при эмоциональном стрессе.

Достаточно часто у больных обнаруживается гормональный дисбаланс. Это, прежде всего, инсулинорезистентность, о которой было сказано выше. На телесном уровне жировые отложения ухудшают микроциркуляцию крови, что затрудняет доступ кислорода в ткани и замедляет окислительные процессы в них. Соответственно ухудшается проницаемость гормонов, в частности развивается инсулинорезистентность, и затрудняются обменные процессы.

Почему не эффективны диеты. На данный момент существует огромное количество диет, физических комплексов, БАДов, но их эффективность очень низка снижая вес путем огромных волевых усилий, он через некоторое время возрастает вновь. Любые курсы похудения, как правило, оказываются неэффективными, если не удастся побудить больного к смене инстинктивно-эмоционального поведения, при котором гиперфагия и избыточный вес перестали бы для него быть необходимыми. В настоящее время разработаны химические препараты по лечению ожирения, способные влиять на ЦНС, в частности Меридиа – ингибитор обратного захвата моноаминов: серотонина и норадреналина, приводит к пролонгированию их действия в синаптической щели при физиологических концентрациях. Увеличение содержания серотонина ускоряет наступление чувства сытости, поэтому больным, принимающим препарат Меридиа, требуется меньше пищи, чтобы достигнуть насыщения [9]. Но как у всех химических препаратов у них есть побочные действия, противопоказания, значительная цена, и их применение возможно только короткими курсами.

Успехи терапии на практике столь низки потому, что игнорируется баланс наслаждения больного, для которого в целом более приемлемым и

переносимым является сохранять свой избыточный вес, чем разбираться со своими проблемами. В ходе диетического лечения свыше 50% больных демонстрируют такие симптомы, как нервозность, раздражительность, повышенную утомляемость, широкий круг депрессивных проявлений, которые могут также проявляться в виде диффузного страха [8].

От реакции напряжения к реакции расслабления. К сожалению, изменить быстро ценности современного общества очень сложно, но мы можем использовать опыт, наработанный мировыми культурами. В странах, где запрет на выражение чувств является нормой, (это, прежде всего восточные культуры Японии, Китая и т.д.), возникла широкая сеть, включающая разные виды психологических и физических тренировок, помогающих дистанцироваться от стрессогенных ситуаций и добиться расслабления мышечной мускулатуры при любых эмоциональных стрессах.

В христианских культурах, где запрет на определенные чувства также имеет место, овладеть чувствами помогали многочисленные ритуалы: пост, молитва и т.д. [13, 14].

Чем меньше современный человек связан с разрабатываемыми тысячелетиями способами защиты от собственных чувств, тем в большей степени он разрушается ими, так как не готов принять их и психологически работать с ними. И здесь на психологов и психотерапевтов ложится ответственность в плане разработки рекомендаций, с опорой на существующие знания и разработки в области эмоций.

Можем ли мы хоть что-нибудь сделать, чтобы избавиться от внутренних неприятностей, от негативных эмоций, что вполне реально. Нужно только внимательно прислушаться к подсказкам природы, к «внутренней мудрости» нашего организма. В организме самой природой заложены биологические маятники, благодаря которым его состояние закономерно меняется, и на смену реакции напряжения (стрессу) приходит расслабление (покой, отдых). Именно в борьбе и непрерывном чередовании этих биологических противоположностей и достигается нормальное, естественно-гармоничное состояние. Соответственно, есть в организме и готовый, заранее запрограммированный физиологический ответ, противоположный стрессовой реакции – реакция релаксации. [6].

Приведем краткое сравнение двух взаимно противоположных реакций (по Г. Бенсону в интерпретации М.Т. Мюррея) (см. таблицу 1).

Таблица 1.

Физиологические показатели	Реакция напряжения	Реакция расслабления
Сердцебиение	Повышается	Замедляется, нормализуется
Артериальное давление	Повышается	Снижается, нормализуется
Дыхание	Учащается	Замедляется, успокаивается
Кровоснабжение внутренних органов	Уменьшается, кровь приливает к мышцам	Восстанавливается

Работа органов пищеварения	Снижается выработка пищеварительных соков	Восстанавливается
Уровень сахара в крови	Повышается	Снижается, нормализуется
Доминирующий отдел нервной системы	Симпатический	Парасимпатический

Все здесь как будто просто и понятно, как говорится, разложено по полочкам. Чтобы извлекать из стресса только пользу, используя его как движущую силу, и застраховаться от возможных негативных последствий стресса, надо всего-навсего в нужный момент включать реакцию релаксации, чтобы снять напряжение при этом наиболее важными, контролирующими параметрами – а это именно то, чем можно управлять, – для нас будут напряжение/расслабление мышц и дыхание. Это и есть то подручное средство пожаротушения, которое с успехом можно применять для того, чтобы погасить эмоциональный пожар [11].

Но вопреки распространенному представлению, саму эмоцию нельзя только погасить одним лишь усилием воли; при этом гасится только внешнее ее проявление, «сама же эмоция, раз возникнув как субъективное состояние человека, не может быть устранена» (Анохин, 1979). В полной мере это становится возможным при использовании навыков психологической саморегуляции. Когда человек захвачен какой-то негативной эмоцией, то с помощью этих навыков он может отделиться от нее, как бы расфокусировав внимание, одновременно наблюдая за течением мыслей и за другим, более медленным процессом, осознавая, присутствующие в данный момент эмоции или телесные ощущения. Тем самым достигается приостановка соответствующей физиологической реакции организма, вегетативного обеспечения эмоций. Отсутствие же вегетативного возбуждения может вызывать торможение, ослабление эмоций и даже в дальнейшем препятствовать их возникновению, благодаря механизму сенсомоторной памяти. (Рейковский, 1979, с. 318). Осознавание человеком телесных ощущений, вызванных эмоциями, равнозначно тому, что он находится в полном контакте со своими чувствами [11]. Однако подобная возможность от природы присутствует в человеческом организме лишь потенциально; умение «отслеживать» эмоции не дается человеку от рождения, некоторые люди приходят к такому умению интуитивно, этому надо учиться. Учиться владеть собой. Учиться избегать вредных последствий стресса и этот метод называется методом саморегуляции.

Как указывают В.В. Козлов и Ю.А. Бубеев (1997), в условиях глубокого мышечного расслабления, вследствие «незанятости» нейронов мозга переработкой информации, повышается их готовность к синхронизации. А это, в свою очередь, как будет показано далее, приводит к особым – так

называемым измененным – состоянием сознания, играющим для человека целительную роль [6, 7, 10, 11].

Глубокое мышечное расслабление полезно также тем, что оно приводит к высвобождению веществ, обладающих антистрессовым или стресс-лимитирующим действием (Ф.З. Меерсон) и стимулирующих центры удовольствия мозга – так называемых эндогенных опиатов, или эндорфинов [1,7,11]. Подобная активация естественного физиологического механизма удовольствия не только дает приятные ощущения отдыха, но и может рассматриваться как профилактика специфического стрессового расстройства – синдрома дефицита удовольствия (по К. Блюму), которое западные авторы считают бичом современного общества.

Обобщая выше сказанное можно сделать такие выводы:

Ожирение является одним из самых распространенных заболеваний экономически развитых стран, где четверть населения имеет массу тела, более чем на 15% превышающую норму, и эта цифра постоянно растет.

В тоже время имеет тенденция роста расстройств аффективного спектра (депрессивных, тревожных, соматоморфных, психосоматических, пищевого поведения). Как мы уже отмечали, эта тенденция связана с рядом присущих XX в. ценностей: культом рационального логичного подхода к жизни, ценностью внешнего благополучия и успеха, культом силы и мужественности, а также запрету на переживание и выражение негативных эмоций. Хронический стресс зачастую сопровождается нарушением обмена в центральной нервной системе группы медиаторов (биогенных аминов, в частности серотонина и β -эндорфина), снижение содержания которых приводит человека в состояние депрессии или тревоги. С другой стороны, изменение чувствительности к ним нервной системы приводит в ряде случаев к возникновению так называемых «панических атак» или приступов бегства... от самого себя.

Большинство исследований по проблеме избыточного веса придерживаются единого мнения по поводу того, что у 60 % больных с ожирением наблюдается эмоциогенная еда, которая у подобных больных является основным механизмом прибавления массы тела. Эмоциогенное пищевое поведение тесно связано с заеданием стрессов, депрессией и повышением уровня тревоги.

В настоящее время открыты основные биохимические механизмы, лежащие в основе регуляции чувства насыщения, ощущения голода. Известно, что центральная нервная система реагирует на изменение уровня глюкозы в крови. Повышение уровня глюкозы в крови служит сигналом для высвобождения целого ряда нейротрансмиттеров (серотонина, норадреналина и др.) и физиологически активных пептидов (β -эндорфина, нейропептида Y и др.). Повышение содержания серотонина и, β -эндорфина воспринимается корковыми структурами как «удовольствие».

Напротив, при голодании, диетах отмечается недостаток выделения серотонина, норадреналина, β -эндорфина и ряда других биологически активных веществ в кровь. Снижение уровня серотонина субъективно может восприниматься организмом человека как состояние депрессии, уменьшение концентрации норадреналина – упадка сил, β -эндорфина – неудовольствия, дискомфорта.

Выделение серотонина является ключевым в формировании ощущения насыщения. Таким образом, повышенное поступление углеводов приводит к гипергликемии и вслед за ней к гиперинсулинемии. В состоянии гиперинсулинемии изменяется проницаемость гематоэнцефалического барьера для аминокислоты триптофана. Триптофан является предшественником серотонина, поэтому вслед за повышением содержания триптофана в ЦНС увеличивается синтез серотонина. Прием пищи может являться своеобразным модулятором уровня серотонина в ЦНС, повышение его синтеза, связанное с поглощением углеводной пищи, приводит одновременно к увеличению чувства насыщения и снижению депрессивных проявлений. Таким образом, было наглядно показано, что булимия и депрессия имеют общие биохимические патогенетические механизмы – дефицит серотонина.

В настоящее время разработаны химические препараты по лечению ожирения способные влиять на ЦНС, в частности Меридиа – ингибитор обратного захвата моноаминов: серотонина и норадреналина, приводит к пролонгированию их действия в синаптической щели при физиологических концентрациях. Увеличение содержания серотонина ускоряет наступление чувства сытости, поэтому больным, принимающим препарат Меридиа, требуется меньше пищи, чтобы достигнуть насыщения. Но как у всех химических препаратов у них есть побочные действия, цена, их применение возможно только короткими курсами.

К сожалению, изменить быстро ценности современного общества очень сложно, но мы можем использовать опыт, наработанный мировыми культурами. В странах, где запрет на выражение чувств является нормой (это, прежде всего восточные культуры Японии, Китая и т.д.), возникла широкая сеть, включающая разные виды психологических и физических тренировок, помогающих дистанцироваться от стрессогенных ситуаций и добиться расслабления мышечной мускулатуры при любых эмоциональных стрессах. В современных реалиях это методы саморегуляции и релаксации, в условиях глубокого мышечного расслабления, вследствие «незанятости» нейронов мозга переработкой информации, повышается их готовность к синхронизации, и переходу в особое – так называемые измененные – состояния сознания, играющие для человека целительную роль. Глубокое мышечное расслабление и ИСС приводят к высвобождению веществ, обладающих антистрессовым или стресслимитирующим действием

(Ф.З. Меерсон) и стимулирующих центры удовольствия мозга – эндорфинов, моноаминов (серотонина). Подобная активация естественного физиологического механизма удовольствия не только дает приятные ощущения отдыха, но и может рассматриваться как профилактика специфического стрессового расстройства – синдрома дефицита удовольствия (по К. Блуму), которое западные авторы считают бичом современного общества. Таким образом, человек сам, без использования химических препаратов может не только заниматься профилактикой аффективных расстройств, но и проводить коррекцию избыточного веса. Этот метод безопасен, может использоваться в течение длительного времени, не вызывает зависимости, и что не маловажно практически не требует больших денежных вложений.

Литература

1. *Андреева Н.* Энергия преобразования. Санкт-Петербург: ИК «Невский проспект», 2001. – 68 с.
2. *Белоусов Ю.Б, Гуревич К.Г.* Артериальная гипертензия и ожирение: принципы рациональной терапии. Пособие для врачей.
3. *Брайан М. Алман Питер Т. Ламбру.* Самогипноз Руководство по изменению себя. Библиотека психологии и психотерапии. М.: Независимая фирма «Класс». С 145.
4. *Гуревич К.Г.* Нарушения обмена микроэлементов и их коррекция. Фарматека, 2001. № 3. С. 45-53.
5. *Дедов И., Мельниченко Г.* Патогенетические аспекты ожирения. Н. П. Жур. Ожирение и метаболизм. 2004. №1. С. 15-21.
6. *Кермани К.* Аутогенная тренировка. – М.: Изд-во Эксмо, 2005, – 384 с.
7. *Лисецкий К.С.* Психокосметология: теория и практика / Самара: Изд-во «Универс групп», 2006. – 138 с.
8. Монография по препарату Меридиа. Методические рекомендации для врачей. Компания Knoll AG Pharma.
9. *Никитин С.В.* Управление стрессом. Психодинамика развития личности.- СПб.: ИК «Невский прспект», 2003. – 128 с.
10. *Сандомирский М.Е.* Защита от стресса. Физиологически-ориентированный подход к решению психологических проблем (Метод РЕТРИ). – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2001. – 336 с.
11. *Скотт Д.* Перепады настроения: как с этим справиться./ М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 271 с.
12. *Суркина И.Д., Гуревич К.Г.* Участие продуктов кинуренинового пути метаболизма триптофана в регуляции неврологических и психиатрических процессов. Журнал неврологии и психиатрии им С. С. Корсакова, 2001, № 1. С. 35-42.

13. Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г. Культура, эмоции и психическое здоровье. Вестник психологии. 1999. № 2. С. 61-73.
14. Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г. Способы саморегуляции при расстройствах аффективного спектра: Метод. рекомендации МЗ РФ. М., 1997.
15. Филатова Е.Г., Вейн А.М. Мотивационные и эндокринные расстройства при депрессии. Статья Акушерство и гинекология 2004, № 4. С. 29-36.
16. Физиология человека / под ред. Г.И. Косицкого. М.: Медицина, 1985. – 544 с.

НАПРАВЛЕНИЕ 4. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛО- ГИЯ

Е.А.Павлова, М.С.Бобылев

Дистанционные технологии в обучении студентов– ПСИХОЛОГОВ

Эволюция образовательных стандартов предполагает значительное увеличение времени на самостоятельную работу студентов. В связи с этим перед преподавателем встают непростые задачи: контроль и руководство самостоятельной работы студентов, повышение ее эффективности и, как следствие, уровня обученности студентов. Одним из конструктивных решений в настоящее время является организация обучения на основе дистанционных технологий.

Однако со стороны преподавателей присутствует отторжение технологий, основанных на опосредованном взаимодействии с обучающимися; не достаточно полно раскрыты вопросы применения дистанционных технологий в обучении студентов-психологов; необходимо освоить применение дистанционных технологий и научить студентов-психологов самостоятельной работе с материалом.

В обучении студентов-психологов присутствует своя специфика, которая обусловлена профессией и заключается в следующем:

- профессия направлена на общение;
- личностные качества студентов не только формируются, но наличие их оценивается, важно самоформирование;
- необходимо глубокое знание наук о человеке;
- работа с огромным банком психодиагностических методик, умение их применять, анализировать и интерпретировать;
- умение работать с информацией любого рода.

Соответственно в обучении должны применяться технологии, направленные на развитие коммуникативной компетентности и самостоятельной исследовательской деятельности. Эти компетентности входят в одноименные ключевые компетенции, являющиеся базовыми при подготовке специалиста-психолога.

На наш взгляд первой компетенции соответствуют многочисленные методы и методики, применяемые в обучении психологов, например, тренинги, моделирование профессиональных ситуаций. Однако второй компетенции соответствует только выполнение дипломных и курсовых про-

ектов и, как показала практика, этого недостаточно для грамотного самостоятельного проведения исследований.

Проанализировав различные методы подготовки студентов-психологов, мы пришли к выводу, что наиболее соответствует формированию и развитию второй компетенции – метод проектов и моделирование профессиональных ситуаций. Однако аудиторное время ограничено, но данные методы можно реализовать с помощью дистанционных технологий, таких как телекоммуникационные проекты, а также сетевое консультирование, форумы, конференции.

Дистанционные образовательные технологии – это технологии, реализуемые в основном с применением информационных и телекоммуникационных технологий при опосредованном (на расстоянии) или не полностью опосредованном взаимодействии студента и преподавателя. Различают три вида дистанционных технологий – кейс-технология, ТВ-технология и сетевая технология. Все они открывают богатые возможности для решения задач по организации самостоятельной работы студентов. Такие свойства дистанционных технологий как простота, доступность, обширность, диалоговость (интерактивность) позволяют реализовать многие виды деятельности студентов-психологов:

А. Поиск информации (рефераты, написание аннотированных ссылок, создание мультимедийных материалов, иллюстрирование своих текстов материалами из Интернета, работа с веб-квестами);

Б. Общение (виртуальные встречи, обсуждения, переписка, консультации, ролевые игры);

В. Публикации в сети (веб-страницы, веб-квесты, курсовые, дипломные работы, статьи, тематический банк данных, фотосериалы, создание мультимедийных учебников, пособий).

На практике мы реализовали процедуру контроля, которая включала в себя тестирование студентов 4 курса психологического факультета Тольяттинского филиала Самарского госуниверситета. Выборка составила 15 человек.

Студентам было предложено тестирование через Интернет с помощью дистанционной системы Moodle, без визуального присутствия преподавателя. Из средств коммуникации была доступна голосовая активность. Студенты выполняли итоговый зачетный тест по социальной психологии. Процесс тестирования контролировался нами из головного вуза с помощью средств видеонаблюдения. Студенты могли задавать вопросы и получать ответы аудиально. Мы могли наблюдать поведение студентов во время выполнения теста, а затем сравнивать результаты наблюдения с результатами тестирования, получив, таким образом, информацию о времени задержки ответа на вопрос и ее причинах.

После тестирования было проведено анкетирование студентов на

тему «Эмоциональный дискомфорт при удаленном тестировании». Степень ощущаемого дискомфорта особенно важна в применении дистанционных технологий, так как во многом обуславливает поведение субъекта при работе в Интернете.

Результаты анкетирования показали, что 73% опрошенных испытывают средний уровень эмоционального дискомфорта при работе с системой удаленного тестирования. При этом навыки работы в Интернет имели только 27% студентов, 55% сказали о том, что отсутствие преподавателя им помогало, 87% студентов высказали мнение, что хотели бы работать таким образом и дальше (использовать дистанционные системы для получения дополнительной информации, решения тестов, получения консультаций и др.).

Итак:

1) внедрение дистанционных технологий в системе образования открывает новые возможности для активизации учебно-познавательной деятельности студентов;

2) в применении дистанционных технологий нет ограничений: практически все традиционные методы обучения могут быть реализованы с помощью дистанционных технологий;

3) существуют технологические и психологические особенности реализации образовательного процесса с помощью дистанционных технологий;

4) присутствует готовность студентов к самостоятельной работе с организованным дополнительным материалом.

Результаты проведенного исследования будут способствовать разработке дистанционных курсов, учебников, методических пособий и т.п. и, как следствие, позволят совершенствовать процесс профессиональной подготовки на психологическом факультете Самарского госуниверситета.

НАПРАВЛЕНИЕ 5. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Н.А.Букреева, Д.М.Горновитова

Психологические и исторические причины роста экстремистского движения в России в 1860-1870- х гг.

Научный руководитель В.И.Гольцов

В начале было слово... Слово, а точнее, прокламация, которая была написана студентом Петром Зайчневским весной 1862 г. В ней впервые в России убийство открыто признавалось нормальным средством достижения социальных и политических изменений. Персонификация власти в России, сакральность фигуры царя вызывали великий соблазн — одним ударом разрушить могущество этой власти, расчистить дорогу для осуществления идей, которые должны привести к всеобщему благоденствию.

Зайчневский и его друзья были не одиноки в своих настроениях. Современник В.И. Кельсиев писал, что «Молодую Россию» никто не хвалил, но думавших с нею было множество; ей только в вину ставили, что она разболтала то, о чем молчать следовало».

Ультрарадикальные настроения нарастали. Очень скоро люди, столь же решительные, как Зайчневский, развивая взгляды о необходимости физического истребления политических противников, создадут целую систему идеологического обоснования терроризма и, что самое существенное, перейдут от теории к практике в невиданных еще в мировой истории масштабах. 4 апреля 1866 г. раздался выстрел Каракозова. Эпоха терроризма в России началась.

Возникает естественный вопрос: Почему именно в России терроризм принял широкие масштабы и достиг столь совершенных организационных форм? Вопрос имеет не только историографический характер. Терроризм остается одной из главных проблем человечества в настоящее время; в последние годы темпы роста террористических действий на территории России заставляют вспомнить об истоках русского терроризма, что и обуславливает **актуальность нашего исследования.**

Цель исследования: выявить причины резкого роста экстремистского движения в 1860–1870-х гг.

Задачи:

1. выявление причин роста экстремистского движения в 1860-1870-х гг,

2. рассмотрение психологического портрета ярких представителей экстремистского движения того времени и анализ политико-экономической ситуации в России в 1860-1870-е гг.;

3. анализ документальных источников с применением метода контент-анализа.

Объект исследования: революционный экстремизм.

Предмет: рост экстремистского движения в 1860–1870-х гг.

Гипотеза состоит в предположении о том, что основными причинами роста экстремистского движения в 1860-1870-х гг. являются: гипертрофия идеи; неумение власти направить энергию молодёжи в общественно приемлемое русло; психологические особенности личности экстремиста; историческая закономерность, согласно которой смена жёсткого режима на мягкий влечёт за собой усиление антиправительственных и радикальных настроений в обществе, что определяет время роста экстремизма.

Исходя из поставленных цели и задач, мы начнём наше исследование с рассмотрения причин использования экстремистских методов, затем определим временную обусловленность экстремизма, а также рассмотрим другие историко-политические причины роста экстремистского движения в России в 1860-1870-х гг., так как это отражает исторический аспект нашего исследования – влияние общества на ход истории. Затем мы продолжим исследование в аспекте психологических предпосылок роста экстремистского движения, что позволит показать исследуемую нами проблему в новом, психологическом ракурсе – как влияние личности на ход истории. Интеграцией этих двух подходов к проблеме будет практическая часть нашего исследования, заключающаяся в анализе исторических документов на стыке двух наук: психологии и истории.

Причины роста экстремистского движения в России в 1860-1870-х гг.

В исторической литературе по этому вопросу основной акцент делается на причинах выбора террористических методов борьбы.

В мыслях и действиях экстремистов того времени была ярко видна гипертрофированность идеи, пренебрежение всеми нормами ради неё, что приводило к оправданию индивидуального террора высшими целями революции.

Об ишутинском кружке А.А. Шилов писал: «Кинжал, верёвка, яд, смерть за непослушание и измену – вот средства рекомендованные Ишутиным. «Кто не за нас, тот против нас!». На все замечания относительно крайней неразборчивости у него был один ответ – «цель оправдывает средства» [1, С. 36].

Нечаев также не стеснялся никакими рамками. Сотням знакомых и не знакомых ему лиц в 1869г. он посылал письма из Женевы с прокламациями, чтобы обратить внимание полиции на своих же бывших товари-

щей. Это был беспроигрышный вариант. Если прокламации попадали в руки полиции, то адресаты подвергались репрессиям, и увеличивалось количество недовольных правительством, до Женевы доходили слухи об арестах, что создавало необходимую Нечаеву иллюзию масштабности революционного движения в России. Если же письма достигали нужного адреса, то была вероятность распространения прокламаций и увеличения числа сторонников революционного дела.

Таким образом, мы считаем, что гипертрофированность идеи является одной из причин выбора экстремистских методов борьбы.

Но на наш взгляд, парадоксом является не выбор индивидуального террора как средства к достижению цели, а именно время его всплеска. Терроризма, в истинном смысле этого слова, при правлении Николая I не было, несмотря на жёсткость его мер.

Зато терроризм со всей яркостью проявился при либеральном и насыщенном реформами правлении Александра II. При Александре II не было прямой детерминации экстремизма, но существовала обратная детерминация. Мы считаем, что экстремизм здесь следует рассматривать как историческую закономерность, проявляющуюся в определённые периоды, а именно, при переходе от режима жёсткого к режиму более мягкому.

Таблица 1.

Император	Павел I	Александр I	Николай I	Александр II	Александр III	Николай II
режим	жёсткий	мягкий	жёсткий	мягкий	жёсткий	мягкий

Что же касается политических предпосылок, то важно отметить неумение власти в тот период направить энергию молодёжи в общественно-приемлемое русло. Так Александр II облегчил поступление в Университеты для людей из разных слоёв общества, но при этом не отменил Табель о рангах. Это привело к невозможности молодым просвещенным людям самореализоваться в профессиональной сфере, найти применение полученным за годы учёбы знаниям. В новых учреждениях перевес оставался за людьми старого закала и поборникам прогресса приходилось действовать в пассивной или недоброжелательной обстановке, отказываться от убеждений или от дела.

«Если вас спросят, кто самый несчастный человек на свете, – отвечайте: Тот, кто поставлен в бессрочное бездействие и гниёт заживо не от отсутствия сил и способностей, а от отсутствия возможности употребить их в дело» [6, С. 6].

Таким образом, политика государства в области образования и трудоустройства привела к невозможности молодёжи самореализоваться в социально приемлемых сферах и к увеличению представленности различных слоёв общества в студенческой среде.

Кроме названных выше причин существует значимые причины, требующие психологического анализа характерологических особенностей, личностных черт экстремистов.

Существует определённый набор личностных черт, которыми обладают террористы. При вступлении в террористическую организацию человек отказывается от принадлежности к определённой социальной группе, порывает с обществом. Члены террористических организаций склонны к экстернализации, то есть к возложению ответственности за неудачи на обстоятельства. Для большинства из них характерен образ общего врага, которого можно обвинить во всех внутренних проблемах организации. Таким врагом может быть правительство, император, другие социальные слои. Экстремисты испытывают потребность причислять одних людей к своим союзникам, других к врагам, и эта потребность – результат усилий по защите чувства самоидентичности. Любое нападение на группу воспринимается ими как нападение на себя лично.

Друг Нечаева писал о нём: «Первое впечатление, которое производит Нечаев, неприятное, но остро заманчивое. Главная черта его характера – деспотизм и самолюбие до болезненности. Он возбуждает интерес к себе, а в людях повпечатлительней и поглупее просто обожание, существование которого есть необходимое условие для дружбы с ним» [4, С. 47].

Это также подтверждает предположение о том, что экстремистские лидеры были до чрезвычайности субъективны и выражали свои, именно свои интересы – интересы образованных, а чаще полуобразованных людей, стремящихся к самореализации и для начала – к устранению внешних для этого препятствий.

Нечаев говорил: «Кого и за что уважать, если уважение к кому-либо отрывает какую-то частицу от тебя, роняет твой авторитет, твоё достоинство».

Каждого вождя противоправительственного сообщества не покидало опасение того, что кто-то его опередит и сделает свою революцию, первый взберётся на освободившийся трон. И тогда он останется ни с чем [4, С. 93]. Поэтому, например, лидеры «Народной воли», опасаясь конституции сверху, торопились умертвить Александра II. И.А. Худяков говорил: «надо в видах народного блага и общего спокойствия предупредить революцию сверху революцией снизу» [3, С.96]. Кто однажды захотел власти, тот будет стремиться к ней всегда, любым путём.

На уговоры и угрозы Нечаева к вступлению в «Народную расправу» чаще поддавались слабовольные, несамостоятельные. Сергей рассчитывал на полное их подчинение, и ему искренне казалось, что таким путём сможет создать организацию, способную свергнуть Россию в революцию и приобрести власть. Он не понимал, что сообщество, состоящее из слабых

людей, даже если во главе его стоит исключительно сильная личность, остаётся инертным неуправляемым стадом и чем больше численность этого сообщества, тем ниже эффективность результатов его действий [4, С. 151].

Если рассматривать выделяемые психологами факторы, приводящие человека к терроризму, то заметно, что многие из них активно использовались экстремистскими лидерами для привлечения новых членов:

1. конфликтные ситуации, особенно конфронтация с полицией (рассылка компрометирующих писем Нечаевым)
2. личные связи с членами террористических организаций (привлечение в кружки своих знакомых)
3. нарцисстические нарушения (Нечаев, Ишутин, Каракозов)
4. ранняя социализация (например, раннее сиротство Н.А.Ишутина)

Мотивация вступления в организацию – сильная потребность во включенности, принадлежности группе. Обычно членами террористических организаций становятся люди, которые по тем или иным причинам испытывали трудности в рамках существующих общественных структур. Чувство отчуждения, возникающее в подобных ситуациях, заставляет человека присоединиться к группе, которая кажется ему столь же антисоциальной, как и он сам. Террористами становятся выходцы из групп риска, которые детства испытывали трудности с самооценкой. Идентификация с террористической группой обеспечивает таким людям социальную роль, хотя и негативную. Порвать с группой почти невозможно – это равносильно психологическому самоубийству.

Если говорить о практической части нашей работы, то важно отметить проведенный нами исследование прокламации П.Г. Зайчневского «Молодая Россия» и «Катехизиса революционера» С.Г. Нечаева. В ходе проведенного контент-анализа – систематический замер частоты и объёма упоминаний смысловых единиц – были выделены 2 основных темы: агрессии и революции.

Нами было прослежено изменение частоты упоминаний смысловых единиц в различных частях документа. В прокламации «Молодая Россия» тема агрессии остаётся стабильно сильно выраженной на протяжении всего документа, а частота присутствия революционной темы – заметно снижается. В последних 4 абзацах второй части тема агрессии достигает пика выраженности, когда она присутствует в каждом 4 слове текста.

В тексте «Катехизиса революционера» наблюдается равное соотношение темы агрессии и революции на протяжении текста, за исключением раздела «Отношение революционера к товарищам по революции», что ярко демонстрирует, что агрессия проявляется в отношении всех слоёв общества и народа в целом, лишь за исключением революционных товарищей. А также желание снизить агрессивный настрой, касающийся револю-

ционного сообщества, одновременно обостряя враждебные отношения между отдельными слоями общества.

Полученные нами результаты показывают преобладание темы агрессии в обоих исторических источниках, что свидетельствует о попытке массированного психологического давления авторов на читателей с целью усиления негативного отношения к определённым слоям населения. О желании увеличить влияние собственных взглядов говорит и то, что авторы употребляли в тексте инвективы – средство увеличения эмоциональной выразительности и установления более близкого эмоционального контакта с читателем. Заметна большая направленность на насильственные, агрессивные методы борьбы, чем на планирование общественных преобразований. Молодые люди того времени, не находя выхода накопившейся агрессии, негативной энергии, искали отдушину в революционных идеях, открыто пропагандировавших вседозволенность и жестокие методы борьбы с существующим строем. Что приводило к тому, что властолюбивые, харизматичные лидеры революционного движения формировали экстремистские настроения в среде впечатлительной молодёжи. В XIX в. «обычный возраст революционера – 17-19 лет, ну 21 год, двадцатитрёх-двадцатипятилетних называли стариками». В этом возрасте социальную ситуацию развития молодого человека составляют в первую очередь сверстники. Членство в референтной группе, принятие значимыми людьми субъективно воспринимаются индивидом, как наиболее значимые задачи возраста. «Почти все в ранней юности восторженно преклонялось перед героями террора», — писал В.И. Ленин.

Как писал Герцен: террор революций со своей грозной обстановкой и эшафотами нравится юношам так, как сказки со своими чародеями и чудовищами нравится детям [1, С. 6].

Выводы.

В переходе к индивидуальному террору сыграли роль несколько факторов: разочарование в готовности народных масс к восстанию, пассивность большей части общества (да и слабое его влияние на власть), желание отомстить за преследования со стороны правительства. Наконец, своеобразным провоцирующим фактором было политическое устройство России и персонификация власти, о чём свидетельствует самонадеянный выстрел Каракозова.

В ходе работы нами были обоснованно выделены наиболее важные его причины:

1. историческая закономерность, согласно которой смена жёсткого режима на мягкий влечёт за собой усиление антиправительственных и радикальных настроений в обществе, что определяет время роста экстремизма;
2. гипертрофия идеи;

3. неумение власти направить энергию молодёжи в общественно приемлемое русло;

4. психологические особенности личности экстремиста.

А также незавершённость реформ в стране и отдалённость студенческой молодёжи от народа.

Нам видятся перспективными дальнейшие исследования в данной области. Такие как: связь экстремистских настроений в 1860-1870-х гг. с революцией 1917г., сравнение психологических характеристик революционеров в эти периоды, а также другие исследования на стыке истории и психологии.

Литература

1. *Будницкий О.В.* История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях – Ростов н/Д.: 1996.

2. *Дружинин Н.М.* Революционное движение в России в XIX в. – М.: 1967.

3. *Исаков В.А.* Радикальные социалисты России (1860-первая половина 1880-х гг.) о будущей власти // Вопросы истории. 2004. № 10

4. *Лурье Ф.М.* Нечаев – создатель разрушения – М.: Изд. «Молодая гвардия», 2001.

5. *Ольшанский Д.В.* Психология терроризма – СПб.: 2002.

6. Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.): Сб. док. – М.: 2001.

7. Психология. Словарь / Под общ. Ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – 2-е изд. Испр. и доп. – М.: Политиздат, 1990.

Н.В.Зоткин

Александр Петрович Нечаев – организатор психологической науки в России и первый ректор Самарского университета

Александр Петрович Нечаев родился 24 октября (5 ноября) 1870 г. в Петербурге, в семье инспектора духовной семинарии. Среднее образование получил в духовной семинарии, где у него возник интерес к философии. В 1890 г. он поступил на философское отделение историко-филологического факультета Петербургского университета. По окончании университета в 1894 г. он был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. В 1897 г. А.П. Нечаев получил степень магистра философии и был зачислен в состав приват-доцентов Петербургского университета.

В 1898 г. он был направлен на стажировку в Германию. А.П. Нечаев работал в лаборатории В. Вундта в Лейпциге, в лаборатории Г.Э. Мюллера в Геттингене, в лаборатории Э. Крепелина в Гейдельберге, познакомился с работой лаборатории Э. Меймана в Цюрихе, с лабораторией А. Бине в Париже. В период стажировки он решил посвятить себя экспериментальному изучению детского развития, внедрению эксперимента в педагогическую психологию. Он выступил с докладом «О памяти учащихся» на четвертом международном психологическом конгрессе в Париже в августе 1900 г., который был опубликован в том же году в «Журнале психологии и физиологии органов чувств», издававшемся Г. Эббингаузом.

В 1901 году А.П. Нечаев покинул Петербургский университет и развернул разнообразную научную деятельность в Педагогическом музее военно-учебных заведений, где открыл первую в России лабораторию экспериментальной педагогической психологии. Взаимоотношение психологии и педагогики, задачи психологического изучения школьников, особенности умственной работы учащихся, рациональная организация учебного дня, гигиенические требования к учебному процессу — эти и подобные вопросы стали предметом исследований в лаборатории.

В 1904 г. при лаборатории были открыты первые в России педологические курсы. На курсах читались многочисленные циклы лекций, охватывающие разные стороны детской жизнедеятельности (анатомия, физиология, антропология, общая психология, психология ребенка, учение о характерах и др.), проводились занятия по технике психологического эксперимента и основам статистических методов. Доступ в лабораторию был открыт для всех желающих.

Статьи с результатами исследований А.П. Нечаева регулярно появлялись в ведущих педагогических журналах: «Вестник воспитания», «Русская школа», «Русский народный учитель». В «Вестнике психологии...» он редактировал отдел педагогической психологии, который в 1905 г. выделился в самостоятельный журнал «Книжки педагогической психологии» под его редакцией (совместно с Н.Е. Румянцевым). В 1908 г. под редакцией А.П. Нечаева и Н.Е. Румянцева стал издаваться «Ежегодник экспериментальной педагогики». Многие статьи А.П. Нечаева публиковались в зарубежных журналах. Он явился инициатором перевода на русский язык (а также в ряде случаев переводчиком и редактором) многих книг зарубежных ученых. А.П. Нечаев принимал участие во всех конгрессах по экспериментальной психологии в Гессене (1904), во Франкфурте-на-Майне (1908), Инсбруке (1910), Берлине (1912), Сиднее (1914).

А.П. Нечаев был деятельным участником многих российских съездов, где обсуждались вопросы изучения и воспитания детей. Он же явился инициатором созыва всероссийских съездов по педагогической психологии (1906, 1909 годы) и экспериментальной педагогике (1910, 1913, 1915,

1917 годы). Какая психология нужна школе и каковы возможности эксперимента в познании ребенка - эти проблемы стали основными на съездах по педагогической психологии.

В 1907 г. в Петербурге при деятельном участии А.П. Нечаева была создана Педагогическая академия, ставившая целью подготовку высококвалифицированных педагогов, организаторов внешкольного просвещения, директоров учебных заведений, школьных врачей. К преподаванию в академии А.П. Нечаев привлек крупнейших ученых, в частности И.П. Павлова, И.А. Бодуэна-де-Куртене, В.А. Вагнера и других. При Педагогической академии А.П. Нечаев создал экспериментальную школу (коммерческое училище). Помимо многочисленных публикаций в журналах, отражавших результаты его наблюдений и исследований, А.П. Нечаев написал методические указания для учителей средних учебных заведений, желающих преподавать психологию, учебник психологии для средних учебных заведений и самообразования, разработал набор простейших приборов для преподавателей психологии.

В 1910 г. в Петербурге по инициативе А.П. Нечаева было создано Общество экспериментальной педагогики, ставившее задачей организацию всестороннего изучения психофизиологической природы детей, условий детского развития и воспитания при помощи естественнонаучных методов, а также распространение сведений о закономерностях развития ребенка и психологических основах воспитания и обучения.

Широкая и разнообразная научная и организационная деятельность А.П. Нечаева принесла ему заслуженную популярность в России и за рубежом. Его труды переводятся на многие иностранные языки. Он был избран почетным членом ряда русских и иностранных научных обществ и учреждений. По приглашению Британской ассоциации содействия научному прогрессу в 1914 г. А.П. Нечаев посетил Австралию и сделал в Сиднейском университете доклад об основах организации педагогической лаборатории, опираясь на свой опыт. Со многими деятелями мировой психологической науки (В. Вундт, Г. Эббингауз, Э. Мейман, В. Штерн и другие) А.П. Нечаев поддерживал личные контакты.

Выполняя огромную научно-организационную работу, А.П. Нечаев вел и систематические научные исследования. Его научные интересы в дореволюционный период концентрировались на познании различных сторон психического развития ребенка. Исходной позицией А.П. Нечаева в исследовательской деятельности было стремление к целостному познанию развивающейся личности. Стремясь к усовершенствованию учебного процесса на основе знания психологии ребенка, А.П. Нечаев уделил внимание в первую очередь процессам умственной жизни школьника. Путь к познанию интеллектуальной сферы школьника (да и всей его духовной жизни) он видел в изучении интересов ребенка. Исследование интересов и

внимания показало их тесную взаимосвязь с другими психическими процессами, в первую очередь с памятью. В своей лаборатории А.П. Нечаев на протяжении ряда лет проводил экспериментальное изучение мнемических процессов. Особое внимание А.П. Нечаев уделял нравственным чувствам, их формированию и воспитанию. В психологической природе нравственных чувств он подчеркивал их связь с интеллектуальными процессами. Исследования также были посвящены изучению эмоций и воли в структуре личности. Стремясь выяснить пути всестороннего развития личности, А.П. Нечаев много думал и о средствах этого развития. Важнейшее средство духовного развития он видел в родной речи. Поэтому он был внимателен к психологическим механизмам овладения речью, методам и средствам речевого развития.

В 1917 г. А.П. Нечаев стал директором Самарского педагогического института. С преобразованием его в 1918 г. в университет А.П. Нечаев дважды избирался его ректором (в 1918 и 1921 гг.).

В 1921 г. он был избран профессором Московского государственного психоневрологического института, а в 1922 г. — его директором. На этом посту он оставался до 1925 г. В 1922 г. А.П. Нечаев два раза был приглашен к больному В.И. Ленину для психологического обследования по собственным методикам.

В первые послереволюционные годы он продолжает экспериментальные исследования психологических основ обучения чтению, создает руководство по экспериментально-психологическому исследованию детей дошкольного и школьного возраста. Однако после 1923 г. он все больше переключается на другие области исследования. Основное место в них занимают психофизиологические аспекты. Он участвует в наблюдениях за психологическими особенностями учащихся военных учебных заведений, умственным развитием красноармейцев и организацией библиотечного дела в армии, участвует в разработке психологической стороны спасательной службы в шахтах, ведет экспериментально-психологические исследования летчиков и т.п.; исследует проблемы профессионального отбора и психического утомления. Его собственные интересы в этой области были направлены на изучение творческого труда, результатом чего явились психологический анализ побед и поражений в шахматной игре и психология технического изобретательства.

В 1926 г. А.П. Нечаеву была назначена персональная пенсия. Но он продолжал трудиться. Преподавал психологию в медико-педагогическом институте, Институте дефективного ребенка. С 1931 по 1935 г. он заведовал психотехническим сектором Центрального автоэксплуатационного научно-исследовательского института, был профессором-консультантом в Институте по изучению труда и отдыха при Наркомтруде.

2 апреля 1935 г. постановлением особого совещания НКВД по статье 58(10) А.П. Нечаев был присужден к ссылке в Казахстан за контрреволюционную агитацию. Для него это было тяжелым ударом. Отбывал ссылку А.П. Нечаев в Семипалатинске. Здесь он занимался проблемами физиотерапии, невропатологии, психиатрии. С 1935 по 1944 г. он был научным руководителем Института физических методов лечения, консультантом психиатрической больницы и детской амбулатории. Он был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». С 1944 г. он становится заведующим кафедрой педагогики и психологии Семипалатинского педагогического института. В 1946 г. Ученым советом института кандидатура А.П. Нечаева была выдвинута в действительные члены АПН РСФСР по отделению психологии (выборы не состоялись). 6 сентября 1948 г. он умер.

А.П. Нечаев прошел сложный и интересный жизненный и творческий путь. Он оставил ряд фундаментальных работ по проблемам общей, педагогической и экспериментальной психологии, психологии труда и авиационной психологии, психологии спорта и психофизиологии.

Литература

1. *Большакова В.В.* Экспериментальное изучение психологии школьников в трудах А.П. Нечаева // История становления и развития экспериментально-психологических исследований в России. М.: Наука, 1990. С. 189-199.
2. *Нечаев А.П.* Записки психолога // История становления и развития экспериментально-психологических исследований в России. М.: Наука, 1990. С. 201-213.
3. *Нечаев А.П.* Психология и школа: Избранные психологические труды. М.: Ин-т практической психологии: Воронеж: НПО «МОДЕК», 1997.
4. *Романов А.А.* А.П. Нечаев. М.: Изд-во УРАО, 1996.
5. *Никольская А.А.* А.П. Нечаев: жизненный и творческий путь // Вопросы психологии. 1997. № 2. С. 100-111.
6. Уроки исторической правды (Письмо профессора А.П.Нечаева в ЦИК СССР) // Психол. журнал. 1989. Т. 10. № 1. С. 144-147.

НАПРАВЛЕНИЕ 6. СЕМЕЙНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

С.В.Березин

Первичный прием матери наркомана: стенограмма и анализ

Предлагаемая читателю запись первичного приема матери больного наркоманией была сделана в 1998 году в реабилитационно-профилактическом центре «Второе Рождение». На протяжении нескольких лет на базе этого центра сотрудники психологического факультета СамГУ (К.С. Ли-сецкий, А.Э. Березовский, Р. Саакян, автор этих строк) а также студенты-психологи вели интенсивную профилактическую, реабилитационную и научно-исследовательскую работу. Результатом практической и научной деятельности коллектива психологов и психотерапевтов стали несколько монографий по проблемам профилактики наркотизма и реабилитации больных наркоманией и членов их семей, а также высоко эффективные коррекционные и психотерапевтические технологии работы с зависимыми и созависимыми. Большое внимание в деятельности центра отводилось вопросам подготовки и переподготовки специалистов различного профиля к работе с зависимыми и созависимыми. Разработанные специалистами центра образовательные технологии легли в основу обучающих программ и семинаров. Для нужд профессиональной подготовки и переподготовки в основном и делались записи коррекционных и терапевтических сессий.

Приведенная запись первичного приема матери больного наркоманией интересна тем, что в репликах, монологах и реакциях клиента отражены практически все наиболее важные характеристики и проявления созависимости. Типичные для созависимых неуверенность, страх, чувство вины, поляризованность сознания, ненависть, склонность к радикализму отражаются не только в том, *что* говорит клиент, но и в том, *как* она это говорит. Порой кажется, что перед нами два совершенно разных человека, иногда возникает ощущение, что слова, произносимые клиентом, являются фрагментами многократно произнесенного и почти заученного наизусть текста. Типична и история, рассказанная матерью наркомана, как типично и то, что на прием пришла именно она, а не муж или родительская пара.

Параллельно с диалогом психолога и клиента мы приводили его комментарии. Понятно, что в зависимости от профессиональной позиции, представления о природе и сущности наркомании и созависимости интерпретация этого диалога может быть различной. То, что кажется сильным

ходом психолога автору этих строк, может показаться читателю слабым, неэффективным или необоснованным профессиональным действием. Таким образом, читатель может не только познакомиться с теми или иными проявлениями созависимости, но и вступить в полемику с автором комментария по поводу их интерпретации, а также интерпретации действий психолога.

Клиент (К): Здравствуйте... Психолог (П): Здравствуйте, проходите... садитесь, пожалуйста.	
К: Извините, пожалуйста, что отрываю вас от работы...	Фраза, которая является вербальным маркером чувства вины и, одновременно, проявлением психологической защиты – снижение значимости проблемы.
П: ?! К: У Вас наверное и без меня работы хватает, а тут я со своими проблемами...	Максимально неопределенный невербальный ответ психолога создает условия для более выраженного проявления у клиента чувства вины и защиты. Здесь же скрытая просьба о помощи.
П: Что-то ... я... э-э...	Также неопределенный, но эмоционально теплый, поддерживающий ответ, переключаящий К с чувства вины и самооправдания на прояснение предмета консультации.
К: Просто я уже не знаю... я ничего не понимаю, что происходит... Беда какая-то...	Фраза, в которой проявляется воспитательная неуверенность и склонность к аффектам, характерная для матерей наркоманов [1]
П: Я Вас слушаю. Что Вас ко мне привело?	В работе с созависимыми очень важно удерживать отношения «Взрослый – Взрослый», возвращая К в рефлексивную позицию. Стандартное обращение к К .
К: (пауза) Мы колемся...	Здесь пауза вызвана фрустрацией потребности в общении типа «Дитя – Родитель» и необходимостью реагировать из Взрослого. Фраза «Мы колемся» отражает типичную для созависимых размытость границ «Я» и неопределенность самоидентичности [3].
П: Вы и ...	Здесь П стремится отделить проблему наркомана от проблем его родителей.
К: Да нет, мой сын!	Эмоциональная вспышка вызвана необходимостью разделения ответственности.
П: Вы говорите: «Мы колемся...» (акцентировано на «Мы»)	Фраза П ведет к усилению фрустрации.
К: (пауза) Ну... я уже не знаю, где он, где я... так-то он, конечно... (пауза) ...Я – мать наркомана	Очень важная фраза К , отражающая начало разделения в сознании себя и сына, а с другой стороны точно выражающая характер отношений в диаде «Мать – сын». Пауза маркирует осознание своего места в семейной ситуации и своей семейной роли.
П: Ваш сын наркоман... (с акцентом на «сын»)	П предлагает К принять наркоманию сына как исходную данность и развести ответственность между ними.

<p>К: Я уже не знаю: как жить, что делать, чем помочь... Помогите разобраться... За что? Почему? Может, мы что-то делаем не так? Что же я сделала не так? Что упустила? Где потеряла? Что еще могу исправить? Эти вопросы замучали... по ночам беспокойные сны... покоя нет ни днем, ни ночью. Чтобы попытаться найти ответы, я и пришла... Я в отчаянье, что я могу сделать? Не знаю, но чувствую, что это для меня очень важно...</p>	<p>Защитное соскальзывание, проявление страха принятия того, что сын наркоман. Для матерей наркоманов типичны бессмысленные поиск причин и возможных просчетов. Обращенность сознания в прошлое снижает напряженность отношений в настоящем. Здесь велика опасность «пойти на поводу» у К и пуститься в поиск возможных причин. Возможный зачин игры «Психоанализ» [2].</p>
<p>П: Я не уверен, что Вам станет легче... Я себе такой задачи не ставлю... Может быть будете лучше понимать, что происходит.</p>	<p>Психологу важно сохранить отношения «Взрослый – Взрослый», сразу определить предмет консультации, а также распределение ответственности за ее исход и эффективность.</p>
<p>К: ?! (пауза) А от кого это зависит?..</p>	<p>Здесь К избегает принятия ответственности за свои действия, характерная позиция для матерей наркоманов [4].</p>
<p>П: От Вас...</p>	<p>Фраза возвращает К ответственность за эффективность консультации и очерчивает предмет общения.</p>
<p>К: От меня... (плачет) (пауза) А от него?</p>	<p>Здесь плач и пауза вызваны необходимостью отказа от привычного созависимого типа поведения. К соскальзывает в привычную позицию делегирования ответственности. К отрицает проблему в себе, усматривая ее только в наркомании сына.</p>
<p>П: То, что происходит с ним – от него..., то, что происходит с Вами – от Вас</p>	<p>Психолог в очередной раз показывает, что он не намерен оправдывать ожидания К и действовать в соответствии с заготовленной для него схемой.</p>
<p>К: Я... я догадывалась... были у меня подозрения, но я не хотела верить! А тут... куда пойдешь с этим? Нужно, чтобы посторонние не узнали... Я постаралась сама...</p>	<p>К избегает принятия ответственности и соскальзывает на привычный и хорошо освоенный монолог, цель которого – вызвать Родительскую реакцию (жалость или порицание) собеседника. В этой фразе – типичное проявление вытеснения, характерного для семей наркоманов на латентной стадии наркотизации.</p>
<p>К: Я консультировалась по телефону, читала книги по наркозависимости, но мнения были противоречивы. А сердцу неспокойно. Я поделилась с подругами и родственниками своими подозрениями. Они сказали, что у меня хороший сын, а я сошла с ума и извожу его своими подозрениями. Я пошла на консультацию к психологу по наркозависимостям (одновременно и своему личному консультанту). «Оставь сына в покое. Да, он похоже покуривает травку,</p>	<p>Сообщения о фактической бесполезности книг по наркологии и некомпетентности «консультанта по наркозависимостям» в данном контексте с одной стороны – проявление оскорблений, характерных для семей наркоманов, а с другой – манипуляция, цель которой – вызвать у психолога чувство вины и спровоцировать его к «выгодной» для К стратегии консультирования. Феномен веры здесь выполняет выраженную защитную функцию. С другой стороны «я поверила...» приводит к тому, что часть реально-</p>

но это не страшно, к ней не привыкают. Покури с ним сама, может лучше его поймешь». Я не то, чтобы успокоилась, но... Я поверила...	сти, вызывающая опасения и психическое напряжение, просто игнорируется.
П: То есть, есть разница между тем, что есть и тем, во что Вы верите?	Этой фразой психолог пытается вернуть К к реальности. Фраза, неожиданно для К показывающая иллюзорность ее надежд и невозможность «спрятаться» за веру.
К (неуверенно): Да... получается... да	Неуверенность и замешательство К свидетельствуют об осознании и эффективности действий психолога. Пауза здесь способствует закреплению осознания у К .
П (пауза): Как Вы узнали, что Ваш сын – наркоман?	Слабый ход. Психолог теряет очень перспективную возможность для дальнейшей интервенции. Здесь кроется опасность игры «Анамнез». Не исключено, что психолог просто не был готов к реакции К и поэтому «прячется» за сбором информации.
К: Кажется, я ко всему привыкла и уже не боюсь ничего, но слышать о сыне – «наркоман»... Не помещается это в голове...	Здесь К сообщает о механизмах защиты по типу отрицания и вытеснения [4].
Как узнала? Телефонный звонок. Я в каком-то жутком предчувствии хватаю трубку и слышу голос сестры, словно издали: «Оля, ты была права. Максим – наркоман, я все узнала. Твои предположения подтвердились, только правда еще хуже, чем ты думаешь. Он не курит марихуану, он колет героин. Но ты не расстраивайся...» Она еще что-то говорит, но я ничего не слышу. Меня как будто парализовало, я не могу пошевелиться, сердце бешено отстукивает: «героин, героин» - 150 ударов в минуту. Надо что-то делать, срочно предпринять, бежать, звонить! Кому?! Куда?! Трясущейся рукой набираю телефон мужа – трубка отключена. Тогда звоню первому мужу, отцу Максима...	Если для латентной стадии наркотизации характерны вытеснение и игнорирование информации, то момент обнаружения факта наркотизации у ребенка практически всегда вызывают аффективный всплеск и стремление немедленно что-то делать, что ведет к хаотичным и часто неэффективным поступкам и реакциям [2].
- Алло, это я – я задыхаюсь, пропадает голос, заикаясь, что-то объясняю. Он ничего не понимает. Он мне: - Ты, что, пьяная? Что случилось? Я начинаю рыдать и, наконец, сквозь слезы произношу шепотом: - Твой сын - наркоман. Я тебя предупреждала, я была права, я была права...	Типичная реакция для матерей наркоманов: обвинить биологического отца и делегировать ему ответственность. Эмоциональность, с какой обычно это делается, направлена на то, чтобы вызвать у бывшего мужа чувство вины [2].
П: Вы говорили об этом Вашему бывшему мужу...	Ситуация, когда супруги в разводе, но биологический отец участвует в жизни семьи - достаточно типичны для наркоманов. Здесь психолог

	пытается понять степень такого участия.
К: Да... я догадывалась... Я думала, может он что-то сделает...	Признание фактической воспитательной несостоятельности семьи.
П: А Ваш муж?	Вопрос, направленный на диагностику семейной ситуации. Открытая форма вопроса побуждает К высказываться о наиболее важном.
К: Ну он же ему чужой! Как же он моего сына будет воспитывать?	Фраза, свидетельствующая о существовании семейной подсистемы «Мать – сын». Возможны симбиотические отношения с сыном. Отчим на периферии семейной системы. Характерная для «наркоманских» семей ситуация. Двусмысленность фразы позволяет психологу реализовать прямой вопрос (интервенция).
П: Вам было бы легче, если бы Максимом занялся его отец?	Вопрос, раскрывающий для К двойственность ее отношений с сыном: с одной стороны - тесные отношения с ним, с другой – стремление избавиться от него [2].
К: ...Ну.. да нет... но ...Да! У нас с мужем если портились отношения – из-за Максима.	Констатация типичного для данного типа семей феномена: сын между матерью и отчимом.
И потом, я просто испугалась: если что, что я скажу его отцу?..	Эта фраза говорит о незавершенности отношений К с ее бывшим мужем и ее эмоциональной зависимости от отношений с ним. Опасность обсуждения этой темы приводит к соскальзыванию на обсуждение проблем подруги К : о чужом говорить безопаснее.
Тут у нас у сотрудницы умер сын... на лестничной клетке, не дойдя до своей квартиры. От передозировки наркотиков. Ему было всего 20 лет.	Фобия утраты является одной из основных составляющих Синдрома Родительской реакции на наркотизацию (СРРН) [3].
П: Вы боитесь возможных упреков с его стороны?	Слабый ход. Психолог спрашивает об очевидном. Позитивный смысл этого вопроса заключается в том, чтобы обратить внимание К на деструктивное влияние ее страхов и продиктованных ими поступков.
К: Тогда боялась... Да сейчас тоже боюсь... И от людей стыдно...	Стыд, как и страх типичен для матерей наркоманов. Осознание их негативного влияния на семейные отношения – важный шаг в преодолении созависимости.
П: Правильно ли я Вас понял: Вы очень боитесь реакции тех, кто Вас окружает?	Задавая этот вопрос об очевидном, психолог расширяет круг тех лиц, чьих реакций боится клиент и одновременно формирует «Да-реакцию» с помощью Парафразы (Правильно ли я Вас понял...).
К: Да...	В данном случае, согласие К – это запрограммированная реакция.
П: Как Вы думаете, чего Вы боитесь на самом деле?	Это вопрос психолога, обращенный к Взрослому К звучит слишком рано! К не готов к осознанию реальных причин своих страхов. К испуган. Вопрос имеет скрытый подтекст.
К: Я... ну... это... Я не знаю...	К в замешательстве

<p>П: Я знаю, что Вы не знаете, а что будет, если узнаете?</p>	<p>Этот вопрос психолога не подготовлен. Поскольку К напуган, он соскальзывает на безопасный для себя рассказ о сыне сотрудницы.</p>
<p>К: Я боюсь... Его мать тоже отказывалась верить, что ее «солнышко», ее «милый мальчик», дорогой, любимый, единственный – наркоман. В последнее время он очень хотел жить, хотел лечиться, все время говорил об этом. Бесконечные хождения по врачам ни к чему не привели. Ломка, лечение, 2-3 дня воздержания, и все сначала.</p>	<p>В этой части рассказа отражена типичная для наркомании игра «Хочу жить...», суть которой в том, что наркоман заявляет и твердит о желании лечиться, тем самым усыпляя бдительность родителей и продолжая употреблять наркотики.</p>
<p>А начиналось все, как у всех. Он говорил, что ему дали попробовать на дискотеке «экстази». Сказали: «Не бойся, будет легко и радостно, танцевать будешь лучше всех, и все девчонки будут твои». И он, хороший мальчик из интеллигентной семьи, побоялся прослыть трусом.</p>	<p>Очень распространенный миф, поддерживаемый и наркоманами, и их родителями. Миф, облегчающий делегирование ответственности за наркотизацию «коварной наркомафии» [5].</p>
<p>Жизнь без сына для нее стала кошмаром: прошел год, а она все искала его и не верила в его смерть. Муж замкнулся в себе, она чувствовала свою вину и не находила себе покоя. Ведь это она, отчаявшись бороться в одиночку, в страшные дни ломок, продавала последнее, покупала наркотик и колола сыну, лишь бы он остался жить. Она пришла ко мне в отчаянии, пришла за помощью, так как мы были подруги, обо всем рассказала... (пауза)</p>	<p>Характерное и крайне опасное поведение матерей наркоманов. Фактически, матери превращаются в соучастниц наркотрафика. Чувство вины за это ведет к еще большей утрате адекватности в поведении и действиях.</p>
<p>Тогда я боялась поверить в то, что мой сын – наркоман.</p>	<p>Характерное для стадии латентной наркотизации поведение родителей: опасность вытеснения.</p>
<p>Однажды я завела с ним разговор о наркомании. Он оказался просвещен в этом вопросе лучше меня. Читал, смотрел передачи, как оказалось, и пробовал. Но это я узнала позже. Мне же он говорил:</p>	<p>В подавляющем большинстве случаев дети осведомлены о проблемах наркомании лучше, чем их родители [6].</p>
<p>«Да, мама, кругом одни наркоманы. Но я же не дурак, я никогда им не стану. Я люблю тебя, люблю жизнь, хочу хорошо жить и хорошо зарабатывать. У меня своя голова на плечах»</p>	<p>Одна из наиболее опасных предпосылок наркотизации: уверенность подростка в том, что он полностью способен контролировать ситуацию. Очень важной здесь является фраза «хорошо жить и хорошо зарабатывать». Наркотики в молодежной среде часто воспринимаются как атрибут «хорошей» жизни. Сказанное К позволяет выдвинуть гипотезу о неадекватной самооценке у подростка и о наличии у него завышенного уровня притязаний.</p>
<p>У него не было от меня секретов, а у меня от него. Мы везде были вместе... Я старалась все про него знать...</p>	<p>Стремление контролировать жизнь сына может быть вызвано либо ухудшением отношений с мужем, либо подозрениями на употребление</p>

	наркотиков. На проверку этой гипотезы направлен следующий вопрос психолога.
П: А ваш муж...	Диагностически ориентированный вопрос.
К: Он? А что муж... это же мой сын...	Ответ, проясняющий «семейный смысл» наркомании: подросток таким образом укрепляет коалицию с матерью либо освобождается от отношений с ней [2].
П: То есть, найдя себе мужа, Вы так и не позволили ему стать отцом Вашему сыну?	Интерпретация психолога (как терапевтическая техника).
К: Ну... (пауза) Да (устало), я боялась, что он будет с ним ... не очень... ну... слишком строг... Я... (пауза)	Ответ К показывает, что интерпретация психолога верна и принимается клиентом.
Я замечала, что чем сильнее я занимаюсь сыном, тем хуже становились мои отношения с мужем... Но (поспешно) мне сын дороже всего!	Поспешность, с которой произносятся слова «мне сын дороже всего», показывает вытеснение неприятия его. На самом деле он воспринимается ею как помеха. И таким образом его наркомания – способ привязать к себе мать, а ее активность по спасению сына – компенсация чувства вины за ненависть к нему. Эта ненависть вызвана его нежеланием принимать тот тип отношений, который предлагает мать. наркомания может быть направлена на то, чтобы освободиться от этих отношений и одновременно привязать к себе мать.
Я хотела, чтобы наши отношения с сыном всегда были такими... Но...	
Постепенно его характер стал изменяться, он становился беспричинно злым, ворчал, вспыхивал как спичка по пустякам, вечно был чем-то недоволен. Особенно был недоволен тем, что я даю ему мало денег на дискотеки и одежду. Изменения в характере я списывала на подростковый возраст. Деньги давала в разумных пределах. Но, постепенно они стали исчезать, а он всегда находил уважительную причину. То потерял, то отняли, то «кинули». Я стала замечать странности в его поведении и внешнем виде. Он находился то в эйфории, то в злобности. Зрачки то узкие, то расширенные. Вечером не уснуть, утром не проснуться. Лицо то бледное, то красное. Я стала говорить ему об этом. Он сначала отшучивался: «Да, я пью, курю и колюсь одновременно». Потом более агрессивно: «Отстань, надоело, все это твои выдумки! Наслушалась своих дур на работе. Уже в лифте становится противно от твоих подозрений. Мерещатся уже тебе наркоманы, лечиться тебе	Здесь описано типичное для стадии латентной наркотизации поведение подростка. Несмотря на его экстремальность, многие родители как бы «не замечают» проблем. В этот период реакции родителей становятся крайне противоречивыми, чем легко пользуются наркоманы [2].

надо!»	
Он заканчивал 9 класс, учиться стал плохо, грубил учителям. Ему предложили в 10 класс пойти учиться в другую школу. По рекомендации мы выбрали престижную школу, выпускные экзамены в которой засчитываются при поступлении в институт. Класс был сборный со всего города.	
Он сел за парту с девочкой, героиновый стаж которой был 2 года. Вот с этой девочкой и приятелем по тренировкам он стал приобщаться к героину вместо уроков в спортзале рядом со школой. И вот, мой сын - наркоман.	Нужно иметь в виду, что причины и ситуация приобщения к наркотикам, о которых говорят родители, могут ничего общего не иметь с реальностью.
Да там... вся школа...	Иррациональное утверждение защитного характера.
П: Вся (акцентировано)...	Сомнения в обоснованности утверждения (техника реагирования на иррациональные убеждения).
К: Ну... да, нет, не вся, но... (далее спокойно, ровно)	Реакция, показывающая результативность действий психолога.
Я пыталась поговорить с классной руководительницей и медсестрой о том, что проблема наркомании в школе существует. Предлагала решать ее вместе. Естественно, я не могла говорить о своем сыне – его бы тут же отчислили. Но он был не единственным – это я знала точно. Результат разговора не заставил себя ждать: мне позвонил отец Максима и попросил больше не предпринимать в школе ненужный шум. К нему приезжали и предупредили. Я пошла к психологу на прием... Там мне сказали:	Весь последующий монолог К носит защитный характер и направлен на избегание напряжения за счет описания проблемы и связанной с ней ситуации. Защита осуществляется с помощью «описательного ухода», когда создается видимость контакта, хотя на самом деле происходит уход от контакта.
«Вам нужно знать, что принимать наркотики начинают подростки, которых мать не любит. Может это и не про Вас. Оставьте его дня на три дома и посмотрите, что будет. Будет ломка, тогда надо лечить медикаментозно, не будет – тогда психотерапией. Пусть приходит ко мне». Он ходил к психологу три раза «только по моей просьбе» и больше не захотел. Меня охватило отчаянье.	Довольно часто рассказ о негативном опыте общения с психологами носит характер двойного сообщения: с одной стороны, К «поглаживает» П: «ты не такой, ты – лучше», с другой стороны, он нападает на психолога: «Я уже была у одного такого». Очевидно, что ситуация – это ловушка для психолога.
Я пошла на тренинг, который вели западные психологи. Проревела все четыре дня. В дни тренинга проконсультировалась с известным иностранным психологом. Она посоветовала: «на западе в отношении наркоманов	Это высказывание хорошо иллюстрирует взгляд на созависимость как сложную, многоуровневую проблему клиента в социальном контексте, требующую <u>длительной</u> работы и не решаемую на уровне <u>конкретных советов</u> . Созависимые провоцируют специалистов на

<p>есть такое понятие, как «жестокая любовь». Его необходимо контролировать во всем: в деньгах, во времени, в занятиях. А главное, делайте как можно больше хорошего для себя, вам важно выстоять. Обратитесь к людям или силам внутри или вне вас, к тому, во что верите». Я ушла с надеждой в очередной раз, но увы, обстоятельства сильнее меня.</p>	<p>высказывание конкретных рекомендаций, ни одно из которых они не намерены выполнять. Такое поведение очень напоминает игру «Да, но...» Итогом этой игры является убеждение К типа: «Никто не может мне помочь...» Этот рассказ К показывает хаотичность и бессистемность поистине колоссальных усилий созависимых, весь смысл которых заключается в убеждении: «Я делаю все, что в моих силах...»</p>
<p>Я пригласила домой врача, который занимается подростками с наркозависимостью. Она принесла с собой кассету с ужасами, наркоманами и трупами. Он смотрел, слушал, дрожал, сказал, что бросит обязательно. Пошел и укололся. Я купила еще одну кассету про наркоманов-подростков, дала ему журнальные статьи и книги. Эффект тот же: сначала страх и ужас: «я не хочу быть таким», а затем острое желание опять ощутить кайф, а там будь, что будет.</p> <p>Через знакомых нашла хорошего нарколога. Мы с сыном пришли к ней на прием. Она сказала: «Физической зависимости нет, нужна психотерапия». Он очень обрадовался... и сорвался. Зависимость появилась быстро.</p> <p>Обратилась к экстрасенсу. Она работала со мной и с сыном по фотографии. «Результаты будут позднее». Я жду и надеюсь.</p> <p>Я участвовала в тренингах, искала специалистов через знакомых и в клиниках. Один из них на мою просьбу поработать с сыном, спросил, где я была, раньше?</p>	
<p>П: ...</p>	
<p>К: А то я без него не спрашивала себя об этом... Я уже ни о чем другом и не думаю...</p>	<p>Фраза, которая подтверждает, что поведение К – это фиктивно-демонстративная деятельность. Настоящий смысл этой фразы: «Никто мне не поможет...»</p>
<p>Но чем больше я об этом думаю, тем труднее мне что-либо понять...</p>	<p>На уровне интуитивном К понимает бесполезность, бесперспективность и конечную опасность постоянного поиска причин. Состояние типичное для созависимых [4].</p>
<p>П: Правильно ли я Вас понимаю, что Вы заняты поиском причин и объяснений...</p>	<p>Техника спецификации важного содержания. Переключение К во Взрослое эго-состояние с помощью парафразы.</p>
<p>К: (обдумывая) Да... да ничего больше в голову не идет...</p>	<p>Реакция К показывает эффективность спецификации.</p>
<p>П: Если голова занята этим, может ли в нее прийти что-либо еще?</p>	<p>Техника конфронтации, направленная на активизацию свободной (здоровой) части Взрослого</p>

<p>К: Так что, не думать об этом вообще?!</p>	<p>К. Проявление типичной для созависимых поляризованности суждений (Наркомания глазами семейного психолога).</p>
<p>П: Думать... Думать... Вы знаете, есть такой способ погружения в гипноз... К (с удивлением): Я... правда как во вне...</p>	<p>Техника иллюстрации, которая ведет К к осознанию. Индикатор осознания здесь – удивление. Весь последующий монолог произносится из состояния «Взрослый», который еще более активизируется.</p>
<p>Я как будто сплю и вижу кошмарный сон. Видимо, мой организм не может переносить эту боль, и он «уснул». Во время очередной угрозы жизни моего сына, я просыпаюсь. Начинаю куда-то звонить, говорить, ездить, решать, искать. То загораюсь идеей поехать вместе с ним в монастырь на какое-то время, заказываю молитву сорокоуст в монастыре, то узнаю адреса клиник и стоимость лечения там, оговариваю возможные варианты и способы. Предлагают лечиться в Польше, в Израиле, под Москвой, у нас, но с американскими специалистами. Подшивка двух капсул по 3000\$. Я пыталась его лечить... Что получилось...</p>	<p>Поведение, описываемое К напоминает поведение больного в маниакальной стадии. Анализ истории болезни наркоманов показывает абсолютную <u>бесполезность</u> совершаемых в данный период усилий.</p>
<p>Нас приветливо встретила заведующая отделением, обаятельная, милая женщина, рассказала о хороших результатах, пригласила лечащего врача, побеседовала с Максом. Сказала, что главное у них — это принцип добровольности и открытости. Если он захочет уйти, позвонят маме, и он уйдет. На мой вопрос, можно ли нам приезжать, ответили, что можно, но не нужно: у него будет все необходимое. Лечащий врач побеседовал с ним в течение 5 минут на приеме и 5 минут в течение всего пребывания. Мы приезжали ежедневно, Макс нам очень радовался, т. к. был там один, без какой-либо поддержки. «Поддержку» он получил от приятеля по палате, наркомана «со статусом», иномаркой, радиотелефоном и наркотиками. Он привез ему в долг. После этого врачи вкололи Максиму большую дозу нейролептиков и оставили без присмотра. Очухавшись слегка и плохо соображая, в пижамах, он вышел на улицу в ларек за сигаретами. Там у него начались судороги и отнялась речь. Спасибо, добрые</p>	<p>К глубококому сожалению, в подавляющем большинстве случаев отношение к наркоманам в лечебных центрах характеризуется как крайне прагматичное и циничное и основывается на <u>коммерческом</u> характере деятельности таких центров. Наш опыт работы показывает, что такие центры не должны быть коммерческими в принципе: как только наркоман понимает, что его лечение – это предмет бизнеса, ориентированного на коммерческую прибыль, возникает реакция отторжения. Говоря языком Транзактного анализа, Спаситель превращается в Палача.</p>

<p>люди дотащили его до больницы. Когда приехал муж, Макс был в тяжелом состоянии, заикался, Врачи обо всем умолчали. Нам предложили продлить лечение еще на 5 дней, совмещая психотерапию с лекарствами. Мы отказались. Очень жаль, что не выдаются с дипломом врача любовь, понимание и доброта. А ведь именно в них так нуждаются те несчастные девочки и мальчики, которые лежат в наркологическом отделении. Знают ли об этом их родители? Подростки находятся там вместе со взрослыми наркоманами, у многих из которых цель — не вылечиться, а «очистить» организм, чтобы снизить дозу. Есть, безусловно и те, кто излечиваются. Но на это уходят месяцы, а иногда и годы.</p>	
<p>Из больницы Макс выписался в состоянии легкой эйфории. Говорил, что теперь здоров, что была физическая зависимость, а теперь осталась только психическая, и с ней он справится. На другой день эйфория сменилась апатией и мы поехали к наркологу-психотерапевту. Параллельно мы обратились к гомеопату, которая лечит наркоманов. Она отметила, что у Макса слабая мотивация на то, чтобы бросить наркотики. Нарколог сказал, что мой сын научился получать в жизни удовольствия, а пора заняться делом, найти ему на первое время хотя бы серьезную домашнюю работу. Предложил выполнить упражнения, смысл которых Макс не понял, да и не мог понять в тот момент, посоветовал прочесть «Гамлета», как крутой детектив. Замечательный врач, но Макс пока его не слышит и не воспринимает.</p>	<p>Это характерная реакция наркоманов, безусловно, очень опасная для них. Их уверенность, оптимизм в этот период не должны усыплять бдительность.</p>
<p>Говорит: «Зачем ты платишь зря такие деньги? Лучше давай что-нибудь купим!»</p>	<p>Фраза, показывающая, что Максим не осознает всей сложности и силы его психологической зависимости от наркотиков.</p>
<p>...Вечером подступила депрессия, он не находил себе места, лежал, курил, говорил, что душа болит, потом встал, подошел ко мне со слезами:</p>	<p>В динамике состояния наркомана в период ремиссии есть объективно обусловленные критические периоды: 3, 7 ... день?</p>
<p>«Я все решил, лучше я проживу 5 лет, но с героином, чем всю жизнь, как сейчас. Главное, найти денежную работу, чтобы хватало на наркотик».</p>	<p>Фраза, являющаяся абсолютным индикатором сохранности психологической зависимости и 100% (!) вероятности возврата к наркотизации.</p>
<p>Я испытала очередной шок, с трудом</p>	

<p>пришла в себя. Я видела, как ему плохо, я страдала вместе с ним. Пришли его друг и девушка, целый вечер мы провели вместе. Мысли о наркотике отступили. Неделю он провел дома. Были срывы: пытался украсть деньги, ключи, наелся таблеток, которыми лечился. По ночам звонили наркодельцы и предлагали нар-</p> <p>котики. Я отобрала телефон и отвечала на звонки сама.</p>	
<p>Один авторитетный в городе психиатр, к которому я обратилась с просьбой, сказал, что больше он наркоманами не занимается, так как он два года «тащил» одного, а тот взял на днях и застрелил свою мать. Вообще, по рекомендациям звоню многим, но часто люди отвечают, что уже не занимаются наркологией, сил хватает ненадолго.</p>	<p>Действительно, столкнувшись с тщетностью своих усилий, многие специалисты, обладающие опытом и владеющие методиками, уходят из этой сферы. Эта проблема пока не нашла в научной литературе освещения и практически не исследована.</p>
<p>Один психотерапевт посоветовал «сходить к бабке»: главное, вернуть себе веру, что все получится. Но где ее взять, если я знаю, что ни одному наркоману нельзя помочь.</p>	<p>Одно из самых опасных заблуждений представителей помогающих профессий, работающих с созависимыми заключается в подмене ответственности пациента за то, что с ним происходит здесь и теперь верой в то, что когда-нибудь все изменится к лучшему. Такая вера не добавляет оптимизма, а лишь фиксирует созависимость.</p>
<p>Так я сама себя гипнотизирую...</p>	<p>Очень важный вывод.</p>
<p>П: Что меняется от этого в Вашей жизни?</p>	<p>Вопрос психолога, обращенный ко Взрослому К, направлен на укрепление Взрослого</p>
<p>К: Так легче... наверное</p>	<p>Здесь фраза К показывает его осознание реального смысла и функции его состояния и поведения.</p>
<p>П: Вы выбираете жить «как легче»?</p>	<p>Слишком поспешное использование техники «конфронтация». К воспринимает фразу П как упрек и «выдает» Детскую реакцию</p>
<p>К: Ничего себе: «легче»...</p>	
<p>П: Вас пожалеть?...</p>	<p>Фраза психолога, обращенная ко Взрослому К.</p>
<p>К: Теперь нет... Раньше ждала жалости. Я бы хотела сделать другой выбор.</p>	<p>Ответ показывает, что К осознает, что созависимость – это способ адаптации к наркомании ребенка и, по сути, способ жить «как легче». То есть К, по сути, неявно формулирует запрос на психотерапию.</p>
<p>П: ?!</p>	<p>Неопределенно-вопросительная реакция П вынуждает К сформулировать свой запрос в явной, открытой форме, что само по себе уже достижение</p>
<p>К: Я хочу сделать другой выбор!</p>	<p>Запрос на психотерапию. Фраза, подкрепляющая решение, сделанное К</p>
<p>П: Не знаю...</p>	<p>Фраза П, фрустрирующая К</p>
<p>К: ?!</p>	<p>К в замешательстве, напряжение нарастает</p>

<p>П:?!</p>	<p>Неопределенная реакция П приводит к нарастающему напряжению, для избегания которого К привычно «соскальзывает» на поведение, характерное для созависимых: делегирование ответственности, поляризованность суждений, рационализация и вытеснение и т.п. Монолог К, показывающий подмену реальности иллюзиями.</p>
<p>К: Вы знаете, мой сын не скрывает, что в нем сидят два человека. Первый хочет отказаться от наркотиков, а другой уговаривает его: «Ну, сделай это в последний раз». Вот здесь-то и поджидает ловушка. В наркомании не бывает последнего раза! Вернее, если бывает, то перед смертью. Нельзя «сделать это в последний раз»! Можно только раз и навсегда отказаться, сказать «нет» наркотику и продолжать говорить так всю жизнь. Но это под силу только сильному, слабый на этом ломается. А где, в чем сила наркомана? Я думаю, только в вере, надежде, любви...</p>	
<p>П: Я не вижу, что Вы готовы к другому выбору...</p>	<p>Обращение П к здоровой, то есть свободной части Взрослого К. Фраза, возвращающая К в реальность.</p>
<p>К: Что я должна сделать?</p>	<p>Фраза с двойным смыслом: 1) скажите, я сделаю; 2) чего Вы от меня хотите. В построении фразы участвует Адаптивный и Бунтующий Ребенок К. Это, по сути, ловушка для психолога. Индикатор опасности здесь - слово «должна».</p>
<p>П: ?? (пауза) То, что Вы сейчас мне рассказываете, помогает мне решать <u>мою</u> профессиональную проблему... Помогает ли это Вам решать <u>Вашу</u> проблему?</p>	<p>П предлагает разделить ответственность за результаты терапии. Активизация Взрослого К.</p>
<p>К: Мне?... (длительная пауза) Я признаюсь Вам... И себе, конечно, в первую очередь (очень эмоционально): я его ненавижу! ...Знаете ли Вы, что такое крайняя степень сволочизма? Не знаю, как Вы, а я узнала. До того я считала, что наглость, свинство, глупость – последствия болезни... и ее степень. А сегодня я поняла, что это не форма и не степень, а содержание. Нутро наркомана – это крайняя степень сволочизма! Я еле держусь, чтобы его не убить, чтобы не разможжить ему башку, не задушить! У меня бешено бьется сердце, дрожат руки, перехваты-</p>	<p>Активизация после паузы Ребенка К показывает наличие динамики К, связанную с осознанием. В данном монологе происходит принятие и осознание ранее вытесняемых реакций и отношений.</p>

<p>ваит дыхание, слезы льются ручьем. Только вчера мой муж сам ездил выкупать его и его девушки сумку и документы, заложенные у продавцов наркотиков в обмен на героин. А сейчас выяснилось, что пропал подаренный мне мужем телефон. Это была не игрушка и не роскошь, а предмет необходимости. И мой сын совершил эту подлость – украл его и заложил!</p> <p>А семья?! Как мы живем?..</p> <p>...С каждым днем трясина наркомании затягивает нашу семью. Сын ворует вещи и деньги в доме и пропадает. Дорогостоящие вещи (музыкальный центр, видеокамера, видеоманитофон, магнитофон, фотоаппарат, золотые серьги и т.д.) заложены в ломбард.</p>	
<p>Муж говорит, что если он еще что-нибудь украдет, пусть сядет в тюрьму.</p>	<p>Позиция мужа К ярко иллюстрирует характерную для отцов наркоманов эмоциональную и поведенческую неустойчивость и отрицание материнского стиля поведения [2].</p>
<p>Но еще ни одна наша тюрьма не излечила от наркомании! Кроме того, и там курят, нюхают и колются. Максим обещает завязать к каждому празднику. Обещаний хватает ненадолго. Телефон звонит круглые сутки. Дом как штаб-квартира – постоянные секретные переговоры, встречи.</p>	<p>«Секретные» переговоры ведутся как правило с использованием специального сленга, непонятного родителям</p>
<p>Вечером не уснуть, утром не проснуться, в школе сплошные прогулы, на грани отчисления. Погрязли во вранье. Самое ужасное, что я каждый раз верю. Обманет всех: родителей, друзей, других наркоманов и прежде всего самого себя. Его изощренности во вранье не перестанешь удивляться.</p>	<p>Да, конечно, наркоманы – изощренные вруны, но дело не в их изощренности, а в патологическом легковерии родителей. Для них не верить – значит принять то, что шансов у их ребенка очень мало.</p>
<p>Его отец сначала пытался ему помочь. Убеждения и наказания были бесполезны. Однажды помог выпутаться из некрасивой истории. Уплатил долги, заплатил истраченные на наркотики деньги за школу и... «умыл руки»</p>	<p>Та же неустойчивость, неуверенность в отношениях с ребенком-наркоманом. Отвержение ребенка.</p>
<p>Я сначала упрекала его, что-то требовала от него... Потом как-то вдруг поняла: сын рос не с ним, сын рос в моей семье, которая не состоялась. А бывший муж... он не хочет за него отвечать... Я сначала обиделась, а сейчас думаю: если бы каждый отвечал за себя и за свои действия...</p>	

П: Вы так можете?	Обращение ко Взрослому К , направленное на осознание деструктивности поведения К
К: Я пытаюсь отвечать за жизнь сына, за действия мужа...	На самом деле речь идет не об ответственности, а о контроле.
П: Кто отвечает за Вашу жизнь?	Техника конфронтации
К: Кто-то должен отвечать за моего сына.	Родительская реакция К говорит о неподготовленности конфронтации
П: Как Вы думаете, Вашему сыну нужно отвечать за свою жизнь, если за нее отвечают другие?	Очередная попытка вмешательства. Также не подготовлена.
К: Отчим пытался помочь ему материально, выкупить вещи в ломбарде, но Макс его обманул. Отчим купил сейф, сложил туда все ценные вещи и врезал в спальню замок. Младший сын все время спрашивает меня: «А он не умрет?». Я его успокаиваю. Но учиться стал хуже, да и настроение часто плохое.	К уходит от обсуждения опасной для нее проблемы, соскальзывая на обсуждение поведения других людей.
Для него и времени не хватает... Растет так, как одуванчик в огороде. Но Вы знаете, он как-то так взрослее стал, серьезнее... не по годам взрослый и рассудительный. Иногда поддерживает меня. Боюсь за него... А что делать? Все ведь у него на глазах сейчас.	Это высказывание К иллюстрирует феномен псевдовзросления младших детей в семьях наркоманов. Положение младшего ребенка в данной семье позволяет отнести его к группе риска с точки зрения формирования отклоняющегося, в том числе и аддиктивного поведения [2].
Моя мама категорически настроена против Макса и предлагает вывезти все ценные вещи из квартиры, даже компьютер. Боится, что у него будут долги. Меня она в строгости воспитывала. Она вообще человек прямой и жесткий. Мне с ней всегда было трудно. Отец, тот меня понимает: он добрый, мягкий... даже, наверное, слишком. Если бы не болезни его... У него язва... Мама приезжает часто, ругает меня, обижает часто. А что я ей скажу? Макс с ней чуть не дерется... Я не могу этого видеть... Я плачу все время.	Достаточно распространенная ситуация в родительской семье матерей наркоманов: авторитарная, отвергающая мать и мягкий, безвольный отец. Нетипичным является в данном случае язва у деда Максима: гораздо чаще у мужчин встречается алкоголизм.
Вот вчера... Пришел Макс, я расплакалась, он стал меня утешать, сказал, что все будет хорошо, просил прощения. Он согласен лечь в больницу завтра, а сейчас ему плохо, нужны 300 рублей или какая-то вещь, он потом все отработает, когда вылечится. Или все равно он сейчас уйдет, где-нибудь найдет денег или украдет. Я сопротивлялась, как могла. Но он ушел. Уколется и придет. Скорее бы дожить до завтра, скорее бы утро!..	В этом монологе описано поведение, типичное для отношений в семьях с наркозависимыми: ложь, обман, манипуляции, воровство, бессилие родителей, их иллюзии, спасительная и защитная для них вера и наивность [2].

Так всю ночь... Смотрю, а он 200 рублей из кошелька украл... только что ведь клялся, плакал вместе со мной... Неужели ничего святого не осталось у него?	
П: Хм-м...м...	
К: я очень устала за это время. Что впереди? Чем закончатся наши испытания? Хотелось бы верить в лучшее. В то, что Макс обязательно поправится, а вместе с ним семья обретет счастье и покой. Говорят, после стационарного лечения необходим как минимум год реабилитации, при этом врачи рекомендуют увезти человека от прежних связей.	
Но Макс пока не согласен.	Еще один индикатор того, что Максим не собирается лечиться. Все его лечение – это игра! И наркоманский спектакль.
Как мне быть? Я чувствую: Вы можете мне помочь...	Очень опасная для П ситуация поскольку она содержит ловушку: если П говорит «Да» - он обещает невозможное и тем самым подтверждает позицию «Все бесполезно». Если он говорит «Нет» - он также подтверждает ее бессознательные опасения.
П: Как Вы сами думаете? За то время, которое мы с Вами провели, что-то происходило с Вами, что-то дало Вам наше общение?	П игнорирует «наживку» и обращается ко Взрослому К
К: (пауза)... (С удивлением) Я шла за советами, я всегда жду от специалистов советов...	Фраза, показывающая, что активность созависимых по «спасению» их ребенка – это тоже <u>игра</u> и тоже <u>спектакль</u>
Я не получила никаких советов... Но мне стало как-то... Спокойнее? Нет. Легче?... Увереннее? Нет... Что-то я поняла сегодня!..	
П: Пока мы с вами беседовали, Вы произнесли несколько фраз, как бы неожиданно для себя... самой... фразы...	Здесь П использует техники внушения, используя и опираясь на реакции и состояния К
К: Да-а-а... (удивленно)	К вспоминает собственные «неожиданные» фразы, зафиксированные психологом
П: ... которые для Вас могут иметь очень важное значение... Может быть Вы даже их сразу сейчас и не вспомните	Дополнительное закрепление позитивных достижений К
К: (удивленно-растерянно) Я знаю...	
П: Содержание нашей беседы будет всплывать у Вас в памяти. ... те фрагменты, где Вы чувствовали какое-то приподнятое такое	
К: ... замешательство?	
П: !!!	Невербально П маркирует для К позитивные

	для него инсайтные состояния.
К: Что-то я... (пауза)	
Я думаю, мне надо лечиться... мне... всей нашей семье. Макс не хочет. Пусть сам решает.	Новое решение К , выражающее готовность лечиться и принять ответственность за себя на себя, а не убежать от нее, прикрываясь болезнью сына.
У вас есть какие-то занятия для родителей?	Фраза, отражающая переход от желания к готовности его реализовать.
П: По пятницам, в 18.00.. группа для родителей наркоманов.	
К: (задумчиво) Да, я пока не готова решать и выбирать по-другому... Но я вижу, что... Я вот этим буду заниматься на группе. Наверное, если сама буду... здоровой, я и сыну помогу.	Последующие реакции К отражают изменения его изначальной позиции, полностью соответствующей схеме созависимого поведения на адекватные реакции Взрослого
П: Как бы...	
К: Нет... не «помогу», а «у него появиться шанс». Так?	Анализ последних реплик К позволяет оценить данный конкретный прием как эффективный. Решены основные задачи: <ul style="list-style-type: none"> - клиент готов посещать группы для созависимых; - наметилась динамика в восприятии наркомании сына; - психолог не включился в схему созависимого поведения
П: Хм-м?..	
К: Так! Спасибо.	

Литература

1. *Березин С.В.* Семья наркомана периода взросления // Тезисы доклада на Междунар.конференции «Проблемы интеграции академической и практической психологии». Самара, 1999.
2. *Березин С.В., Лисецкий К.С.* Наркомания глазами семейного психолога. – СПб.: Речь, 2005.
3. *Березин С.В., Лисецкий К.С., Назаров Е.А.* Психология наркотической зависимости и созависимости. – М.: Изд-во МПА, 2001.
4. *Березин С.В., Назаров Е.А.* Дифференцированный подход к индивидуальной терапии созависимости у матерей пациентов, больных наркоманией/Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Спец.выпуск. «Актуальные проблемы психологии. 2003». Самара, 2003.
5. Первичная профилактика наркомании в среде старшеклассников. Сборник методических материалов для психологов, социальных педагогов Центров «Семья» / Под ред. С.В. Березина, К.С. Лисецкого. Самара, 2006.
6. Профилактика наркотизма: теория и практика / Под ред. С.В. Березина, К.С. Лисецкого. – Самара: ГУСО «Перспектива», 2005.

Изучение симптоматического поведения в семье

Анализируя опыт своей практической деятельности и публикации по проблеме семейных взаимоотношений, мы обнаружили семейное явление, когда психическое нарушение периодически возникает то у одного, то у другого члена семьи. Например, первоначально психическое нарушение наблюдается у одного из супругов, через определенное время у ребёнка, при этом психическое состояние родителя нормализуется. Это психическое нарушение может принимать характер самых разных нервно-психических и поведенческих расстройств, но принципиально отличается от них причиной и механизмом возникновения. Являясь индивидуальной психической реакцией, оно презентует общую семейную проблему и выполняет определённую для семьи функцию.

В системной семейной психологии этот вид психического нарушения называется симптоматическим поведением, а семейное явление, связанное с его функционированием, мы обозначили феномен мигрирования семейной дисфункции.

Проведенный анализ публикаций, посвященный определению понятия симптоматического поведения [3], [5], [6], [8], [9], привел нас к пониманию того, что однозначной трактовки этого понятия на сегодняшний момент не существует. Смысл симптомов, выражающие неблагополучие личности в семейном контексте, меняется в зависимости от того, что является единицей рассмотрения – индивид, диада, или семья в целом. [9,52] Например, индивидуально ориентированные психологи, заявленную человеком проблему рассматривают как следствие дисфункции интрапсихических процессов психики. Семья здесь либо не принимается во внимание, либо выступает как «среда», оказывающая влияние на индивида, при этом его поведение не имеет значения для ее функционирования. Однако опыт практикующих психологов Н. Аккермана, Дж. Хейли, С.Минухина, К. Витакера, Мара С. Палаццоли показал, что индивидуальная терапия с симптоматическим поведением неэффективна, т. к. результат позитивного воздействия терапевтических отношений на личностное развитие буквально сводился к нулю при возвращении человека в свою семью. Тогда психологи обратились к системному анализу симптоматического поведения и убедились в его эффективности.

В коммуникативном подходе и теории семейных систем в обобщенном смысле симптоматическое поведение является выражением отношений между людьми, будь это супружеская пара, родительская пара и ребенок, супружеская пара и прародители, и предназначено для достижения тактических целей в отношениях с членами семьи. [10, 48] Формулирова-

ние семейной проблематики происходит в терминах взаимодействия: неконгруэнтная позиция личности в семейной иерархии (Дж. Хейли, К.Маданес), нарушение личностных и семейных границ (С. Минухин, Джоэл С. Бергманн, М. Боуэн). С точки зрения системной теории, причины симптоматического поведения заключаются в дисфункции семейной динамики, в результате процесс развития жизненного цикла семьи нарушается. В данном случае симптоматическое поведение направлено либо на стабилизацию деструктивных процессов, угрожающих распаду семейной системы, либо на реорганизацию семейных отношений, которые не справляются с решением поставленных на этом периоде жизненных задач и создают условия фрустрации наиболее важных потребностей членов семьи [6,20].

Исследования симптоматического поведения показывают, что в семьях с одним и тем же типом дисфункциональной структурой могут наблюдаться разные виды симптоматического поведения, так называемый принцип - мультифинальности. Но и разные типы семейных систем могут порождать сходные проблемы – принцип эквивинальности [10, 51]. Таким образом, одни и те же симптомы в разных системах могут нести прямо противоположный смысл и иметь разные функции.

Основные аспекты изучения симптоматического поведения сосредоточены на причинах возникновения, раскрытию сущности, описанию клинических и поведенческих форм, функциях, стратегиях терапевтических решений. Однако на современный период отсутствует систематизация исследований, диагностические критерии, выделение и описание закономерностей, механизмов функционирования. Необходимость научного обоснования проблемы симптоматического поведения продиктована практической деятельностью. Так, разработка диагностических критериев позволит грамотно дифференцировать симптоматическое поведение от истинных нервно- психических и поведенческих расстройств. Кроме того, необходимо ответить на принципиальный вопрос: формирование и функционирование симптоматического поведения в семье - это этап в развитии семейной патологии, характерный для определенного жизненного цикла, и тогда все дисфункциональные семьи проходят его в своем развитии. Или же речь идет о функционировании особого типа дисфункциональных семей, где типичная для них проблематика выражается в такой форме. Если симптоматическое поведение – это этап в развитии семейной патологии, то необходимо соотнести функционирование семейного симптома с жизненными циклами и выяснить условия и факторы, с большей вероятностью проводящие к его возникновению, а так же причины, согласно которым симптоматическое поведение «трансформируется» в другие формы семейной проблематики. Если мы имеем дело с особым типом симптоматических семей, то необходимы критерии для дифференцированного анализа.

В данной работе мы исследуем понятие симптоматического поведения с точки зрения системного подхода в семейной психологии. Под симптоматическим поведением мы будем понимать класс нарушений нервно-психических и поведенческих расстройств, удовлетворяющие следующим условиям: поведение носителя симптома оказывает воздействие на функционирование семьи в целом; оно непроизвольно и не поддается контролю со стороны его носителя [7, 22].

Мы исследуем динамику развития дисфункциональных семейных взаимоотношений для того, чтобы понять является ли симптоматическое поведение характерным и общим этапом развития семейной патологии. Нас так же интересует механизм функционирования симптоматического поведения в семье для того, чтобы объяснить миграцию дисфункции из одной семейной подсистемы в другую.

В данной работе мы исследуем нуклеарные семьи, находящиеся на этапе жизненного цикла, когда в семье воспитывается ребенок дошкольного возраста, т.е. первые 7 лет жизни ребенка и совместной жизни супругов. Основная задача семьи этого периода оформление внешних и дифференциация внутренних семейных границ, что связано с формированием правил построения отношений в супружеской и родительской паре, супругов с прародителями, общения родителей с ребенком, формированием воспитательных позиций, освоением родительских ролей.

Рассмотрим, какие существуют точки зрения, описывающие динамику семейной дисфункции. К. Маданес считает, что фокус взаимодействия в семье подвержен «циклическому изменению»: от родителей к ребёнку, от ребёнка к родителям; от супружеской проблемы к детской и обратно. Она объясняет цикличность такого взаимодействия следующим образом: «Есть основания предполагать, что индивиды растут и развиваются в рамках семьи, помогая друг другу посредством действий, метафорически воспроизводящих поведение другого члена семьи. Цикличность изменений в фокусе интеракций характерна не только для патологии, но и для нормального роста и развития в семье» [5, 149].

М. Боуэн считал, во время конфликта недифференцированные личности редуцируют очень высокий уровень эмоциональной напряженности и тревоги за счет втягивания новых членов семьи: в случае супружеских конфликтов ребенка. Вовлеченность в треугольники и взаимные пересечения треугольников, связывающие поколения, являются ключевым механизмом, посредством которого паттерны отношений и функционирования передаются в семье из одного поколения в другое [9, 172].

В.А.Петровский использует принцип «отраженной субъектности» для анализа эффектов межличностного влияния. Его идея заключается в том, что ситуация межличностного взаимодействия одних людей отражается в психике другого, присутствовавшего в отраженной им ситуации,

при этом он может не быть непосредственным ее участником. Речь идет об отражении в психике индивида именно особенностей взаимодействия людей, включенных в общение. В его собственной психике происходят изменения под воздействием отраженной им ситуации взаимодействия. Другое важное утверждение В.А.Петровского состоит в том, что отраженность субъектных черт индивида в психике других людей детерминирует отраженность других в индивиде [7, 100].

На основании вышеизложенных точек зрения мы выдвигаем предположение, что существует зависимость миграции дисфункции из одной семейной подсистемы в другую от динамики и характера супружеского конфликта. Дисфункциональные конфликтные взаимоотношения супругов, где уже функционирует симптоматическое поведение, способствуют возникновению у ребёнка дисфункциональных паттернов поведения в виде предпосылок симптоматического поведения. В свою очередь дисфункциональные паттерны поведения ребёнка оказывает влияние на конфликтное взаимодействие супругов. Т.е. у индивида, у которого формируется симптом, должны быть предпосылки симптоматического поведения, которые предшествуют собственно симптоматическому поведению. Эти предпосылки симптоматического поведения проходят определённый этап становления и развития. Можно предполагать, что когда в супружеской подсистеме уже функционирует симптом, у определённого члена другой подсистемы формируются предпосылки, активизация развития которых происходит в периоды обострения дисфункциональных супружеских конфликтов.

Укажем на то, что симптоматическое поведение имеет несколько стадий развития:

I.	II.	III.	IV.
Предпосылки	Становление симптома	функциональное формирование симптома	Хронизация симптома

Под предпосылками симптоматического поведения мы понимаем опыт дисфункциональных отношений в родительской семье, который «закрепляется» в поведенческом репертуаре и служит основой для формирования симптома. Мы предполагаем, что предпосылки симптоматического поведения формируются у всех детей в дисфункциональных семьях. Поэтому этап предпосылок симптоматического поведения рассматривается нами как общий начальный этап развития семейной патологии в дисфункциональных семьях.

Опираясь на принципы «отражённой субъектности» В.А.Петровского, выясним, каким образом происходит формирование симптоматического поведения у ребенка, если в супружеской системе симптом уже функционирует.

Тема основных супружеских проблем становится наиболее очевидной и наблюдаемой в конфликте. Из-за отсутствия опыта и возможности преодолеть разногласия в отношениях супруги выражают негативные переживания, которые центрируют внимание ребенка на особенностях их взаимодействий. Ребёнок чаще всего оказывается постоянным свидетелем взаимодействий родителей. Не в полной мере понимая, что происходит в отношениях родителей, ребенок наблюдает за их поведением, получая конкретный опыт взаимоотношений. В его психике отражаются особенности совокупного поведения мамы и папы. Иначе можно сказать происходит отреагирование психики ребенка на дисфункциональную ситуацию общения родителей, с одной стороны, с другой он, в перспективе используя модели поведения родителей, адаптируется в системе отношений своей семьи.

Важно отметить: из анализа клинических случаев, что отреагирование происходит практически сразу после сцен конфликта родителей. Например.

1. Муж, Алексей Н., 26 лет, жена Нина Н., 25 лет, сын Толя Н., 3 года.

В браке 4 года. Конфликты между супругами впервые возникли еще до этапа совместного проживания и заключения брачного союза. Основная тема конфликтов – распределение семейных ролей и употребление мужем алкоголя. Повод обращения к психологу – проблемы в психическом развитии ребенка в форме заикания. В ходе психотерапевтического обследования выяснилось, что за последний месяц ссоры между родителями участились, и в основном были связаны с учащением употребления алкоголя мужем. Из воспоминаний Нины: «...накануне, как прийти к психологу, мы с Алексеем сильно поссорились. У нас однокомнатная квартира и ссора происходила в присутствии сына. Во всех наших ссорах всегда звучали его обвинения ко мне и оценка только своего положения. “Мне плохо с тобой, ты бесчувственная”. В этот раз я не выдержала, и высказала, что “на душе накопилось”. После этого он меня ударил. Я заплакала. Потом он кричал на меня, сказал, чтобы я успокоила ребенка. Толик (сын) стал сильно плакать, потом он (сын) в течение ночи часто просыпался, плакал, долго засыпал. В течение недели он начал заикаться. Я уже не знаю, что делать. Толик сам переживает, он перестает с нами разговаривать. Я не знаю, как ему помочь, мы посещаем логопеда, но результаты очень непродолжительны».

1. Дмитрий В., 30 лет, Ольга В., 31 год, сын Мирослав, 6 лет

В браке 7 лет. Конфликты в браке начались после рождения сына. Основная тема конфликтов – распределение власти в семье. Обратились по поводу проблем сына. Жалобы: периодические ночные кошмары, страх темноты, ночной энурез. В ходе психотерапевтической сессии психолог

выяснил – в последнее время конфликты обострились из-за того, что муж был вынужден уволиться с работы, большую часть времени находится дома, не занимается поиском новой работы, и не обеспечивает семью материально. Этот период продолжается уже 2 месяца. А за последние две недели у ребенка возникли симптомы. Возникновению этих симптомов предшествовал конфликт супругов, который впервые закончился тем, что Дмитрий (муж) ушел из дома к своим родителям. Мать отмечает, что ребенок очень переживал из-за ухода отца, и в течение последующей недели у него возникли симптомы. Позвонив утром родителям мужа, Ольга (жена) сообщила, что у ребенка возникли проблемы, отец вернулся домой.

Итак, в общении ребенок воспроизводит отраженные им модели поведения своих родителей. Он может воспроизводить попеременно несколько поведенческих паттернов, характерные как для матери, так и для отца. Родитель подкрепляет тот вид поведения, которое он наделяет смыслом личного отношения к брачному партнеру. Необходимо понять каким образом родитель выделяет и закрепляет определенный вид поведения ребенка.

В процессе усвоения основных моделей семейного поведения для ребенка способ реагирования на другого человека, выражения отношения к нему в дошкольном возрасте не всегда осознанно, то есть, оно для него ни плохое, ни хорошее. Смыслом определенное поведение ребенка наделяется родителем, когда он его оценивает.

Поведение ребенка обычно копирует форму выражения отношения к человеку, а смыслом это отношение наделяется следующим образом. В супружеских отношениях присутствуют поведенческие паттерны поведения, выражающие определенное отношение к другому индивиду и вызывающие у него определенную реакцию. Так, присутствуют паттерны выражения отношения одного супруга, повышающие напряженность и нестабильность в эмоциональном состоянии другого супруга и как следствие реагирование в форме склонности к агрессивированию и усилению контроля над поведением друг друга, что зачастую приводит к конфликту. Ребенок в общении отражает форму отношения одного родителя к другому. Родитель, обнаруживая в поведении ребенка паттерн, который вызывает и усиливает у него эмоциональное напряжение и нестабильность, проецирует отношение к собственному супругу на ребенка, поскольку в данный момент носителем этого поведения является ребенок. Внимание родителя центрируется на поведении ребенка и подкрепляется привычной формой реагирования на брачного партнера. Уместно задать вопрос: что же будет делать ребёнок? Ребенок неоднократно использует определенную форму выражения отношения в общении с родителем, побуждая его к неоднократному подкреплению, пока он не начнет оценивать данный вид поведения как

проблемное, способное зафиксировать на себе внимание. Чем больше подкреплений со стороны родителей получает определённый вид поведения ребенка, тем большей стабильностью оно отличается [7, 111]. Что побуждает ребенка к неоднократному использованию конкретного вида поведения? Используя определенный паттерн поведения, ребенок получает возможность дополнительного внимания, что может служить фактором подкрепления этого вида поведения со стороны его носителя. Именно таким образом поведение ребенка выполняет морфостатическую (стабилизирующую) функцию, когда его проблемное поведение центрирует внимание родителей, отвлекая их от разрушительных супружеских конфликтов. Так стабилизирующееся проблемное поведение ребенка начинает касаться общих трудностей супружества, выходит за его границы и становится общесемейной темой проблемного взаимодействия.

Выстраивается цепочка процессов: вначале ребёнок ситуативно и произвольно воспроизводит определенное поведение. Родитель в поведении ребенка выделяет и подкрепляет конкретный паттерн, ребёнок с помощью этого поведения центрирует внимание родителя, родитель фиксируется на конкретном поведении, которое интерпретируется им как проблемное. Поведение родителя воздействует на поведение ребёнка, а поведение ребёнка воздействует на родителя, так образуется система с положительной обратной связью, где поведение в системе «родитель - ребенок» является одновременно причиной и следствием. Итогом является установление дисфункциональных взаимоотношений с новым лицом, т.е. происходит мигрирование дисфункции в родительско-детскую подсистему. На основе дисфункциональных уже родительско-детских отношений актуализируется собственно симптоматическое поведение у ребёнка.

Длительность стадии формирования симптома различна. Мы предполагаем, что частые интенсивные и эмоционально напряжённые супружеские конфликты способствует быстрому становлению симптоматического поведения.

Теперь рассмотрим механизм функционирования симптоматического поведения в семье, объясняющий каким образом происходит миграция дисфункции из одной семейной подсистемы в другую.

Вероятно, в цепи циркулярного развития супружеской подсистемы от супружеского конфликта к симптому должны быть заметные изменения симптоматического поведения у его носителя [5, 46]. Эти изменения выглядят как редукция, т.е. сглаживание симптомов вплоть до их отсутствия, либо как хронизация симптома, когда проблемное поведение становится независимым от системы отношений и выступает как неконструктивный способ решения личных проблем, например, алкоголизм, наркомания. В результате снова приобретёт остроту супружеский конфликт, угрожающий распаду отношений, и в семье будет складываться кризисная се-

мейная ситуация. В этот момент нарастание проблемного поведения ребёнка расценивается родителями как главная тема семейных трудностей. Зафиксировавшись на поведенческой проблеме ребёнка, презентующее неблагополучие их супружеских взаимоотношений, в семье произойдёт перераспределение ролей и изменение всей системы семейных взаимоотношений. Закрепляющие симптом модели, как правило, ригидны, стереотипны и трудно поддаются изменениям. [10, 55].

Необходимо отметить из анализа клинических случаев, что ребёнок со временем начинает понимать, что симптом наделяет его правом и возможностью контролировать поведение родителей, потому что когда ему необходима помощь, они переключаются на него, отвлекаясь от своих ссор и проблем. Замечая это, ребёнок может сознательно изменять свое поведение, делая его проблемным. Когда реальная власть в семье длительно принадлежит ребёнку, который организует поведение своих родителей, в семье обнаруживается длительно действующая перверсивная («перевёрнутая») иерархия власти. По мнению К. Маданес «постоянное покровительство снижает самоконтроль и усиливает беспомощность ребёнка. Ригидные позиции в перверсивной иерархии фиксируются и настойчиво воспроизводятся во времени» [5, 155]. Симптом в этом случае уже не выполняет ни защитную функцию сплочения, ни протекционную функцию повышения компетентности родителей. На стадии хронизации симптома, например, принимая формы нервно-психического расстройства, симптом стимулирует «раскол» между родителями. Это, прежде всего, связано с тем, что симптоматическое поведение ребенка может стать настолько проблемным, например, осложнение клинической картины заболевания, что станет вызывать опасение за состояние его здоровья и психики. Супруги в отчаянии станут приписывать ответственность за поведение ребенка друг другу, и в семье снова может сложиться ситуация семейного кризиса. Острые конфликтные ситуации могут привести к тому, что у супруга, у которого первоначально отмечался симптом, снова актуализируется симптоматическое поведение как способ разрешения дисфункционального конфликта с целью стабилизировать семейную систему. Произойдёт обратная миграция дисфункции и актуализация симптоматического поведения у первичного носителя симптома.

С нашей точки зрения блокирование миграции семейной дисфункции может произойти если:

1. Семья приходит на психотерапию, в результате работы происходит реструктурирование всей системы отношений, т.е. дифференциация семейных границ. И тогда проблемы супружества останутся осознанными в результате необходимости в симптоматическом поведении ребенка исчерпывается. [5, 121].

2. На стадии хронизации симптома, когда симптоматическое поведение становится не функциональным для семейной системы. Проблемное поведение становится независимым от системы отношений и выступает как неконструктивный способ решения личных трудностей.

Из анализа клинических случаев мы можем говорить о том, что длительно существующей миграции дисфункции из одной подсистемы в другую, например, на протяжении всей семейной истории нет. Вероятно, это происходит за счет достаточно быстрой хронизации симптома у одного из супругов. На этапе хронизации симптома семейная патология развивается и функционирует в форме истинных нервно-психических расстройств или аддиктивных форм поведения.

Таким образом, мы сформулировали теоретические предположения о том, что формирование и развитие предпосылок симптоматического поведения является общим этапом развития семейной патологии, который характерен для начальных стадий жизненного цикла дисфункциональных семей. Механизм функционирования симптоматического поведения в семье мы связываем с динамикой протекания дисфункциональных супружеских конфликтов. В перспективе мы планируем провести эмпирическое исследование, по результатам которого мы сможем судить о наличии научной обоснованности выдвигаемых гипотез.

Литература

1. *Варга А.Я.* Системная семейная психотерапия. – Самара, 1996. – 45 с.
2. *Вебер Г.* Кризисы любви. Системная психотерапия Берта Хеллингера – М.: Издательство Института Психотерапии, 2001. – 299 с.
3. *Витакер К.* Полночные размышления семейного терапевта – М.: Независимая фирма «Класс», 1998. – 205 с.
4. *Маданес К.* Стратегическая семейная терапия. – М.: Независимая фирма «Класс», 1999. – 268 с.
5. *Минухин С., Фишман Ч.* Техники семейной терапии. – М.: Независимая фирма «Класс», 1999. – 296 с.
6. *Пепп П.* Семейная терапия, и её парадоксы. – М.: Независимая фирма «Класс», 1998. – 278 с.
7. *Петровский В.А.* Феномены субъектности в развитии личности. – Самара.: Изд-во Самарский университет, 1997, 102 с.
8. Теория семейных систем Мюррея Боуэна: Основные понятия, методы и клиническая практика. – М.: «Когито-Центр», 2005. – 496 с.
9. *Черников А.В.* Системная семейная терапия: Интегративная модель диагностики. М.: Независимая фирма «Класс», 2001. – 208 с.

10. *Эйдемиллер Э.Г., Юстицкий В.В.* Психология и психотерапия семьи. – СПб.: Издательство «Питер», 2000. – 652 с.

НАПРАВЛЕНИЕ 7. ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ И ЭК- ЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Р.М.Арефулин

Защитные механизмы личности и проблема экспли- кации неосознаваемого страха смерти

Научный руководитель А.Ю.Агафонов

Множество ученых придерживаются мнения, что страх смерти – это универсальная реакция, и, соответственно, никто не может быть полностью свободен от нее (например, Carpio, 1950; Тиллих, 2001). Эта идея предполагает, что даже если тревога смерти и не присутствует явным образом, то она все равно потенциально существует в разуме каждого на подсознательном уровне. Однако в исследованиях страха смерти, как правило, делается допущение, что только наблюдаемое и осознаваемое можно изучать.

Тем не менее, есть основания предположить, что независимо от того, актуализировано ли знание о смерти в сознании человека или же неосознаваемо, оно все равно оказывает влияние на личность, ее ценностные ориентиры и жизненные приоритеты. При такой постановке проблемы непременно встает вопрос об эмпирической проверке этого утверждения. Как измерить бессознательные аспекты отношения к смерти?

В 1949 году группой психологов (McGinnies, 1949; Bruner, Postman, 1949) было установлено, что люди могут проявлять максимум защиты или быть особенно бдительными в процессе восприятия определенной информации. Особо важные для человека стимулы быстрее распознаются, этот феномен был назван авторами проявлением «перцептивной бдительности», в то время как «угрожающие» стимулы требуют более длительной экспозиции для их правильного распознавания. Обнаруженное явление получило название «перцептивной защиты». С тех пор феномен перцептивной защиты рассматривается в психологии в качестве эмпирического подтверждения идеи вытеснения (например, Kline, 1984; Brewin, Andrews, 1998; Мадди, 2002).

Используя принципы теории перцептивной защиты, К. Магни с помощью тахистоскопа предъявлял испытуемым изображения, имеющие отношение к смерти. К. Магни измерял время, необходимое для правильной

идентификации изображения. Было обнаружено, что индивиды с более высоким уровнем невротизма отличаются и более высоким уровнем неосознаваемой тревоги смерти (Magni, 1970). Можно найти подтверждение результатов этого эксперимента в нескольких исследованиях с использованием ТАТ (Rhudick, Dibner, 1961).

В 1955 году У. Крэг провел собственное исследование, в котором с помощью тахистоскопа предъявлял испытуемым рисунки, вызывающие чувство тревоги. Испытуемые давали свои интерпретации одной и той же картины, продолжительность предъявления которой постепенно увеличивалась. На предъявляемом рисунке была изображена центральная фигура, названная У. Крэгом «Героем», которая была одного пола и приблизительно одного возраста с испытуемым, а на заднем плане маячила уродливая угрожающая фигура («Второстепенный»). Рисунок в таких условиях более или менее точно идентифицировался испытуемыми при четвертой экспозиции, но У. Крэг не остановился на этом и продолжал предъявлять испытуемым стимульные изображения. Как выяснилось, при последующих предъявлениях некоторые испытуемые искажали его содержание в направлении, минимизирующем воспринимаемую угрозу (Купер, 2002). По мнению К. Купера (2000), результаты исследования У. Крэга свидетельствуют о перцептивной защите и вытеснении.

В исследованиях перцептивной защиты было также выявлено, что предъявление угрожающих слов сопровождается возрастанием показателей кожно-гальванической реакции (Мадди, 2002). С помощью данного метода В. Мейснером были обнаружены несоответствия между декларируемой и неосознаваемой тревогой в отношении к смерти. Измеряя кожно-гальваническую реакцию испытуемых в ответ на предъявление нейтральных и связанных со смертью словосочетаний (например, «догорающая свеча», «путешествие», «спящий человек», «безмолвный», «переход по мосту»), он обнаружил, что символы смерти вызывали значительно более сильную кожно-гальваническую реакцию, чем нейтральные слова (Meissner, 1958).

Г. Фейфел оценивал неосознаваемую актуальность смерти по среднему времени реакции испытуемых на связанные со смертью слова в тесте словесных ассоциаций и тесте словесно-цветовой интерференции (Feifel, Branscomb, 1973; Feifel, Herman, 1973). Результаты исследования показали, что, несмотря на то, что на сознательном уровне свыше 70 процентов испытуемых отрицали страх смерти, на бессознательном – у большинства из них проявилось сильное отвращение к смерти. Причем, испытуемые более старшего возраста и более религиозные на сознательном уровне воспринимали смерть в относительно позитивном ключе, тогда как, согласно результатам данного исследования, «в самой глубине души они поддавались тревоге» (Feifel, Branscomb, 1973).

Кроме тахистоскопических проекций, измерения кожно-гальванической реакции и ассоциативных экспериментов для исследования бессознательного беспокойства о смерти применяют также проективные методы (ТАТ, тест Роршаха, незавершенные предложения).

Исследование бессознательного страха смерти с помощью теста неоконченных предложений среди взрослых от среднего до престарелого возраста продемонстрировало, что у более молодых из них бессознательная тревога смерти выше (Kogan and R. Shelton, 1962).

Если страх смерти — первичный источник тревоги, то он должен обнаруживаться и в сновидениях, где неосознаваемые содержания зачастую представлены в относительно открытой форме. В исследованиях П. Хэндала и Дж. Риклака был получен интересный результат, состоящий в том, что сознательная тревога смерти и тема смерти в сновидениях соотносятся по криволинейному закону: смерть чаще снится людям либо с очень высокой, либо очень низкой сознательной тревогой смерти (Handal, Rychlak, 1971). На наш взгляд, этот результат согласуется с принципами теории перцептивной защиты и бдительности и отражает равнодушное отношение к смерти (вне зависимости от его осознания) людей, в сновидениях которых часто присутствует тема смерти.

Все рассмотренные исследования демонстрируют, что значительная доля тревоги смерти является неосознаваемой и свидетельствуют о необходимости изучать отношение к смерти на разных уровнях сознания.

ОТРИЦАНИЕ. И. Ялом разделяет защитные механизмы, вызванные страхом смерти, на две группы: 1) конвенциональные механизмы защиты, ограждающие индивида от всякой тревоги, независимо от ее источника, и 2) специфические, — служащие непосредственно для преодоления экзистенциального страха смерти (Ялом, 1999). К конвенциональным механизмам защиты И. Ялом относит все те, которые принято называть «психологические защиты личности», подробно описанные З. Фрейдом, А. Фрейд, Салливаном и другими. К специфическим защитам, по мнению И. Ялома, относятся две диаметрально противоположные стратегии психологической защиты, которые развиваются в самом раннем детском опыте и в более-менее неизменном виде сохраняются на всю жизнь. Рассматривая клинические и эмпирические данные об отношении к смерти в детском возрасте, И. Ялом выделяет: 1) веру в собственную исключительность и 2) убежденность в существовании личностного конечного спасителя, — которые квалифицирует как разновидность защитного механизма отрицания. Иррациональная убежденность в своей исключительности состоит в том, что ребенок полагает, будто ограничения, старение и смерть лично к нему не имеет никакого отношения. Аналогии с «верой в собственную исключительность» можно обнаружить в концепции неуязвимости Д. Элkinда, которым была теоретически обоснована идея о том, что переходный воз-

раст не чувствителен к страху смерти. Анализируя выделенный Ж. Пиаже феномен эгоцентризма детского мышления, Д. Элкиндр выдвигает положение о том, что в своеобразной форме эгоцентризм сохраняется еще и в период взросления. Последствия этого эгоцентризма он усматривает в своеобразной психодинамике взросления, в которой помимо других обнаруживается феномен «личного мифа» — вера в собственную уникальность и бессмертность: «смерть случится с другими, но не с ним». Вера в конечного спасителя, по мнению И. Ялома, диаметрально противоположна этой антропоцентрической иллюзии. Люди, использующие эту вторую защиту, стремятся победить страх смерти, принося свою свободу и саму жизнь на алтарь какой-либо высшей фигуры или персонифицированной идеи, растворяясь в ней. Согласно И. Ялому, вера в личного спасителя гораздо менее эффективна, чем вера в собственную исключительность, усиливающая стремление продвигаться вперед, достигать успеха и создавать творения.

ЗАМЕЩЕНИЕ. Среди психологов распространено мнение, согласно которому ядро любого страха – это тревога собственной смерти. Иными словами, невротические страхи исполняют функцию замещения и обезвреживания, маскируя экзистенциальные страхи (Тиллих, 2001; Ялом, 1999).

Причину этого явления объясняет П. Тиллих, который утверждает, что собственная смерть представляется человеку в полной абстрактной неизвестности. Превращение этой неизвестности в страх, неважно перед чем (опасным заболеванием, несчастным случаем, убийством и т.д.), помогает избавиться от ее ужаса (Тиллих, 2001, с. 63). Взгляд П. Тиллиха позволяет понять секрет популярности всевозможных фильмов ужасов и триллеров, – они порождают конкретные страхи, которые замещают место размытой, неустранимой тревоги, благодаря которой становится эмоционально легче.

Для измерения страха смерти исследователи первоначально использовали шкалы самоотчета, состоящие из прямых вопросов. Например, Г. Фейфел и его коллеги оценивали сознательный страх испытуемых по ответу на один единственный вопрос: «Боитесь ли Вы своей смерти?» Впоследствии были разработаны более косвенные методики. К их числу относят Шкалу страха смерти (Death anxiety Scale – DAS) Д. Темплера. Этот опросник включает 15 вопросов, направленных на определение страха испытуемых по отдельным компонентам, таким как страх физических изменений, страх неостановимого течения времени, страх боли и стресса и т.д. Обобщая данные широкомасштабных исследований, Р. Лунетто и Д. Темплер, пришли к выводу, что общий балл по DAS редко показывает значимые групповые различия. Испытуемые различных категорий больше отличаются отдельными компонентами страха смерти.

Итак, тревога в отношении смерти редко переживается в своей полноте, вместо этого она вытесняется и перерабатывается. В исследованиях можно наблюдать, что страх смерти как таковой манифестируется довольно редко, вместо этого под действием психологической защиты замещения он трансформируется в ряд отдельных страхов.

ТЕОРИЯ ДВОЙНОЙ ЗАЩИТЫ. Согласно теории управления страхом смерти понимание человеком неизбежной конечности «запускает» в действие две тактики защит: отдаленную (периферическую) и ближайшую (проксимальную). Та или иная тактика используется в зависимости от того, осознается или нет понимание неизбежности смерти. Если осознается (например, при столкновении человека с критическими ситуациями), - запускается ближайшая защита: используются рациональные защитные механизмы; человек старается отвлечься от мыслей, связанных со смертью; использует познавательные искажения; отодвигает размышления о смерти в отдаленное будущее; отрицает свою уязвимость в том, что может угрожать жизни. Если же понимание неизбежности смерти не актуализовано, запускается тактика отдаленной защиты. Выделяют две формы такой защиты: 1) поиски самоуважения и 2) вера в «мировой культурный взгляд» (достигаемая путем осознания себя частью цивилизации, оправдания смысла своего существования посредством соблюдения общечеловеческих норм и ценностей). Можно обнаружить параллели между отдаленными защитами, описанными в данной теории, и формами защиты, выделяемыми И. Яломом (верой в собственную исключительность и конечного спасителя). По существу, теория двойного процесса защиты от страха смерти утверждает, что в норме человек избегает мыслей о смерти, но если тема собственной смерти по каким-либо причинам актуализуется, – включаются рациональные механизмы защиты, направленные на поиск способов преодоления страха. Когда же размышления о своей смерти прекращаются, – снова запускаются примитивные формы защиты – вытеснение и отрицание, препятствующие актуализации неосознаваемого знания о неизбежности смерти.

В той же степени, в какой психологические защиты нас охраняют, они все дальше отдают нас от реального мира. Человек не сможет разрешить стоящие перед ним проблемы, пока он не знает точно, чего боится. Кроме того, силы защиты не беспредельны, и в жизни каждого человека наступает момент, когда ему приходится признать неизбежность смерти. В первой половине жизни человек позволяет себе много иллюзий. Это, прежде всего, идея собственного бессмертия, или, по крайней мере, отдаленности конца. Однако, эти иллюзии совершенно неуместны во второй половине жизни. Если до 35-40 лет человек как бы наследует правила жизни, пользуясь общественным сценарием (учеба, работа, семья,

дети), то правила второй половины жизни ему приходится открывать самому. К.Г. Юнг, например, рассматривает вторую половину жизни как детерминированную индивидуальным отношением к смерти. Рано или поздно человек признает, что в жизни будет не лучше, а хуже: болезни, смерть близких, собственная смерть. Он уже не может упускать смерть из виду, и вынужден в нее поверить. С. Белорусов (1999) говорит: «жизнь непредсказуема и конечна, – вот истина, которой учит середина жизни».

Конечно, человек может продолжать вытеснять смерть как личностную проблему, создавая массу психологических защит (как утверждает И. Ялом (1999, с. 221), «именно со страхом смерти связаны попытки людей среднего возраста оставаться молодыми»). Однако, достигнув максимальной точки отрицания, вытесненные страхи все равно прорвут плотину. Хуже всего, что встреча со смертью в таких случаях происходит совершенно неожиданно, становясь для человека ошеломляющим открытием. Так, по словам Г. Фейфела (2001), кризис, возникающий при осознании человеком собственной конечности, часто является не следствием приближения смерти самой по себе, а следствием ощущения бесполезно потраченного времени жизни, нерешенных задач и упущенных возможностей. Ведь «забывая» о своей конечности, человек и живет как бессмертный, позволяя себе упускать шансы, откладывая на завтра, не задумываясь, что этого завтра может просто не быть. В этом смысле страх смерти стимулирует к активности, не позволяет откладывать жизнь на «потом». А, используя защитные механизмы, индивид «на время избегает страха, связанного с небытием, но ценой потери собственных сил и смысла существования» (Мэй, 2001, с. 154).

Можно заключить, что именно преодоление, а не отрицание страха смерти способствует личностному развитию. Осознание страха – это первый шаг на пути к его преодолению. Как утверждает В. Франкл, страх, нарочито пережитый мысленно, теряет часть своей разрушительной силы. Его методика парадоксальной интенции демонстрирует, что лучшим способом преодоления страха является движение ему навстречу (Франкл, 1990).

Литература

1. *Гаврилова Т.А.* Страх смерти в подростковом и юношеском возрасте // Вопросы психологии, 2004, № 6. С. 63-71.
2. *Дружинин В.Н.* Варианты жизни. Очерки экзистенциальной психологии. – СПб.: ИМАТОН-М, 2000.
3. *Захаров А. И.* Неврозы у детей и психотерапия. СПб.: Союз, 1998.

4. *Купер К.* Индивидуальные различия // Пер. с англ. Марютиной Т. М. Под ред. Равич-Щербо И. В. – М.: Аспект Пресс, 2000.
5. *Леонтьев Д. А.* Экзистенциальная тревога и как с ней не бороться // Московский психотерапевтический журнал. 2003. № 2. С. 107-119
6. *Лунев Д.Н.* По эту сторону смерти // Сборник материалов конференции «Умирание и смерть: опыт междисциплинарного обсуждения», http://www.doktor.ru/onkos/together/conf2_26.htm#1, 1999.
7. *Мадди С.* Теории личности: сравнительный анализ. – СПб.: Речь, 2002.
8. *Мэй Р.* Вклад экзистенциальной психотерапии // Экзистенциальная психология. Экзистенция. М.: ЭКСМО, 2001. С. 141-200.
9. *Риман Ф.* Основные формы страха: Исследования в области глубинной психологии. М.: Алетейя, 1998.
10. *Тиллих П.* Бытие, небытие и тревога. Онтология тревоги // Тревога и тревожность. – СПб.: Питер, 2001. С. 62 – 78.
11. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
12. *Ялом И.* Экзистенциальная психотерапия. – М.: Класс, 1999. – 576 с.
13. *Brewin C.R., Andrews B.* Recovered memories of trauma: Phenomenology and cognitive mechanisms // Clinical Psychology Review. 1998. Vol. 1. P. 949–970.
14. Bruner J., Postman L. Perception, cognition and behavior // Journal of Personality. 1949. Vol. 18. P. 14-31.
15. *Caprio F.S.* A study of some psychological reactions during pre-pubescence to the idea of death // Psychiat. Quart., 1950. Vol. 24. P. 495-505.
16. *Dibner A., Rhudick P.* Age, Personality, and Health Correlates of Death Concerns in Normal Aged Individuals. // Journal of Gerontology, 1961. Vol. 16. No 1. P. 44-49.
17. *Feifel H., Branscomb A.* Who's Afraid of Death? // Journal of Abnormal Psychology, 1973. Vol. 81. No 3. P. 282-88.
18. *Feifel H., Herman L.* Fear of Death in the Mentally III. // Psychological Reports, 1973. Vol. 33. P. 931-938.
19. *Handal P., Rychlak J.* Curvilinearity between Dream Content and Death Anxiety and the Relationship of Death Anxiety to Repression-Sensitivity. // Journal of Abnormal Psychology, 1971. Vol. 77. P.11-16.
20. *Kogan N., Shelton R.* Beliefs about «Old People». // Journal of Genetic Psychology, 1962. Vol. 100. P.93-111.
21. *Kline P.* Personality and Freudian theory. London: Methuen, 1984. P. 215.
22. *Magni K.G.* Reactions to Death Stimuli among Theology Students. // Journal for the Scientific Study of Religion, 1970. Vol. 9. No 3. P. 47—48.

23. *McGinnies E.* Emotionality and perceptual defense // *Psychological Review*. 1949. Vol. 56. P. 244-251.

24. *Meissner W.* Affective Response to Psychoanalytic Death Symbols. // *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 1958. Vol. 56: P. 295—299.

25. *Murphy G.* Discussion // in *Beigler J.* Anxiety as an aid in the prognostication of impending death, *A.M.A. Arch. Neurol. Psychiat.*, 1957, P. 171-177.

Р.М.Арефулин

Психологические последствия принятия идеи конечности существования

Научный руководитель А.Ю.Агафонов

В публикациях, посвященных анализу ситуаций встречи со смертью, нередко отмечается, что люди часто демонстрируют социально-желательные формы реакций на смерть, в то время как истинные чувства и эмоции переживают глубоко внутри, считая их чем-то запретным (Никулина, Шутова, 2004; Лунев, 1999). Несмотря на то, что проблема смерти для многих является значимой, данная тема наименее обсуждаема и наиболее закрыта.

В 1971 году Д. Темплер с коллегами опубликовали данные о средних значениях по шкалам опросника DAS (Death Anxiety Scale), измеряющего осознанный страх смерти, для американских подростков (Templer, Ruff., Franks, 1971). Проведенное исследование с использованием того же метода свидетельствует о более высоком по сравнению с данными Д. Темплера уровне страха смерти у российских юношей и у девушек (Гаврилова, 2003). То, насколько вопросы смерти волнуют современную молодежь, демонстрируют также результаты исследования Д.С. Никулиной и Л.В. Шутовой (2004).

Студентам предлагалось выполнить следующее задание: выступая в роли психолога, нужно было написать письмо человеку, находящемуся в кризисной ситуации. Предлагалось 6 тем на выбор: проблема развода родителей, проблема взаимоотношений с противоположным полом, проблема умирания от неизлечимой болезни молодого человека; проблема самооценки на примере собственной внешности, проблема человека с выраженной застревающей акцентуацией и свободная тема. Выбор свободной темы предполагал, что студент не смог найти из предложенных ему наиболее интересную, а, следовательно, и актуальную. Результаты исследования показали, что тема смерти вызвала наиболее живой отклик среди студентов: из 160 человек, участвовавших в данном исследовании, 67 - написали работу именно по этой теме.

Несмотря на то, что студенты не продемонстрировали реакции избегания проблемы смерти и умирания, контент-анализ их работ выявил ра-

циональную направленность, малое количество сообщений о своих эмоциональных переживаниях и личной позиции. Авторы исследования характеризуют полученный результат как эффект «эмоциональной замороженности», выражающийся в том, что человек затрудняется выразить свои переживания или даже отмечает, что «ничего не чувствует». Видимо, причиной выявленного в данном исследовании эффекта является восприятие смерти молодыми людьми в крайне негативном ключе, поэтому истинные чувства, которые вызывает данная тема, – это страх и ощущение беспомощности, т.е. те эмоции, которые люди обычно стараются «держать при себе».

Известно, что пожилые люди, как правило, не избегают обсуждения темы смерти, охотно высказывая свои мысли о ней. Однако, думается, что нельзя говорить об отсутствии страха смерти в среде пожилых людей (Воронина, 1998, Боровкова, 2006). Несмотря на то, что при ответах на вопросы «страшит ли Вас момент ухода из жизни?» и «хотели бы Вы отодвинуть этот момент на более поздний срок?», пожилые люди крайне редко отвечают отрицательно, тем не менее, наблюдается вполне выраженное волнение и беспокойство при обсуждении этих тем. Кроме того, обнаруживается высокая заинтересованность пожилых людей при приеме медицинских препаратов и процедур с целью продления жизни (Воронина, 1998).

Имеются также исследования, демонстрирующие, что даже вера в бессмертие души не является достаточным противоядием для изживания страха смерти. Так, Г. Фейфел в результате проведенных исследований религиозных людей пришел к выводу, что некоторые из них, испытывая сильный страх смерти, могут обращаться к религии, потому что она помогает им справляться с этим страхом (Фейфел, 2001). Надо отметить, что мысль о правомерности отнесения веры в бессмертие души к разряду психологических защит разделяет немало исследователей (например, Фейфел, 2001; Лаврин, 1993; Баканова, 2000; Силуянова, 1999).

Эмоциональное реагирование – это общая, и наиболее острая проблема в раскрытии личностного отношения к смерти. Во все времена смерть воспринималась человеком как несчастье, и, вероятно, так будет всегда. В силу этих обстоятельств, многие теоретики, такие как С. Кьеркегор, Р. Мэй, Т. Тиллих, Д.А. Леонтьев, И. Ялом, убеждены в том, что страх смерти устранить невозможно. А согласно Э. Фромму, «избавиться от страха перед смертью – все равно, что избавиться от собственного разума» (Фромм, 1998).

Итак, каждый человек проделывает немалую внутреннюю работу, чтобы научиться жить со страхом смерти и защищаться от него. Преодоление мучительного страха уничтожения – фундаментальная задача развития. Существенное значение для понимания личностного отношения к

смерти имеют представления о ее смысле. Чем является смерть для человека: прекращением существования или переходом в иной мир?

С точки зрения психологического благополучия, вера в бессмертие души (вне того, насколько она оправдана с научных позиций), выглядит более предпочтительной, поскольку позволяет человеку, по крайней мере, встречаться с мыслью о смерти. Отдельного внимания в этом контексте заслуживает концепция «внетелесного существования», об опыте переживания которого якобы сообщают пациенты, пережившие клиническую смерть. После того, как читателей захлестнула волна подобной литературы (Кюблер-Росс, 2001; Моуди, 2004; Уотсон, 1991; Калиновский, 1993 и др.), множество людей переменило свои представления о границах смерти. Эти представления подкрепляются также экспериментами с использованием ЛСД, участники которых, как сообщает, например, С. Гроф (2001a, 2001b), испытывают галлюцинации, схожие с явлениями, описанными людьми, перенесшими клиническую смерть.

Но даже подвергнутая критическим нападкам, концепция «внетелесного существования» имеет одно несомненно положительное следствие: она посеяла в обществе интерес к проблеме смерти, предоставив, тем самым, возможность размышлять и обсуждать естественную смерть, вместо безнадежных попыток изгнания ее из жизни.

Для многих «принятие» идеи конечности существования упирается в вопрос о посмертном существовании. Однако меняются модели, меняются подходы, но доподлинно узнать, что такое смерть мы вряд ли сможем в ближайшее время. В этой связи многие ученые рассматривают смерть как событие, вызывающее у человека страх встречи с неизвестностью (Maddi, 1983, 1998; Леонтьев, 2003). Мир неопределенен и мы ничего не можем с этим поделать. По мнению С. Мадди, выборы, которые мы совершаем – это выборы между двумя альтернативами: выбор будущего либо прошлого (Maddi, 1983; 1998). В будущем всегда присутствует неизвестность. Выбирая будущее, говорит С. Мадди, мы выбираем неизвестность. Тревога – это *эмоциональный аккомпанемент* неустранимой неопределенности будущего. Альтернатива, по С. Мадди, – это выбор прошлого, сохранение неизменности. Эти два выбора не равноценны: только выбор неизвестности и тревоги, сопровождающей ориентацию в будущее, создает потенциал и перспективы для личностного развития. Принимать непредсказуемость жизни – это значит быть открытым тем возможностям, которые возникают.

По мнению Б.Н. Полосухина, на протяжении жизни вырабатывается психологический синдром адаптации к неминуемому концу (Полосухин, 1999). Имеется в виду, что при неоднократном контакте человек может привыкнуть к чему угодно, даже к идее собственной смерти. Как считает Г. Фейфел, отсутствие защищенности в жизни может быть хорошим сим-

волом смерти, а любая потеря может исполнять роль главной потери. Также и С. Мадди в статье «О значении страха смерти для развития личности» отмечает, что в жизни, помимо реальных ситуаций смерти, нам приходится сталкиваться со многими «малыми смертями» (Maddi, 1980). Именно в таких «малых смертях», говорит С. Мадди, отрабатывается *отношение человека к жизни в целом, его жизненная философия*.

Идею жизненной философии как одну из очень важных характеристик зрелой личности С. Мадди заимствовал у Г. Олпорта (2002). По мнению обоих ученых, позитивная жизненная философия – это то, что позволяет ослаблять страх смерти и делать из него ценный материал для развития личности. Позитивная жизненная философия вбирает в себя наряду с положительными аспектами жизни, также и то, что вызывает тревогу, дискомфорт, тем самым она позволяет жить в условиях неопределенности.

Интеграция идеи конечности существования в картину мира, включение его в образ Я, является признаком духовной зрелости. При этом фактором, способствующим интеграции идеи конечности существования в картину мира, является возможность разделения чувств в отношении к смерти с другими людьми. Психотерапевтическая практика свидетельствует о том, что личный опыт, не разделенный с кем-то еще, не поддается интеграции. Так, невозможность разделить свой страх только обостряет его. Поэтому-то пожилые и хотят говорить о смерти, но «мы, живущие, не даем этому осуществиться» (Фейфел, 2001). Поскольку наша культура не позволяет обсуждать вопросы, связанные со смертью, открыто, – данный феномен, как правило, не проникает в человека, не становится частью его мироощущения (Холмогорова, 2000). По данным А. Ландсберга и Ч. Файе, у народов, где смерть обсуждается более открыто и рассматривается как часть жизненного процесса, более спокойное отношение к смерти (Ландсберг, Файе, 1993).

Принятие идеи смерти предполагает полную реализацию человеком заложенного в нем потенциала, или, словами Н. Брауна, «самоизживание» личности. В таком понимании смерть является естественным состоянием успокоения, наступающим при осуществлении человеком всех своих возможностей (<http://www.arctur.elcat.kg/anh/caf3.htm> Hegel & Дети, 1999).

Как зеленый плод держится на ветке, а созревший – падает, также духовно незрелый человек держится за земную жизнь, а духовно зрелый умирает без сожаления.

Литература

1. Боровкова Т.А. Психологические особенности пожилых больных, страдающих хронической ишемией мозга / Т.А. Боровкова // Изве-

стия Уральского государственного университета. – 2006. – № 45. – С. 285-290.

2. Браун Н. <http://www.arctur.elcat.kg/anh/caf3.htm> Hegel & Дети, 1999

3. Воронина О.А. Психология и психотерапия последних дней жизни // Геронтология и гериатрия, послевоенная медицина: Материалы меж-обл. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 1998. С. 20–21.

4. Гаврилова Т.А. Страх смерти в подростковом и юношеском возрасте // Вопросы психологии, 2004, № 6. С. 63-71.

5. Гнездилов А.В. Психология и психотерапия потерь. Пособие по паллиативной медицине для врачей, психологов и всех интересующихся проблемой. – СПб.: Издательство «Речь», 2004. – 162 с.

6. Гроф С. За пределами мозга: Рождение, смерть и трансценденция в психотерапии / С. Гроф; Пер. с англ. А. Андрианова, Л. Земской, Е. Смирновой под общ. ред. А. Дегтярева. — М.: ООО «Издательство АСТ» и др., 2001. — 504 с.

7. Гроф С. Психология будущего: Уроки современных исследований сознания / С. Гроф; Пер. с англ. С. Офертаса. — М.: ООО «Издательство АСТ» и др., 2001. — 476 с.

8. Калиновский П.П. Переход: Последняя болезнь, смерть и после. – М.: Новости, 1993. 192 с.

9. Кьеркегор С. Страх и трепет. – М.: Республика, 1993. - 383 с.

10. Кюблер-Росс Э. О смерти и умирании. Пер. с англ. – Киев: "София", 2001. - 320 с.

11. Ландсберг А., Файе Ч. Встречи с тем, что мы называем смертью. // Жизнь земная и последующая. – М.: Издательство политической литературы, 1991. – С. 81-153.

12. Леонтьев Д.А. Экзистенциальная тревога и как с ней не бороться // Московский психотерапевтический журнал. 2003. № 2. С. 107-119

13. Моуди Р. Жизнь после жизни. М.: изд-во София, 2004, 240с.

14. Мэй Р. Смысл тревоги. М.: Класс, 2001. - 384с.

15. Никулина Д.С., Шутова Л.В. О теме смерти в период расцвета жизни // Перспективные информационные технологии и интеллектуальные системы, №1 (17), 2004. - С. 121-126.

16. Олпорт Г. Становление личности. М.: Смысл, 2002.

17. Силуянова И.В. Нужно ли учить отношению к смерти? // Сборник материалов конференции «Умирание и смерть: опыт междисциплинарного обсуждения», http://www.doktor.ru/onkos/together/conf2_17.htm, 1999

18. Тиллих П. Теология культуры. М.: Юристъ, 1995. – 479 с.

19. Уотсон Л. Ошибка Ромео // Жизнь земная и последующая. – М.: Издательство политической литературы, 1991. – С. 207 - 375.

20. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя // М.: Изд-во Аст, 2004. 576 с.
21. Холмогорова А.Б. Страх смерти: культурные источники и способы // Основные направления в современной психотерапии. – М.: Когито – Центр, 2000. С.224-265.
22. Maddi S. Creating Meaning Through Making Decisions // The Human Search for Meaning / ed.by P.T.P.Wong, P.S.Fry. Mahwah: Lawrence Erlbaum, 1998, p.1-25.
23. Maddi S. Developmental value of fear of death // Journal of mind and behavior, 1980, 1. P. 85-92.
24. Maddi S. Existential Analysis // The encyclopedic dictionary of psychology / R.Harre, R.Lamb (Eds.). Oxford; Blackwell, 1983. P. 223-224.
25. Templer D.I., Ruff C.F., Franks C.M. Death anxiety: Age, sex and parental resemblance in diverse population // Devel. Psychol. 1971. V. 4. P.108.

Е.А.Бессонова, В.В.Шпунтова

Формирование ценностных ориентиров в малой группе

Группа — сделанная людьми машина, в которой машиной являются те самые люди, которые ее создают... это сами люди, организующие себя в модели, страты, предполагающие и предписывающие различную власть, функции, роли, права, обязанности и т.п.
Р.Лэнг

Самостоятельная личность, творец ценностей, есть лишь обломок и отщепенец для стада.
А. Храмов

Ценностные ориентиры являются структурными единицами личности. Они позволяют проследивать, анализировать поведение человека, объясняют смену его внутренних побуждений. Способствуя выбору определенных действий, моральные приоритеты проверяют и отбирают идеалы, выискивают средства достижения целей. По утверждению С.С. Бубновой, они занимают промежуточное положение между внутренними установками и нормами культурной среды, между мотивационно–потребностной сферой и системой субъективных смыслов: «Ценности... многомерны... критерий их иерархии — личностная значимость — включает в себя различные содержательные аспекты, обусловленные влиянием разных типов и форм социальных отношений» (Бубнова, 1999, с. 39).

Согласно Ю.А. Шерковину (1982), двойственный характер нравственных ориентиров обусловлен индивидуальным и социальным опытом. Универсалии являются частью сознания, выступая в преобразованном виде в качестве мотивов деятельности и поведения, и вместе с тем, до

поры до времени пребывают в культурно–историческом пространстве, ожидая человека, который сумеет их прочесть. Иными словами, личность функционирует в точке пересечения общественных ценностей и моральных принципов внутренней реальности. Она «врастает» в мир второй природы, обладая определенным набором смысловых универсалий, конструирует бытие, ограничиваясь индивидуальными ценностными рамками. Знакомясь с нравственным багажом предыдущих поколений, субъект вкладывает *свой* смысл в приоритеты ранее живших людей. При этом, как справедливо отмечает Д.А. Леонтьев, «не все социальные ценности, признаваемые индивидом, реально ассимилируются и становятся личностными» (2003, с. 230). Для подобной трансформации положительного отношения к универсалии недостаточно; человек должен включиться в коллективную деятельность, направленную на реализацию соответствующей нравственной ориентации. По мнению Э.А. Арутюняна (1979) промежуточным звеном, опосредующим процесс «превращения» социальных ценностей в личностные, выступает система норм и предпочтений референтной малой группы. Аналогичные мысли находим в работе М. Вебера (1990). Немецкий социолог выделяет две стадии формирования культурно–исторической индивидуальности: (1) субъективная оценка объекта и (2) соотнесение личностных впечатлений с исторически сложившимися принципами. Таким образом, человек, будучи участником коллектива, ассимилирует культурные нормы, «пропускает» их через себя, обогащает социум новыми смысловыми универсалиями; он является по–сред–ником между общественной моралью и индивидуальными приоритетами.

По всей видимости, мир второй природы изначально располагает гораздо более широким спектром ценностей, чем тот диапазон нравственных возможностей, который имеется у личности. Нормы культуры первичны по отношению к ориентирам субъекта. «Погружаясь» в пространство социальных приоритетов (в частности — малую группу), последний создает картину бытия, наделяет значением объекты действительности, собственные поступки. Он оценивает их для–себя как для–другого, смотрит на них и на себя–смотрящего, выстраивает свое отношение к предметам. Получается, что личностные универсалии базируются на обобщенных моральных представлениях, вырастают из социального и индивидуального опыта. Как полагает ряд авторов, многое ценное в жизни приходит только в том случае, если субъект не настаивает; оно приходит спокойно, не от толчка сзади или притяжения спереди, а появляется безмолвно от простого пребывания рядом. Например, А. Маслоу (1997), подчеркивает, что ценности встроены в организм — если индивидуум доверится себе, то обнаружит их интуитивно. Однако, мысль о том, что человеку нет надобности заботиться о смысловых универсалиях, стремиться их реализовать (ибо они изначально заключены в структуре

его личности) не является верной: отсутствие активности влечет за собой потерю субъектности, приводит к пассивности существования. Мы убеждены, что раскрытие моральных норм *требует* усилий, познания, поиска и нового осмысления накопленного опыта: индивидуум не просто переоткрывает ценности, но и сам *порождает* их. В конечном счете он находит в вещах лишь то, что «сам вложил в них» (Ф. Ницше), создает модель реальности, опираясь на *собственные* ценностные «вклады». Сочтенные личностью нормы постепенно опредмечиваются в материальной, художественной, духовной культуре, отражаются в поведении, деятельности, растворяются в универсалиях общества и усваиваются следующим поколением как *социальные*. Так происходит каждый раз — ценности словно движутся по спирали: от общества к человеку, от человека к обществу.

Моральные предпочтения субъекта формируются в неразрывной связи с общими закономерностями культурного развития¹. Об этом интересно рассуждает М.С. Яницкий (2000), описывая три механизма становления нравственных ориентиров — интериоризацию, идентификацию, интернализацию. Рассмотрим их более подробно.

1) **Интериоризация** — осознанный акт, при котором индивид способен выделить из множества явлений значимые для себя и «превратить» их во внутреннюю структуру в зависимости от целей жизни, возможностей существования и т.д. (Клименко, 1992). При этом, как указывает Б.С. Круглов (1988), особая роль отводится условиям интериоризации (семья, школа, трудовой коллектив): будучи несогласованными между собой они могут нарушить внутреннюю целостность и пошатнуть едва установившийся баланс в иерархии смысловых универсалий; их влияние на моральные предпочтения может быть негативным, может вызвать внутреннее противоречие, которое человек еще не способен разрешить.

2) **Идентификация** — механизм переживания значимых для индивида ценностей. Согласно В.Г. Леонтьеву, личность перенимает устоявшиеся принципы посредством подражания, категоризации, упрощения социальных взаимосвязей, она оформляет нормы в доступные понятия, адаптируется к ситуации, поддерживая динамическое равновесие: «Уподобление, подражание в действительности есть не что иное, как достижение равного положения одного человека по отношению к другому, выступающему в качестве образца, носителя привлекательных черт и свойств» (Леонтьев, 1992, с. 80). Субъект входит в микросоциум, присваивает «вклады» значимых других. Он отождествляет себя с ними и, следовательно, усваивает ценности группы.

¹ В отечественной науке проблема принятия личностью ценностей различных социальных групп активно разрабатывалась в работах ряда авторов, среди которых можно выделить, прежде всего, исследования В.А. Ядова, И.С. Кона, Н.И. Лапина, С.Г. Климовой, А.П. Вардомацкого и др.

3) **Интернализация** — процесс, «посредством которого объекты внешнего мира получают постоянное психическое представительство... превращаются в образы, формирующие часть психического» (*Райкрофт*, 1995, с. 60). Это более сложный механизм, предполагающий сознательное и активное восприятие окружающего мира, воспроизводство принятых приоритетов в деятельности.

В целом, интериоризация, идентификация и интернализация позволяют проследить динамику «вращения» субъекта в коллектив, увидеть этапы его приобщения к *имеющимся* групповым нормам. Однако данные процессы *не являются средствами* порождения *новых* нравственных ориентиров, ибо не раскрывают причину возникновения ценностей, не указывают на создателя моральных принципов. Для того чтобы установить автора—творца универсалий, вспомним высказывание Б.С. Братуся: «Любая ценность, прежде чем стать “общечеловеческой”, была “частночеловеческой”... в нее кто—то верил, за нее кто—то страдал, свидетельствовал о ней... отстаивал, порой ценою жизни» (*Братусь*, 1997, с. 15). В этом смысле социум выступает неисчерпаемым резервуаром людских судеб, жизненных путей, сотворенных конкретными историческими личностями, а общечеловеческая ценность — есть готовый, «снятый» результат живого культурного процесса; причем не застывший, изначально заданный и заостеневший «слепок» (общество не является «кусткамерой ценностей прежних поколений... сводом законов, норм, готовых истин» (*Степанов*, 1996, с. 117)), смысловые универсалии предстают как открытая система, подверженная влиянию субъекта, который, понимая и присваивая нравственные нормы общества, воздействует на их развитие, возникновение, модификацию. Иначе говоря, ценности группы порождаются личностью — непосредственным членом микросоциума, «внедряющим» нормы морали в наиболее благоприятный (сензитивный) период развития (в данном случае при совпадении стадии «внутреннего конфликта» (двумерная модель группового развития по Б. Такмену) и фазы «собственно социализации» участника группового процесса (по Р. Морланду и Д. Левину)).

Формирование смысловых универсалий микросоциума можно представить графически следующим образом (см. рис. 1).

Личность как носитель нравственных норм, усвоенных в процессе интериоризации, идентификации и интернализации стремится «оставить свой след», осуществить вклад в деятельность группы. На первой, исследовательской фазе (*Moreland, Levine*, 1988) она подыскивает такую социальную среду, которая предоставит ей возможность удовлетворить данные нужды. В тех случаях, когда требования субъекта реализуются (он находит «подходящую» общность), происходит ролевое перемещение от пред-

полагаемого члена коллектива к новому действующему участнику группы.

- интериоризация
- идентификация
- интернализация

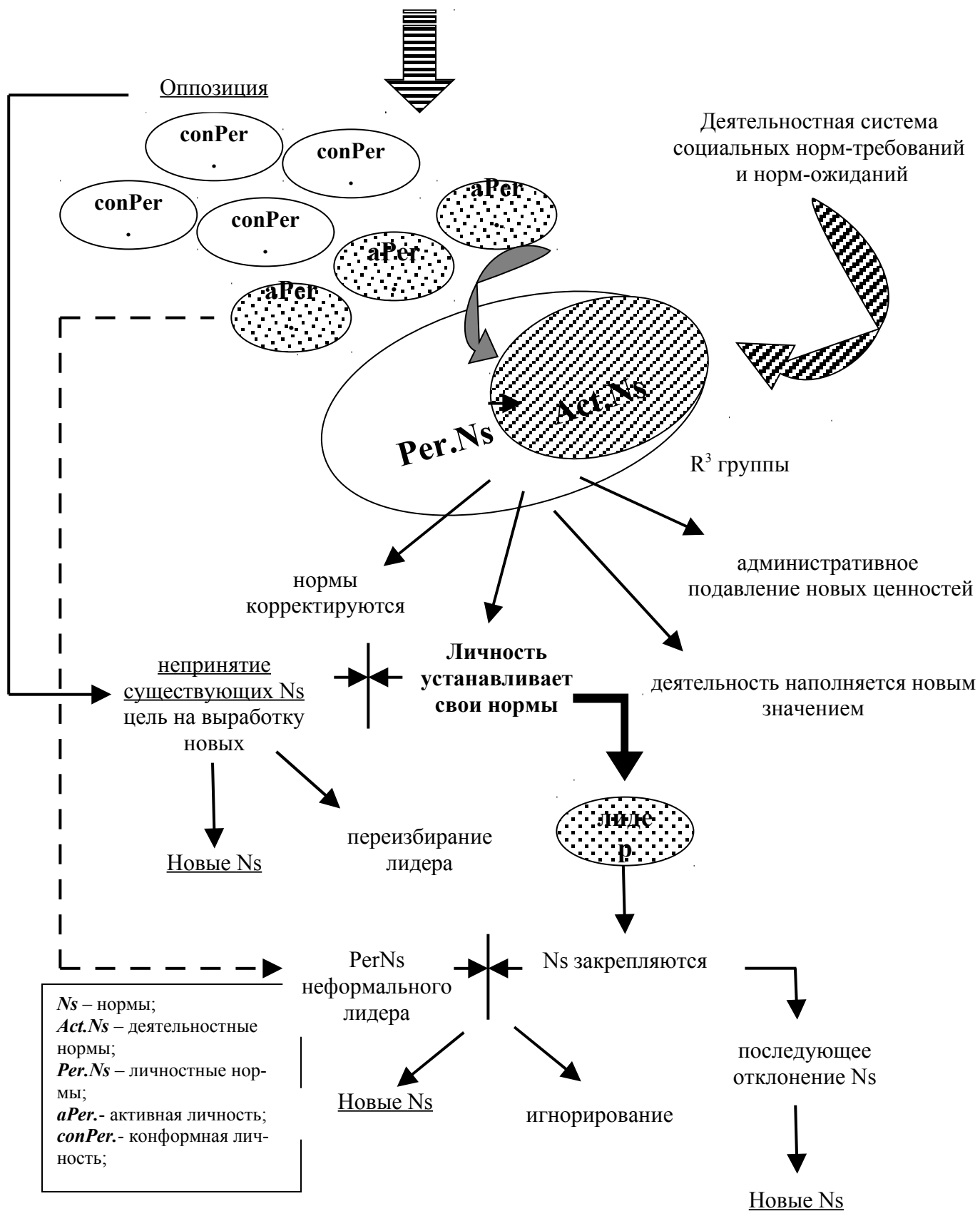

Рис. 1. Формирование ЦО в малых группах

Во время следующей фазы — социализации — индивид пытается модифицировать микросоциум в соответствии с собственными замыслами, потребностями. Он сталкивается с предпочтениями, требованиями, ожиданиями других участников, предлагает свои правила, ценностные ориентиры. Переживая рассогласование универсалий, субъект погружается в конфликт, который является творческим толчком, вызовом, позволяющим заложить моральные основы группы–конгломерата. Подобная личность описывается в исследованиях Н.О. Лосского (2000), П. Тиллиха (1995). Вступая в противоборство с членами социума, человек проявляет свои стремления, разнящиеся со стремлениями других деятелей, зависит от целей, ценностей группы и в то же время опирается только на себя, на свою изолированную созидательную силу. Полагая себя автором, преобразующим внешний мир, инициативный участник коллектива одновременно оказывается частичкой общего «царства ценностей», и его причиной, основанием. Он жаждет аудитории, с которой можно было бы вступить в противоречие, мечтает о пространстве, в котором нравственные ориентиры смогли бы «развернуться», раскрыться, стать нормой.

Вспыхнувший ценностный конфликт разрешается тремя способами:

(1) полное подавление выдвигаемых личностных ориентиров с помощью административных или экономических норм; члены группы либо принимают существующую систему ценностей, либо покидают микросоциум (возможен так же вариант корректировки смысловых универсалий личности).

(2) участники группового процесса разрешают возникшее противоречие путем изменения отношения к деятельности, наполняя ее новым значением (привносят новые ценности).

(3) непосредственное внедрение моральных норм субъектом (наиболее конструктивный выход из противоречия).

Человек, предлагающий собственные универсалии, выделяется из группы. Он силится организовать референтной социум, старается занять место в центре ценностного пространства. При благоприятном стечении обстоятельств такой индивидуум, согласно концепции Р.Л. Кричевского², становится лидером — сгустком качеств, значимых для групповой деятельности³. Участники коллектива стремятся ознакомиться, понять и принять жизненные ориентиры «вожака». Эмоциональное отношение к принципам группы меняется, индивидуумы как бы «обмениваются» собственными нравственными характеристиками на авторитет и признание лидера.

² См. его работы Кричевский Р.Л., Дубовская Е.М. Социальная психология малой группы. — М.: Аспект-пресс, 2001. — 318 с. Кричевский Р.Л., Рыжак М.М. Психология руководства и лидерства в спортивном коллективе. — М.: Изд-во МГУ, 1985. — 224 с.

³ Об этом рассуждает и Жеребова Н.С. см. ее работу Лидерство в малых группах. Автореф. дис. ... канд. философ, наук. М., 1969.

Таким образом, фаза социализации — важный этап в групповом развитии. Прежние взаимоотношения субъектов, «непосредственные, взятые безотносительно к реальному содержанию совместной деятельности», опосредуются смысловыми универсалиями, «деятельность превращается из социально-значимой в личностно-значимую для каждого члена группы» (Петровский, Ярошевский, 1998, с. 307–309). Микросоциум структурируется, совершаются моральные выборы, формируются ценности, происходит сплочение общности.

Третья ступень (фаза утверждения) позволяет индивиду самостоятельно определить свою роль в соответствии с возрастающими потребностями. При совпадении представления коллектива об участнике с его мнением о себе, личность становится равноправным членом микросоциума. Она пытается занять значимое положение в группе, выдвигает свои универсалии, борется за власть. Зачастую, это сложная задача — установленные лидером приоритеты определяют не только предписанные правила поведения, но и устанавливают приемлемые вариации допустимых действий. При этом вариабельность данных норм гораздо шире для индивидов, имеющих высокий статус в коллективе. Это так называемый *«идиосинкразический кредит»* (Hollander, Julian, 1970) — позитивная репутация, позволяющая отклоняться от групповых ценностей (она пропорциональна прошлому вкладу личности в достижение целей команды). По всей видимости, новые моральные предпочтения рождаются именно так — человек, ориентированный на микросоциум, нарушает принятые принципы, изменяет групповое равновесие, привносит свои нормы.

Подобный самостоятельный, активный индивидуум, по мнению Н.А. Бердяева «никому и ничему не подчинен, [он] в своем... творчестве выражает дух народа... гораздо более... чем сам народ в своей коллективной жизни. Всякий творец свободен... не терпит принуждения... в свободе совершает свое служение. Когда творец исполняет социальный заказ без свободы, продукты творчества могут быть лишь бездарными и ничтожными» (Бердяев, 1995, с. 322). Итак, человек-творец одинок, он отделен (отделен) от реальности, противопоставлен миру. И вместе с тем, личность есть существо социальное, стремящееся установить определенное соответствие собственных принципов ценностям группы. Она связана с культурой, она вмещивается в процесс бытия, соотноситься с ним. Закрепляя общественную роль, определяя свое место в команде, инициативная персона подчас забывает об активности, авторстве, своих взглядах, позиции; разменивает собственные универсалии на «правильные» нормы микросоциума, жертвует своей индивидуальностью. В этом, на наш взгляд, заключается краеугольная дилемма, фундаментальное противоречие человека: будучи творцом нравственных ориентиров, личность является и членом группы и отщепенцем, противопоставленным обществу; ее и призна-

ют, и отвергают, она — и лидер, и маргинал, покидающий референтный микросоциум (четвертая стадия ресоциализации).

В завершении попробуем представить процесс формирования ценностных ориентиров коллектива в виде грандиозного здания, которое возводят многие поколения (участники группы). Строятся новые этажи, добавляются боковые помещения, растет пространство, уничтожаются компоненты, утратившие свои положительные качества. Наряду с этим, постоянство норм морали всегда превалирует над изменчивостью сооружения: нарушения становятся ценностно значимыми, «превращаются» в универсалии, группа «впитывает» в себя новые предпочтения, продолжая существовать. Как точно подмечает Ю.В.Яковец (2003), система общечеловеческих ценностей подвержена *циклической динамике*, в ней периодически наблюдаются фазы кризисов и переворотов. Таким образом, субъект сталкивается с нравственным противоречием уже потому, что находится в обществе (в малой группе). Он постоянно разрешает моральный конфликт, осуществляет выбор, творит новые ориентиры, развивая себя и коллектив.

Литература

1. *Арутюнян Э.А.* Микросреда и трансформация общественных ценностей в ценностную ориентацию личности // *Образ жизни и ценностные ориентации личности.* Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1979. С. 49–61.
2. *Бердяев Н.А.* Царство Духа и Царство Кесаря. М.: Республика, 1995. С. 288–356.
3. *Братусь Б.С.* К проблеме человека в психологии // *Вопросы психологии.* – 1997. – №5. С. 3–19.
4. *Бубнова С.С.* Ценностные ориентации личности как многомерная нелинейная система // *Психол. журн.* – 1999. № 5. С.38–44.
5. *Вебер М.* Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
6. *Клименко И.Ф.* Генезис ценностных ориентации, исследование отношения к норме социального поведения на разных этапах социального развития человека // *К проблеме формирования ценностных ориентации и социальной активности личности.* – М., 1992. С.3–12.
7. *Круглов Б.С.* Роль ценностных ориентации в формировании личности школьника // *Психологические особенности формирования личности школьника.* – М., 1988. С.4–11.
8. *Леонтьев В.Г.* Психологические механизмы мотивации. – Новосибирск: НГПИ, 1992. – 216 с.
9. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл, 2003. – 487 с.

10. *Лосский Н.О.* Ценность и бытие: Бог и Царство Божие как основа ценностей // Н.О. Лосский. Ценность и бытие: Авторский сборник. Харьков: Фолио; М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. – 864 с. С. 5-102. (Серия религиозная философия).

11. *Маслоу А.Г.* Дальние пределы человеческой психики. – СПб: Издат. группа «Евразия», 1997. – 430 с.

12. *Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* Основы теоретической психологии. – М.: ИНФРА-М, 1998. – 528 с.

13. *Райкрофт Ч.* Критический словарь психоанализа / Пер. с англ. Л.В. Топоровой, С.В. Воронина и И.Н. Гроздева под редакцией С.М. Черкасова. – СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 1995. С. 60.

14. *Степанов С.Ю.* Рефлексивно-гуманистическая психология творчества. М.; Петрозаводск: Институт рефлексивной психологии творчества, 1996. – 170 с.

15. *Тиллих П.* Мужество быть // В кн.: П.Тиллих. Избранное. М.: «Юрист», 1995, С. 7-131.

16. *Шерковин Ю.А.* Проблема ценностных ориентации и массовые информационные процессы // Психол. журн. 1982. Т. 3. № 5. С.135–145.

17. *Яковец Ю.В.* Глобализация и взаимодействие цивилизаций. М.: «Экономика», 2003. С.330–335.

18. *Яницкий М.С.* Ценностные ориентации личности как динамическая система. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. – 204 с.

19. *Hollander, E.P., & Julian, J.W.* (1970) Studies in Leader Legitimacy, Influence and Innovation, *Advances in Experimental Social Psychology* 5: p. 33-69.

Г.Н.Гордеева, В.В.Шпунтова

Особенности формирования ценностей в подростковом возрасте: роль семьи и референтной группы

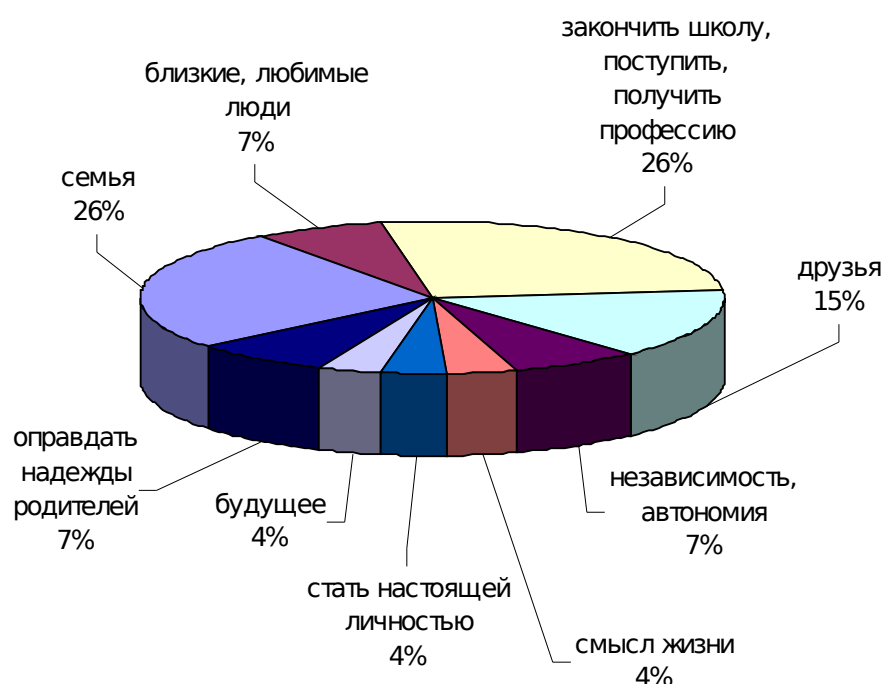
Подросток принадлежит к детскому и взрослому миру одновременно. Он является двойственным, противоречивым существом, в котором понимание внутренних перемен, ощущение того, что «уже не ребенок» перемежается чувством абсолютной несправедливости, зависимости от родителей, учителей. В стремлении быть эффективным, адаптивным в социуме, развивающийся индивид жаждет четких нравственных приоритетов, структурированного плана–проекта реализации жизненных целей; он подвергается влиянию отца, матери, школьных преподавателей, друзей, общества в целом. Его сознание формируется внутри социальной реальности. Культура словно «онтологические корни питает и возвращает [юношу], обеспечивает его образцами и средствами решения индивиду-

альных задач» (Буякас, Зевина, 1997, с. 44); переводит в другой способ бытия, лежащий вне отдельного субъекта и являющийся более осмысленным и упорядоченным. Мир второй природы предъявляет подростку систему общественно–приемлемых норм и образцов, демонстрирует эталоны поведения личности в коллективе. Отсутствие последних затрудняет регуляцию деятельности людей, делает жизнь общества невозможной: «Без нравственных норм функционирование социальной системы не может сохранять направленность на достижение групповых целей; индивиды не могут получить от других то, что им нужно в плане личных и эмоциональных отношений; они не чувствуют в себе необходимую меру порядка и общности целей» (Kluckhohn, 1951, p. 400).

Как правило, молодой человек желает обладать собственными нравственными принципами, старается самостоятельно строить свой, отличный от других способ отношения с действительностью. Наравне с различными общественными институтами, он начинает влиять на себя *сам*, вырабатывая индивидуальные представления о морали, переосмысляя ориентиры, усвоенные в семье, школе, перераспределяя иерархию ценностей в структуре личности. В течение некоторого времени система смысловых универсалий не является стабильной и создает напряженное состояние, которое легко актуализируется и приводит к внешненаблюдаемому поведению (Allport, 1937): подростки становятся непоследовательными в поступках, нарушают закон, совершают противоправные действия. Наблюдая за реакцией общества, юноши и девушки отвергают моральные предпочтения родителей, стараются укрепить социальный статус. Они все чаще прислушиваются к советам сверстников, ориентируются на их мнение. Обретая самостоятельность и независимость, молодые индивидуумы учатся расставлять приоритеты можно/нельзя, плохо/хорошо, заявляют о себе, пробуют себя в качестве авторов собственной жизни.

Анализируя работы И.И. Вединой, Н.А. Кириловой, С.В. Кривцовой, И.Н. Кузнецовой, В.Т. Лисовского, М.В. Лысогорской, В.С. Собкина, А.А. Хвостова, Е.Е. Шульженко и др., мы задались целью исследовать иерархию ценностей современного подростка, решили отыскать причины возникновения тех или иных смысловых универсалий, определить главных трансляторов моральных норм. Опираясь на предположение Г. Олпорта (1997) о том, что для построения структуры нравственных ориентиров следует учитывать данные, полученные методом свободного опроса, мы позволили индивидуумам *самим* конструировать и именовать реалии внутреннего мира. Нашими испытуемыми стали 57 школьников 15–16–ти лет г. Новокуйбышевска (школа №5, №6, 2003 г.). Они изложили свои мысли в эссе на тему «Что для меня значимо в настоящий момент жизни?». Результаты представлены в диаграмме 1.

Диаграмма 1.
Ценности, значимые для 15-16 летних подростков

Ведущими универсалиями были признаны «семья» (26%) и «выбор профессии» (26%). Высокий рейтинг первой нравственной категории наталкивает нас на предположение, что в формировании структуры индивидуальных ценностей значительная роль принадлежит отцу и матери. Родители выступают «советниками», «генераторами» моральных ориентиров в то время как группа ровесников всего лишь подтверждает семейные приоритеты — молодые люди выбирают друзей со сходными предпочтениями («друзья» и «любимые, близкие люди» занимают по 15% и 7% соответственно). Вторая универсалия является скорее ситуативной, связанной с целями, задачами периода развития, становления социального субъекта. По мнению Ф. Райса в юношеских поисках индивидуальности и удовлетворенности собой очень сильна мотивация выбрать интересную работу, способствующую реализации личности. Старания молодых людей добиться успеха в профессиональной деятельности свидетельствуют о высоком уровне самооценки, способствуют утверждению чувства собственного достоинства (Райс, 2000).

По 7% получили нравственные ориентиры «независимость», «автономия», и желание «оправдать надежды родителей». Подобная двойственность может быть объяснена следующим образом: подростки пытаются отделиться (отдалиться) от отца, матери и вместе с тем стремятся «угодовать» взрослым, «выполнить их волю», хотят быть «хорошими мальчишка-

ми/девочками». Сепарация и зависимость от родителей тесно переплетены, увязаны друг с другом: «Индивидуальная автономия... реализуется благодаря включенности индивида в некоторое социальное целое, осознаваемое как *сопричастность*... самостоятельность подразумевает независимость от внешнего принуждения, умение и желание жить своим умом, постоять за себя и т.д.» (Самсонов, 1971, с. 204). Молодые люди настаивают на возможности собственного выбора, они предпочитают спорить со старшими, нести ответственность за свои слова, поступки, однако полная свобода им не нужна — юношам и девушкам требуется поддержка, понимание значимых взрослых, ощущение принадлежности к семье.

Развивающиеся индивидуумы также задумываются о будущем (по 4 % — «будущее», «смысл жизни», «стать настоящей личностью» (скорее в значении настоящим Человеком)). Они испытывают потребность помыслить свое существование не как серию случайных, разрозненных событий, а как целостный процесс, имеющий определенное направление, преемственность и содержание. Как справедливо подмечает И.С. Кон (1984), возникновение вопроса о смысле жизни — симптом известной неудовлетворенности. Человек, целиком поглощенный каким-то делом, не спрашивает себя, имеет ли оно ценность, он просто увлеченно выполняет определенные операции. Рефлексия, критическая переоценка нравственных предпочтений связана с какой-то паузой, «вакуумом» в деятельности или в отношениях с другими людьми, что явственно наблюдается в подростковом возрасте (В.С. Агапов, Г.В. Резапкина, Х. Ремшмидт, А.А. Хвостов и др.). Мы убеждены, что с появлением такой универсалии как «смысл жизни» запускается становление индивидуальной системы моральных ориентиров.

Повторное исследование было проведено в 2005 г. Мы опросили 54 школьника 14–16 лет (г. Самара школа №10, №95). Результаты оказались сходными. Первое место принадлежит ценности «хорошо учиться, сдать экзамены» (60%), на втором оказалась нравственная категория «мнение обо мне семьи и друзей» (36%), на третьем — «престижная, высокооплачиваемая работа» (30%). Четвертое место поделили такие приоритеты, как «интересная профессия», «образование», «деньги» (по 20%). В число значимых также попали «здоровье, физическая привлекательность», «общение с друзьями», «развлечения», «познание» (по 16%).

Мы сопоставили полученные данные с результатами аналогичных исследований, выполненных С.В. Кривцовой⁴, В.С. Собкиным и Н.И. Кузнецовой⁵ в конце 90–х годов XX века (см. таблицу 1).

⁴ С.В. Кривцова и коллеги исследовали систему ценностей подростков 14–17 лет (около 2000 испытуемых школ Подмосковья и г. Москва) (см. книгу Подросток на перекрестке эпох, М.: Генезис, 1997 – 288 с.).

Таблица 1. Ценности подростков (по материалам наших исследований, а также материалов С.В. Кривцовой, В.С. Собкина и Н.И. Кузнецовой).

Ценности	Данные нашего исследования (%)	Данные исследования С.В. Кривцовой и коллег (%)	Данные исследования В.С. Собкина и Н.И. Кузнецовой (%)
Хорошо учиться и сдать экзамены	60	–	–
Престижная, интересная работа	20	22	8
Престижная, интересная профессия	20	–	42
Получить образование в ВУЗе	20	–	–
Деньги	20	38	53
Здоровье, привлекательность	16	28	–
Общение с друзьями	16	46	25
Мнение обо мне и друзьях	36	–	–
Развлечения	16	1	–
Свобода, независимость, активность	16	46	–
Самоутверждение, уверенность в себе	11	24	18
Познание	16	20	10
Счастливая семейная жизнь	13	54	60
Любовь	–	34	–
Творчество	–	18	–

Во всех трех исследованиях большое значение отводится «работе» (20%, 22%, 8%), «интересной профессии» (20%, 42%). Подростки всерьез задумываются о будущей взрослой жизни. Они представляют ее насыщенной, приносящей радость; обязательно престижной и денежной. Юноши и девушки убеждены, что «все будет хорошо», они не тревожатся о возможных сложностях, трудностях, не мыслят о профессиональной деятельности конкретно. Возможно, это связано с отдаленностью момента: молодые люди не загадывают наперед — в ближайшей перспективе — студенческие годы.

Естественным и ожидаемым выглядит высокий рейтинг ценности «общение с друзьями» (16% в нашем исследовании, 46% согласно данным С.В. Кривцовой, 25% — в работе В.С. Собкина, Н.И. Кузнецовой). Эта категория остается такой же значимой для учащихся, как и десятилетие назад, именно она является необходимым условием построения модели взаимоотношений со сверстниками, референтной группой, и обществом в целом.

Сфера «здоровье» занимает третью (16% по результатам нашего исследования) и пятую (28% в исследовании С.В. Кривцовой) позицию в структуре подростковых предпочтений. Интересным представляется тот факт, что развивающиеся субъекты не просто высоко ценят свое здоровье,

⁵ В.С. Собкин и И.Н. Кузнецова также попытались выделить значимые категории для подростка (см. Собкин В.С., Кузнецова Н.И. Российский подросток 90–х: Движение в зону риска. Аналитический доклад. – М.: ЮНЕСКО, 1998. – 120 с.)

но и не вполне уверены, что могут его сохранить (показатели внутреннего конфликта — 10% в исследованиях С.В. Кривцовой, также см. работу *Лысогогорской*, 2001).

Особо следует выделить универсалию «достижение материального благополучия» (20%, 38%, 53%). Юноши и девушки мечтают иметь атрибуты молодежной субкультуры — модные вещи, магнитофоны, одежду, транспортные средства, однако, как предупреждает С.В. Кривцова (1997) это вовсе не определяет их стиль поведения и систему ценностей. Мыслится, что желание стать богатым подросткам диктует современное общество, где процветают стереотипы: «богатый — значит успешный», «богатый — значит уважаемый» и т.п. Мы полагаем, что если данные установки не являются приоритетными в семейном кругу, то молодые люди не будут использовать их в качестве ведущих ориентиров.

Высокие баллы набрала категория «счастливая семейная жизнь» (13%, 54%, 60%). Юные существа сознательно стремятся создать уютный «уголок», чтобы укрыться от фрустрирующего воздействия внешней среды; они ищут привлекательное место — островок спокойствия, отдыха, личностной цельности. Наличие родного, близкого человека, который поймет и утешит, благоприятная атмосфера «дома» обеспечивает субъекта психологическим комфортом, чувством безопасности, помогает не затеряться в изменяющихся условиях культуры (*Дубровина, Дандарова, Игуменов*, 2003). Это становится все более важным и значимым в ситуациях социальных преобразований, когда разрушаются многие виды и формы общественных отношений.

Сфера «познание» (16%) у большинства испытуемых ассоциируется со школой, необходимостью учиться, демонстрировать успехи, соответствовать идеалам. Собственное содержание в эту ценность подростки не вкладывают, опираясь на приоритеты взрослых (родителей, учителей). Они стремятся максимально безболезненно приспособиться к новому образу существования, предпочитая платные формы учебных заведений (здесь можно говорить о высоких показателях нравственной категории «престижная профессия» — 20%). Интересное объяснение вышеизложенного находим в работе И.И. Вединой⁶: многообразие жизненных целей юношей и девушек значительно обедняется усилиями преподавателей, подменяется единственной — учиться. В этом случае стремление к образованности фетишизируется, заполняет все время молодого человека (уроки, курсы, репетиторы), наступает искажение в развитии. В возрасте 12–16 лет формируется специфический способ конструирования образа окружающего мира, проникнутый постоянными сомнениями в своей интеллектуальной успешности, знаниях, возможностях. Именно поэтому в

⁶ Вединая И.И. Потенциальная линия фронта.

http://pedsovet.org/mtree/task,report/link_id,2282/Itemid,118

данной сфере встречаются внутренние вакуумы (по данным С.В. Кривцовой — 2% от общей выборки испытуемых). И.И. Веди́на убеждена, что развивающемуся индивидууму следует помочь **образовываться** (создавать образы), находить новые вопросы и ответы, интегрируя внешний мир и внутреннее «Я». Только в этом случае познание может быть осмыслено как возможность думать, видеть уникальность бытия, выворачивать обыденные вещи наизнанку.

Универсалия «свобода, независимость, активность» была признана конфликтной и противоречивой. Подростки с одной стороны придают смысл данной ценности, стремятся к автономии, сепарации (16% и 46% в нашем исследовании и исследовании С.В. Кривцовой соответственно), но с другой стороны, не совсем понимают что это такое. Демонстрируя неготовность к взрослой жизни, инфантилизм, и быть может бессознательное вытеснение актуальной и болезненной темы (см. в том числе работы *Кривцовой, 1997, Аргентовой, Тополовой, 2004*), они играют в независимость, затягивают процесс беззаботного детства.

Молодые люди недооценивают «творчество», занимающее нижние позиции в иерархии смысловых универсалий (18% в работе С.В. Кривцовой, у нас — менее 1%). Они желают быть одинаковыми («не хуже других»), боятся выделиться, укрываясь в стереотипности поведения, действий. Юноши и девушки не рассматривают творчество как бегство от рутины, скуки, не видят в нем способ сохранения своей индивидуальности. Подростки не способны просчитывать разнообразные выходы из сложившихся ситуаций, они не смеют шагнуть за рамки устоявшихся правил. Мы соглашаемся с С.В. Кривцовой (1997) в том, что развивающиеся субъекты нуждаются в помощи взрослых в демонстрации, предоставлении им позитивного опыта переживания творческого подхода к жизни.

Подводя промежуточный итог интерпретации результатов исследования, отметим, что ведущее место в возрасте 14–17 лет принадлежит самоопределению, поиску «Я», построению идентичности. Любовь⁷, интимность — это «вопросы» следующего этапа, задачи, которые могут быть решены цельной, непротиворечивой личностью (см. работы И.С. Кона, Ф. Райса, Э. Эриксона). Отдельно подчеркнем, что одновременная ориентация на несколько общественно-групповых картин мира, заставляет молодого человека знакомиться с социальной реальностью через столкновение с ценностными предпочтениями, которые порой противоречат семейным принципам. Подросток искренне пытается «приладить» кальку универсалий отца/матери к внешнему бытию, замечает несоответствие

⁷ Отсутствие в результатах нашего исследования такой ценности как «любовь» объясняется тем, что испытуемые перечисляли значимые категории своей жизни *самостоятельно*, без опоры на перечень универсалий, который предлагался в работах С.В.Кривцовой, В.С. Собкина и Н.И. Кузнецовой.

ние, а подчас и расхождение между нормами. И если раньше субъект мог отнестись к этому несерьезно, мог «не заметить» существенных противоречий, старательно следуя ориентирам значимых взрослых, то теперь он *вынужден* считаться с приоритетами—отличными—от—родительских, строить свою будущую жизнь, опираясь на них. С одной стороны, такая ситуация позволяет юноше увеличить возможности свободного самоопределения, а, с другой стороны, повышает опасность дезорганизации индивидуальной системы ценностей.

Итак, 14–17–летние индивидуумы располагают противоречивыми ориентирами. Они замечают, что общепринятые нравы и способы мышления больше не обеспечивают им безопасности, а нравственные нормы, словно изнаночная сторона родительских предпочтений, являются двойственными, неприменимыми к действительности. Подростки ощущают себя в отрыве от окружающего мира, ибо социум, к которому их готовили, стал иным, отличным от реальности предыдущего поколения. Подобное осознание «непохожести» (Кон, 1984) и радует, и пугает молодежь. Она пытается найти себя через примеривание свободы, через поддержку друзей — таких же и не таких одновременно. Пребывая между двух огней, юноши и девушки «разрываются» между требованиями родителей и изменяющимися условиями жизни и, чувствуя, что их никто не понимает, сталкиваются с одиночеством.

Дж. Франкл, исследуя проблему изменений в природе Супер—Эго, называет современное общество «обществом без отца». Он обращает внимание на то, что роль культуры, создающей модель и помогающей формировать личность подростка, резко изменилась, сместившись «от авторитарной и репрессивной к пустой и бессмысленной в своей вседозволенности» (Франкл Дж., 1998, с. 31). Из—за собственной неуверенности родители не в состоянии передать детям нормы и принципы, необходимые для формирования собственного Эго. Следовательно, в поиске целей и принципов, которые придадут смысл и направленность жизни нового поколения, молодые люди выбирают «пассивный путь» — догматизм или конформизм, и отказываются от сознания себя. Единицы находят силы для более глубокого познания «Я» и начинают рассматривать собственное существование по—новому. Они овладевают более совершенными способами преобразования окружающей действительности, выступая субъектами интрапсихического мира. Эти подростки строят свое, отличное и одновременно основанное на системе мировоззрения предыдущего поколения, бытие ценностных ориентаций.

Для того чтобы определить ценностные ориентиры, «подкрепляемые» родителями и предпочтения, «поддерживаемые» референтной группой, мы провели третье исследование (2006 г. 57 испытуемых, школа № 10, № 95, г. Самара). Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2.

Семья и референтная группа как ведущие источники ценностей

Ценности, источником которых выступила семья		Ценности, источником которых выступила референтная группа	
Ценности	%	Ценности	%
Хорошо учиться и сдать экзамены	15,4	–	–
Получить образование (поступить в ВУЗ)	14	–	–
Познание	10,4	Общение с друзьями	25,3
Интересная профессия	10,2	Развлечение, жизнь в удовольствии	18,4
Престижная работа	11,8	–	–
Деньги	5,2	–	–
Самоутверждение	8,8	Свобода, независимость в поступках	18,4
Здоровый образ жизни, привлекательность	11,3	Здоровье, физическая привлекательность	13,7
Мнение обо мне и друзьях	12,8	Мнение обо мне	24,2

Если мы сопоставим данные представленные в таблице 2 с результатами первой диаграммы, то увидим, что 59% нравственных приоритетов могут быть отнесены к универсалиям родителей («закончить школу», «семья», «оправдать надежды родителей»). Семья выступает транслятором моральных норм «хорошо учиться», «поступить в ВУЗ», «получить интересную, высокооплачиваемую работу», «профессию». Отец и мать тесно связаны с социальными структурами, они позволяют индивидууму усваивать и воспроизводить общественно–исторический опыт, вносить вклад в непрерывный культуuroобразующий процесс. Значимые взрослые ценностно окрашивают настоящее юного существа, которое позволяет строить надежное, социально–приемлемое будущее. Родители реализуют главную функцию — социализирующую, «встраивающую» подрастающее поколение в культуру, делающую субъектов похожими на других.

29% предпочтений (см. диаграмму 1) принадлежит референтной группе («друзья, близкие, любимые люди», «независимость», «автономия» (прежде всего от родителей)). Компания сверстников оперирует меньшим набором нравственных норм, предлагая члену группы «общение с друзьями», «развлечение, жизнь в удовольствии», «свободу, независимость». Она выступает своеобразным тренировочным «полигоном», где можно «примерить» смысловые универсалии: с возрастом родители как центр ориентации и идентификации отступают для юношей и девушек на второй план (Райс, 2000, Ремимидт, 1994): молодые люди «отходят» от ценностей семьи, школы и «ищут пристанища» в традициях, представлениях, стереотипах поведения, преломляющихся через призму значимой микросреды (Н.В. Бордовская, А.А. Реан, С.В. Кривцова). Способствуя сохране-

нию и развитию определенного стиля жизни, принципы подростковой компании предохраняют общественные нормы от воздействия «стихийного социума» (Б.Т. Лихачев), который намного превосходит позитивное влияние воспитателей, педагогов, родителей. Выступая своеобразным «решетом» смысловых универсалий культуры, нравственные правила подросткового сообщества «просеивают» моральные ориентиры, отбирая из них те, которые соответствуют целям и задачам группы. Под влиянием сверстников юноши и девушки заменяют «детские правила» новыми убеждениями, приобретают способность действовать в соответствии с новой системой социальных ценностей и возможность отвергать старую; они активно осваивают нормы и стили поведения, критерии оценки себя и других людей.

Интересным представляется тот факт, что и семья и референтная группа «предлагают» подростку в качестве нравственных ориентиров «здоровый образ жизни, физическую привлекательность» (11,3% и 13,7% соответственно), подчеркивают значимость «мнения обо мне и моих друзьях» (12,8% и 24,2% соответственно). Родители и сверстники поддерживают молодого человека, подсказывают модель эффективного функционирования в социуме, указывая на важность притягательного внешнего облика, положительного первого впечатления, позитивного суждения других людей.

Зарождающаяся индивидуальная система ценностей характеризуется 12% («будущее», «смысл жизни», «стать настоящей личностью»). Подростки все чаще задумываются о «Я», оценивают себя, сравнивая с «эталонном взрослости» (Е.Е. Шульженко). Они как бы наполняют структурные звенья самосознания, формируют ближнюю перспективу — непосредственную сегодняшнюю и завтрашнюю деятельность. Как постулировал И.С. Кон (1984), главное психологическое приобретение ранней юности — открытие своего внутреннего мира. Молодые люди, приподнимаясь на цыпочках, заглядывают в так называемое «виртуальное будущее» — ожидаемое, старательно подпитываемое родителями. Им еще сложно совмещать долгосрочные жизненные планы (личные и общественные) с сегодняшними желаниями. Юноши и девушки любят помечтать об отдаленном будущем, но вместе с тем хотят быстрого получения осязаемых результатов, немедленного осуществления своих потребностей. В 15–16 лет им не хватает «реализма», недостает способности отсрочить непосредственное удовлетворение и трудиться ради завтрашнего дня.

В целом, конфликты между ценностями семьи и референтной группы обнаружены не были: универсалии родителей и сверстников во многом сходны, занимают определенные, не пересекающиеся «пространства» в жизни подростков. Однако, нравственные противоречия все же присутствуют — молодые люди, наделяя значением определенные сферы жизни,

указывают на их труднодостижимость. По мнению Е.Б. Фанталовой (2001) подобное расхождение между значимостью и доступностью ориентиров свидетельствует о наличии внутреннего диссонанса. Так, по результатам исследования Т.Е. Аргентовой и Е.В. Тополовой (2004) самая конфликтотенная моральная категория — «счастливая семейная жизнь» (90%). 83 % испытуемых имеют рассогласования в сфере «свобода», 77% — «материально обеспеченная жизнь», 77% — «любовь». Авторы объясняют это тем, что наиболее значимые потребности в счастливых семейных отношениях, свободе, любви, в материальной независимости блокируются со стороны общества и остаются неудовлетворенными. На наш взгляд помочь преодолеть противоречивость изменяющегося (кризисного — *Лисовский*, 2000) социума могут родители и сверстники. Они, выступая главными трансляторами моральных норм, указующими путь «маяками», позволяют юношам и девушкам *самим* разрешать ценностные конфликты и строить индивидуальную систему смысловых универсалий.

Литература

1. *Аргентова Т.Е., Тополова Е.В.* Внутриличностные конфликты современных подростков // В Сб. Сибирская психология сегодня / Под ред. М.М.Горбатовой, А.В.Серого, М.С.Яницкого, Кемерово, 2004. <http://www.spf.kemsu.ru/portal/psy2004/1.16.htm>
2. *Буякас Т.М., Зевина О.Г.* Опыт утверждения общечеловеческих ценностей – культурных символов – в индивидуальном сознании // Вопросы психологии, 1997, №5, С. 44–56.
3. *Кон И.С.* В поисках себя: Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984. – 335 с.
4. *Кривцова С.В. и др.* Подросток на перекрестке эпох. – М. Генезис. 1997. – 288 с.
5. *Лисовский В.Т.* Ценности жизни и культуры современной молодежи (социологическое исследование) // Тугариновские чтения. Материалы научной сессии. Серия «Мыслители», выпуск 1. СПб.: Санкт–Петербургское философское общество, 2000. С. 40–44.
6. *Лысогогорская М.В.* Типы родительской семьи и особенности внутриличностного ценностного конфликта у подростков: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2001. – 21 с.
7. *Олпорт Г.* Ценности современной молодежи // Олпорт Г. Личность в психологии: Пер. с англ. – М.: КСП+; СПб.: Ювента, 1998. – 345 с. С.127–147
8. Психология подростка: Полное руководство / И.В. Дубровина, Ж.К. Дандарова, С.А. Игумнов; Под ред. А.А. Реан. СПб.; М.: прайм–ЕВРОЗНАК: Олма-Пресс, 2003. – 432 с. (Психологическая энциклопедия).

9. Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста. – СПб.: Издательство «Питер», 2000. – 624 с.
10. Ремшмидт Х. Подростковый и юношеский возраст: Проблемы становления личности. – М.: Мир, 1994. – 320 с.
11. Самсонов Р.М. Сопричастность как психологическая категория // Материалы IV Всесоюзного съезда Общества психологов. Тбилиси, 1971, С. 204.
12. Собкин В.С., Кузнецова Н.И. Российский подросток 90–х: Движение в зону риска. Аналитический доклад. – М.: ЮНЕСКО, 1998. – 120 с.
13. Фанталова Е.Б. Диагностика и психотерапия внутреннего конфликта. Самара: Бахрах, 2001, – 128 с.
14. Франкл Дж. Неизведанное Я. М.: Изд. группа «Прогресс», 1998. – 246 с.
15. Kluckhohn C. Values and Value Orientations in the Theory of Action // Toward a General Theory of Action /Ed. by T.Parsons, E.Shils. Cambridge: Harvard UP, 1951. P. 388–433.
16. Allport G.W. The functional autonomy of motives // American Journal of Psychology, 1937, 50, P.141–156.

Н.В.Зоткин

Методика для исследования мотивационно-потребностной сферы личности

Исследование потребностей и мотивации поведения человека проводится разнообразными опросниками, реже – проективными методиками и психосемантическими методами. Опросники и анкеты позволяют быстро собрать необходимую информацию, но ограничены в возможностях выявления истинной мотивации респондента. Это связано с тем, что составители опросников не всегда могут учесть все возможные варианты поведения испытуемых и причин этого поведения, а, с другой стороны, испытуемые могут фальсифицировать ответы в силу собственных причин и устремлений, искажая, тем самым, получаемую информацию.

Проективные методики и психосемантические методы дают более обширную и точную информацию, но обычно требуют больше времени на проведение и обработку результатов, что не всегда возможно при ограничении времени психодиагностического исследования.

Одним из общих недостатков психодиагностических методик является задавание исследователем изучаемых параметров, что не дает возможности испытуемым проявить свои собственные индивидуально-личностные особенности, истинные устремления и причины поведения. Методики, дающие такую возможность, вызывают у исследователей серьезные трудности с обработкой неструктурированной информации.

В психодиагностике постоянно создаются новые методики, изучающие как новые, так и ранее исследованные области мотивации. Но при этом сохраняется актуальность создания методик, дающих максимально полное представление о мотивационно-потребностной сфере человека.

Для исследования специфики мотивационно-потребностной сферы личности нами был разработан проективная методика, основной для которого послужили метод мотивационной индукции Ж. Нюттена и методика «20 ответов на вопрос «Кто Я?» М. Куна [3].

Первый вариант методики модифицированного варианта метод мотивационной индукции Ж. Нюттена заключается в самостоятельном заполнении испытуемыми списка из 25 пунктов, которые представлены как ответы на незаконченное предложение «Я хочу...».

Испытуемым предлагается в течение десяти минут дать 25 (или больше) окончаний начала предложения «Я хочу...». Окончание может быть слово, фраза или предложение. Никаких ограничений в формулировке окончаний нет.

После этого испытуемым предлагается заполнить две следующие графы (колонки), в которых напротив каждого окончания предложения «Я хочу...» они отвечают на два вопроса. Во второй графе испытуемые должны ответить на вопрос «Когда», то есть указать точный срок исполнения этих желаний. В третьей графе, на вопрос «Каким образом», испытуемые указывают возможности и пути исполнения своих желаний.

Эти две колонки испытуемые заполняют по возможности. Отсутствие записи во второй графе показывает нереалистичность желаний, в третьей – невозможность их реализации. Общее количество отсутствующих записей показывает степень реалистичности потребностной сферы испытуемого.

Второй вариант методики заключается в заполнении испытуемыми списка из 25 пунктов, которые представлены как ответы на незаконченное предложение «Я люблю...». Инструкция дается так же, как и в первом варианте. По окончанию испытуемые заполняют вторую графу (напротив каждого предложения), отвечая на вопрос: «Как часто?».

Первый вариант методики («Я хочу...») выявляет желания и потребности испытуемого, второй вариант – («Я люблю...») – его предпочтения.

Потребность – состояние человека, созданное нуждой и (или) желанностью объектов, необходимых для его существования и развития. Потребность запускает активность человека на поиск и достижение цели, удовлетворяющей эту потребность.

Желание – переживание потребности, переходящая в действенную мысль о возможности чем-либо обладать или что-либо осуществить. Желание, в отличие, например, от влечения, характеризует осознанность, на-

личие поставленной цели и построение планов ее достижения. Желания, как влечения и хотения, являются выражением потребностей.

Предпочтение – это признание преимущества перед чем-либо, избирательность, признание лучшим или более подходящим для человека. Согласно А. Эдвардсу, предпочтение – это сравнение кого-либо или чего-либо, на основе которого делается выбор; этот выбор характеризует самого человека, его активность, направленность, потребности, желания, увлечения. Предпочтения являются одной из разновидностей мотивационной установки, которая является сформированным и устойчивым во времени мотивационным образованием, реализующимся при появлении соответствующей ситуации.

Таким образом, предлагаемая нами методика позволяет выявить мотивационно-потребностную сферу человека исходя из ее понимания самим испытуемым.

Для построения системы обработки полученных результатов нами было проведено специальное исследование. В исследовании по первому варианту приняло участие 160 человек в возрасте от 14 до 50 лет. В исследовании по второму варианту приняло участие 120 человек в возрасте от 16 до 55 человек. В процессе исследования были выделены (на основании существующих классификаций Ж. Нюттена, А. Маслоу, А.Л. Эдвардаса, Г.Мюррея и др.) наиболее ярко выраженные категории потребностей, желаний и предпочтений у испытуемых, приводимые ниже.

Категории оценки потребностей и желаний на основании ответов («Я хочу...») испытуемых с примерами конкретно-обобщенных высказываний:

Физиологические потребности (спать, съесть что-либо, подвижный отдых).

Потребность в отдыхе и развлечениях (отдохнуть, каникулы, лето, отпуск, праздник, увеличение личного свободного времени, посмотреть фильмы, сходить в кино, театр и другой культурный отдых, послушать музыку, поиграть на компьютере, развлечься, активный отдых – спорт, бассейн, фитнес, шейпинг).

Приобретение, обладание (приобретение квартиры, собственного дома, дачи, улучшение жилищных условий, приобретение машины, компьютера, другой техники, одежды, аксессуаров, косметики, мебели).

Аффиляция (встретиться с друзьями, завести новые знакомства, общение с противоположным полом, общение с родственниками, надежных и верных друзей, встреча со знаменитостью, выйти замуж – жениться, найти спутника жизни, хорошие отношения с коллективом).

Потребность в достижениях (окончить школу, ВУЗ, сдать экзамены, сессию, поступить в ВУЗ, устроиться на высокооплачиваемую работу, завоевать уважение и признание, успех в какой-либо деятельности, обеспе-

чение безбедного существования, крупные покупки как подтверждение социального статуса).

Радикализм, потребность в изменениях (путешествия, отдых за границей, жить в другом городе, стране, радикально изменить свою внешность, облик, поменять круг друзей, сменить что-либо в интерьере, совершить экстремальный поступок, разнообразить жизнь, освоить новый вид деятельности, найти, сменить работу).

Автономия, самостоятельность (работать, не зависеть от родителей).

Профессиональные потребности (много зарабатывать, быть самостоятельным, иметь свое дело, карьерный рост, что-либо конкретное по работе).

Потребности саморазвития, самореализации (самообразование, освоить иностранный язык, спорт, гимнастика, заняться своим телом, внешность).

Потребность в жизненном благополучии (стать счастливым, быть здоровым, гармонии, материального благополучия, хорошая зарплата, хорошая работа).

Потребность в социальной и экономической безопасности (хорошая (бесплатная) медицина, хорошее (бесплатное) образование, повышение пенсий, улучшение жизненных и социальных условий в целом за счет государства, отсутствие войны, улучшение экономической ситуации, прекращение роста цен, улучшение условий в городе, забота о молодежи (занятость, отсутствие наркомании, алкоголизма, курения), повышения уровня культуры).

Проявление опеки (здоровья близким, забота о детях в целом, образование детям, забота о родителях).

Оценка реализации потребностей и желаний во времени (ответы на вопрос «Когда?») можно оценить по шести категориям: (1) немедленно; (2) в скором времени; (3) нескоро; (4) когда-нибудь (точно не известно); (5) постоянно; (6) никогда.

Достижение результата в реализации желаний и потребностей оценивается по знанию способа их достижения (ответа на вопрос «Каким образом?»). Для оценки используются две категории: «представляют хорошо» и «представляют плохо».

Категории оценки предпочтений на основании ответов («Я люблю...») испытуемых с примерами конкретно-обобщенных высказываний:

Физиологическая (биологическая) мотивация (еда, сон, отдых, секс, курить, быть здоровым(ой)).

Аффиляция (родственные связи, социальные связи, лица противоположного пола, общение с животными, письма, общение по телефону, общение по Интернет).

Мотивация работы, активности разного рода (работа, спорт, водить автомобиль, домоводство, рукоделие, танцевать).

Мотивация приобретения (покупки, тратить деньги, получать подарки).

Мотивация отдыха и развлечениях (развлечение, безделье, отдых на природе, отдых дома).

Радикализм (путешествовать, новые ощущения).

Мотивация творчества (рисовать, петь, играть на гитаре, что-то придумывать, фантазировать).

Мотивация познания (учиться, изучить что-либо, читать, узнавать новое).

Направленность на себя (себя, быть красивой(ым), уверенность в себе, независимость, мечтать, подумать в одиночестве, смотреть фото).

Мотивация достижения (успех, удача, уважение).

Эстетические потребности (любовь к природе, любовь к произведениям искусства, к красоте).

Нравственные потребности (искренность, правда, доброта, честность).

Агрессивная мотивация (физическая агрессия, вербальная агрессия).

Проявление опеки (маленьких деток, делать подарки, делать что-то для детей).

Принятие опеки (когда меня понимают, помощь, доверие).

Демонстративность (привлекать внимание, показать себя, удивлять).

Гражданские потребности (люблю Россию, свой город).

Доминирования (быть первым, командовать, быть лидером).

Процесс жизни (жизнь, красиво жить).

Деньги (деньги).

Частота встречаемости предпочтений «Я люблю» оценивается по трем категориям: часто, иногда, редко.

Кроме названных категорий, методика позволяет вводить любые специфические категории для оценки высказываний. Соотношение специфических категорий с остальными и их оценка по системе, приводимой выше, позволит понять их место в структуре мотивационно-потребностной сферы испытуемого.

Также данная модификация позволяет создавать новые варианты методики, подбирая необходимую фразу для начала предложения и составляя список в ее продолжение.

Литература

1. Кун М., Макпартленд Т. Эмпирические исследования установок личности на себя // Современная зарубежная социальная психология. Тексты. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 180-187.
2. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2003.
3. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспективы будущего. М.: Смысл, 2004.
4. Толстых Н.Н. Использование методики неоконченных предложений для изучения временной перспективы // Научно-методические основы использования в школьной психологической службе конкретных психодиагностических методик / Под ред. И.В.Дубровиной. М.: АПН СССР, 1988. С. 96-109.
5. Толстых Н.Н. Использование метода мотивационной индукции для изучения мотивации и временной перспективы будущего // Психол. диагностика. 2005. № 3. С. 77-94.

Н.В.Зоткин, Л.З.Сафиуллина

Проявление ценностных ориентаций личности на осознаваемом и неосознаваемом уровнях

Проблема ценностей и ценностных ориентаций является предметом изучения ряда наук о человеке и обществе, в частности, философии, социологии, психологии и педагогики. Система ценностных ориентаций имеет сложную, многоуровневую структуру детерминацию. Вершина ее – ценности, связанные с идеалами и жизненными целями личности. Система ценностных ориентаций не является чем-то абсолютно упорядоченным и неподвижным, она противоречива и динамична, отражает как главные, существенные, стержневые изменения взаимозависимости личности с миром, так и смену текущих, мимолетных, в известной мере случайных жизненных ситуаций.

Существует большое количество работ посвященных исследованию ценностей личности, с учетом осознаваемого выбора ценностей, но без учета неосознаваемых мотивов выбора. Отечественными психологами и социологами для диагностики ценностей наиболее часто используется методика М.Рокича, представляющая собой ранжирование двух списков ценностей: терминальных и инструментальных. Согласно данной методике исследователь может выявить лишь те ценности, которые испытуемый осознает. Методика М.Рокича не учитывает неосознаваемые ценности личности, которые за частую оказывают влияние на эмоции, поведение, оценку своих поступков и поступков других людей. Эта проблема обусловила выбор данной темы исследования.

Цель работы: изучение структуры ценностных ориентаций на осознаваемом и неосознаваемом уровнях. Объект исследования: ценностные

ориентации. Предмет исследования: ценностные ориентации на осознаваемом и неосознаваемом уровнях. Гипотеза исследования: иерархия ценностных ориентаций выявляемых у испытуемых при помощи методик прямого ранжирования, т.е. иерархия ценностных ориентаций на осознаваемом уровне, отлична от структуры ценностных ориентаций на неосознаваемом уровне.

Исследования проблемы ценностей и ценностных ориентаций, проводившиеся за рубежом (Э.Шпрангером, А.Маслоу, Дж.Холландом, М.Роккичем, В.Франклом, С.Шварцем, В.Билски и др.) и в нашей стране (Б.Г.Ананьев, С.Л.Рубинштейн, В.Н.Мясищев и др.), показали, что ценностные ориентации являются важнейшими компонентами структуры личности. Наряду с другими социально-психологическими образованиями они выполняют функции регуляторов поведения и проявляются во всех областях человеческой деятельности.

По мнению А.Г. Здравомыслова, ценностные ориентации это важнейший элемент внутренней структуры личности, закрепленный жизненным опытом индивида. Они отграничивают существенное и важное для данного индивида, от несущественного, выступают важным связующим звеном между обществом, социальной средой и личностью, ее внутренним миром [1]. Направленность личности на те или иные ценности – по В.П.Тугаринову, – составляет ее ценностные ориентации. Ценностные отношения субъекта к внешнему миру опосредованы ориентацией человека на других людей, на общество в целом, на существующие в нем идеалы, представления и нормы.

Основываясь на концепции А.Н. Леонтьева, В.Ф. Сержантов [6] делает вывод, что всякая ценность характеризуется двумя свойствами – значением и личностным смыслом. Значение ценности есть совокупность общественно значимых свойств, функций предмета или идей, которые делают их ценностями в обществе. Личностный смысл ценностей – это их отношение к потребностям человека. Он определяется как объектом, выполняющим функцию ценностей, так и зависит от самого человека. По мнению В.Ф. Сержантова, ценности в отношении к индивидуальному сознанию находятся в двойном отношении: они отражены в нем как значения, имеющие для индивида определенный смысл.

На двойственный характер ценностей указывает и Ю.А. Шерковин. Ценности становятся фактом сознания благодаря опыту. Поскольку природа опыта социальна и одновременно индивидуальна, ценности также приобретают двойственный характер. По мнению Ю.А.Шерковина, социальные ценности имеют двойное значение. Во-первых, они являются основой формирования и сохранения в сознании людей установок, которые помогают индивиду занять определенную позицию, выразить точку зрения, дать оценку. Таким образом, они становятся частью сознания. Во-

вторых, ценности выступают в преобразованном виде в качестве мотивов деятельности и поведения, поскольку ориентация человека в мире и стремление к достижению определенных целей неизбежно соотносится с ценностями, вошедшими в личностную структуру [9].

В.А. Ядов [5] рассматривает ценностные ориентации как центральное звено личности, определяющее ее отношение к обществу, социальной группе самой себе. Его подход предполагает формирование структуры ценностных ориентаций у человека на протяжении многих лет. По мнению В.А. Ядова, система ценностей позволяет прогнозировать общую направленность поведения. Вместе с тем степень совпадения ценностей и реального поведения может колебаться, т.е. есть ценности не всегда непосредственно управляют поведением и поступками.

Как отмечает А.Г. Здравомыслов, специфика действия ценностных ориентаций состоит в том, что они функционируют не только как способы рационализации поведения, их действия распространяются не только на высшие структуры сознания, но и на те которые обозначаются обычно как подсознательные структуры [1; 202].

Л.М. Смирнов, отмечает для более глубоко изучения ценностей необходимо выйти за рамки феноменологии только сознания, а обратиться к неосознаваемому пласту психики [7].

По мнению Е.А. Подольской, имеют место быть случаи рассогласования ценностей личности и ее реального поведения, которые объясняют, во-первых, поверхностным усвоением ценностей и норм в обществе; во-вторых отсутствием условий и возможностей реализации ценностных ориентаций личности и ее установок; в третьих независимостью действий и поступков людей от содержания усвоенных ими ценностей. Ценности в этом случае функционируют лишь как средства рационализирующего обоснования поведенческого выбора, а не в качестве реальных детерминантов активности [4; 77].

М.Б. Кунявский, В.Б. Моин и И.М. Попова [3] отмечают существование расхождения между декларируемыми ценностными конструктами сознания и реально побуждающими деятельность человека ценностями, и называют четыре группы причин:

1. При адекватном осознании и вербальном выражении ценностей их включение в практическую регуляцию деятельности может не происходить из-за отсутствия возможностей реализации, наличия конкурирующих или противоречивых ценностей.

2. Реально действующие ценности не всегда адекватно осознаются и вербализуются субъектом; в силу ограниченности его интеллектуальных возможностей, действия защитных механизмов и др.

3. Адекватно осознаваемые ценности – могут неадекватно вербально репрезентироваться в силу речевых табу и другого рода преград.

4. Рассогласования могут определяться наличием конкурирующих компонентов вербального поведения или сознания.

Методика изучения ценностных ориентаций М.Рокича [2], наиболее часто используемая в отечественных психологических и социологических исследованиях, построена на ранжировании ценностей, которые осознанно декларируются человеком как ведущие. Нас заинтересовало то, в какой степени осознанное ранжирование ценностей будет соответствовать их неосознаваемому ранжированию.

М.Рокич рассматривает ценности как разновидность убеждения, определяя ее как устойчивое убеждение в том, что определенный способ поведения или конечная цель существования предпочтительнее с личной или социальной точек зрения, чем противоположный или обратный способ поведения, либо конечная цель существования. М.Рокич различает два класса ценностей – терминальные и инструментальные, каждый список состоит из 18 ценностей. Терминальные определяет как убеждения в том, что это какая-то конечная цель индивидуального существования. Инструментальные ценности – как убеждения в том, что какой-то образ действия, является, с личной и общественной точек зрения, предпочтительным в любых ситуациях. Задача испытуемого проранжировать два списка ценностей в порядке значимости для него.

Мы предположили, что иерархия ценностных ориентаций выявляемых у испытуемых при помощи методик прямого ранжирования, т.е. иерархия ценностных ориентаций на осознаваемом уровне, отлична от структуры ценностных ориентаций на неосознаваемом уровне.

Для изучения структуры ценностей на осознаваемом и неосознаваемом уровне мы использовали Методику ценностных ориентаций М.Рокича [2] и Метод цветowych метафор [8], которая позволяет строить рейтинг ценностей без участия сознательного контроля над процессом построения. В Методе цветowych метафор обозначение какой-либо ценности привлекательным цветом свидетельствует о привлекательности этой ценности, позитивном к ней отношении испытуемого. И, наоборот, к ценностям, обозначенным неприятными цветами, испытуемый относится негативно.

В исследовании приняли участие 50 человек, в возрасте от 19 до 24 лет, 36 – девушек, и 14 – юношей, студентов Самарского госуниверситета. Исследование проводилось индивидуально с каждым испытуемым. Перед испытуемым раскладывались восемь карточек с цветами (карточки из стандартного набора методики М.Люшера), давался набор карточек с ценностями М.Рокича и предлагалось их соотнести с предлагаемыми цветными карточками. Затем испытуемый располагал цветные карточки в порядке привлекательности цветов для него и на последнем этапе эксперимента ранжировал два списка ценностей, согласно процедуре методики М.Рокича.

Для обработки результатов, полученных в ходе исследования, мы привели полученные данные по осознаваемому и неосознаваемому выбору ценностей в одинаковые ранговые шкалы и провели корреляционный анализ выборов по критерию г-Спирмена. Полученные результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Испытуемый	кол-во ценностей	Spearman R	t(N-2) (t-критерий)	p-уровень
1	36	0,117572	0,690342	0,494665
2	36	0,323000	1,990069	0,054673
3	36	0,188086	1,116651	0,271973
4	36	0,084840	0,496487	0,622746
5	35	0,006921	0,039758	0,968525
6	36	0,198248	1,179383	0,246433
7	36	- 0,161492	-0,954175	0,346730
8	36	0,446916	2,913055	0,006284
9	36	0,393821	2,498239	0,017479
10	36	0,394195	2,501049	0,017363
11	36	0,280431	1,703533	0,097594
12	36	0,108439	0,636055	0,528999
13	36	0,248367	1,495065	0,144122
14	36	0,022388	0,130576	0,896880
15	36	0,118487	0,695793	0,491287
16	36	0,119008	0,698896	0,489371
17	36	-0,159452	-0,941806	0,352936
18	36	0,231611	1,388259	0,174088
19	36	0,299451	1,830065	0,076019
20	36	0,235074	1,410223	0,167557
21	36	-0,097331	-0,570243	0,572263
22	36	0,199266	1,185687	0,243967
23	36	0,354804	2,212807	0,033727
24	36	0,387768	2,452986	0,019452
25	36	0,684198	5,470374	0,000004
26	36	0,174074	1,030754	0,309933
27	36	-0,085788	-0,502077	0,618850
28	36	0,332655	2,056837	0,047440
29	36	-0,082116	-0,480436	0,633994
30	36	0,671622	5,285768	0,000007
31	36	0,306759	1,879306	0,068796
32	36	0,334914	2,072558	0,045864
33	36	0,528409	3,629167	0,000924
34	36	0,243179	1,461845	0,152966
35	36	0,239119	1,435946	0,160155
36	36	0,151911	0,896190	0,376453
37	35	0,537342	3,660096	0,000873
38	36	0,284205	1,702852	0,097998
39	36	-0,082067	-0,480146	0,634198
40	36	0,453310	2,965410	0,005494
42	36	0,422835	2,680406	0,011386

42	36	0,067885	0,396750	0,694032
43	36	0,112636	0,660984	0,513077
44	36	0,219690	1,313083	0,197949
45	36	0,463222	3,047727	0,004440
46	36	0,293461	1,789967	0,082369
47	36	-0,120542	-0,708039	0,483747
48	36	0,194536	1,156426	0,255568
49	36	-0,035881	-0,209355	0,835420
50	36	0,192552	1,144175	0,260543
<i>BCE</i>	<i>1796</i>	<i>0,207248</i>	<i>8,972945</i>	<i>0,000000</i>
<i>МЦВ=1,2</i>	<i>670</i>	<i>0,038642</i>	<i>0,999476</i>	<i>0,317926</i>
<i>МЦВ=7,8</i>	<i>238</i>	<i>0,082044</i>	<i>1,264655</i>	<i>0,207243</i>
<i>Рокич=1-5</i>	<i>502</i>	<i>0,056816</i>	<i>1,272507</i>	<i>0,203785</i>
<i>Рокич=14-18</i>	<i>499</i>	<i>0,062851</i>	<i>1,403953</i>	<i>0,160957</i>

Анализ результатов показывает у 10% испытуемых высокую значимую корреляцию (р-уровень не достигает уровня статистической значимости), у 16% значимую (р-уровень \leq 0,05), и у 74% не значимую корреляционную связь. Таким образом, у 26% испытуемых иерархия осознаваемых и неосознаваемых ценностей соответствуют друг другу. У 74% испытуемых иерархия ценностей при осознаваемом и неосознаваемом выборе различна. Это несоответствие говорит о том, что многочисленные психологические и социологические исследования, построенные на анализе результатов методики М.Рокича, проведенной на различных группах испытуемых, не являются достоверными и выводы, сделанные в этих исследованиях, не отражают реальный выбор ценностей испытуемыми.

Дополнительно мы посчитали по каким понятиям из предложенного списка встречаются наибольшие и наименьшие расхождения при осознанном и неосознанном выборе ценностей. Полученные результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2.

Ценности	Расхождение незначительное		Расхождение среднее		Расхождение значительное	
	Число	Процент	Число	Процент	Число	Процент
Аккуратность	18	36%	15	30%	17	10%
Воспитанность	22	44%	18	36%	10	20%
Высокие запросы	18	36%	16	32%	16	32%
Жизнерадостность	25	50%	19	38%	6	12%
Исполнительность	20	40%	18	36%	12	24%
Независимость	23	46%	17	34%	10	20%
Нетерпимость к недостаткам в себе и других	23	23%	13	26%	14	28%
Образованность	24	48%	17	34%	9	18%
Ответственность	17	34%	17	34%	16	32%
Рационализм	19	38%	17	34%	14	28%
Самоконтроль	25	50%	17	34%	8	16%

Смелость в отстаивании своего мнения, своих взглядов	19	38%	18	36%	13	26%
Твердая воля	19	38%	17	34%	14	28%
Терпимость	19	38%	21	42%	10	20%
Честность	19	38%	15	30%	16	32%
Чуткость	21	42%	15	30%	14	28%
Широта взглядов	21	42%	17	34%	12	24%
Эффективность в делах	22	44%	20	40%	8	16%
Активная деятельная жизнь	23	46%	16	32%	11	22%
Жизненная мудрость	14	28%	14	28%	22	44%
Здоровье	26	52%	16	32%	8	16%
Интересная работа	21	42%	24	48%	5	10%
Красота природы и искусства	8	16%	10	20%	32	64%
Любовь	26	52%	15	39%	9	18%
Материально обеспеченная жизнь	15	30%	22	44%	13	26%
Наличие хороших и верных друзей	20	40%	19	38%	11	22%
Общественное признание	15	30%	14	28%	21	42%
Познание	12	24%	19	38%	19	38%
Продуктивная жизнь	25	50%	19	38%	6	12%
Развитие	20	40%	22	44%	8	16%
Развлечения	8	16%	17	34%	25	50%
Свобода	15	30%	19	38%	16	32%
Счастливая семейная жизнь	24	48%	12	24%	14	28%
Счастье других	13	26%	10	20%	27	54%
Творчество	17	34%	13	26%	20	40%
Уверенность в себе	16	32%	13	26%	21	42%
<i>Расхождение по всем ценностям</i>		38%		34%		28%

Мы получили, что по некоторым ценностям, преимущественно терминальным (особенно «Красота природы и искусства» (64%), «Счастье других» (54%), «Развлечения» (50%), «Жизненная мудрость» (44%), «Общественное признание» (42%), «Уверенность в себе» (42%), «Творчество» (40%), «Познание» (38%), присутствует существенное расхождение при осознанном и неосознанном выборах, а для некоторых ценностей преимущественно инструментальных, разница в выборах не значительная.

Таким образом, исследование ценностных ориентации личности на осознаваемом и неосознаваемом уровне показывает существенное расхождение между этими иерархиями ценностей. Большинство наших испытуемых сознательно декларирует одни ценности и жизненные приоритеты, а

ценности, реально побуждающие его к действиям, являются другими. Наиболее сложные и противоречивые отношения с ценностями которые принято называть жизненными целями, чем с теми которые обозначаются как способы достижения целей.

Литература

1. *Здравомыслов А.Г.* Потребности. Интересы. Ценности. М.: Политиздат, 1986.
2. *Леонтьев Д.А.* Методика изучения ценностных ориентаций. – М., 1992.
3. *Леонтьев Д.А.* Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании // Психологическое обозрение. 1998. № 1.
4. *Подольская Е.А.* Ценностные ориентации и проблема активности личности. Харьков: Основа, 1991.
5. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Ред. В.А.Ядов. Л.: Наука, 1979.
6. *Сержантов В.Ф.* Человек, его природа и смысл бытия. – М., 1990.
7. *Смирнов Л.М.* Анализ опыта разработки экспериментальных методов изучения ценностей // Психол. журнал. 1996. Т. 17. № 1.
8. *Соломин И.Л.* Психосемантическая диагностика скрытой мотивации. СПб.: ИМАТОН, 2001.
9. *Шерковин Ю.А.* Проблема ценностных ориентаций и массовые информационные процессы // Психол. журн. 1982. Т. 3. № 5. С. 135-145.

Е.А.Зоткина

Роль значимых отношений в развитии личности

Г.С. Салливан [13], [16] одним из первых в зарубежной психологии показал значимость межличностных отношений для формирования человеческой личности и патологических отклонений в ней. Г. Салливан подчеркивал, что специфические человеческие черты являются продуктом социального взаимодействия. Концепция Г. Салливана основана на идее, что человек живет в социальном поле и его проявления направлены на других людей, главной детерминантой психического развития выступают межличностные отношения, в которых личность формируется и проявляется. Человек действует на основе персонификаций – целостных образов других людей и себя, сложившихся в процессе межличностного общения, которые, возникнув, продолжают стереотипно определять отношение к себе и другим.

Значимые отношения стали основой теории межличностных отношений В. Шутца [12], [17], согласно которой каждый индивид имеет характерный способ социальной ориентации по отношению к другим людям, и эта ориентация определяет его межличностное поведение. Межличностное поведение индивида В. Шутц объясняет на основе трех потребностей – включения, контроля и аффекта. Потребность включения понимается как создание и поддержка удовлетворительных отношений с другими людьми, на основе которых возникают взаимодействие и сотрудничество. Потребность контроля определяется как создание и сохранение удовлетворительных отношений с людьми, опираясь на контроль и силу. Потребность в аффекте описывается как создание и удержание удовлетворительных отношений с остальными людьми, опираясь на любовь и эмоциональные отношения.

Межличностную совместимость В. Шутц определяет как отношения между двумя или более индивидами, при которых достигается та или иная степень взаимного удовлетворения межличностных потребностей. Фрустрированность удовлетворения межличностных потребностей формирует у человека характерные способы адаптации. Эти способы, формирующиеся в детстве, продолжают существовать и в зрелом возрасте, определяя в целом типичный способ ориентации индивида в социальной среде.

К. Роджерс одним из первых обнаружил [10; 234-247], что любые изменения индивида являются временными и они могут сохраняться только тогда, когда есть изменения в его взаимоотношениях с другими людьми. Если эти отношения человек может использовать для своего развития, то это вызывает изменение и развитие его личности.

В основе лечебного эффекта терапии К. Роджерса лежит создание определенных взаимоотношений с другим человеком, ведущим к его личностному развитию. К. Роджерс выделил следующие типы помогающих отношений. Во-первых, он обнаружил, что клиенту помогает его искренность и откровенность (как желание выражать в словах и поведении свои различные чувства и отношения). Это возможно только при осознании своих чувств, иначе бессознательно выражается нечто иное. «Только при создании реально существующего отношения другой человек может успешно искать эту реальность в себе».

Во-вторых, это принятие клиента как теплое расположение к нему как к человеку, имеющему безусловную ценность, независимую от его состояния, поведения или чувств. Это уважение к клиенту, его внутреннему миру, его отношениям. Принятие порождает защищенность и безопасность клиента в отношениях с терапевтом. В-третьих, принятие невозможно без глубинного эмпатического понимания чувств, мыслей и высказываний клиента. Понимание позволяет клиенту чувствовать в себе свободу изучать себя (исследовать скрытые уголки собственного внутреннего опы-

та). Также это свобода от любой моральной или диагностической оценки, которые всегда являются угрозой для личности. К. Роджерс утверждает, что когда складываются такие отношения, тогда неизбежно происходят изменения и человек будет конструктивно изменяться.

В отечественной психологии личности отношения выступают как система связей человека с миром и другими людьми, выступающая как составная часть сознания и самосознания личности. Ведущие отечественные психологи подчеркивали значимость категории отношения для понимания личности человека и достаточно сходно высказывались по поводу этой категории.

С.Л. Рубинштейн подчеркивал [11], что личность определяется своими отношениями к окружающему миру, к общественному окружению, к другим людям. Б.Г. Ананьев писал [2], что личность выступает единством своих субъективных отношений к обществу, другим людям, деятельности, самой себе, постоянно реализующихся в общественном поведении, закрепленных в образе жизни. В.С. Мерлин считал [7], что отношения личности всегда являются субъективной связью с чем-то объективным, находящимся вне сознания. Это отношения к труду, к людям, к коллективу, к вещам и т. д. Даже в свойствах, выражающих отношение к самому себе, например, самолюбии, ценность собственной личности осознается как нечто объективное. Б.Ф. Ломов [6] обратил внимание на то, что «отношение» подразумевает не только объективную связь личности с деятельностью и окружением, но и ее субъективную позицию при осуществлении этой связи.

В психологической литературе рассматривают такие виды отношений, как отношения, выражающие нужду в чем-либо, в основе которых лежат потребности и мотивы; эмоциональные отношения, то есть эмоциональные процессы и чувства, направленные на предмет отношений; ценностные отношения, то есть отношения, в основе которых лежит оценка субъектом чего-либо, определяющая его личностную значимость. Особым видом ценностных отношений являются нравственные отношения. К ним мы можем добавить смысловой тип отношений, основанный на когнитивном понимании значимости для самого человека связи с чем-либо. Обычно отношения личности носят интегральный характер, в которых названные компоненты сочетаются. Особыми формами отношений являются установки, аттитюды, диспозиции личности.

Отношения могут быть положительными и отрицательными: стремление и избегание, положительные и отрицательные оценки, позитивные и негативные эмоции и т. д. По направленности отношений могут быть ориентированы на какие-либо вещи, на мир, на других людей, общество в целом и на самого себя. Отношения к людям выступают регулятором социального взаимодействия. Отношения могут различаться по уровню значи-

мости, то есть по тому, насколько затрагиваются базовые потребности личности; по устойчивости, то есть по длительности существования (от ситуативных до жизненных); по силе, то есть по интенсивности связанных с ними психических процессов и переживаний личности.

Отношения является основной категорией в теории личности В.Н. Мясищева. У истоков теории В.Н. Мясищева лежат идеи А.Ф. Лазурского о классификации личностей, согласно типам их отношений к окружающей действительности. Основное положение психологии отношений заключается в том, что личность, психика и сознание человека в каждый данный момент представляют единство отражения объективной действительности и отношения человека к ней. Психологические отношения человека в развитии виде выступают как целостная система индивидуальных, избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами объективной действительности: с явлениями природы и миром вещей; с людьми и обществ, явлениями; личности с самой собой как субъектом деятельности. Система отношений определяется всей историей развития человека, она выражает его личный опыт и внутренне определяет его действия, переживания.

Личность, считал В.Н. Мясищев, характеризуется, прежде всего, как система отношений человека к окружающей действительности. Отношения человека представляют сознательную, основанную на опыте, психологическую связь его с различными сторонами объективной реальности, выражающуюся в его действиях, реакциях и переживаниях. В свою очередь они образуются и формируются в процессах деятельности [8; 48].

Особая важность понятия отношения для психологии по В.Н. Мясищеву заключается в том, что: а) отношение соединяет внешнее с внутренним, то есть замыкает традиционно разрываемый исследователями контур «человек-мир»; б) отношение включает в рассмотрение человека как целостность и преодолевает бесплодный функционализм; в) ведущими отношениями становятся отношения к людям (а за ними и через них - общественные отношения); г) сами эти отношения имеют двунаправленный характер: это отношения двух субъектов, из чего вытекает рефлексивный характер субъект-субъектных отношений [4].

Отношение как связь субъекта с объектом едино, однако имеет структуру, отдельные компоненты которой могут выступать как частичные отношения, его стороны, или виды. Оно определяется рядом признаков: избирательностью, активностью, целостно-личностным характером, сознательностью. Важнейшими видами отношений В.Н. Мясищев считал потребности, мотивы, эмоциональные отношения (привязанность, неприязнь, любовь, вражда, симпатия, антипатия), интересы, оценки, убеждения, а доминирующим отношением, подчиняющим себе другие и определяющим жизненный путь человека, — направленность. Высшая степень

развития личности и ее отношений определяется уровнем сознательного отношения к окружающему и самосознанием как сознательным отношением к самому себе [8; 246-247].

Положения психологии отношений легли в основу разработанной В.Н. Мясищевым [8; 199-205] патогенетической концепции неврозов. Невроз возникает в результате нарушения особенно значимых жизненных отношений человека. Причиной его служит конфликт, как несовместимости, столкновения противоречивых отношений. При этом речь идет о нарушении именно обобщенных, особо значимых для данной личности отношений и что присущие конфликту переживания становятся источником невроза, представляющего собой патофизиологическое выражение конфликта, лишь в том случае, если они занимают центральное место в системе отношений личности к действительности.

По мнению Б.Д. Карвасарского [4; 52], личность проявляется в различных областях отношений – это, прежде всего, социальные отношения и взаимоотношения; отношения в семье, на производстве и пр. В структуре отношений особенно важным являются отношение человека к себе. Значимость последнего определяется тем, что отношение к себе является одним из компонентов самосознания. Именно отношение к себе, будучи наиболее поздним и зависимым от всех остальных, завершает становление системы отношений личности и обеспечивает ее целостность.

Самоотношение, согласно С.Р. Пантелееву [9], устойчивое чувство, возникающее на основе самовосприятия, самооценки, Я-образа и оценки значимого окружения. Самоотношение — одна из составляющих субъективного ядра личности и структуры ее самосознания, характеристика самооценности и механизм управления поведением. На уровне сознания самоотношение проявляется в поведении и деятельности как общее, глобальное чувство «за» или «против» самого себя в форме самоуважения, аутосимпатии, самоинтереса, близости к самому себе, ожидаемого отношения других.

Б.Д. Карвасарский [4; 52] подчеркивает, что в условиях, когда отношения личности приобретают особую устойчивость, выраженность, большую значимость, они становятся характерными для личности и, в этом смысле, превращаются в черты характера, оставаясь отношениями.

Основой отношения, как указывает А.А. Бодалев, являются потребности и ценности личности, они определяют валентность отношения — положительную, отрицательную, противоречивую или безразличную. Многочисленные факты, отмечает А.А. Бодалев [3], свидетельствуют о том, что отношение проявляется и формируется, как правило, в общении. С другой стороны, имеющиеся у общающихся лиц отношения всегда влияют на многие характеристики этого процесса. Отношение передается с помощью речи, голоса, мимики, пантомимики. Формой выражения отно-

шения могут стать действие и поступок. Самой важной психической составляющей отношения, в чем совпадают мнения многих ученых, пишет А.А. Бодалев, оказывается мотивационно-эмоциональный компонент, который сигнализирует о валентности отношения — положительной, отрицательной, противоречивой или безразличной. Отношение определяет и содержание общения, заключает А.А. Бодалев.

А.Н. Кимберг [4] отмечает, что категория «отношение» указывает на двусторонность отношения: наличие субъекта отношения и некоторой иной сущности (предмета или явления мира); констатирует закономерную связь или взаимодействие между ними; является модусом возможности, поскольку отношение разворачивается во времени, направлено в будущее и может пониматься в терминах возможного; также отношение есть взаимодействие и потенциальное действие. Отношение, — пишет А.Н. Кимберг, — мы можем представить как построенное в будущее действие субъекта с неким вероятным исходом и оценкой его значения для субъекта. Это, с одной стороны, возможность, а с другой более или менее развернутый или свернутый проект действия. С позиции субъекта отношение выглядит как возможное взаимодействие с предметом отношения.

Е.Б. Старовойтенко подробно анализирует [14] категорию «жизненных отношений личности», в которой выводит и структурирует положения о факторах возникновения и существования отношений, о личности как субъекте отношений, о необходимости для их становления другого субъекта, об особенностях процессуальной и качественной сторон отношений, об источниках их внутренней активности и саморазвития, об отношениях как способах продуктивного самовыражения личности в мире, и т. д. На основе этих положений Е.Б. Старовойтенко строит философско-психологическую модель развития отношений личности, в которой она показывает [14; 69-70], что общественные отношения индивида образуют качественную структуру его личности. Они воспроизводят константные характеристики социальных связей, в которые жизненно вовлечен индивид, и, становясь свойствами «индивида относящегося», вбирают эти связи внутрь личности. Последняя осознается как я-инстанция, проявляющая наибольшую активность в системе общественных предметов, смыслов, деяний и поступлений. Личность, дает свое определение Е.Б. Старовойтенко, — это сформировавшееся в процессе жизни сознательное расположение индивида к определенным общественным формам, способам и стилям собственного бытия. Общественное не проецируется в индивидуальное, а соотносится индивидом со своей личной позицией, сознаваемой и переживаемой в качестве «моего отношения к окружению».

Развитие личности через систему отношений показала в своей работе К.А. Абульханова-Славская. Она считает, что способ построения и реализации себя личностью — нахождение своего места в обществе, в труде,

коллективе и среди людей – есть выявление основных жизненных отношений. Через эти отношения происходит движение и развитие личности, эти отношения регулируют то, как она «проявляет» себя в каждой из своих деятельностей, в каждой из решаемых задач в отдельности, в ее поступках и поведении. Отношения личности, – пишет К.А. Абульханова-Славская, – это не только ее субъективные мотивы, цели, стремления и т.д. Они характеризуют ее способ включения себя в общий ход жизни с учетом и объективной логики этой жизни, и своих, уже измеренных, объективированных, примененных, получивших объективную оценку возможностей [1; 27].

Собственно развитие личности, подчеркивает К.А. Абульханова-Славская, связано с основными жизненными отношениями. Эти отношения характеризуют известную стабильность личности в сравнении с ее внешними, случайными изменениями, ее «ядро». Однако отношения личности также подлежат изменению, только изменение их не парциальное, не частное – оно осуществляется системным образом и имеет свою логику развития [1; 29]. Личность развивается через объективирование своих основных отношений, через их воспроизводство. Она строит эти отношения, объективирует в них себя и «узнает» себя в новом качестве [1; 31]. Развитие есть становление личности субъектом собственной жизнедеятельности, определяющим и удерживающим траекторию жизненного движения [1; 35].

Таким образом, развитие личности зависит от ее складывающихся или развивающихся значимых отношений. Используемое понятие «значимые отношений личности» мы можем определить как те отношения, которые оказывают наибольшее влияние на личность (по аналогии с термином «значимый другой», подчеркивающего значимость для человека определенных лиц по сравнению со всеми другими).

Литература

1. *Абульханова-Славская К.А.* Развитие личности в процессе жизнедеятельности // Психология формирования и развития личности. М.: Наука, 1981. С. 19-44.
2. *Ананьев Б.Г.* О проблемах современного человекознания. М., 1977.
3. *Бодалев А.А.* О взаимосвязи общения и отношения // Вопр. психологии. 1994. № 1. С. 122-127.
4. *Карвасарский Б.Д.* Теоретическая концепция отделения неврозов и психотерапии Ленинградского научно-исследовательского психоневрологического института им. В.М.Бехтерева // Групповая психотерапия. М., 1990.

5. *Кимберг А.Н.* Теория отношений и идентичность // Ежегодник Российского психологического общества: Материалы 3-го Всероссийского съезда психологов. 25-28 июня 2003 г. В 8 т. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. Т.2. С. 221-224.
6. *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
7. *Мерлин В.С.* Очерк интегрального исследования индивидуальности. М., 1986.
8. *Мясищев В.Н.* Психология отношений: Избр. психол. тр. М.: Ин-т практич. Психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995 – 356 с.
9. *Пантелеев С.Р.* Самоотношение как эмоционально-оценочная система. М.: Изд-во МГУ, 1991. – 108 с.
10. *Роджерс К.* Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс, 1994. С. 234-247.
11. *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. Человек и мир. М., 2002.
12. *Руковишников А.А.* Опросник межличностных отношений. Ярославль: НПЦ «Психодиагностика», 1992. – 47 с.
13. *Салливан Г.С.* Интерперсональная теория в психиатрии. М.: КСП+; СПб.: Ювента, 1999. – 347 с.
14. *Старовойтенко Е.Б.* Психология личности в парадигме жизненных отношений. М.: Академический Проект; Трикста, 2004. — 256 с.
15. *Цветков С.А.* Психология отношений: вопросы, проблемы, подходы // Психол. журнал. 2002. Т. 23. № 1. С. 131-135.
16. *Sullivan H.S.* The collected works. – Vol. 1-2. – N.Y.: Norton, 1965.
17. *Schutz W.C.* The interpersonal underworld. Palo Alto, California: Science and Behaviour Books, 1966.

И.О.Косарева, Н.М.Нечаева

Психология костюма: индивидуальность или типология?

Формирование рыночных отношений, рост доходов населения, стабилизация экономического положения в России нашли свое отражение во всех сферах общественной жизни населения. Не является исключением и индустрия моды. Спрос на моду в России непрерывно растет. Об этом свидетельствуют стремительная экспансия зарубежных fashion-брендов на отечественном рынке, открытие огромного количества бутиков, торговых центров, модных домов, и многообразие печатных изданий, освещающих различные аспекты моды. Развитие fashion-индустрии приобретает масштабный характер, а достижения прочно входят в жизнь человека. В различных странах, в том числе и в России, ежемесячно проходят десятки

общественных мероприятий, так или иначе имеющих отношение к индустрии моды: специализированные выставки, ярмарки, недели мод, подиумы, форумы и т.д. Любые товары потребления, в особенности одежда, используются не только по прямому назначению (защиты от неблагоприятных условий среды), но и для демонстрации коллективных или личностных ценностей. В то же время усиление нарциссических тенденций в обществе привело к провозглашению индивидуального самовыражения одной из ведущих ценностей человека. Попытка приобщиться, а затем и продемонстрировать приверженность к той или иной социальной группе входит в противоречие с желанием обозначить одновременно с этим также личные достижения и индивидуальный стиль.

Современная модная индустрия предоставляет человеку обширный арсенал средств для создания индивидуального образа. Однако нарастающий спрос на услуги специалистов в области дизайна, имиджологии и моды, а также активное развитие узкоспециализированных технологий продаж, в том числе продаж в модном магазине, свидетельствуют о том, что нам становится все труднее выразить себя через одежду и предметы быта.

Авторы публикаций, посвященных проблемам имиджа и моды, ссылаются в своих работах на необходимость учета индивидуально-психологических особенностей в выборе одежды, при этом не предлагая какого-либо ясного механизма реализации этого процесса. [5,7,9,12,19,21].

«Имидж – это визитная карточка, создаваемая нами для других, то впечатление, которое мы рассчитываем вызвать у окружающих. Имидж жизнеспособен и убедителен лишь тогда, когда соответствует внутренним качествам человека, его характеру, темпераменту и образу жизни. «Индивидуальный стиль» и «имидж» – разные понятия, хотя одно без другого не существует. Если имидж – некая роль, то стиль – это скорее сущность человека, его внутреннее «я». Стильно одетый человек не просто одет со вкусом и продумал все детали гардероба – от пуговиц до носового платка. Ему действительно подходит все, что он носит. Это и есть взаимосвязь внешнего и внутреннего, соответствие имиджа стилю, а стиля имиджу. Безусловно, мода при этом вносит свои коррективы [19; 404-406].

Современная жизнь развивает в нас некую озабоченность, беспокойность собственным положением, статусом, уважением со стороны других. Современный человек часто ощущает себя субъективно пустым, при этом часто не принятым социумом. Бесконечно размышляя о славе, богатстве, абстрактной успешности, он сосредотачивается на построении собственного имиджа.

На основании вышеизложенного мы поставили перед собой следующие задачи исследования.

1. Проанализировать категориальный аппарат, относящийся к проблеме психологии моды, стиля и имиджа.
2. Выявить соотношение психологического, социального и культурного компонентов в указанной проблеме.
3. Выявить задачи психологии костюма.

Анализ категориального аппарата и существующих исследований. Исследование понятия «моды» в различных науках.

Мода (франц. mode, от лат. modus – мера, образ, способ, правило, предписание) – непродолжительное господство определённого вкуса в какой-либо сфере жизни или культуры. В отличие от понятия *стиль*, мода характеризует более кратковременные и поверхностные изменения внешних форм бытовых предметов и художественных произведений. В более узком смысле модой называют смену форм и образцов одежды, которая происходит в течение сравнительно коротких промежутков времени [2].

В ходе изучения явления «мода» исследователи рассматривали различные ее аспекты: социальный, экономический, эстетический, психологический. Отсюда и многообразие теорий возникновения и развития моды, а также причин участия в ней индивидуумов.

Приведем некоторые из них.

Мотивационные теории моды исследуют характер связей между модой и потребностно-мотивационной сферой личности. Г. Гегель в качестве мотивов следования моды рассматривал потребности формирования привлекательности, дружеских чувств и симпатии. П. Нистром предложил более обширный перечень мотивов следования моде: усталость от настоящей моды, любознательность, желание быть отличным от других, протест против обычаев, зависимости и подражательства. Дж. Флюгель, И. Блох, Э. Фукс утверждают, что мода складывается под определяющим влиянием эротических или сексуальных потребностей.

Автором *эволюционной теории моды* является Дж. Герд, который при разработке своей теории исходил из того, что эволюционный процесс продолжается и сегодня, охватывая теперь не столько человека, сколько все то, что его окружает. Этот процесс идет значительно быстрее, потому что происходит в среде с меньшим сопротивлением. Исследователь объясняет моду как продукт «жизненной силы» или «эволюционного аппетита», как результат деятельности, но не человека, а Бога [9;43].

Социально-экономические теории являются группой различных теорий. В основе концепции подражания Г. Тарда, концепции эволюции Г. Спенсера, эффекта «просачивания» Г. Зиммеля лежит стремление людей подражать высшим обществам. Теория демонстративного поведения Т. Веблена и концепция В. Зомбарта объясняют, как подражание выражается через демонстративное поведение и как используется это стремление в индустрии. Ж. Липовецки выстраивает концепцию «тотальной моды»,

согласно которой социализация в обществе потребления происходит посредством выбора и имиджа.

Научные исследования моды проводились в русле общественных и гуманитарных наук и отечественными учеными. Общественную природу моды, ее зависимость от коллективно сформулированных настроений, норм, ценностей исследовали российские философы и социологи (А.Б. Гофман, М.Н. Топалов, Р.Б. Фишман, З.Б. Элькина). Изучение моды как специфического проявления ценностного отношения человека миру, а также сферы художественной деятельности людей осуществляется эстетикой (И.В. Григорьева). Специфика формирования и распространения модных тенденций относительно особенностей развития общества и производительных сил отражается в истории, в частности в истории костюма (Н.М. Каминская, М.Н. Мерцалова). Семиотическому анализу подвергается проблема установления отношений между модой как знаковой системой и теми, кто ее воспринимает, интерпретирует и использует содержащиеся в ней сообщения (Р.Барт, Ю.М. Лотман). В социально-психологических исследованиях мода рассматривается как один из психологических способов воздействия в процессе общения (Г.М. Андреева, А.В. Коваленко, Б.Д. Парыгин). Моду и как специфический способ межличностного общения рассматривали В.Ю. Бореев, А.В. Коваленко, Л.В. Петров. В этом контексте мода – особый способ, образ, мера обработки социальной информации. В работах Я.Л. Коломинского, Б.Ф. Поршнева обнаруживается себя эмоционально – регулятивный аспект моды. Мода определяется как средство эмоциональной разрядки, освобождения от повторяющихся, утомляюще-однообразных впечатлений.

По вопросу специфики механизмов распространения моды большинство исследователей высказывается за ведущую роль психологических факторов: подражание, стремление к собственному величию, «желание быть значительным», обретение социальной опоры. Наряду с этими факторами указывают еще на массовую привычку, на то, что мода выступает как оценивающая и предписывающая сила. Эффективность проявления подобных факторов зависит от качества среды действия моды: динамика развития общества, готовности к изменениям, восприимчивости к новому.

В своем развитии мода проходит четыре этапа:

- 1) этап яркой индивидуальности, когда отдельные потребители (лидеры) начинают интересоваться новинкой;
- 2) этап подражания, когда новинкой начинают интересоваться и другие потребители, движимые желанием подражать лидерам;
- 3) этап массового распространения;
- 4) этап упадка, когда потребители начинают переключаться на другие направления моды.

Содержание моды изменчиво, но процесс функционирования моды постоянный. По мнению А.Б. Гофмана, постоянство этого процесса обеспечивают атрибутивные (внутренние) ценности моды. «Выделенные посредством процедуры идеализации, они (атрибутивные ценности) тем не менее представляют собой реальные регуляторы поведения участников моды. К этим ценностям относятся современность, универсальность, демонстративность и игра». [4;17]. Также автор утверждает о наличии денотативных (внешних) ценностей. К ним А.Б. Гофман относит такие ценности, как красота и польза, конформность и некомформность, социальное равенство и элитарность и т.п. «Следуя одним и тем же стандартам, через посредство одних и тех же атрибутивных ценностей различные категории участников моды в зависимости от тех или иных факторов в конечном счете, на денотативном уровне, могут быть ориентированы на различные и даже противоположные этические, эстетические, политические и прочие ценности». [4;18-19].

Существующие научные представления о функциях моды разнообразны и противоречивы (Г. Дж. Блумер, З.Б. Элькина, М.Н. Топалов, А.Б. Гофман). На наш взгляд, это связано с дисциплинами, в области которых рассматривается феномен «мода».

Роль моды в современном обществе:

1. Мода выступает как внешнее оформление внутреннего содержания общественной жизни, выражая уровень и особенности массового вкуса данного общества в данное время.

2. Мода дополняет традиционные формы культуры через их преломление современностью и конструирует на этой основе новое окружение человека и его самого.

3. Мода выступает как одно из средств социализации: социальные установки могут приняты как собственные через модную вещь.

4. Мода как подражание данному образцу "удовлетворяет потребности в социальной опоре, дает всеобщее, общепринятое" одинокому человеку [6].

5. Социальная маркировка и дистанцирование – еще одной функцией моды является функция.

6. Мода как мотивация в конструировании собственной идентичности. «Перед лицом метафизической сущности моды Я добивается своей идентификации, бесконечно узнает себя иного, который не является Иным. Реальный мир с его ловушками социальной и психической потребности является лишь артикуляцией метафизического процесса нахождения своей идентичности, верификации череды порожденных социальным, художественным и мифологическим воображением образов Я. Любая инаковость, как с большой, так и с маленькой буквы возможна, лишь исходя из Я. Мода позволяет человеку осуществить большое число совпадений

образа Я с ритуальными формами культуры. Сама выступая как ритуал, она удерживает Я от падения в небытие Иного, одновременно являя себя как Иное, вызывая то желание бесконечного, которое а priori не может быть реализовано, даже в воображении, ибо Иное являет себя в своей полноте и каждый раз иным» [10].

7. «Космополитичная» функция современной моды заключается в ее тенденции к сближению и размыванию национальных стилей на основе массовой культуры и универсального стиля.

8. Экономическая функция моды связана с ее динамизмом: мода опережает физический износ предмета (товара) моральным и, следовательно, обеспечивает промышленность спросом на новое, постоянно расширяя рынок для сбыта.

9. Мода претендует на внутриличностные изменения в человеке. Консультант по моде Жан Жак Пикар предложил собственное понимание моды. «Это, конечно, всего лишь моя теория, но мне кажется, все дело в том, что они (люди) отождествляют перемену во внешнем облике с метаморфозами внутреннего мира. Они чувствуют, что, изменяя внешность, меняются эмоционально». Также он отмечает: «У людей нашего цеха одна задача – создать притягательный бренд. Это примерно как сделать человека сексуально привлекательным» [20; 20-21].

Природе моды свойственны:

- релятивизм (быстрая смена модных форм);
- цикличность (периодическая обращенность в прошлое, к традициям);
- иррациональность (мода обращена к эмоциям человека, ее предписания не всегда соотносятся с логикой или здравым смыслом);
- универсальность (сфера деятельности современной моды практически не ограничена; мода обращена ко всем сразу и к каждому отдельно);

Современная мода имеет две существенные особенности:

1. Она представляет собой систематические, организованные, масштабные трансформации внешнего и внутреннего мира личности (современная мода – это смена стиля, а не двух-трех предметов или форм);
2. Современная мода характеризуется возрастанием ритма смены стилей (сейчас модный стиль держится в среднем 7-10 лет).

Стиль как определенная форма художественного выражения первичен по отношению к моде. Мода опирается на стиль костюма как на определенный стандарт. Все изменения модных стандартов делаются внутри стиля, образуя локальное стилевое направление. Каждый сезон модельеры-дизайнеры предлагают новые коллекции, но в основе всех коллекций одного дизайнера лежит определенный стиль.

По мнению Р. Барта, «в моде индивидуализация личности зависит от числа используемых элементов, а особенно от их как можно большей про-

тиворечивости (мягкие и гордые, строгие и нежные, суровые и непринужденные): такие психологические парадоксы имеют ностальгический смысл, в них сказывается мечта о тотальности, где человек мог бы быть всем сразу и не должен был бы выбирать – а значит, и отвергать – какую-либо отдельную черту; при этом парадоксальным является сохранение обобщенных характеров в строго аналитическом состоянии – как обобщенность накопления, а не синтеза; тем самым модная личность одновременно и невозможна, и всем знакома» [1; 289]. Так или иначе, но каждый человек совершает выбор костюма, ориентируясь на свою индивидуальность. Чем точнее костюм выражает индивидуальность владельца, тем комфортнее он для него. «Индивидуальность и комфортность являются своеобразным стержнем, вокруг которого формируется индивидуальный стиль одежды» [9; 188]. Другой точки зрения придерживается А.Б. Гофман: «Некоторые ратуют за то, чтобы каждый индивид «творчески» подходил к проблемам повседневной жизни и самостоятельно решал, что и когда ему носить, что приобретать из домашней обстановки и т.д. Если такие люди абсолютно уверены в том, что сами ни на кого и ни на что не ориентируясь, выбрали себе костюм и шляпу, если каждый день вновь и вновь творчески решают вопрос о том, как оригинально держать вилку, то как говорится, дай им Бог. В реальной жизни индивид осуществляет свой выбор из образцов, предлагаемых обществом, под влиянием общества и социальных групп. Демонстративный отказ от стандартов, предписываемых модой, чаще всего означает предпочтение других стандартов, предписываемых либо обычаем, либо прежними «модами» [4; 168].

Индивидуальность человека может рассматриваться как качество, формируемое на основе унаследованных задатков в процессе социализации, обучения и воспитания человека, но при этом одновременно предполагающее собственную трансформацию в ходе саморазвития, самоопределения и самопреодоления (т.е. в процессе самореализации) личности [22].

«По одежке встречают – по уму провожают», – утверждает русская пословица. Внешность – это категория, наиболее приближенная к нашему телесному Я. В ситуации формального общения именно внешность оказывает решающее значение на формирование общественного мнения.

Е.В. Змановская отмечает, что главной целью создания целостного и непротиворечивого образа является формирование индивидуального стиля [7; 90]. При этом особое значение приобретает стиль костюма.

Понятие *стиль* (от лат. *stylus*, от греч. *stylos* – стержень, палочка для письма по восковой дощечке) означает устойчивую целостность или общность образной системы, средств художественной выразительности, образных приемов, характеризующих произведение искусства или совокупность произведений. Стилем также называется система признаков, по которым такая общность может быть опознана. Существуют различные мнe-

ния об объеме понятия стиль: с ним иногда связывают весь комплекс явлений содержания и формы, но чаще ограничивают его значение структурой образа и художественной формой. Другими словами, для любого стиля характерна формализация и известная унификация средств художественной выразительности [2].

Костюм включает в себя все, что надето или присутствует на человеке. Это одежда (платье, рубашка, блузка, брюки, пиджак, жакет, пальто), обувь, аксессуары (головной убор, галстук, сумка, пояс, часы, авторучка), украшения, прическа и макияж. Костюм, являясь проявлением внутренних качеств человека, несет в себе важную информацию о хозяине. Имиджологи считают, что по костюму можно определить такие качества, как пол, положение человека в обществе – группу, к которой он принадлежит, и его статус, уровень дохода, жизненные ценности и приоритеты, эстетический вкус, образ жизни, характер [7; 91].

Искусство создания костюма имеет своей целью преобразить человека, помочь ему создать определенный образ, соответствующий либо его собственному представлению о себе, либо образу, к которому он стремится, либо необычному образу, раздвигающему рамки его повседневности. Образное решение костюма, т.е. раскрывающее одно явление через другое, в значительной мере определяется их стилевой направленностью. И художественную ценность костюм приобретает тогда, когда находится в гармонии с образом человека и средой его обитания. Следовательно, художественный образ в костюме – гармоничное единство образа человека и костюма в определенной среде.

Искусство как одна из форм общественного сознания образно отражает реальную действительность и участвует в ее историческом развитии. Причем искусство невозможно рассматривать вне связи с другими формами общественного сознания и зависимости от экономических основ общественного развития.

Историю костюма рассматривают в контексте истории художественных стилей и направлений. Понимание психологического механизма формирования индивидуального стиля костюма невозможно без учета основных принципов развития исторических художественных стилей в искусстве. Прежде всего, здесь подразумеваются архитектурные виды искусства: архитектура, прикладное искусство, дизайн.

В основе произведений архитектурных искусств лежат формообразующий фактор, структура, строение, которые выражены в эстетически осмысленном виде. Поэтому и архитектурное сооружение, и костюм не могут быть истинно красивыми, если в них нарушена логическая связь между строением, внешним видом и назначением. Исторический костюм тесно связан с понятием «исторический художественный стиль». Художественный стиль – общий знаменатель эстетических вкусов данной эпохи.

Он вырастает из действительности, отражает ее принципы, противоречия, поиски идеала, и первый его признак – общность связей в большом и малом, например, в здании и костюме.

В костюме общая стилевая направленность выражается в основных формах и пропорциях, способе ношения, применении определенных материалов и цветовых сочетаний, характере украшений.

На протяжении развития человечества существовали следующие исторические художественные стили:

- канонический – древнеегипетский художественный стиль;
- античный (классический) – художественный стиль, сформировавшийся в Древней Греции и Древнем Риме;
- романский и готический – художественные стили, сформировавшиеся в эпоху Средневековья с XI по XV век;
- ренессанс – художественный стиль XV-XVI век;
- барокко – художественный стиль XVII век;
- рококо – художественный стиль XVIII век;
- классицизм – художественный стиль конца XVIII – первой четверти XIX века;
- модерн – художественный стиль конца XIX – начала XX века [14; 5-6].

«Большие» стили костюма имеют в своей основе художественные стили в искусстве. Классический и спортивный стили уходят корнями в античность, драматический стиль – в барокко, романтика наивная – в рококо, романтика серьезная – в романтизм, натуральный стиль – в этнические культуры и первобытнообщинный строй, casual – в модернизм.

«Стиль – это категория формы, – пишет Д.В. Сарабьянов. – Форма реализует определенное содержание, обладая при этом известной самостоятельностью, как обладает этой самостоятельностью и сумма идей, выражающихся в стиле». [16;16]. Сопутствие идей форме подтверждается, например, тем, что при создании имиджа делового человека используется костюм в классическом стиле.

Под стилизацией костюма понимают целенаправленное воспроизведение чужого стиля как определённой эстетической и идеологической позиции в новом художественном контексте. Вероятно, под индивидуальным стилем костюма – подражание внешним формам какого-либо известного художественного стиля или направления в моде (современной версии стиля) с преобладанием внешних, декоративных форм самовыражения.

Анализ развития костюма позволил выявить совокупность требований, предъявляемых к нему. Такими требованиями являются:

- единство стиля (форма, пропорции, символика, цветовое сочетание) с другими проявлениями искусства;

- принадлежность к сословию;
- гендерная принадлежность;
- возрастная принадлежность;
- соответствие идеалам красоты;
- этикет и дресс-код.

Это характерно для «традиционных обществ», т.е. для статичных, закрытых социальных систем со строго ограниченным набором благ и культурных образцов, а также социально однородных обществ или с жестко фиксированной иерархией социальных групп, между которыми не может производиться свободный обмен индивидами и культурными образцами. В качестве основного регулятора отношений между людьми в традиционных обществах является обычай. «Обычай служит средством приобщения индивидов к определённом социальному и культурному опыту, передаёт его от поколения к поколению, регламентирует поведение индивидов, поддерживает внутригрупповую сплочённость, освящает различные объекты и социальные отношения. В роли обычая могут выступать производственные навыки, религиозные обряды, гражданские праздники и т.д.» [3].

Соотношение между индивидуальными стилями, стилевыми направлениями и историческими стилями складывалось по-разному в различные эпохи. В ранние периоды развития искусства стиль был единым и всеобъемлющим, строго подчиненным религиозно-идеологическим нормам. С эпохой Возрождения значение индивидуального стиля возрастает. Первоначальная цельность стиля подвергается размыванию, дроблению. Применительно к стилю костюма это выражается в формировании национальных и региональных костюмов. В конце XVIII – начале XIX века наблюдается распад крупных стилистических общностей. Расцвет индивидуальных стилей, связанный с победами реалистического искусства XIX – XX веков, утвердил множественность стилистических решений как одну из главных закономерностей развития художественной культуры. Модернизм с его обилием разнородных течений внес хаотичность в стилистическую картину современного искусства. Совершенно очевидно, что все указанные изменения связаны с изменением в социальной, экономической и культурной областях. Развитие капитализма, расширение связей между различными культурами, секуляризация общественной жизни, динамизм современной социальной жизни, развитие промышленности, средств массовой коммуникации, урбанизация выдвигают на первый план в качестве регулятора общественной деятельности социальные институты. В создавшихся условиях обычай не мог исполнять роль регулятора общественных отношений.

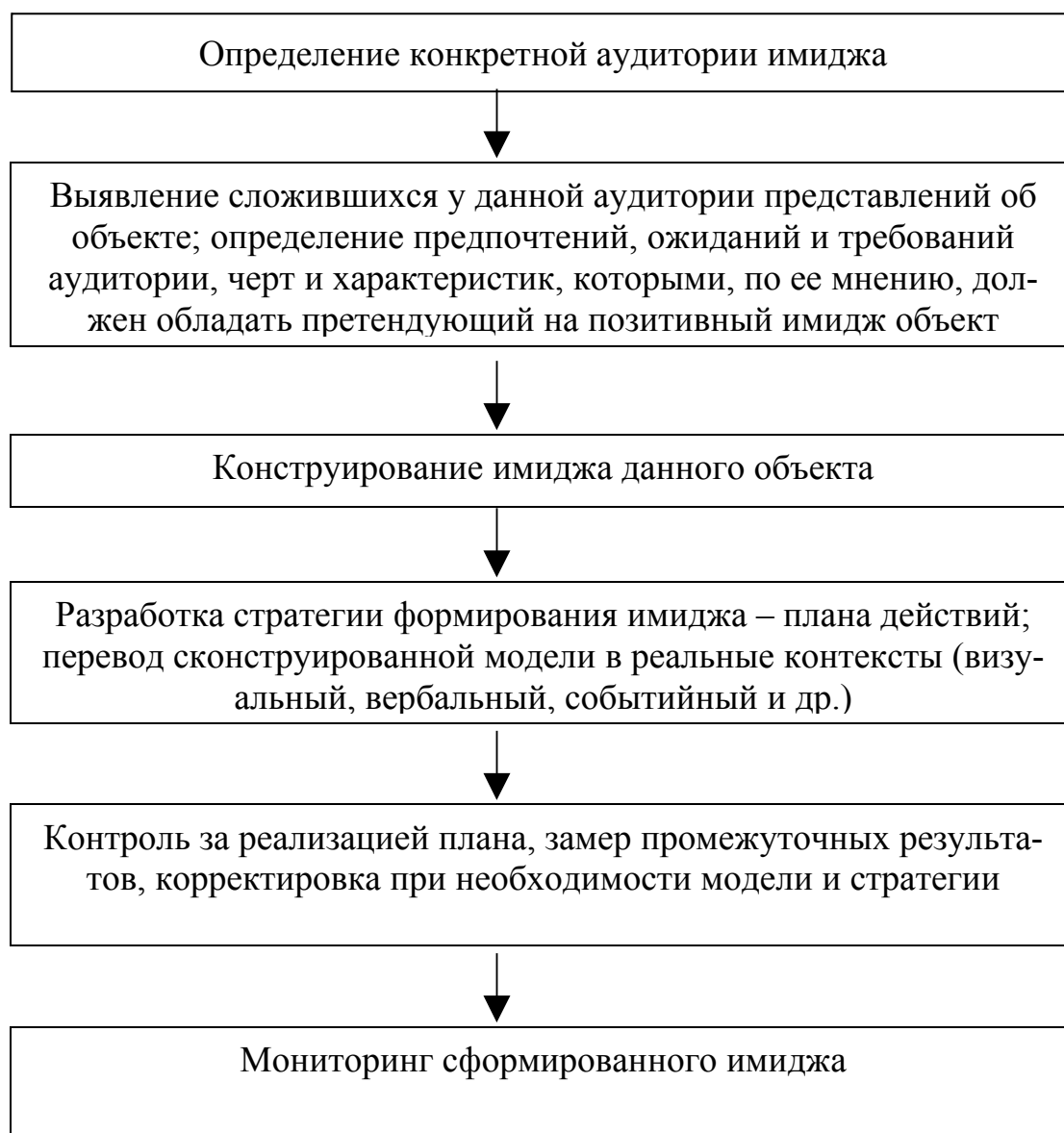
Слово «имидж» происходит от английского «*image*», которое, в свою очередь, происходит от латинского «*imago*» – «образ», «вид», и означает сложившийся в массовом сознании и имеющий характер стереотипа эмоционально-окрашенный образ кого-либо или чего-либо [18; 236]. Имидж – это то впечатление, которое мы рассчитываем произвести на окружающих. В связи с этим имидж находится в прямой зависимости от ценностей, норм, традиций и установок той референтной группы, в которой он формируется. Поэтому мы определяем имидж не как психологический, а как социально-психологический феномен.

В структуре личного имиджа, то есть имиджа конкретного человека, Е.В. Змановская выделяет несколько ведущих компонентов:

- внешний облик (физические данные, костюм, манера поведения и речи, жесты, взгляд и мимика, особенности голоса, запах);
- имиджевую символику (имя, личные символы (цвет, числа, герб, логотип, марка); личную атрибутику (повторяющиеся детали и признаки внешнего вида);
- социальные символы или символы социального престижа (деньги, положение в обществе, профессия, занимаемая должность, марка машины, предпочитаемый вид спорта);
- социально-ролевые характеристики (репутация (общественное мнение), амплуа (разыгрываемая социальная роль), легенду (история жизни), миссию (социально важные цели);
- индивидуально-личностные свойства (профессиональные качества, доминирующие индивидуальные характеристики, стиль взаимоотношений с людьми, пропагандируемые идеи, базовые ценности) [7; 17-18].

П.А. Матюшевская, Н.В. Ефимова, Е.В. Маевская считают, что восприятие имиджа реализуется на нескольких уровнях. Само-имидж – это восприятие человеком собственного Я. Подаваемый имидж – мнение людей о восприятии их окружающими. Чем ближе последний к само-имиджу, тем уверенней чувствует себя человек. Принимаемый имидж – то, как другие в действительности видят человека. Если принимаемый имидж отличается от подаваемого имиджа, следовательно, человек неправильно себя преподносит. В связи с этим можно говорить об имидже идеальном, к которому нужно стремиться, и реальном имидже, присутствующем на самом деле [22]. Совмещением этих двух позиций занимаются специалисты–имиджмейкеры. Термином «имиджмейкинг» А.Ю. Панасюк обозначает совокупность технологий и техник, элементов и операций, предназначенных для реализации задач по формированию имиджа объекта [13; 27]. При формировании того или иного имиджа имиджмейкеры используют психотехнологии и психотехники, то есть используют принципы психологического воздействия на людей для формирования у них определенного мнения в отношении определенного предмета.

Схематично процесс формирования имиджа можно представить следующим образом:

Различные аудитории выдвигают свои собственные требования к имиджу, но должен сохраняться основной каркас, к которому присоединяются дополнительные характеристики. Правильно подобранный имидж является наиболее эффективным способом работы с массовым сознанием. Имидж, отражая ключевые позиции, на которые реагирует массовое сознание, вызывает автоматические реакции у населения. При этом упор делается на исходные данные, на личность человека.

Е.В. Змановская указывает, что одной из характеристик имиджа является органичность. «Органичность образа указывает на высокую степень его соответствия своему прототипу. Человек с конгруэнтным имиджем ощущает комфорт и раскованность. У окружающих людей при этом возникает чувство симпатии и доверия. Напротив, искусственный имидж, навязанный человеку, делает это лицо противоречивым, неестественным и

отталкивающим» [7; 31]. Также автор считает, что одним из требований, предъявляемых к имиджу, является гармоничность. «Эффективный имидж должен максимально отражать особенности и достоинства конкретного человека. Навязать человеку имидж, противоречащий его природе, невозможно. «Сделанный» имидж будет выглядеть аляповато или смешно, подобно платью с чужого плеча. При построении имиджа чаще всего используются тактика усиления имеющихся преимуществ с одновременным сглаживанием недостатков. При этом упор делается на самоощущения человека. Ведь по большому счету, мы есть то, чем себя ощущаем» [7; 33-34].

Попытка создания эффективного имиджа, в котором должны быть учтены как желания имиджевой аудитории, так и особенности самой личности, является попыткой «примирения» двойственных потребностей человека: 1) потребности в сопричастности и отождествлении с себе подобными и 2) потребности в утверждении своей индивидуальности.

Ф. Дэвис пишет: «Всем нам присущи обе эти потребности, иногда приходящие в столкновение и вызывающие конфликты как внутри нас, так и между нами и другими людьми. Все существование человека вращается вокруг этих потребностей. Ребенком вы нуждались в своей матери, но в то же время стремились вырваться из-под ее опеки и стать независимыми. По моему мнению, эти две основные потребности оказывают громадное влияние на то, как мы подаем себя окружающим и как с ними взаимодействуем» [5]. Автор также отмечает, что способы выражения обеих потребностей одинаковые. Показывать сопричастность и отстаивать индивидуальность можно посредством внешности, осанки и языка телодвижений, голоса и речи, языка, аксессуаров и окружения. Таким образом, эффективность способов проявления принадлежности или демонстрации индивидуальности зависит от конкретной ситуации и от характера референтной группы.

Мы уже упоминали о том, что современный мир – мир нарциссизма. А.Лэнгле, рассматривая нарциссизм как антропологически- экзистенциальный феномен, отметил недостаточное развития Я как ведущий признак: «нарцисс внутренне слаб – у него «нет себя». Он не знает, кто он есть, так как не может проникнуться бытием Персоны. Он не знает, чего он может в самом себе ценить, потому что не знает своего внутреннего ви-зави. Его Я в соотношении с внутренним попадает в пустоту. И поэтому, говоря образно, оно обеими руками хватается за соотношение с внешним – включая и ту руку, которая припасена для соотношения с внутренним...» [11; 51].

Проведенный нами теоретический анализ литературы, посвященной психологии имиджа, стиля и костюма позволил выдвинуть следующие положения.

По нашему мнению, опираться на индивидуальность человека при формировании его имиджа сложно и неоправданно. Однако создать имидж в соответствии с конкретными деловыми или профессиональными целями для конкретной референтной группы, в конкретных условиях возможно. При формировании такого имиджа основным механизмом является научение. В этом случае не исключено, что внешние изменения могут привести к существенной внутренней перестройке личности, но только в том случае, если человек интериоризирует ценности, нормы, традиции и установки той референтной группы, в которой формируется имидж.

Имидж – образ человека, формируемый у референтной группы посредством целенаправленных усилий с целью повышения успешности определенной деятельности или достижения субъективного эффекта. Следовательно, имидж определяется не просто как образ, а как образ оцененный. Можно также отметить, что в настоящее время имидж является модным стандартом.

Стиль понятие культурное и профессионализированное.

В областях психологии и индивидуальной психологии проявлениям индивидуальности в большинстве случаев сопутствует типологизация.

Понятие «индивидуальный стиль костюма» носит метафорический характер и представляет междисциплинарную область исследования. Формирования индивидуального стиля неразрывно связано с социальной и индивидуальной историей развития личности. Изменения в структуре личности находят свое отражение в изменении стилевого решения, и наоборот.

Самовыражение и самопроявление российских граждан связаны со следующими проблемами.

1. Социально-экономические. Своеобразное развитие общественного строя в России: от буржуазного через социалистический к демократическому, не способствовало созданию и развитию моды. Наиболее активное участие в потреблении модных стандартов принимают средние слои, что связано с относительной неустойчивостью и подвижностью их социального положения.[6;51]. В России средний класс – явление относительно молодое и окончательно не сформировавшееся.

2. Психологические. Возраст основных потребителей составляет 30-40 лет. Становление личности этого поколения происходило в период социалистического общества, и большинство представителей переживают кризис среднего возраста.

3. Социально-психологические. Эпоха постмодернизма существенно повлияла на содержание моды. К началу XXI в. определяются следующие тенденции:

- демократизация одежды;
- стирание границ между одеждой разного назначения;

- необязательность соблюдения законов хорошего вкуса и правил сочетания различных вещей, цветов и материалов;
- отсутствие идеалов.

Литература

1. *Барт Р.* Система моды: Статьи по семиотике культуры / Пер. с фр., вступ. ст. и сост. С.Н. Зенкина. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003.
2. Большая советская энциклопедия. Изд. 1969-1978г.г. М.: Russ Portal Compani, 2001.
3. *Горностай П., Титоренко Т.* Психология личности: словарь-справочник. К.: “Рута”, 2001.
4. *Гофман А.Б.* Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. 3-е дополненное издание – СПб.: Питер, 2004.
5. *Дэвис Ф.* Создай себе имидж. Электронный источник.
6. *Зиммель Г.* Психология моды: Социологический этюд // Научное обозрение, 1901.-№5.
7. *Змановская Е.В.* Руководство по управлению личным имиджем. – СПб: Речь, 2005.
8. Иллюстрированная энциклопедия МОДЫ. Перевод на русский язык И.М. Ильинской и А.А. Лосевой. – Прага: Артия, 1987.
9. *Килошенко М.И.* Психология моды. 2-е издание. М.: Изд. Оникс, 2006.
10. *Конева А.В.* Мода как иное. Российская массовая культура конца XX века. Материалы круглого стола. 4 декабря 2001г. Санкт-Петербург. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. Электронный источник.
11. *Лэнгле А.* Грандиозное одиночество. Нарциссизм как антропологическо-экзистенциальный феномен //московский психологический журнал, №2, 2002.
12. *Мосли К.* Секреты современной моды. Как одеваться стильно, элегантно и сексуально независимо от фигуры и возраста. – Ростов н/Д.: Феникс, 2006.
13. *Панасюк А.Ю.* Формирование имиджа. Стратегия. Психотехнологии. Психотехники. М. Изд. Омега-Л, 2007.
14. *Плаксина Э.Б., Михайловская Л.А., В.П. Попов.* История костюма. Стили и направления. Учебное пособие, 2-е издание. М.: Академия, 2004.
15. Психология индивидуальных различий. Тексты. / Под. ред. Гипенрейтер Ю.Б., Романова В.Л. М.: Изд. МГУ, 1982.

16. *Сарабьянов Д.В.* Проблемы формализации средств художественной выразительности. Стиль, фирменный стиль, стайлинг, мода. – М., 1980.
17. *Сидопенко В.И.* История стилей в искусстве и костюме./ Серия «Среднее профессиональное образование». – Ростов н/Д: Феникс, 2004.
18. Словарь психолога-практика/ Сост. С.Ю. Головин. – 2-е изд., перераб. и доп. – Мн.: Харвест, 2005.
19. Современная энциклопедия. Мода и Стиль. М.: Аванта+, 2002.
20. *Тайнгейт М.* Построение бренда в сфере моды. М., 2006.
21. *Шепель В.М.* Имиджелогия: секреты личного обаяния. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2005.
22. Энциклопедия социологии под ред. Грицанова А.А. М.: Изд. Книжный дом, 2003.

И.О.Косарева, О.Н.Шалдыбина

Изучение зависимости представлений о времени от особенностей ценностной сферы человека. Результаты эмпирического исследования

Рассматривая особенности ценностной сферы человека как один из компонентов, влияющих на представление о времени, авторы провели анализ литературы, показывающей недостаток подобных исследований и соотнесение психологического времени и реальной жизнедеятельности человека. Изучение психологических особенностей представлений о времени, рассмотрение их зависимости от ценностной сферы личности привели к следующим результатам:

1. Используя факторный анализ, предназначенный для уменьшения размерности исходных данных с целью их экономного описания при условии минимальных потерь исходной информации [8, с. 252], мы выяснили что представления о времени являются конструктом.

В структуре сознания испытуемых объединены между собой такие характеристики, относящиеся ко времени, как:

- «насыщенное, приятное, организованное, цельное, беспредельное» – на одном полюсе;
- «пустое, неприятное, ограниченное, раздробленное, неорганизованное» – на другом.

Это первый фактор, который мы выделили, назвав его – фактором «эффективности». Испытуемые, получившие низкие значения по фактору 1, имеют представления о времени как о более организованном, более насыщенном, более цельном, приятном. И наоборот, те, у кого эти значения высокие – воспринимают время как менее организованное, менее прият-

ное, менее цельное и раздробленное. Предполагаем, что связь в сознании испытуемых таких характеристик, как «приятное», «организованное», «насыщенное», «цельное», сигнализирует о том, что время организованное, время насыщенное и цельное субъективно переживается как чувство удовольствия. Вместе с тем, время пустое, ограниченное, раздробленное, неорганизованное сопровождается чувством неудовольствия.

Второй фактор объединил характеристики «медленное и плавное» – на одном полюсе, «быстрое и скачкообразное» – на другом. Объединение друг с другом характеристик «быстрое» и «скачкообразное» подтверждает предположение, что субъективно насыщенный (чувствами, мыслями, действиями) интервал времени переживается как скоротечный, т.е. «быстрый». Он впоследствии воспринимается продолжительным и одномоментным (т.е. как «скачкообразный») в контексте целостной временной перспективы. Это фактор получил название фактора «протяженности».

2. По результатам анализа данных корреляции рассогласования в иерархиях ценностей с представлениями о времени обнаружили различия при восприятии участниками прошлого, настоящего и будущего:

- Статистически достоверная связь обнаружилась между представлениями о настоящем с фактором «эффективности». Чем больше рассогласование в иерархиях ценностей, тем настоящее воспринимается как менее приятное, менее организованное, менее цельное, менее беспредельное и можно говорить о том, что в том случае, когда система декларируемых (социально-желаемых) ценностей значительно расходится и системой истинных (реальных) ценностей, личность оказываются в «подвешенном состоянии» [2]. Мы предполагаем, что это состояние сопровождается психологическим дискомфортом, тревогой и беспомощностью.

- Чем больше рассогласование в иерархиях ценностей, тем настоящее воспринимается как более быстрое и скачкообразное. Другими словами, если исходить из утверждения о том, что ценности организуют мир эмоций, переживаний и определяют поступки и действия [9], [10], тогда, по нашему мнению, значительно рассогласованные системы ценностей организуют, если говорить метафорично, «два мира эмоций и переживаний» между которыми личность «скачет». Эта связь выражена на уровне тенденции, т.е. велика вероятность, что при увеличении числа выборки она станет статистически достоверной.

- Корреляций в рассогласовании ценностей с представлениями о прошлом и будущем мы не выявили. С нашей точки зрения, это связано с тем, что и прошлое, и будущее – это то, чего нет «здесь и сейчас», и поэтому они воспринимаются более целостно и менее дифференцировано. Возможным объяснением является также, на наш взгляд, и особенности испытуемых, в частности, возраст. Прошлое для испытуемых 20-22 лет – это фактически их детство, разница в их настоящем и прошлом заключает-

ся в том, что в настоящем у них есть выбор и соответственно ответственность, в прошлом же – детстве – определяющей системой ценностей была родительская система, в связи с чем вопроса согласования иерархий ценностей не возникало как такового. С целью подтверждения или опровержения наших предположений необходимо провести исследование, в котором следует сформировать выборку из испытуемых, относящихся к разным возрастным группам, и проанализировать полученные результаты.

3. По результатам данных полученных относительно сравнения представлений о прошлом, настоящем и будущем наблюдается тенденция в восприятии будущего (по сравнению с восприятием прошлого) как более цельного, более организованного, более насыщенного. Восприятие настоящего получило средние значения и по первому, и по второму фактору. Мы склонны интерпретировать такие результаты, согласуясь с позицией К.А.Абульхановой-Славской: «есть потребности, которые не удалось реализовать в настоящем, тогда личность направляет всю свою жизнь на достижение главных ценностей» [1]. Другими словами, нереализованные потребности «привносятся» в будущее, благодаря чему создается его идеализация. В таком случае в представлениях человека будущее становится гораздо более цельным, организованным, насыщенным.

4. Для выяснения того, какие ценности являются преобладающими, у тех испытуемых, кто воспринимает время как плавное, организованное, цельное, насыщенное, приятное, мы использовали χ^2 -Пирсона. В итоге не было выявлено значимых различий в ценностях диагностируемых у тех, кто получает положительные и отрицательные оценки по первому фактору. Это подтверждает наше предположение о том, что влияние оказывают не ценности сами по себе (не содержание ценностей), а соотношение систем ценностей друг с другом.

Полученные результаты, на наш взгляд, следует проверить иными независимыми способами. Разработка и организация такого рода исследований требует дополнительного изучения, планирования и моделирования эксперимента.

Также мы допускаем влияние и других факторов на представления о времени, но для выяснения степени и содержания такого влияния необходимы еще дополнительный теоретический анализ и организация исследований.

5. Существенных различий в полученных результатах у испытуемых в группе студентов–психологов и студентов–физиков нами обнаружено не было. Если учитывать факт, что на представления о времени оказывает влияние также и профессиональная ориентация [4], в нашем случае это влияние не выявлено. Мы предполагаем, что это связано с началом профессионального становления.

Этот результат открывает новое поле для исследований и ставит новые вопросы, в частности, на каком этапе профессионального развития профессиональная ориентация начинает оказывать влияние на представления о времени?

Литература

1. *Абульханова-Славская К.А.* Личностная регуляция времени// Психология личности в трудах отечественных психологов. Сост. Куликов Л.В. СПб.: Изд-во «Питер», 2000. – 480 с.
2. *Бинсвангер Л.* Бытие-в-мире. Избранные статьи. Нидлмен Я. Критическое введение в экзистенциальный психоанализ. – М.: «Рефл-бук», К.: «Ваклер», 1999. – 336 с.
3. *Василюк Ф.Е.* Психология переживания: Анализ преодоления критических ситуаций - М.: изд-во МГУ, 1984.
4. *Веккер Л. М.* Мир психической реальности. М., 2000.
5. *Леонтьев Д.А.* Деятельность. Сознание. Личность. – М., 1982.
6. *Леонтьев Д.А.* Динамика смысловых процессов // Психол. журн. 1997. Т. 18. С. 13-27.
7. *Леонтьев Д.А.* Методика изучения ценностных ориентаций. – М., 1992.
8. *Наследов А.Д.* Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных. Учебное пособие. – СПб.: Речь, 2004. – 392 с.
9. *Фрейд З.* Основной инстинкт. М.: Олимп; 000 «Изд-во АСТ-ЛТД», 1997. – 656 с.
10. *Фромм Э.* Душа человека. - М.: Прогресс, 1990. – 285 с.

М.С.Мышкина

К проблеме интенциональности в психологии личности

Интенциональность как основополагающая характеристика сознания и его актов, как понятие изначально возникло в лоне философии. Обозначая направленность сознания на предмет, оно вошло впоследствии в психологический тезаурус и своим содержанием обусловило специфичность подходов к рассмотрению личности.

Понятие интенциональности в неявной форме содержится в античной философии: в учении Аристотеля, в учении стоиков об огненном логосе, в неоплатонизме.

Энтелехия – понятие, введенное Аристотелем наряду с *энергией* для обозначения актуальной действительности предмета, акта, в отличие от

его потенции, возможности бытия. В «Метафизике» энергия означает у Аристотеля действие, переход от возможности к действительности, а энтелехия – конечный результат этого перехода. Однако в большинстве случаев Аристотель не соблюдает этого различия и употребляет термины «энергия» и «энтелехия» как синонимы. Согласно Аристотелю, поскольку материя есть чистая возможность, то энтелехия как противоположность потенциальности приближается к понятию формы, а поскольку конечный результат процесса актуализации есть его цель, то энтелехия соответствует целевой причине. В трактате «О душе» Аристотель определяет душу как «первую энтелехию естественного тела, потенциально обладающего жизнью». Именно здесь Аристотель различает «первую» (простую) энтелехию и «вторую» (высшую) энтелехию. «Первая», простая энтелехия – это знание, она может осуществить себя далее в умозрении как энтелехия второго порядка [4].

В учении стоицизма в основе идеи саморазвития мира лежит творческий процесс, который описывается как изливание из мирового логоса «осеменяющих логосов», определяющих природу отдельных тел [5]. Логос пронизывает весь мир, является природой всеобъемлющего тела-мира, его самопорождающей имманентной силой и природным законом, управляющим мировым развитием. Таким образом, логос является и промыслом, и судьбой, которая рассматривается как последовательность событий, цепь совокупностей всех причин. Судьбу отдельного человека определяет его природа, целесообразно включенная во всеобщую природу. Творческий огонь в соединении с воздухом, пронизывая мир в виде огневидного дыхания, связывает все в одно непрерывное целое и создает «космическую симпатию» всех отдельных частей и тел. На основе этой космической симпатии как проявлении разумной направленности огненного логоса возможно предсказание. Конечная цель человека, счастье определяется в стоицизме как жизнь согласно природе, логосу, и только такая жизнь является добродетельной. Этический идеал стоиков – мудрец, достигший добродетели и бесстрастия, не зависящий от внешних обстоятельств. Он действует в согласии с природным законом, то есть добровольно следует судьбе. Все его поступки правильны, они – «прямодеяние», так как исходят из постоянного добродетельного склада души, внутренней невозможности поступить иначе. В этих поступках важно не достижение внешней цели, часто не подвластное человеку, а только этический характер действия и отношения человека к миру и другим людям, всецело зависящей от самого человека [2, 3]. Стоицизм оказал сильное влияние на складывающийся неоплатонизм и христианскую философию. Этика стоицизма, в частности, его учение о внутренней духовной свободе личности и о естественном законе, вновь привлекли к себе внимание в 17-18 в.в.

Плотинным и его учениками Амелием и Порфирием были разработаны основные понятия системы неоплатонизма: во главе иерархии бытия стоит сверхсущее единое-благо, постижимое только в сверхумном экстазе и выразимое только средствами апофатической теологии; далее в порядке нисхождения из единого следовали бытие-ум (нус) с идеями в нем, душа (псюхе), обращенная к уму и чувственному космосу, вечному в своем временном бытии. Таким образом, в неоплатоническом представлении о «сущем, стремящемся к благу» выразилось дальнейшее развитие идеи интенциональности [5, 7, 12].

Развитие понятия интенциональности подготавливалось учением Августина Блаженного о Боге как об абсолютном бытии [1]. Онтология Августина следует неоплатонизму, но Августин пытался заново продумать идею помнящей, созерцающей и ожидающей души. Он исходил не из объекта, а из субъекта, из самодостоверности человеческого мышления, разработав учение о времени как корреляте личности [8].

Дальнейшее развитие понятия интенциональности связано с именем Фомы Аквинского. Он разработал учение о внутреннем целеполагании души или интенциональности как направленности акта восприятия и познания в целом. Фома Аквинский вводит понятие «интенция» - как намерение, цель, направленность сознания, внимание. В гносеологическом аспекте интенция выступает как характеристика умственного «образа», идеи или некоторого значения. В основе его онтологии – восходящая к Аристотелю антитеза «потенциального» (возможного) – как колеблющейся, неустановившейся, открытой для перемен и потому несовершенной материи, и «актуального» (действительного) – как реализованности, осуществленности, завершенности и, тем самым, совершенства. И энергию, и энтелехию Фома Аквинский рассматривал в понятии «акт» [2].

Фома Аквинский различал первую и вторую интенции. Первая интенция – понятие, первоначально сформированное умом на основе постижения реальности, данной человеческому разуму. Вторая интенция формируется через обращение к первым интенциям, путем их изучения и сравнения. Ее объект находится в самом разуме, представляя собой логический закон, форму самой мысли или какую-нибудь мысль вообще. Таким образом, Фома Аквинский рассматривает интенцию как понятие, проистекающее из деятельности интеллекта. Это обусловило его подход к рассмотрению личности: личность – это «самое благородное во всей разумной природе», интеллект – это всегда личный интеллект, это обеспечивает личностное соединение души и тела [12].

В средневековой философии интенциональность понимается как целесообразность, смысловая направленность чувственно-воспринимающего и духовного познания, один из интеллектуальных принципов познания. В учении Уильяма Оккама рассматривается «интенция души» - как

универсалия, т.е. всеобщее, результат акта постижения предмета. Синонимом «интенции души» является «интенция интеллекта», благодаря которой постигнутый объект отображается в разуме [12].

Вместе с тем схоластическая философия развивает представление об «интенциональной чувственно-воспринимаемой форме», т.е. чувственном образе идеи какого-либо объекта [12].

В философии Нового времени аристотелевское понятие «энтелехия» возрождается у Лейбница и приобретает смысл в виде монад, которые находятся между собой в отношении предустановленной гармонии. Согласно учению Лейбница, гармония как взаимно однозначное соответствие между монадами была изначально установлена Богом, когда Он избрал для существования данный «наилучший из возможных миров» [9]. В силу этой гармонии, хотя ни одна монада не может влиять на другие, тем не менее, развитие каждой из них находится в полном соответствии с развитием других и всего мира в целом. Все действия монад полностью взаимосвязаны и предопределены. Монады образуют восходящую иерархию сообразно тому, насколько ясно и отчетливо они представляют мир. В этой иерархии особое место занимают монады, которые способны не только к восприятию, перцепции, но и к самосознанию, апперцепции. К этим монадам Лейбниц относил души людей. Таким образом, идея интенциональности опосредуется Лейбницем в его учении о монадах и приобретает *предметный смысл*.

Учение об интенции возрождается в 19-20 в.в., прежде всего у Франца Brentano, основателя европейского функционализма, и в феноменологии Эдмунда Гуссерля.

Согласно Brentano, характерным признаком всех психических феноменов выступает их интенциональность – предметность, соотнесенность с каким-нибудь объектом. В работе «Психология с эмпирической точки зрения» Brentano предложил программу психологии, противоположную программе Вундта, главной для которой он считал проблему сознания, его активность, его постоянную направленность на объект – интенцию сознания. Интенция сознания – это специальная духовная деятельность, благодаря которой осознается прежний образ. Исходя из типов отношения сознания к предмету, Brentano строит классификацию психических феноменов (не представление, а представительство) (ср.: Филомен: «Мы не погибли, если бы не погибали»). Таким подходом Brentano утвердил принцип активности и предметности сознания, оказав влияние на различные направления западной психологической мысли (11). Учение об интенциональности было воспринято К. Штумпфом, Э. Гуссерлем, А. Мейнонгом, М. Шелером, М. Хайдеггером [11].

Гуссерль рассматривал интенциональность, направленность на предмет, как чистую структуру сознания, свободную от индивидуальных (пси-

хологических, социальных, расовых и других) характеристик [11]. С помощью понятия интенциональности Гуссерль стремился решить главный теоретико-познавательный вопрос о связи субъекта и объекта – интенциональность является мостом между ними, она позволяет быть одновременно представителем имманентного мира общечеловеческого сознания и трансцендентного мира бытия, предметности. Интенциональность как одно из центральных понятий феноменологии трактуется у Гуссерля как существенное свойство всех актов сознания, поскольку оно всегда направлено на что-нибудь, выступает сознанием чего-нибудь. Все предметные акты сознания – восприятие, воспоминания, фантазия, желание, формы мышления и рефлексии – определены соответствующим предметным содержанием. При этом, согласно Гуссерлю, интенциональность как бы конституирует сознание, наполняя его значением и смыслом. Феноменология, по Гуссерлю, есть наука о чистом сознании как переживании интенциональных актов; Гуссерль называет это переживание «усмотрением сущностей» [10].

Взгляды Гуссерля оказали влияние на формирование идей экзистенциализма. Ролло Мэй, представитель экзистенциальной психологии, рассматривал интенциональность как фундаментальную структуру, которая придает переживаниям человека смысл и позволяет ему принимать решения относительно будущего, в которой человек осмысливает свой прошлый опыт, представляет себе будущее, и которая обеспечивает ему выбор и его дальнейшую реализацию. Поступок подразумевает интенциональность, также как и интенциональность подразумевает поступок. При этом интенциональность не всегда бывает осознанной полностью: она «лежит ниже уровня непосредственного осознания и включает в себя спонтанные, телесные элементы и другие характеристики, называемые обычно «бессознательными» [13, 16, 17].

Развитие содержания интенциональности как личностной характеристики на современном этапе связано с понятием мотивационно-смысловой интенции личности, введенного Г.З. Сураевой [14]. Мотивационно-смысловая интенция рассматривается как один из структурных компонентов мотивационно-смысловой сферы личности. Мотивационно-смысловая интенция – это системное образование, определяющее область «значимого» личности и задающее ориентиры как ближайшего ее поведения и развития (на ближайшем интервале жизненного пути), так и дальнего будущего (на более отдаленных отрезках жизни). Актуальные мотивы реализуются в конкретных ситуациях настоящего личности, а мотивационно-смысловая интенция относится к целым классам ситуаций, которые могут наступить в будущем. Тем самым происходит осознанное мотивационное предвосхищение будущих ситуаций и подготовка к ним [15]. Мотивационно-смыс-

ловая интенция личности позволяет определить «потенциальные возможности субъекта» [6].

К существенным для мотивационно-смысловой интенции относятся следующие ее аспекты:

- она включена в мотивационно-смысловую сферу личности и обладает свойством побуждать и направлять активность личности на определенных интервалах жизненного пути;
- имеет содержательную, эмоционально-отношенческую и действенную составляющие и контекст локуса контроля;
- содержательная составляющая мотивационно-смысловой интенции личности характеризуется со стороны выделения значимых для нее сторон действительности (объектов интенции) – предметов, субъектов или явлений (экзистенций) внешнего или внутреннего мира;
- эмоционально-отношенческая составляющая характеризуется осознанностью личностью характера отношения к значимому, оценкой личностного смысла жизненных ситуаций человека;
- действенная составляющая характеризуется готовностью (намерением) к проявлению различного рода целенаправленной активности;
- локус контроля характеризуется приписыванием субъектом ответственности за результативность действий либо себе (интернального локуса контроля) либо усилиям других людей или стечению обстоятельств (экстернальный локус контроля).

Это позволяет исследовать мотивационно-смысловую сферу личности не только как структуру восприятия мира, но и как структуру регуляции действия в контексте мотивационно-смысловых интенций субъекта, в том числе и в контексте возрастной специфики развития личности, которая остается одной из наиболее важных тем практической психологии. Изучение особенностей мотивационно-смысловой сферы личности на разных возрастных этапах позволяет определить механизмы становления личности, как специфические для каждого возраста, так и обобщенные, устойчивые, сохраняющие основные особенности и в дальнейшем развитии.

Таким образом, проблема интенциональности в философско-психологической литературе, начиная с античной традиции и до современных психологических учений, рассматривается как в фундаментальном, так и в прикладном аспектах, как в контексте представления об «интенциональной чувственно-воспринимаемой форме», так и в контексте психологии сознания и психологии личности.

Литература

1. *Августин А.* Исповедь... // Богословские труды. - М., 1978. Т. 19.
2. Антология мировой философии – М., 1969. Т.1.
3. *Асмус В.Ф.* Античная философия. - М., 1976.
4. *Аристотель.* О душе // Соч.: В 4 т. - М., 1976. Т. 1. С. 369-450.
5. *Богомоллов А.С.* Античная философия. - М., 1985.
6. *Забродин Ю.М.* Теория личности и управление человеческими ресурсами. М., Финстатинформ, 2002. Лосев А.Ф.
7. История Античной эстетики. Поздний эллинизм. - М., 1980.
8. Исповедь // В кн. Богословские труды. Т. 19. М., 1978
9. *Лейбниц Г.* Монадология // Соч.: В 4 т. - М., 1982. Т. 1.
10. *Мотрошилова Н.В.* Принципы и противоречия феноменологической философии. М., 1968
11. Проблема интенциональности у Гуссерля и экзистенциалистская категория трансценденции // В сб.: Современный экзистенциализм. М., 1966
12. *Соколов В.В.* Средневековая философия. - М., 1979.
13. Энциклопедия истории психологии. - М. 2001.
14. *Сураева Г.З.* Психологические особенности мотивационно-смысловой интенции личности (социокультурный аспект). Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2002. - 20 с.
15. *Сураева Г.З.* Психологическое исследование мотивационно-смысловой сферы младших школьников // Прикладная психология, 2001, № 6. С. 79-88.
16. *Фрейджер Р., Фейдимен Дж.* Личность: теории, эксперименты, упражнения. - СПб., 2001.
17. Экзистенциальная психология. - М., 2001.

Н.В.Просвиркина

Исследование влияния духовных практик на психологическое благополучие личности

Научный руководитель Н.В.Зоткин

Психологическое благополучие – это системное качество человека, обретаемое им в процессе жизнедеятельности на основе психофизиологической сохранности функций, которое проявляется у субъекта в переживании содержательной наполненности и ценности жизни в целом как средства достижения внутренних, социально ориентированных целей и является условием реализации его потенциальных возможностей и способностей. Благополучие и чувство благополучия значимы для любого человека, играют важную роль в его ощущении жизни. Не случайно понятие благополучие взято Всемирной Организацией Здравоохранения в качестве

основного для определения здоровья. В преамбуле Устава этой организации зафиксировано: «Здоровье – это не только отсутствие каких-либо болезней и дефектов, но и состояние полного физического, психического и социального благополучия».

Психология как наука о душе лучшей своей частью изначально ориентировалась не просто на познание как таковое, но на познание с обязательной конечной целью улучшения состояния отдельной души среднего человека в каждый момент времени и по жизни в целом. Сегодня положение дел таково, что реализация этой цели в психологии по сравнению с прочими не является основным. Современным обществом психологи востребованы преимущественно в качестве организаторов более эффективного использования человеческого фактора, и по сравнению с этой целью внутреннее состояние людей здесь оказывается параметром вторичным (в лучшем случае его улучшение является лишь частным средством достижения первой цели).

Основной проблемой нашего исследования является изучение способов улучшения психологического благополучия в ходе духовного развития человека. Одним из основных составляющих процесса духовного развития является духовная практика. В ходе исследования мы попытаемся ответить на следующие вопросы: Можно ли в качестве способа улучшения психологического благополучия человека использовать духовные практики? Как занятие духовными практиками влияет на благополучие человека и что лежит в основе их воздействия? Что происходит с личностью в процессе духовного развития?

Цель работы: Исследовать влияние духовных практик на психологическое благополучие человека. Объект исследования: Личность человека, занимающегося духовными практиками. Предмет: Психологическое благополучие личности. Гипотеза исследования: Занятие духовными практиками способствует улучшению психологического благополучия человека, а именно: повышается уровень самопринятия и уровень самореализации; усиливается восприятие самого жизненного процесса и управляемость жизнью; увеличивается запас сил и энергии, улучшается работоспособность; усиливается эмоциональная устойчивость и эффективность психической саморегуляции в стрессовых ситуациях.

Духовное развитие человека предполагает радикальное преобразование «нормальных» черт личности, нахождение скрытых прежде возможностей, вознесение сознания в новые для него сферы, а также новую внутреннюю направленность деятельности. Оно связано с процессами глубокого морального очищения, позитивной трансформации личности, пробуждения многих не использовавшихся ранее способностей. «Мы употребляем слово «духовное», – писал Р.Ассаджиоли [1; 19], – в его наиболее широком значении, определяя, таким образом, не только собственно рели-

гиозный опыт, но любые состояния сознания, любые психические функции и формы психической деятельности, ценность которых превышает средний уровень. Они могут иметь, например, этическую, эстетическую, героическую, гуманистическую или альтруистическую ценность. Все связанное с осознанием содержаний сверхсознательного мы относим, поэтому под общую рубрику «духовное развитие»».

У человека нет необходимости развиваться духовно. Не обладая духовным стремлением, не будучи мотивирован к духовному развитию, человек неспособен и развиваться в данном направлении. Поэтому духовное стремление полагается всеми эзотерическими школами в качестве несущего стержня духовного развития. Стремление не может быть беспредметным, это всегда стремление к чему-то, к какой-то цели. Цель духовного стремления есть постижение человеком своей подлинной сущности и своего подлинного места в мире: постижение «высшего Я», постижение своего единства с Абсолютом, постижение себя нераздельным с Богом, постижение своего слияния с Вселенной, постижение себя в качестве Пустоты или не имеющих качеств и т.д. Несмотря на различие формулировок этих и тому подобных традиционных определений, все они связывают акт постижения с неким изменением самосознания, а именно – с выходом за рамки ординарного, личностного уровня самосознания, на котором «Я» противостоит «всему остальному» (человек – миру, личность – обществу и т.д.).

Ни постижение, ни преобразование не приходят сами собой. Человек, стремящийся к духовному развитию, должен заниматься духовной практикой, то есть осуществлять какие-то целенаправленные действия, упорядочивающие процесс его жизнедеятельности определенной программой. Например, ходить в церковь или ткать ковры, поститься или соблюдать диету, читать книги или писать их, упражняться в сосредоточении внимания или его рассредоточении, танцевать или молиться, контролировать отрицательные эмоции или работать с чакрами (энергетическими центрами), практиковать недеяние и т.п.

Практика – это система деятельностей (упражнений, мероприятий и т.п.), направленных на достижение конкретных целей. Если рассматривать постижение в качестве конечной цели, то задаваемые практикой конкретные цели можно назвать промежуточными. Система таких добровольно принятых человеком промежуточных целей создает в его сознании систему искусственных разрывов между реальным и идеальным, – между тем, что есть, и тем, что должно быть. Формируемое таким образом противоречие порождает мотивацию к его преодолению – стремление к тому, что должно быть. Иными словами, в процессе практики формируется система вспомогательной мотивации, способной по закону доминанты подкреплять ведущую мотивацию.

Духовная практика представляет собой именно искусственное вторжение в поток спонтанной «мирской» жизнедеятельности: последняя всякий раз как бы «спотыкается» о практику. Отвлекаясь от своих естественных занятий, человек оказывается, вынужден всякий раз вспоминать зачем, во имя чего он это делает. Практика в этом смысле служит напоминанием о конечной цели, стоящей за реализуемыми в практике промежуточными целями. Усилия, которые направлены на достижение этих конкретных промежуточных целей, и сопровождаются произвольным сосредоточением на основном, глубинном мотиве, вызвавшем, в конечном счете, обращение к данной деятельности, подкрепляют последний. Когда стремление, возрастающее в ходе практики, достигает некой «критической массы», происходит спонтанная «цепная реакция», результатом которой является взрыв личностного самосознания и постижение себя в новом – надличностном качестве.

Первые «озарения», ввиду своей непродолжительности, сравниваемые иногда со вспышкой молнии, далеким раскатом грома и т.п., оставляют, тем не менее, неизгладимый след в памяти и стимулируют ряд дальнейших глубинных перестроек в психике, длящихся подчас годами. Вспоминая пережитое, человек утверждает себя в своем стремлении – он уже не может мыслить себя по-старому; изменяется само его мировосприятие, а также реагирование на конкретные жизненные ситуации; начинается фундаментальная переоценка ценностей и пересмотр смысло-жизненных ориентаций. Совершенствование обретаемых в практике навыков (новых способностей и состояний) влечет за собой самоподкрепление этих навыков, то есть усиление стремления к их самоцельному развитию.

Измененные состояния сознания, на фоне которых зачастую происходит занятие духовными практиками и которые специально индуцируются различными духовными традициями с помощью тех или иных методов, дают возможность отказаться от привычных стереотипов мышления, высвободить интуитивное мышление, выйти из психологического тупика, обеспечивают снятие внутренних противоречий, разрешение внутриспсихических (сознательно-подсознательных) конфликтов, глубинную подсознательную перестройку, приносящую избавление от дисфункциональных паттернов поведения, и, как следствие, возрастание интеграции личности, обновленное ощущение личной ценности и собственных потенциальных творческих возможностей после выхода из этих состояний, что в конечном итоге приводит к улучшению психологического благополучия духовнопрактикующего в целом.

Занятие духовными практиками способствует появлению целого ряда положительных явлений, как на физиологическом уровне, так и на уровне психики: нормализуется сердцебиение и артериальное давление, успокаивается дыхание, восстанавливается кровоснабжение внутренних

органов, снижается мышечный тонус; устраняется эмоциональная напряженность; запускается механизм самопроизвольной саморегуляции биологической системы; происходит раскрытие творческих способностей; улучшается работоспособность, проявляющаяся как в профессиональной, так и в других видах деятельности и поведения; усиливается активность механизмов памяти, повышается обучаемость; происходит многоплановое развитие личности с тенденцией к самоактуализации; к наличию целей, придающих жизни смысл; к позитивным отношениям с другими людьми; к самопринятию, к развитию личностной компетентности и автономности, что в конечном итоге приводит к улучшению психологического благополучия духовнопрактикующего в целом.

Человек, занимающийся систематической духовной практикой, может столкнуться со следующими проблемами: дезориентация во внешнем мире; подрыв мотиваций, связанных с социумом; трудности в принятии решений, вследствие замедления мыслительных процессов; использование духовной практики в качестве способа бегства от действительности, в результате чего практикующий застревает на одном месте и превращается в «хронического медитатора»; дезадаптация личности, вследствие трансформации Эго, когда разрушаются старые стереотипы и модели поведения, а невозможность и неспособность интегрировать духовный опыт может привести к психопатологии.

Для улучшения психологического благополучия необходимо, чтобы развитие личности происходило на трех уровнях психической реальности: материальном, социальном и духовном. В связи с этим внутри самой структуры личности выделяются три глобальные подструктуры «Я»: «Я-материальное»; «Я-социальное» и «Я-духовное» и можно сказать, что внутренняя идея гармонии заключается в триединстве и сбалансированности этих трех эго-идентификаций. Занятие духовными практиками способствует, прежде всего, удовлетворению потребностей «Я-духовного» – наиболее интегрированного и сущностно значимого образования в человеческой личности и дает возможность параллельного движения к «Я-потенциальному» на всех трех уровнях, что в свою очередь является первым этапом личностной трансформации и способствует наиболее полной социальной и психологической реализации личности.

Для экспериментального подтверждения нашего предположения о том, что занятие духовными практиками действительно способствует улучшению психологического благополучия человека, мы взяли две группы людей: (1) состоящую из людей, занимающихся различными видами духовных практик (йогой, цигун, рейки, суфийскими техниками); (2) из людей, которые не занимаются духовными практиками. Первая выборка (занимающиеся духовными практиками) – 20 человек. Среди них: 12 женщин в возрасте от 25 до 66 лет и 8 мужчин в возрасте от 32 до 50 лет. Ме-

ста исследования: центр йоги «Твой путь» в ЦТД «Современник»; центр Рейки В.Саблина; культурно-оздоровительный центр «Лотос». Вторая выборка (не занимающиеся) – 23 человека. Среди них: 21 женщина в возрасте от 18 до 53 лет и 2 мужчин 34 и 39 лет. Места проведения: ОАО «СамараНефтеПродукт», ООО «АвтосервисСамара».

В качестве методов использовались: самонаблюдение (интроспекция); наблюдение – внешнее, включенное, стандартизированное; беседа; психодиагностика (Методика определения доминирующего состояния Л.В. Куликова [4; 34-62]; анкета «Причины эмоционального дискомфорта» Л.В. Куликова [4; 87-92]; Тест смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева (тест «СЖО») [3])

Последняя, на наш взгляд, дает наиболее точную характеристику составляющих психологического благополучия, вошедших в модель, разработанную К. Риффом [5], [6]:

1. Позитивное отношение к себе и своей прошлой жизни (Самопринятие);
2. Наличие целей и занятий, придающих жизни смысл (Цели в жизни);
3. Способность выполнять требования повседневной жизни (Компетентность);
4. Чувство непрекращающегося развития и самореализации (Личностный рост);
5. Отношения с другими, пронизанные заботой и доверием (Позитивные отношения с другими);
6. Способность следовать собственным убеждениям (Автономность).

Для оценки достоверности отличий между значениями признаков был использован параметрический критерий t-Стьюдента для независимых выборок.

В результате проведенного исследования, мы можем сделать следующие выводы:

1. Люди, занимающиеся духовной практикой, характеризуются высоким уровнем самореализации, тенденцией к развитию своих потенциальных способностей, уверенностью в своих силах и возможностях. Оценка личностной успешности у них в 1,22 раза выше, чем у лиц не занимающихся.
2. Этим людям свойственно позитивное отношение к собственной личности и своей прошлой жизни, осознание и принятие разных сторон своего «Я».
3. Восприятие самого процесса жизни, с точки зрения его эмоциональной насыщенности и наполненности смыслом, выше, чем у обычных людей; вообще для них свойственна удовлетворенность жизнью в целом,

ее ходом и тем, как в настоящее время разворачиваются основные жизненные события.

4. Духовнопрактикующим, в большей степени, чем людям не занимающимся, свойственна убежденность в способности контролировать свою жизнь, брать на себя ответственность, свободно принимать решения и воплощать их.

5. Стоящие перед ними проблемы в значительной степени разрешены или успешно решаются, желаемые цели воспринимаются как вполне достижимые; если та или иная ситуация и оценивается как неразрешимая, то ее активное отвержение отсутствует, эмоциональная острота неприятия стерта.

6. Этим людям свойственна активность, ощущение внутренней собранности, запаса сил, энергии, высокая работоспособность, как в профессиональной, так и в других видах деятельности.

7. Людей, занимающихся духовной практикой, отличает бодрое настроение, преобладание ровного положительного эмоционального тона, высокая эмоциональная устойчивость, в состоянии возбуждения у них сохраняется адекватность и эффективность психической саморегуляции, поведения и деятельности.

Таким образом, все выше перечисленные выводы подтверждают нашу гипотезу о том, что занятие духовными практиками способствует улучшению психологического благополучия человека.

Литература

1. *Ассаджиоли Р.* Психосинтез: теория и практика. М.: REFL-book, 1994.
2. Духовный кризис: когда преобразование личности становится кризисом / Под ред. С. и К. Гроф. М.: Класс, 2000.
3. *Леонтьев Д.А.* Тест смысложизненных ориентаций. М.: Смысл, 1992.
4. Практикум по психологии состояний: Учебное пособие /Под ред. А.О. Прохорова. СПб.: Речь, 2004. – 480 с.
5. *Прохоров А.О., Блинова О.Г.* Феноменология трансовых состояний субъекта // Психология состояний. Хрестоматия / Под ред. А.О. Прохорова. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Речь, 2004. С. 293-297.
6. *Садальская Е.В., Абдраязкова А.М., Ениколопов С.Н.* Личностные факторы в оценке качества жизни и психологического благополучия // Ежегодник Российского психологического общества: Материалы 3-го Всероссийского съезда психологов 25-28 июня 2003 г. В 8 т. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003, Т. 7. С. 15-19.

Д. Хансварова

Особенности восприятия понятия смерть (на примере студентов 3-го курса английской филологии)

Научный руководитель У.Г. Черепанова

Интерес к теме смерти человек испытывает с незапамятных времен, доказательством этому может служить пестрота ее выражения в религиях, искусстве, мифологии, философии и фольклоре. Это нам дают понять выдающиеся памятники архитектуры, рассеянные по миру, собрания молитв, магических заклинаний и мифологических историй, образы коллективного и индивидуального воображения, которые относятся к смерти и загробной жизни. Психология не исключение и то же пытается трактовать это понятие. Зигмунд Фрейд ввел термины «влечение к жизни» и «влечение к смерти». По Фрейду, влечение к смерти – это присущие индивиду, как правило, бессознательные тенденции к саморазрушению к возвращению в неорганическое состояние. Влечения к жизни и влечения к смерти противоположны и едины в одно и то же время. К. Юнг пришел к убеждению, что существуют архетипичные формы восприятия смерти, но они обнаруживаются в уникальной форме. Он считал, что сны содержат коллективные образы, отражающие представления о смысле жизни и смерти. К. Юнг говорил, так же что для психологического здоровья лучше видеть в смерти цель, к которой надо стремиться, чем отгонять от себя мысли о ней. По мнению известного психолога и психотерапевта В. Франкла, конечность существования является основополагающим признаком жизни. Смысл человеческого существования имеет свою основу в его необратимом характере. Он не видит нужды в том, чтобы каким-то образом исключать смерть из жизни человека, ведь она является ее составной частью, и утверждает, что ее совершенно невозможно преодолеть. С развитием трансперсональной психологии ученые открывают новые тайны сознания и подсознания, а так же изучают феномен смерти.

Современный исследователь доктор Элизабет Кюблер-Росс (США) пишет: «Если мы обернемся назад и обратимся к культурам прошлого, то увидим, что смерть во все века воспринималась человеком как несчастье, и, очевидно, так будет всегда. Для психиатра это совершенно очевидно и, вероятно, может быть лучше объяснено в терминах нашего понимания бессознательной части "я"; для несознающего разума смерти по отношению к себе самому совершенно немислима. Для нашего бессознательного немислимо вообразить реальный конец собственной жизни здесь, на земле, и, если эта наша жизнь должна окончиться, конец всегда связывается с вмешательством злобных сил извне. Говоря просто, в нашем несознающем разуме мы можем оказаться только убитыми; немислима смерть от

естественных причин или от старости». Появление танатотерапии знаменует еще один сдвиг в решении проблемы смерти основной целью, которой является оказание помощи всем нуждающимся в налаживании и установлении нормальных отношений с базовыми процессами. Например, непрерывность процессов «Жизнь» – «Смерть», тонкие грани между жизнью и смертью, взаимосвязь тела и духа, телесность человека, взаимодействие внешнего (социум) и внутреннего (психика-тело), взаимозависимость агрессии/страха, неприятие смерти и неготовность к жизни.

Проблема смерти перестает быть проблемой узких специалистов. Она актуальна во все времена и является фундаментальной для человеческого существования.

Задачей данной работы является обнаружение особенностей восприятия понятия смерть у студентов 3-го курса английской филологии женского пола. Для этого сначала было проведено пилотажное исследование, направленное на выявление 10 жизненно важных понятий для испытуемых, затем самые частотные из них («Мать», «Любовь», «Честолюбие», «Радость», «Свобода», «Отец», «Деньги», «Здоровье», «Друг», Бог»), а также еще 2 добавленных («Я», «смерть») составили экспериментальный материал. Измерялось 12 понятий по 45 шкалам, испытуемые шкалировали понятия по семизначным шкалам семантического дифференциала. На основании сходства оценок по шкалам была построена матрица расстояний шкал, которая затем подверглась процедуре факторного анализа.

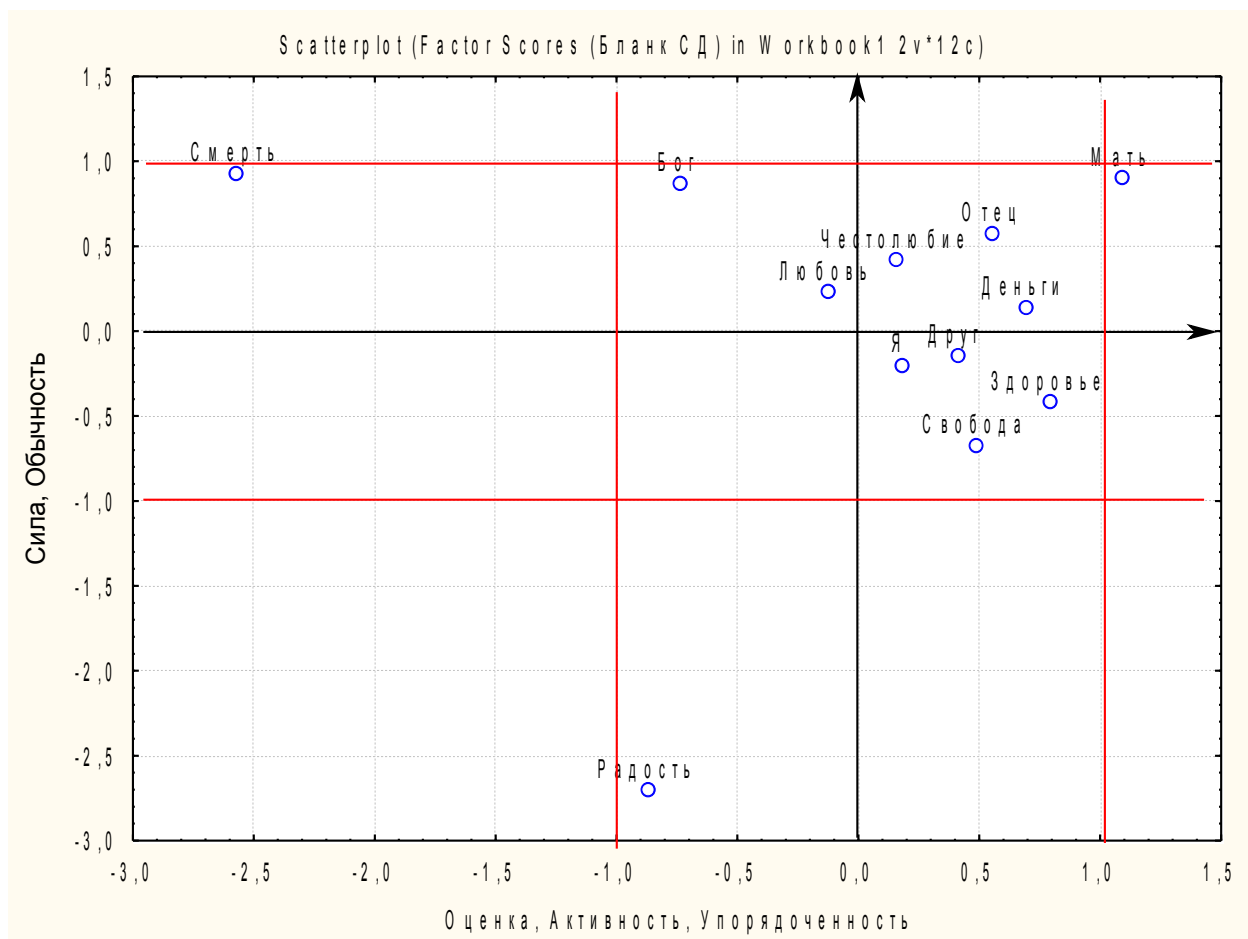
В результате обработки данных были выделены факторные структуры и найдены нагрузки по факторам на основе индивидуальных, так и усредненных данных (см. график).

Переходя к интерпретации выделенных факторов, отметим, что названия факторов достаточно условны. Как правило, факторы называют по наименованию одного из антонимов шкалы, имеющий максимальный вес по этому фактору.

Понятия «Я», «Друг», «Здоровье», «Свобода» объединены в одной плоскости, которым явно противопоставлены понятия «Любовь», «Честолюбие», «Отец», «Деньги», «Мать» более «сильные и упорядоченные» по представлению.

Понятие «Бог» оценивается менее активно и упорядоченно, чем понятие «Мать», хотя оба понятия воспринимаются как сильные и несущие явный авторитет (напомним, испытуемые были женского пола).

Зеркально противопоставляются понятия «Бог» и «Радость» из чего можно сделать вывод, что «Бог» для испытуемых безрадостное, но чрезвычайно сильное и обычное понятие.

Понятие «Смерть» находится изолировано от всех основных жизненно важных понятий, т.е. вне «жизнивосприятия». Это может, говорить об отсутствии внимания к ней. Так подтверждается наблюдения Б.В. Маркова, касательно того, что люди замалчивают тему смерти, меньше всего они заботятся о ней. Это выражается в ценностях, ориентированных на здоровье, молодость, наслаждение от жизни.

Понятие «Смерть» идеализированное в сознании человека, подтверждению этому может служить оценивание понятия «Бог» на одном уровне, хотя и с разной степенью «Активности» и «Упорядоченности».

Являясь «Самым сильным» понятием из 12 можно предположить, что «Смерть» обладает стимулирующими функциями. Это связано с мыслью о конечности жизни и поиском ее смысла. А.В. Демичев считает, что смерть выступает ориентирующим и проектирующим началом человеческой жизни. Она есть стимулятор прижизненных событий, цепочка которых ведет к ней самой.

Итак, «Смерть» обладает очень широкой и содержательной интерпретируемостью. Понятие так же многолико, как и сама жизнь.

Полученные результаты могут помочь как испытуемым, так и исследователям осмыслить свою жизнь в заданных условиях, найти себя в ней, а так же понять окружающих, умирающих и возможно расширить рамки обсуждения данной темы.

В.В.Шпунтова

Развитие ценностей личности в онтогенезе

Вначале идет психическое, затем – мир, который проходит через психическое и поступает в общество, причем мир принимает форму множества миров.

Дж.Хиллман

«Исцеляющий вымысел»

Общественное бытие составляет неотъемлемую часть человеческого существования. Появляясь на свет, индивидуум входит в социальный мир, формируется и постигает себя, раскрывает личностные возможности через других людей. Это действительно так: «Нельзя вообразить (субъекта) одинокого, без человеческого окружения, без целого культурного наследия, мира понятий, ценностей, норм поведения, без богатства чувственной жизни, развивающейся между ним и обществом» (*Кемпински*, 1998. с. 179). Благодаря социуму личность трансцендирует собственный смысл (*Франкл*, 1990). Выступая субъектом культуры, она опирается на общечеловеческие духовные и нравственные ориентиры в своей деятельности, поступках, мыслях, переживаниях. Вместе с тем ценностная значимость социального окружения концентрируется в существовании *каждой* личности: общество – есть тот материал развития, на основе которого создается индивидуальность человека (*Д.А.Леонтьев*, 1996). Присваивая опыт мировосприятия, общения и деятельности предшествующих поколений, индивидуум превращает культурно-историческое наследие в элементы внутренней организации. Он строит интрапсихический мир, усваивает общечеловеческие смысловые универсалии, субъективно преобразуя их.

Сознание личности формируется внутри социальной реальности, в которой кристаллизуется опыт ценностного отношения к окружающей действительности. Культура как «онтологические корни, питает и возвращает человека, обеспечивает его образцами и средствами решения индивидуальных задач» (*Буякас, Зевина*, 1997, с. 44); переводит субъекта в другой способ бытия, лежащий вне отдельного индивидуума и являющийся более осмысленным и упорядоченным. Предъявляя систему общественно-приемлемых норм и образцов, социальный мир демонстрирует эталоны поведения личности в коллективе. Отсутствие последних затрудняет регуляцию деятельности людей, делает жизнь общества невозможной: «Без нравственных норм функционирование социальной системы не может сохранять направленность на достижение групповых целей; индивиды не могут получить от других то, что им нужно в плане личных и

эмоциональных отношений; они не чувствуют в себе необходимую меру порядка и общности целей» (*Kluckhohn*, 1951, p. 400).

Таким образом, для того чтобы быть эффективным в социуме, четко определять жизненные приоритеты, порядок постановки и реализации целей существования человеку необходимо иметь индивидуальную систему нравственных ориентиров. Интуитивно очевидно, что структура ценностей субъекта должна совмещаться с этическими принципами, которые приняты обществом; в противном случае личность может оказаться в ситуации морального одиночества (*Фромм*, 1998, с. 35-36). Так, например, главный герой фильма «Заводной апельсин» (1971, реж. С.Кубрик) – Александр ДеЛарж – не сумел адаптироваться к социальному миру после того, как его «перевоспитали», превратили в некое подобие машины. В фильме хорошо показана ситуация непринятия юноши обществом: отец и мать отвернулись от него, вынудили уйти из дома (в комнате молодого человека теперь живет Джо – «скорее сын, чем жилец»), друзья отказались от героя, очутившись «по ту сторону» закона. Алекс «переродился», стал «маленькой машиной способной только на добро», осужденной на социально приемлемые поступки, лишенной возможности осуществлять моральный выбор. В этом отличие молодого человека от других людей: он – единственный уникальный «образец», полученный в результате использования методики доктора Бродского, не связанный с какими-то идеями, нравственными ценностями, культурными стандартами. Александр не принадлежит к какой-либо общности индивидуумов, и вследствие этого одинок морально.

Нам представляется, что социум изначально располагает гораздо более широким спектром ценностей, чем тот диапазон нравственных возможностей, который имеется у человека. Смысловые универсалии общества выступают первичными по отношению к индивидуально-психологическим моральным нормам, не являясь при этом абсолютными. Собственное ценностно-смысловое пространство личности формируется путем помещения субъекта в мир социальных нравственных ориентиров. Благодаря процессу социализации индивид приобщается к нормам, этике коллективной среды; он усваивает культурный опыт и активно воспроизводит социальные связи (*Андреева*, 1998). Иными словами, общество, выступая одним из главных *условий* формирования ценностей, конструирует направленность субъекта на определенные критерии нравственности и дает знать, какие эмоции, в каких ситуациях и на каких уровнях напряжения ценятся или не одобряются.

Являясь фундаментом культуры, смысловые универсалии имеют двойственную природу: «Любая ценность, прежде чем стать “общечеловеческой”, была “частночеловеческой”... в нее кто-то верил, за нее кто-то страдал, свидетельствовал о ней... отстаивал, порой ценою жизни» (*Бра-*

тусь, 1997. с. 15). В этом смысле социум выступает неисчерпаемым резервуаром людских судеб, жизненных путей, сотворенных конкретными историческими личностями, а общечеловеческая ценность – есть готовый, «снятый» результат (Б.С. Братусь) живого культурного процесса; причем не застывший, изначально заданный и закостеневший «слепок» (общество не является «кунсткамерой ценностей прежних поколений... сводом законов, норм, готовых истин» (Степанов, 1996, с. 117)), смысловые универсалии выступают как открытая система, подверженная влиянию субъекта, который, понимая и присваивая нравственные нормы общества, воздействует на их развитие, возникновение, модификацию.

Следует отметить, что процесс приобщения к социальному опыту не происходит автоматически; он требует «произвольных осознанных усилий, специально организованной деятельности» (Буякас, Зевина, 1997, с. 44). Познавая мир, стараясь понять себя и окружающее бытие духовных и материальных символов, маленький человек спрашивает у взрослого «Что это?», ожидая услышать не название предмета, а его оценку (Я.Корчак). Он переживает значение той или иной вещи/явления, переткрывая мир нравственных ориентиров. Замечательной иллюстрацией вышеизложенного может служить диалог матери и малыша, описанный в работе Я.Корчак «Как любить детей» (Корчак, 1980). По мнению польского педагога «детские “Что это?” означают: какой? для чего служит? какая мне от него может быть польза?..

– Что это?

– Фи, брось, это “бьяка”, это нельзя брать в руки.

– Что это?

– Цветочек, – и улыбка, и ласковое выражение лица – разрешение.

Бывает, спрашивая о предмете нейтральном, и получая название без эмоциональной мимической оценки, ребенок не знает, что делать с ответом, и, удивленно и как бы разочарованно глядя на мать, повторяет, растягивая, название. Чтобы понять, что, кроме желаемого и нежелаемого, есть еще мир нейтральный, ему надо иметь опыт.

– Что это?

– Вата.

– Ва-а-ата? – и ребенок всматривается в лицо матери, ожидая указания, что об этом думать...» (Корчак, 1980, с. 17-18).

Итак, ценности – это необходимые условия и одновременно результат формирования картины мира. М.М.Бахтин, изучая процесс переосмысления субъектом моральных норм, рассуждал следующим образом: «Культурные ценности суть самоценности, и живому сознанию должно приспособиться к ним, утвердить их для себя... Этим путем живое сознание становится культурным, а культурное – воплощается в живом... Всякая общезначимая ценность становится действительно значимой... в ин-

дивидуальном контексте» (*Бахтин*, 1986, с. 108-109). Переоткрывая нравственные ориентиры, субъект встраивает их в систему собственного мироотношения.

Для того чтобы понять сущность процесса превращения общечеловеческих ценностей в личностные обратимся к культурно-исторической теории Л.С. Выготского (2000). Согласно положениям данной концепции важнейшим этапом развития индивидуума является период ознакомления субъекта с моральными устоями общества, которые впоследствии интериоризуются⁸. Отечественный психолог полагает, что в дошкольном возрасте ребенок вырабатывает личность-индивидуальность, которая состоит из фиксированных культурой ценностей. Аналогичные мысли встречаются в работах российских и зарубежных ученых (*Гиппенрейтер*, 1996), (*Мухина*, 1998), (*Олпорт*, 1998), (*А.В.Петровский*, *В.А.Петровский*, 1996), (*Роджерс*, 1996), (*Рубинштейн*, 1998), (*Фрейд*, 1997), (*Дж.Франкл*, 1998), (*Эриксон*, 1996) и др.: маленький человечек «врастает» в социальный мир, постепенно отказываясь от исходных, базовых мотивов; он овладевает пространством коллективного опыта с помощью игровых и реальных отношений с близкими людьми, усваивает нравственные ориентиры опосредующие физическое состояние. Интериоризируя правила внешнего поведения, а также нормы, приписываемые социальным ролям, субъект развивает способность к общественно-одобряемым действиям; перерастает в личность. Постепенно в систему его отношений к миру, себе, другим людям встраиваются смысловые универсалии высшего порядка. Они формируют духовный центр индивидуума, нравственное самосознание, которое подчиняет себе предыдущие структуры: «Ценности образуют вершинный уровень смысловой регуляции... выступают смыслообразующими по отношению ко всем остальным системам» (*Д.А.Леонтьев*, 2003, с. 128-129).

Представители психоаналитической школы утверждают, что интернализированная версия общественных норм, стандартов поведения концентрируется в Супер-Эго (*Killborn*, 2004). Так, например, З.Фрейд (1997) постулирует факт приобретения детьми Сверх-Я благодаря взаимодействию с родителями, посредством идентификации с их ценностями. Отец и мать несут нравственные ориентиры своего пола, и ребенок, усваивая их, проходит через стадии отождествления, присвоения и моделирования. Супер-Эго ребенка конструируется по модели Супер-Эго родителей: оно наполняется тем же содержанием и становится носителем традиций, моральных норм, которые передаются таким образом следующему поколению: «Направление, принятое нашим развитием, таково, что внешнее принуждение постепенно внутренне осваивается, причем особая инстанция

⁸ А.И.Донцов (1975) также считает интериоризацию главным механизмом формирования ценностей (см. его работу «К вопросу о механизмах формирования личности»).

души – «Сверх Я» человека – принимает его в число своих заповедей. Каждый ребенок демонстрирует... процесс такого превращения и в итоге... становится моральным и социальным. Это укрепление «Сверх Я» является в высшей степени драгоценным психологическим достоянием культуры. Те лица, в которых совершился этот процесс, из противников культуры становятся ее носителями. Чем больше их число в культурном кругу, тем прочнее эта культура» (Фрейд, 1997, с. 369)

Получается, что движущей силой процесса перевода общественных ценностей в личностные является стремление ребенка сохранить любовь окружающих взрослых. Следовательно, основными трансляторами социальных и культурных норм, главными «фигурами», влияющими на решение задач воспитания и социализации, были и остаются именно родители (Райс, 2000). Они выступают необходимым *условием* приобретения нравственных ориентаций ребенка, «воздействуют на усвоение общественных, религиозных и политических ценностей, помогают понять происходящее, учат состраданию» (Райс, 2000, с. 404). Однако если мать и отец придерживаются противоположных принципов и методов воспитания, чувствуют себя неуверенно в роли родителей (Хорни, 1997), или их система ценностей находится в противоречии с общепринятой в данной культуре стратегией поведения, то возникает атмосфера неопределенности, двусмысленности (Эриксон, 1997). Попадая в такую ситуацию, ребенок испытывает недоверие, которое может стать «стилем его жизни» (Адлер, 1998). По мнению Э.Эриксона, индивидуум, объясняющий внешний мир и относящийся к нему с позиций данного чувства, приостановится в развитии: «Все основные конфликты периода детства не исчезают и в какой-то форме проявляются в зрелом возрасте. Наиболее ранние стадии остаются в самых глубинных слоях психики. Любой человек... может регрессировать к первичному недоверию, если его надежды рухнули... (Современный субъект), добившийся успеха собственными силами, жаждет безопасности в созданном им мире, (это) видно по тому, насколько сильно бессознательная идентификация с машиной... повлияла на... концепцию человеческой природы вообще и на автоматизированное и обезличенное воспитание детей в частности. Отчаянная потребность функционировать бесперебойно, ровно, гладко, без сучка и задоринки стала связываться с понятием о личном счастье и даже о спасении... подменяя основные стремления (индивидуума)» (Эриксон, 1996, с. 92-94).

Оценивая вклад родителей в процесс социализации, нельзя не отметить семью, которая непосредственно связана с социальными структурами, ибо воспроизводит нормы и правила, характерные для данного общества. На наш взгляд супружеская подсистема имеет жизненно важное значение для развития ребенка. Предоставляя модель интимных взаимоотношений, проявляющихся в повседневных

взаимодействиях, она демонстрирует примеры того, как выражать привязанность и любовь, как относиться к партнеру, испытывающему стресс, и как преодолевать конфликты на основе равноправия (С. Минухин, Ч.Фишман). Отношения между мужем-женой (отцом-матерью) становятся частью нравственных ориентиров и ожиданий ребенка, когда он вступает в контакт с внешним миром. Можно сказать, что индивид познает окружающую действительность и привносит в свой дом все то, что соответствует системе семейных ценностей. Он – посредник между семьей и социальной средой, «выискивающий» в обществе те смысловые универсалии, которые укладываются в рамки его представлений о них.

Интересной представляется точка зрения К.Витакера (1998), предлагающего рассматривать индивидуума как фрагмент семьи. Молодая пара, будучи представителями двух кланов родни, живет вместе согласно психосоциальному договору и ориентируется на ценности своих родителей. Когда один из супругов диктует нормы, а другой их принимает, отвергает, корректирует, рождается «ячейка общества». В результате нравственные ориентиры родителей «ассимилируются», возникают новые ценности, которые в свою очередь будут привиты детям и модифицированы ими. С. Минухин и Ч.Фишман (1998) также считают, что в основе всех семейных традиций лежат определенные смысловые универсалии, которые были усвоены супругами в их семьях: «У каждого из новых партнеров есть тот или иной набор моральных норм и ожиданий, как осознанных, так и бессознательных, начиная с ценностей, связанных с самоопределением, и кончая тем, следует ли по утрам завтракать. Чтобы сделать возможной совместную жизнь, эти два набора нравственных ориентиров со временем должны быть приведены в соответствие. Каждый из супругов должен отказаться от части своих идей и склонностей, теряя индивидуальность, но приобретая чувство принадлежности к семье. В ходе этого процесса формируется новая система» (Минухин, Фишман, 1998, с. 22).

Иными словами, семья – это некий организм, управляемый правилами (Эйдемиллер, Юстикис, 1999), который позволяет индивидууму усваивать, воспроизводить культурно-исторический опыт, адекватно оценивать личное участие в развитии общества, вносить вклад в непрерывный культурообразующий процесс.

Следующим не менее важным условием интериоризации моральных норм является школа – связующее звено между ребенком и огромным внешним миром. Подтверждая, корректируя нравственные предпочтения, привитые родителями, учителя ориентируют индивидуума в обществе, помогают адаптироваться к быстроизменяющейся реальности. Они демонстрируют возможности выбора стилей поведения в сложных ситуациях в зависимости от следования той или иной смысловой универсалии,

подводят учащихся к осознанию необходимости принять систему моральных норм, разглядеть и отторгнуть псевдоценности. Если нравственные нормы, провозглашаемые преподавателями не идут вразрез с родительскими, ребенок усваивает их быстрее и лучше. Однако, в случае несовпадения, возникает противоречие, которое, в свою очередь порождает неуверенность, тревожность и внутренний конфликт. Человек теряется в ценностях, не понимая каким категориям морали стоит следовать: «Если за время учебы ребенок ни разу не слышал ни слова о честности, скромности, милосердии, почтительном отношении к старшим, он вырастет в убеждении, что эти понятия, как и многие другие идеалы его родителей, не более чем никому не нужный хлам. Если школа, открывающая детям окно во взрослый мир, умалчивает о существовании таких основополагающих понятий, то ребенок быстрее забудет уроки нравственности, полученные дома, и окажется во власти подростковой субкультуры с ее склонностью к постоянным развлечениям на вечеринках и жестокостям, царящим в подростковых группировках, легче попадет под разлагающее влияние бездуховности, проповедуемой с кино- и телеэкранов» (Allport, 1961, p. 215).

В возрасте двенадцати-шестнадцати лет индивидуум ориентируется на несколько общественно-групповых картин мира одновременно. Он знакомится с социальным миром через столкновение с ценностными предпочтениями, которые порой противоречат семейным нормам. И если раньше субъект мог отнестись к ним несерьезно, мог «не заметить», старательно следуя нравственным ориентирам родителей, то теперь он *вынужден* считаться с ними, строить свою будущую жизнь, опираясь на них. С одной стороны, такая ситуация позволяет человеку увеличить возможности свободного самоопределения, а, с другой стороны, повышает опасность дезорганизации индивидуальной системы ценностей.

Помочь самоопределиваться, отдать свое предпочтение тому или иному жизненному пути могут родители и учителя. Не случайно А.Адлер называет школу «продолжением семьи» (Адлер, 1997, с. 151): преподаватели осуществляют очень важную задачу, прививая детям уважение к общечеловеческим ценностям; они облегчают процесс вхождения в новое информационное пространство, приоткрывают правила функционирования социума. Однако, смысловые универсалии, демонстрируемые родителями и школой, не всегда признаются и выбираются молодым человеком в качестве индивидуальных нравственных опор: «Не все социальные нормы, осознаваемые и признаваемые субъектом, реально ассимилируются и становятся личностными» (Д.А.Леонтьев, 2003, с. 230). Как справедливо отмечает Д.А.Леонтьев (1996), для подобной трансформации положительного отношения к смысловой универсалии недостаточно; человек должен включиться в коллективную деятельность, направленную на реализацию соответствующей нравственной ориентации. Э.А.Арутюнян (1979) пред-

полагает, что промежуточным звеном, опосредующим процесс «превращения» социальных ценностей в личностные, выступает система норм и предпочтений референтной малой группы.

В подростковый период большое влияние на формирующуюся систему ценностей индивидуума оказывает значимая микросреда. Родители как центр ориентации и идентификации отступают для юношей и девушек на второй план: молодые люди «отходят» от нравственных приоритетов семьи, школы и «ищут пристанища» в традициях, представлениях, стереотипах поведения, преломляющихся через призму референтной группы (Бордовская, Реан, 2000), (Кривцова, 1997).

Ценности подростковой компании способствуют сохранению и развитию определенного стиля жизни и, согласно мнению Б.Т.Лихачева, предохраняют общественные нормы от воздействия «стихийного социума» (Лихачев, 1997), (Лихачев, 1999), который намного превосходит позитивное влияние воспитателей, педагогов, родителей. Выступая своеобразным «решетом» смысловых универсалий культуры, нравственные правила подросткового сообщества «просеивают» моральные ориентиры, отбирая из них те, которые соответствуют целям и задачам группы. Под влиянием значимой микросреды юноши и девушки заменяют «детские правила» новыми убеждениями, приобретают способность действовать в соответствии с новой системой социальных ценностей и возможность отвергать старую; они активно осваивают нормы и стили поведения, критерии оценки себя и других людей.

Вырабатывая собственное представление о морали, человек в возрасте 12-16 лет, переосмысляет нравственные ориентиры, усвоенные в семье, школе. Он перераспределяет иерархию ценностей в структуре личности и формирует индивидуальный набор смысловых универсалий, который воспринимается подростком как «подлинный», как точка отсчета для хорошего и плохого. В течение некоторого времени система нравственных ориентиров не является стабильной и создает напряженное состояние, которое легко актуализируется и приводит к внешненаблюдаемому поведению (Allport, 1937): молодые люди становятся непоследовательными в поступках, они нарушают закон, совершают противоправные действия. Наблюдая за реакцией общества, юноши и девушки отвергают моральные предпочтения родителей, стараются укрепить социальный статус. Желая подчеркнуть самостоятельность и независимость, они отказываются от своих смысловых универсалий и подчиняются воле других людей. Подобные действия позволяют подросткам расставить приоритеты можно/нельзя, плохо/хорошо; помогают заявить о себе, попробовать себя в качестве авторов собственной жизни.

Интересной иллюстрацией изменений, происходящих в структуре ценностей личности под влиянием референтной группы, является история

Денниса Уотлингтона – чернокожего подростка из Восточного Гарлема. Юноша – первый афро-американец, сумевший поступить в подготовительную школу в городе Хочкисс (штат Коннектикут) и оставить позади «тесный мирок нью-йоркских улиц» (Шихи, 2005, с. 57). Очувтившись в новой ситуации, он старается «понравиться» сверстникам, но «большинство людей боится и сторонится (Денниса), так как половина никогда не видела таких, как он...» (там же, с. 62). Молодой Уотлингтон описывает это так: «Они думают: Гарлем – это притоны, наркотики, пулеметы и танки. Их очень легко заинтересовать. Я (здесь) – просто событие. Большие ребята из школы приходят ко мне, как на прием. Я улыбаюсь, и они говорят: “Смотри-ка, он счастлив”» (там же, с. 62).

Несмотря на видимое благополучие, подросток существует между двух равных компаний черных и белых, между двух соревнующихся систем ценностей, различных мировоззрений, которые даже отдаленно не соприкасаются. Г.Шихи, описывая жизненный путь чернокожего юноши, полагает, что Деннис затерялся между двух культур: он не такой, как его сверстники из гетто, он не похож на ребят из Хочкисс. Эта «двойственность» положения отчетливо проявляется в тот день, когда «Боевые кони» (бейсбольная команда из Гарлема, за которую год назад выступал Деннис), играли со сборной школы Хочкисс. Перед молодым человеком стояла сложная задача: доказать всем, и в первую очередь себе, что ценности, пропагандируемые родителями, соседями, тренером Чаком Гриффинном, помогают ему адаптироваться к новой ситуации. Но, вместе с тем, выступая против «Боевых коней», Деннис сражается против нравственных ориентиров гетто, против *своих* смысловых универсалий. Разнонаправленные ценности подростка сталкиваются в непримиримом противоречии: если раньше он, желая достичь успеха в Хочкисс, придерживался напускного, не истинного поведения, оставаясь верным принципам улицы, то теперь он чувствовал, что «принадлежит чему-то другому, тому, что желал ненавидеть и ненавидел желать» (там же, с. 63).

Поражение бейсбольной команды Гарлема служит стартовым флажком, который запускает внутриличностный конфликт. Это событие вскрывает всю несостоятельность структуры смысловых универсалий Уотлингтона: в один миг жизненные ориентиры молодого человека утрачивают значение, его положение становится зыбким и неустойчивым. «Отверженный, чужой, обвиненный в предательстве» (там же, с. 63) Деннис теряет поддержку референтной группы и переживает девальвацию ценностей: «(Его) трясло, на губах блуждала улыбка. Приклеившись к заднему стеклу автобуса, старые друзья махали ему, и он видел, как удаляются их лица, пока они совсем не исчезли за деревьями... “Я добьюсь успеха! – крикнул он громко. – У меня будет много денег, красивый дом. Возможно, у меня будет много женщин, но это ничего не будет значить. Потому что я ничего

не сделаю для моего народа. Где я буду жить? Белые не хотят меня принимать. Даже если я вернусь в Гарлем с кучей баксов, они все равно не примут меня. Значит, чем больше я сделаю денег, тем сильнее будет одиночество»» (*там же*, с. 63).

Несмотря на существующий конфликт ценностей, подросток не стремится разрешить его, не пытается понять, что противоречивые категории морали, не пересматриваясь, вытесняются из его сознания. Получая образование в Хочкисс, Уотлингтон «забывает о своей принадлежности к гетто» (*там же*, с. 67) и тут же заявляет, что не собирается меняться: «Вы не увидите меня в шелковом костюме и в “кадиллаке”. У меня будет простая машина и простая жизнь. Я вернусь в Гарлем и буду просто работать с простыми людьми, такими же, как и я сам» (*там же*, с. 63). Подобное нежелание видеть и разрешать нравственный конфликт приводит к самообману. Последний, будучи психологическим средством «эго-защиты», заслоном против адекватной рефлексии, становится наркотическим зельем, выполняющим защитно-оправдательную функцию, которая состоит в сокрытии низменных целей, стремлений, в лицемерии субъекта перед самим собой. Забывая, что солгал, струсил, индивидуум как бы консервирует в своем сознании неразрешенное ценностное противоречие. Такое вытеснение может носить частичный (подавляется эмоциональная сторона противоречия), относительный или абсолютный характер (существование разногласий забывается совсем). Однако, механизмы подавления, отрицания являются малоэффективными средствами психологической защиты, поскольку нерешенный конфликт так или иначе прорывается в сознание, провоцируя различные формы переживания внутреннего дискомфорта, тревоги, вины, беспомощности и т.п.

В случае с Деннисом ценностное противоречие обостряется в рождественские каникулы. Все ученики спешат в аэропорт или ждут, когда за ними приедут родные, а молодого Уотлингтона захлестывают отчаяние и безысходность. Он закрывается в комнате, включает записи The Beatles и рыдает: «Это место вызывает у меня депрессию. Самое ужасное, что не хочется возвращаться домой. Все будут сочувствовать: “Как жаль”, “Не повезло” – или расспрашивать, что случилось. Я не хочу этого. Единственное, что я могу сделать, – это еще больше работать или уйти. Я должен принять решение...» (*там же*, с. 63-64).

Анализируя жизнь Денниса, нам вспоминается высказывание В.Г. Лукьянова (2003) о том, что в подростковом возрасте человек выбирает путь дальнейшего развития. Отдавая предпочтение ориентирам определенной группы, личность становится либо пассивным объектом противоречивого воздействия социальной среды с двойственной картиной мира, либо подлинным субъектом творчества, самостоятельно формирующим собственное представление о реальности, которое окажется целостным и

непротиворечивым. Чернокожий юноша склоняется к первому варианту. Он одновременно стремится следовать нормам морали, полученным в школе Хочкисс, и тут же понимает, что возвращение в Гарлем заставит его, *вынудит* жить по правилам улиц: «Среди подростков, которые убивали друг друга из ружей, винтовок, дробовиков и небольших крупнокалиберных пистолетов... я не мог избавиться от чувства, что тот другой мир, откуда я недавно пришел, был более надежным... После окончания колледжа мне сделали фотографию в большой рамке. Глядя на нее, я чувствовал связь с тем миром, но я понимал, что должен вернуться в знакомое гетто... я хотел... снова слиться с ними» (Шихи, 2005, с. 67).

Восточный Гарлем встретил Денниса сурово: «Улицы опустели... Друзья умерли. Практически все неестественной смертью... погибли от употребления наркотиков. От их банды осталось только двое: он и его друг Ноэль» (там же, с. 64). Здесь, в гетто, юноша «почувствовал себя обманутым. Как наивны оказались люди, которые вкладывали свои деньги в будущее черных подростков и говорили молодому человеку: “Ты избран идти дальше и получить прекрасное образование, чтобы вернуться и спасти своих!”» (там же, с. 66). Уотлингтон понял, что «его акции упали до нуля... и что (он снова) попал в этот (ужасный мир)...» (там же, с. 66-67).

Подросток оказался в сложной ситуации, разрушающей его привычные устои и создающей жизненную проблему, от которой он не может уйти, которую не может разрешить привычными способами. Деннис смущен и запутан. Чувствуя себя «полным идиотом» (там же, с. 67), он воспринимает свое положение как критическое, как полное и непоправимое крушение: «Мой путь долог и неопределен... Мне девятнадцать, и я никто» (там же, с. 67). Ощущения собственной никчемности и пустоты – самые сильные чувства, охватившие юношу в этот период существования.

Изучая поведение индивидуума, находящегося в кризисе, Г.Олпорт (1998) приходит к выводу, что психотравмирующий опыт приостанавливает развитие субъекта на год и больше, а может оставить психологические рубцы на всю жизнь. Американский исследователь убежден, что ситуация эмоционального и умственного стресса требует значительного изменения представлений человека о мире и о себе за короткий промежуток времени. Подобный пересмотр влечет за собой трансформации в структуре личности, которые могут носить как позитивный, так и негативный характер. Деннис Уотлингтон понимает, что для конструктивного разрешения сложной жизненной ситуации ему необходимо преодолеть противоречащие друг другу отождествления с родителями и Чаком, заменившим ему отца, с Ноэлем и подростками из Хочкисс и Гарлема; переосмыслить взгляды, которые ему внушили как черные, так и белые. Однако, опираясь на нравственные ориентиры значимой группы, молодой человек действует в рамках той роли, которая определена его друзьями из гетто: он отдает

предпочтение миру наркотиков, где «нет различия по цвету кожи» (*Шихи*, 2005, с. 61). Поступая таким образом, подросток лишается возможности выбора альтернативного варианта развития.

Завершая анализ данной иллюстрации, подчеркнем два момента, важных для понимания: 1) в возрасте двенадцати-шестнадцати лет молодые люди впервые выступают авторами собственной жизни; 2) референтная группа служит своеобразным тренировочным «полигоном», где можно «примерить» ценности.

Проблема нравственных приоритетов и моральных выборов особенно актуальна в подростковый период. Именно в этом возрасте формируется индивидуальная структура смысловых универсалий. Юноши и девушки преобразуют общественно-приемлемые нормы родителей, школы и порождают *свои* ценностные ориентации. Значимая микросреда помогает молодым людям «прожить» смысловые универсалии в замкнутом, изолированном пространстве, но вместе с тем может явиться причиной формирования деструктивной стратегии поведения (как в случае с Деннисом).

Попробуем теперь рассмотреть сложность ситуации, с которой столкнулись подростки 90-х годов XX века. Социум, к которому готовили юношей и девушек – стал иным, отличным от реальности предыдущего поколения. Подобное осознание «непохожести» (*Кон*, 1984) и радует, и пугает молодежь. Пребывая между двух огней, она «разрывается» между требованиями родителей и изменяющимися условиями жизни. Подростки обнаруживают, что общепринятые нравы и способы мышления больше не обеспечивают безопасности: они ощущают себя в отрыве от окружающей действительности и, чувствуя, что их никто не понимает, сталкиваются с одиночеством (*Ялом*, 1999).

Р.Мэй (1997), (2004) указывает на связь, существующую между культурой, находящейся в переходном периоде, и духовными эмоциональными потрясениями, которые переживают отдельные представители общества: всю вторую половину XX века молодые люди особо остро ощущают «шизоидный» (неспособный чувствовать, отчужденный) мир (*Мэй*, 1997), так как у них не хватило времени «возвести линию обороны, притупившую чувства старшего поколения» (*Мэй*, 1997, с. 28).

Дж.Франкл (1998), исследуя проблему изменений в природе Супер-Эго, называет современное общество «обществом без отца». Он обращает внимание на то, что роль культуры, создающей модель и помогающей формировать личность подростка, резко изменилась, сместившись «от авторитарной и репрессивной к пустой и бессмысленной в своей вседозволенности» (*Дж.Франкл*, 1998, с. 31). Из-за собственной неуверенности родители не в состоянии передать детям нормы и принципы, необходимые для формирования собственного Эго. Следовательно, в поиске целей и принципов, которые придадут смысл и направленность жизни нового по-

коления, молодые люди выбирают «пассивный путь» – догматизм или конформизм, и отказываются от сознания себя. Единицы находят силы для более глубокого познания «Я» и начинают рассматривать собственное существование по-новому. Они овладевают более совершенными способами преобразования окружающей действительности, выступая субъектами интрапсихического мира (В.А.Петровский, 1996), (Анцыферова, 1978), (Анцыферова, 1989). Эти подростки строят свое, отличное и одновременно основанное на системе мировоззрения предыдущего поколения, бытие ценностных ориентаций.

Как было отмечено в разделе 1.3, человеческое «Я» формируется из двух источников: субъективной внутренней действительности и объективного внешнего мира. Иначе говоря, личность «стоит на двух ногах» (Лоуэн, 1999), каждая из которых располагается на одном из аспектов окружающей реальности: индивидуум полагает себя в обществе как необходимое условие его существования и, преобразуя деятельность, развертывающуюся по «социальному сценарию» (Асмолов А.Г., 2002), все резче заявляет о себе как об индивидуальности, становится активным творцом коллективного процесса. Следовательно, личность – это *усложненный* индивид, а не просто преобразованный обществом; она приобретает новые системные качества, включаясь в культуросозидающую деятельность (об этом подробнее в разделе 1.5).

На ранних этапах жизни человек не имеет своей нравственной позиции, он использует смысловые универсалии социума. Только *после* присвоения общественных норм субъект обретает собственную структуру ценностей. Подтверждение нашим предположениям о том, что моральные приоритеты личности являются генетически производными от смысловых универсалий значимого микросоциума, мы находим в рассуждениях Д.А.Леонтьева: «Селекция и ассимиляция индивидом нравственных принципов общества опосредуются его социальной идентичностью и нормами референтных... групп, которые могут быть как катализатором, так и барьером к усвоению... общечеловеческих ценностей. Индивидуальные нравственные предпочтения выступают как внутренние носители коллективной регуляции, укорененные в структуре личности» (Д.А.Леонтьев, 2003, с. 231). Близкая точка зрения принадлежит Ю.М.Жукову (1976), который постулирует, что субъективные ценности, так же как и смысловые универсалии группы, – это не просто вариант, а скорее конкретизация нравственных принципов общества. К.Клакхон также выделяет класс личностных ориентиров, которые являются индивидуальным преломлением групповых либо общечеловеческих норм. Эти категории морали различаются у разных людей интерпретацией их содержания и расстановкой акцентов: «Нет двух индивидов в одном и том же обществе, которые имели бы одинаковые ценности. Каждый где-то что-то прибавит, где-то что-то

убавит, на одном сделает более сильный акцент, чем большинство ближних, а на другом – более слабый» (*Kluckhohn*, 1951, p. 416). Иными словами, нравственные ориентиры личности «вырастают» из моральных предпочтений социума. Последние обязаны своим происхождением смысловым универсалиям, которые были предложены *конкретным* субъектом.

Итак, в процессе развития, деятельности, общения человек создает ценности, отличные от общекультурных. Он не просто преломляет общественные категории морали через призму собственного мировосприятия, но и *сам творит* смысловые универсалии. Придавая значение поступку, феномену, индивидуум оценивает его для-себя как для-другого. Изучая предмет, человек смотрит на него и на себя-смотрящего выстраивает свое отношение к вещи. Нормы морали, порожденные им, организуют индивидуальную структуру ценностей, становятся своеобразными образцами-ориентирами, постепенно опредмечиваясь в материальной, художественной, духовной культуре, отражаясь в поступках, деятельности. Новые нравственные приоритеты растворяются в смысловых универсалиях общества и усваиваются следующим поколением как социальные. Таким образом, мы приходим к пониманию того, что ценности – есть *изначально субъективная* категория.

По всей видимости, способность творить нравственные ориентиры обнаруживается в зрелом возрасте, когда индивидуум обретает возможность намеренно осуществлять изменения внешней реальности и внутреннего мира. На данном этапе происходит «иерархизация мотивов, возникает рефлексия, складывается обобщенное отношение к жизни, расширяется ценностно-смысловое пространство личности, выстраивается единая линия существования и выявляются противоречия между нею и жизненными обстоятельствами, создается направленность на цели, связанные с отдаленным будущим» (*Вайзер*, 1997, с. 94). Переживая себя как суверенный источник активности (*Асмолов*, 2002), человек в процессе психического созревания «получает возможность стать из субъекта самого себя субъектом культуры: результаты (деятельности личности) обретают некое культурное эхо... оказываются значимы с точки зрения... (общества)» (*Лобок*, 1997, с. 648). Согласно позиции А.М.Лобка, зрелая личность обретает способность творить-в-культуре, она производит продукт, имеющий значение не только для нее, но и для социума в целом: осуществляя вклад в развитие общества, человек обогащает мир второй природы, порождает новые ценности.

Было бы ошибкой представлять себе, что индивидуум создает смысловые универсалии для своего удовольствия, без усилий и напряжения. Напортив, новые нравственные ориентиры возникают только в тех случаях, когда прежние ценности девальвировались, либо были отринуты субъектом. Рождение моральных предпочтений тесно связано с внутренним

противоречием: индивидуум оказывается в ситуации пересмотра имеющихся универсалий, ситуации, в которой нравственные нормы, иерархически упорядоченные определенным образом, сталкиваются в одновременной неспособности позволить личности адекватно оценить окружающую действительность. Вступая в ценностный конфликт, человек пересматривает структуру нравственных ориентиров, разрушает ее и переоценивает, воссоздает заново, дополняя вновь порожденными категориями морали. Причина, по которой новые смысловые универсалии могут возникнуть лишь минуя внутриличностный конфликт, лежит, с одной стороны – в нестабильном, быстроизменяющемся социуме, а с другой – в амбивалентности, противоречивости самих ценностей.

Мы знаем, что единый, «общий» для всех людей мир не переживается двумя индивидуумами одинаково. Если два человека смотрят на некий ландшафт и одному он нравится, а другому нет, то между ними возникает непонимание: первый субъект оценивает окружающий пейзаж как прекрасный сам по себе, наполненный собственным существованием, он чувствует «грусть своей инаковости по отношению к внешнему миру» (Лэнг, 2002, с. 36-37); другому те же деревья, небо и трава видятся как творение, как «прозрачное покрывало, сквозь которое открывается их Создатель» (Лэнг, 2002, с. 36-37). Придавая личностное значение смысловым универсалиям, субъекты относятся к действительности по-разному: реальность «полна людей, следующих сквозь все те же побуждения и те же обстоятельства, но несущих в своей глубине и распространяющих вокруг себя миры, столь же взаимно удаленные, сколь созвездия в небе» (Mounier, 1952, p. 5).

Человек создает уникальный образ бытия, принимая за точку отсчета авторскую структуру ценностей. Она выносит суждения о происходящем с позиции собственных нравственных ориентиров. Так, в романе У.-Фолкнера «Шум и ярость» (2004) три брата-рассказчика излагают историю своей семьи. Каждый из них возвращается на восемнадцать лет назад, погружается в бездонные глубины прошлого. Оживляя в памяти события лета 1910 года, Бенджамин, Квентин и Джейсон воссоздают индивидуальное понимание произошедшего. Они трактуют разговоры, поступки окружающих, опираясь на субъективную систему смысловых универсалий.

В первой части произведения представлена картина мира тридцатитрехлетнего слабоумного Бенджи. Регистрируя все происходящее, старший Компсон изображает предметы так, как они есть, без анализа, без интерпретации. Способность вглядываться в суть вещей у героя отсутствует: он просто фиксирует мир вокруг: забор... появилась рука, дали цветок... яркие пятна... Его бытие запутанное и темное. Оно соткано из фактов и объектов окружающей реальности – внезапные ассоциации, запахи, ощущения, полные тревоги, неосознаваемая тоска. В своих «рассуждениях»

слабоумный Бен постоянно соскальзывает в прошлое и вновь видит Кэдди, ощущает ее дыхание, чувствует движение руки. Он очень любит сестру, внимательную и нежную, заботливую и участливую. Старший из братьев, Бенждамин, не понимает почему она исчезла, он тоскует по Кэндейси, плачет, живо реагирует, когда игроки в гольф кричат: «Поддай клюшки, кэдди!⁹». В виде калейдоскопа неподвижных картин отпечатывается мир в сознании идиота. В любой момент они могут быть восстановлены во всей их нетронутости: гвоздь, за который зацепился Бенджи, перелезая через забор, туфля сестры, поездка на телеге в солнечный день. Словно прокручивая вспять старую киноленту, старший брат живет прошлым; он воскрешает знакомые черты дорого человека, отворачиваясь от настоящего.

Второй отрывок – внутренний монолог среднего Компсона, повествующий о последнем дне Квентина перед самоубийством. Молодой человек вспоминает разговоры с отцом, рассуждает о Бенджи; его мысли урывками вбирают в себя эпизоды встреч с Кэндейси, ее движения и фразы, рвущиеся посередине. Герой болезненно переживает нравственное падение сестры: мир юноши полон противоречий, чувства обнажены, эмоции хаотичны. Для среднего брата Кэдди – воплощение эротических желаний, запретное и притягательное существо; она – самый близкий друг и, вместе с тем, – дыхание смерти, пустота, поглощающая бытие молодого человека. Амбивалентные чувства разрывают внутреннюю реальность героя, Квентин не понимает, не принимает действий Кэдди, но и не хочет жить без нее. Будучи не в силах переоценить свои моральные нормы, юноша жаждет наказать *себя* за проступок сестры. Среднего Компсона преследуют навязчивые идеи, будто бы *он* совершил кровосмешение и осквернил Кэндейси. Теряя грань между внутренним и внешним, между Я и окружающей действительностью, Квентин разрушает свое интрапсихическое бытие.

Третий раз историю семьи Компсонов пересказывает младший брат. Его картина мира упрощена и незамысловата; эмоциональная безудержность предыдущего эпизода уступает место расчетливости, практицизму и деловитости. Жизнь Джейсона – это биржевые сводки, банковские книжки, работа в конторе, подсчеты растрат. После смерти отца и самоубийства Квентина герой становится главой семьи. Доходов от разваливающегося поместья, да магазина в городе едва хватает на то, чтобы сводить концы с концами. Пытаясь сэкономить каждый цент, мужчина мечтает избавиться от Бена, тяготясь присутствием Квентины – дочери Кэдди. В своем незавидном положении Джейсон винит сестру: ее муж – Герберт Хэд обещал младшему Компсону место в банке, но сбежал, узнав, что ребенок Кэндейси от другого. Герой кропотливо и упорно компенси-

⁹ caddy – с англ. мальчик, подносящий клюшки, мячи при игре в гольф.

рует эту утрату: присваивает деньги, которые Кэдди присылает дочери, играет на бирже, обманывает мать. Его образ мира является источником субъективной определенности, позволяющий однозначно воспринимать объективно неоднозначные ситуации – в Квентине Джейсон видит Кэдди и вымещает свою злобу на племяннице. Мужчина шпионит за ней так же, как в свое время выслеживал сестру. Мстительный и мелочный, он буквально выживает Квентину из дома, неосознанно моделируя ситуацию ухода Кэндейси (об этом см. в разделе 2.3).

Благодаря произведению У.Фолкнера мы еще раз убеждаемся в том, что человек опознает и интерпретирует многозначные и многомерные воздействия окружающего мира в соответствии с собственной системой ценностей. В тех случаях, когда смысловые универсалии не позволяют создавать адекватную картину бытия, индивидуум либо пересматривает нравственные ориентиры, либо продолжает намеренно искать ситуации, которые бы подтвердили истинность его норм. На наш взгляд, Бенджамин, Квентин и Джейсон воспринимают мир через призму отживших ценностей. Они теряют привычную, повседневную жизнь, отказываются от нее, заменяют на прошлую. Опираясь на субъективную структуру смысловых универсалий, герои обитают в искаженных, несходных друг с другом реальностях.

Возвращаясь к вопросу о формировании ценностей, отметим, что субъект порождения моральных норм должен обладать следующими характеристиками: здоровьем, активностью, интенциональностью, культурной и исторической образованностью, креативностью, ответственностью и свободой. Благодаря данным качествам зрелая личность выполняет важную функцию: она передает собственные ориентиры подрастающему поколению, которое, в свою очередь, не желая слепо следовать установкам взрослых, не соглашается, спорит, борется и создает индивидуальную систему смысловых универсалий. Т.Прокофьева (<http://www.socionics.ru/ericson.htm>) полагает, что субъект становится автором своей жизни, накопив достаточное количество знаний и умений. Он словно переходит в новое качество, выступая оппонентом, критиком нравственных ориентиров, «предложенных» другими людьми. Индивидуум ищет основу для истинно человеческих ценностей, открывает и создает новые, ранее неизвестные. Являясь по-сред-ником между общественной моралью и ценностями конкретного человека, он ассимилирует культурные нормы, «пропускает» их через себя, обогащает социум новыми смысловыми универсалиями. Если по каким-то причинам общественные идеалы не присваиваются индивидуумом, не вызывают в нем эмоционального отклика, «остаются молчащими» (Соколова, 1999, с. 95), то они сохраняются в культуре до тех пор пока не появится личность, которая сумеет пере-открыть их для себя (подробнее об этом см. раздел 1.5).

Подводя итог анализу основных условий и механизмов формирования ценностей в онтогенезе, мы приходим к выводу, что создателем новых смысловых универсалий является человек. Общество лишь задает некоторые принципы восприятия и интерпретации мира, воспитывает направленность на определенные моральные категории, дает систему правил и образцов. Развивающаяся личность как активный субъект порождения индивидуально-личностных эквивалентов этих норм улавливает возможности преобразования различных параметров ценностей. Сталкиваясь с миром, изначально, объективно не несущим никакого смысла, человек оказывается *вынужденным* направлять/обращать (*tend, attend* – J. Bugental) свое сознание на окружающую реальность и определенным образом относиться к ней; преодолевать нравственные противоречия и создавать новые смыслы.

Литература

1. Адлер А. Воспитание детей. Взаимодействие полов. Ростов н/ Д: изд-во «Феникс», 1998. – 448 с.
2. Адлер А. Наука жить. – К.: Port-Royal, 1997. – 288 с.
3. Андреева Г.М. Социальная психология. Учебник для высших учебных заведений. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 376 с.
4. Анцыферова Л.И. Некоторые теоретические проблемы психологии личности // Вопросы психологии, 1978, №1. С. 37-50.
5. Анцыферова Л.И. Психология формирования и развития личности // Человек в системе наук. М., 1989. С. 426-433.
6. Арутюнян Э.А. Микросреда и трансформация общественных ценностей в ценностную ориентацию личности // Образ жизни и ценностные ориентации личности. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1979. С. 49-61.
7. Асмолов А.Г. Психология личности: Принципы общепсихологического анализа. – М.: «Смысл», ИЦ «Академия», 2002. – 416 с.
8. Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1884-1985 / Под ред. И.Т. Фролова. М.: Наука, 1986. С. 80-160.
9. Бордовская Н.В., Реан А.А. Педагогика. Учебник для вузов – СПб: Изд-во «Питер», 2000. – 304 с.
10. Братусь Б.С. К проблеме человека в психологии // Вопросы психологии, 1997, №5, С. 3-19.
11. Буюкас Т.М., Зевина О.Г. Опыт утверждения общечеловеческих ценностей – культурных символов – в индивидуальном сознании // Вопросы психологии, 1997, №5, С. 44-56.
12. Вайзер Г.А. Смысл и возраст // психолого-педагогические и философские аспекты проблемы смысла жизни / Под ред. В.Э.Чудновского, А.А.Бодалева, Н.Л.Карповой. М.: Психол. ин-т РАО, 1997. С. 91-110.

13. *Витакер К.* Полночные размышления семейного терапевта. М.: Независимая фирма «Класс», 1998. – 208 с.
14. *Выготский Л.С.* Психология. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. – 1008 с. (серия «Мир Психологии»).
15. Выступление В.Г.Лукиянова // Образование в условиях формирования нового типа культуры: Материалы круглого стола. 24 января, 17 февраля 2003 года. – СПб.: СПбГУП, 2003. – 132 с. (Дискуссионный клуб Университета; Вып. 5). С. 112-116.
16. *Гиппенрейтер Ю.Б.* Введение в общую психологию. Курс лекций. – М.: ЧеРо, 1996. – 366 с.
17. *Донцов А.И.* К вопросу о механизмах формирования личности // Психологические исследования. Выпуск 5. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. С. 31-41.
18. *Жуков Ю.М.* Ценности как детерминанты принятия решения. Социально-психологический подход к проблеме // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1976. С. 254-277.
19. *Кемпински А.* Экзистенциальная психиатрия. – М.: Изд-во «Совершенство», 1998. – 320 с.
20. *Кон И.С.* В поисках себя: Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984. – 335 с.
21. *Корчак Я.* Как любить детей. Минск: Народна Асвета, 1980. – 80 с.
22. *Кривцова С. В. и др.* Подросток на перекрестке эпох. – М.: Генезис. 1997. – 288 с .
23. *Лихачев Б.Т.* Введение в теорию и историю воспитательных ценностей. Самара: Изд-во СИУ. 1997. – 85 с.
24. *Лихачев Б.Т.* Социология воспитания и образования. Курс лекций по социальной педагогике. – Рязань: Изд-во РГПУ, 1999. – 288 с.
25. *Леонтьев Д.А.* От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности // Вестник Московского университета. Психология. №4, 1996. С. 35-45.
26. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл, 2003. – 487 с.
27. *Лобок А.М.* Антропология мифа. Екатеринбург: Отд. образования Октябрьского района, – 1997. – 688 с.
28. *Лоуэн А.* Предательство тела. Екатеринбург: изд-во «Деловая Книга», 1999. – 329 с.
29. *Лукиянов В.Г.* Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. К 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана. Материалы международной научной конференции. 18 мая 2001 г. Санкт-Петербург. Серия «Symposium». Выпуск №12. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С.221-224.

30. *Лэйнг Р.Д.* «Я» и Другие. – М.: Независимая фирма «Класс», 2002. – 192 с. – (Библиотека психологии и психотерапии).
31. *Минухин С., Фишман Ч.* Техники семейной терапии. – М.: Независимая фирма «Класс», 1998. – 304 с. (Библиотека психологии и психотерапии).
32. *Мухина В.С.* Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество: Учебник для студ. вузов. – М.: Издательский центр «Академия». 1998. – 456 с.
33. *Мэй Р.* Любовь и воля. – М.: «Рефл-бук», К.: «Ваклер», 1997. – 384 с.
34. *Мэй Р.* Открытие бытия. Очерки экзистенциальной психологии. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2004. – 224 с.
35. *Олпорт Г.* Личность в психологии: Пер. с англ. – М.: КСП+; СПб.: Ювента, 1998. – 345 с.
36. *Петровский А.В., Петровский В.А.* Индивид и его потребность быть личностью // *Вопр. философии.* – 1982. – № 3. – С. 44-54.
37. *Петровский В.А.* Личность в психологии: парадигма субъективности. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – 512 с.
38. *Прокофьева Т.* Развитие личности по теории Э. Эриксона и по модели А. <http://www.socionics.ru/ericson.htm>
39. *Райс Ф.* Психология подросткового и юношеского возраста. – СПб.: Издательство «Питер», 2000. – 624 с.
40. *Роджерс К.* Что значит становиться человеком? // *Теории личности в западно-европейской и американской психологии.* Хрестоматия по психологии личности. Самара: Изд. Дом «БАХРАХ», 1996. – С. 390-407.
41. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. – СПб.: Питер Ком, 1998. – 688 с.
42. *Соколова Е.Е.* Идеи А.Н.Леонтьева и его школы о поступке как единице анализа личности в их значении для исторической психологии // *Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А.Н.Леонтьева / Под ред. А.Е.Войкуновского, А.Н.Ждан, О.К.Тихомирова.* М.: Смысл, 1999. С. 80-117.
43. *Степанов С. Ю.* Рефлексивно-гуманистическая психология творчества. М.; Петрозаводск: Институт рефлексивной психологии творчества, 1996. – 170 с.
44. *Фолкнер У.* Шум и ярость // *Фолкнер У.* Шум и ярость. Свет в августе. Осквернитель праха: Авторский сборник. М.: Эксмо, 2004. – 944 с. С. 23-302. (Серия: Библиотека всемирной литературы).
45. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. – 367 с.
46. *Франкл Дж.* Незнечданное Я. М.: Изд. группа «Прогресс»,

1998. – 246 с.

47. *Фрейд З.* Основной инстинкт. М.: Олимп; ООО «Изд-во АСТ-ЛТД», 1997. – 656 с.

48. *Фромм Э.* Бегство от свободы; Человек для себя. – Мн.: ООО «Попурри», 1998. – 672 с.

49. *Хорни К.* Невроз и личностный рост. Борьба за самореализацию. – СПб.: совместное издание Восточно-Европейского института психоанализа и Б.С. К., 1997. – 316 с.

50. *Шихи Г.* Возрастные кризисы: ступени личностного роста. – СПб.: ООО «Каскад», 2005. – 436 с.

51. *Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.* Психология и психотерапия семьи. – СПб.: Издательство «Питер», 1999. – 656 с. (Серия «Мастера психологии»).

52. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. – М. Издат. группа «Прогресс», 1996. – 344 с.

53. *Эриксон Э.* Эго-теория личности // Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. – СПб: Питер Пресс, 1997. – 608 с. С. 215-246.

54. *Ялом И.* Экзистенциальная психотерапия. – М.: Независимая фирма «Класс», 1999. – 576 с.

55. *Allport G.W.* The functional autonomy of motives // American Journal of Psychology, 1937, 50, P.141-156.

56. *Allport, G.W.* Pattern and growth in personality. New York: Holt, Rinehart & Winston, Inc., 1961. P.200-220.

57. *Killborn B.* Superego Dilemmas. Psychoanalytic Inquiry, Vol.24, №2, 2004, P.175-182.

58. *Kluckhohn C.* Values and Value Orientations in the Theory of Action // Toward a General Theory of Action / Ed. by T.Parsons, E.Shils. Cambridge: Harvard UP, 1951. P.388-433.

59. *Mounier E.* Personalism. London: Routledge & Kegan Paul, 1952, P.5.

НАПРАВЛЕНИЕ 8. ПСИХОЛОГИЯ СПОРТА

А.В.Соболева, Н.Н. Кремнева

Проблема формирования устойчивого интереса к занятиям спортом в группах начальной подготовки

Спортивная психология – одно из тех направлений психологии, которые изучают специфику конкретных видов деятельности человека.

Спортивная деятельность представляет собой сложную систему, в структуре которой можно выделить следующие компоненты: обучение, тренировка, восстановление, подготовка к соревнованию, соревнование, постсоревнование. Каждый из указанных структурных компонентов спортивной деятельности является значимой составляющей в процессе достижения высшего спортивного результата.

В спортивной деятельности выделяют одну из главных специфических особенностей, включенной во все звенья этой многоуровневой системы – высочайший уровень мотивации. Так как мотивация, являясь стержневой характеристикой личности спортсмена и воздействуя на характер протекания практически всех процессов спортивной деятельности, имеет прямое влияние на спортивный результат.

Многочисленные исследования как зарубежных, так и отечественных ученых по проблеме мотивации сопровождаются многообразием различных концепций и теорий относительно мотивационно-потребностной сферы личности. Но в настоящее время ни одна, из них не может претендовать на полноту объяснения причин поведения человека.

В контексте настоящей работы мы считаем возможным апеллировать к следующему определению: «Мотивация – это особое состояние личности спортсмена, формирующееся в результате соотнесения им своих потребностей и возможностей с предметом спортивной деятельности, служащее основой для постановки и осуществления целей, направленных на достижение максимально возможного на данный момент спортивного результата» [3].

Изучение мотивации дает возможность выявить причины возникновения и сохранения активности, обозначить конкретную направленность и установить механизм регуляции поведения спортсмена.

Основным моментом спортивной деятельности является уровень мобилизации резервов, который проявит спортсмен для достижения максимального спортивного результата. Здесь стержневым звеном являются

мотивы и потребности спортсменов, так как известно, что в основе осознанного целенаправленного поведения лежит мотивация.

Обсуждая вопросы спортивной мотивации в структуре организации учебно-тренировочного процесса мы сталкиваемся с проблемами мотивов и потребностей уже в группах начальной подготовки.

Для большинства спортивных школ актуальна проблема обеспечения сохранности контингента занимающихся в группах начальной подготовки 1-3 года обучения с дальнейшим переходом их в учебно-тренировочные группы.

Следовательно, поднимается проблема организации учебно-тренировочного процесса с учетом потребностно-мотивационной сферы личности спортсменов, таким образом, чтобы интерес к занятиям был выраженным и устойчивым.

В структуре интереса к спортивным занятиям выделяют универсальные, проявляющиеся при занятиях всеми видами спорта, и специфические, связанные с занятиями отдельными видами, составляющие. Хотя, такое разделение достаточно условно.

К универсальным составляющим можно отнести:

– Удовлетворение от двигательной активности как таковой, т.е. когда чувство удовольствия порождается в процессе выполнения самих движений. Наиболее полно это может быть реализовано в тех видах спорта, которые связаны с осуществлением сложного управления движениями тела (борьба, танцы и т.п.) Хотя при занятиях и другими видами спорта, возможно в той или иной степени получать удовлетворение от двигательной активности.

– Удовлетворение от соревновательной составляющей спорта, которая дает возможность почувствовать некоторое превосходство над другими занимающимися в группе, спортшколе, или просто сверстниками, и может быть продемонстрировано путем наилучшего выполнения каких либо упражнений, одержание победы в единоборствах или играх.

– Удовлетворение от процесса собственного психофизического совершенствования. В физическом плане это может быть развитие основных физических качеств и укрепления здоровья. В плане совершенствования психики - развитие силы воли, устойчивости внимания, быстроты реакции и др. Кроме того, занятия спортом благотворно сказываются на развитии практического интеллекта.

– Удовлетворение от продвижения по «иерархической лестнице» мастерства, в избранном виде спорта, связанное, например, с получением очередного разряда или очередного пояса в боевых единоборствах.

– Удовлетворение от познания чего-то нового. Это могут быть знания о принципах построения движения собственного тела, освоение новых

упражнений, получение интересной информации в результате общения с тренером и другими спортсменами.

– Удовлетворение от того, что достигнутые успехи приносят радость родным и близким. В первую очередь, это относится к детям дошкольного возраста и возраста начальной школы.

– Удовлетворение от общения с другими занимающимися в секции, или от занятий в компании друзей, которые возникают в результате расширения круга общения и укрепления ранее сложившихся дружеских отношений.

К специфическим составляющим можно отнести:

– Удовлетворение от желаемых внешних изменений своего тела, т.е. эффект создания какого-либо необычного или привлекательного образа человека.

– Удовлетворение, получаемое от эстетики выполняемых движений. Это чувство возникает у тех, кого привлекают занятия танцами, кто любит выполнять комплексы формальных упражнений (ката,) из боевых единоборств и т.п.

- Удовлетворение от уверенности в собственных силах, что позволяет уменьшить свой страх перед возможной агрессией со стороны окружающих. Оно возникает при занятиях боевыми единоборствами.

– Удовлетворение от самой игры. Это то чувство, которое дает все игровые виды спорта.

– Удовлетворение от получения острых ощущений. Для этого требуются условия, когда выполнение движения связано с определенным риском, а чувство удовольствия возникает в результате преодоления собственного страха (боевые единоборства и т.п.).

– Удовлетворение от пользования дорогим или сложным оснащением, требуемым для занятий (экипировка хоккеиста, горнолыжника и т.п.).

– Удовлетворение от включения в некий круг «избранных». Здесь имеются в виду занятия, требующие как правило больших материальных затрат, а потому доступные относительно узкому кругу людей (конный спорт, большой теннис, горные лыжи и т.п.).

– Удовлетворение от смены окружающей обстановки (выезд в горы, на море, за город и т.п.) или проходящих в среде, отличной от обычной (например, в бассейне).

Универсальные и специфические составляющие могут проявляться в различных соотношениях, с различной интенсивностью, и они формируют у каждого конкретного спортсмена фоновое удовольствие от занятий спортом. Достаточно часто именно этот фон является определяющим фактором, который стимулирует дальнейшее продолжение занятий.

Таким образом, разработка и апробация методов формирования выраженного и устойчивого интереса к занятиям спортом в процессе учебно-тренировочной деятельности в группах начальной подготовки должна базироваться на фоновом чувстве удовлетворения от занятий спортом.

Формирование мотивационно-потребностной сферы личности в структуре спортивной деятельности представляется актуальной, но, не смотря на постоянные попытки теоретического и практического решения, недостаточно разработанной, проблемой спортивной психологии

Литература

1. *Бобровский А.В., Бобровский В.А., Гераськин А.А.* Мотивация спортивной деятельности // Спортивный психолог, № 3. – 2004, с. 18–21
2. *Ильин Е.П.* Мотивация и мотивы. Санкт-Петербург, 2000.
3. *Немов Р.С.* Психодиагностика. М., 1998.
4. *Половинкин А.А.* Психологические аспекты проблемы организации спорта для всех в современном российском обществе.// Спортивный психолог, № 2 – 2004, с. 54-58.
5. *Сонов В.Ф.* Психологическая подготовка к максимальному спортивному результату. Самара, 1999.

А.В. Чавкина, А.В. Соболева

Проблема агрессии в психологии спорта

Агрессия в спорте изучается как один из факторов спортивной деятельности. Некоторыми авторами отмечается, что в ряде видов спорта агрессия является важной и, что главное, приемлемой составляющей спортивной деятельности. «Я уже писал о том, что нам, сотрудникам лаборатории спортивной психологии, в 80-х годах не удавалось публиковать материалы, свидетельствующие о положительной роли проявлений агрессии в достижении наивысших личных результатов в спорте», – пишет В.К. Сафонов [7; 60]. В работе Р. Бэрона и Д. Ричардсона авторы приходят к такому выводу: результаты исследований агрессии у спортсменов «настолько разнообразны, что невозможно сделать какое-то определенное заключение» [1; 280].

Агрессия и агрессивность у спортсменов. В психологии спорта проблема агрессии наиболее широко была поставлена в 70-80-е годы. В ряд работ вошли обзоры по взаимосвязи агрессии и спорта, содержащие достаточно обширную библиографию (Кретти, 1978; Мартенс, 1979; Кротте, 1982; Messner, 1992). Следует добавить, что в этих работах представлены, скорее, умозаключения авторов, построенные на подборе конкретных

фактов проявления агрессии спортсменами, нежели результаты целенаправленных исследований. Анализ же этих работ показывает, что оценки причин и проявлений агрессии очень противоречивы.

Анализируя вопрос о проявлении агрессивных тенденций у спортсменов, выделим основное. Так, представитель теории влечений К. Лоренц [4] считал, что спорт представляет собой развитую ритуализированную форму борьбы в культурной жизни общества. Допуская грубую индивидуальную манеру поведения, спорт, по его мнению, является удобной формой для реализации накопленных агрессивных влечений, а соблюдение определенной корректности в спорте, даже в особо эмоциональных ситуациях, связано с проявлением самоконтроля как осознанной и одновременно инстинктивной реакции в борьбе. Смысл высказываний К. Лоренца заключается в том, что с одной стороны, проявление агрессии в спорте имеет инстинктивную природу, с другой стороны, такое поведение должно контролироваться и соответствовать определенным нормам ведения спортивного поединка. Если все-таки рассматривать спорт как способ разрядки, переориентирования агрессии, то необходимо иметь в виду, что речь должна идти только о реальной спортивной борьбе в качестве участника, а не в роли наблюдателя, болельщика. Теории катарсиса в этом плане противоречит экспериментально обнаруженное увеличение агрессивности у лиц, наблюдавших соревнования по агрессивным видам спорта (бокс, борьба, хоккей, футбол)» [6; 11]. Лоренц также подчеркивает важность спорта как «культурно-ритуализированной формы борьбы, выполняющей задачу, важность которой ни с чем не сравнить: она учит людей сознательному контролю, ответственной власти над своими инстинктивными боевыми реакциями, – и продолжает далее. – Рыцарственность спорта, которая сохраняется даже при сильных раздражениях, вызывающих агрессию, является важным культурным достижением человечества. Кроме того, спорт благотворен в том смысле, что создает возможности поистине воодушевленного соперничества между над-индивидуальными сообществами. Он не только открывает замечательный клапан для накопившейся агрессии в ее более грубых, более индивидуальных и эгоистических проявлениях, но и позволяет полностью проявиться и израсходоваться ее более специализированной, сугубо коллективной форме» [4; 260].

Б. Кретти [2], следуя понятию «интраспецифическая агрессия», введенному К. Лоренцем, и ссылаясь на его последователей, приравнивает агрессивное поведение в спорте к конкурентному поведению в более широком смысле. При этом особо подчеркивается сдерживание спортом общественно опасного поведения. Применительно к спорту расширяется трактовка проявлений агрессии. Агрессивный характер в спортивной деятельности проявляется не только в соревновании, но уже и на тренировках. Природа этого раскрывается в постоянном влечении к соперничеству,

утверждению своего превосходства. Фиктивная борьба с противником и направленная на него агрессия играют большую роль в эмоциональном переживании на тренировках. При этом различаются две формы агрессивных действий: «дружественная борьба» и «враждебное нападение».

В рамках фрустрационной теории высказывается мнение, что общественные условия являются главной причиной фрустрации и растущей агрессии в обществе. Занятие же спортом и возможность проявления агрессивных тенденций рассматриваются как «восстание» против давления рационализованного мира. Представители теории «катарсиса» считают, что спорт способствует сохранению психического здоровья и душевного равновесия, дает выход природной агрессивности и стремлению к соперничеству. Спорт позволяет выражать агрессивные чувства, не причиняя кому-либо особого вреда.

В настоящее время в спорте все чаще представления об агрессивном поведении рассматриваются на основе теории социального научения [7; 62].

В целом можно сказать, что сторонники социального научения в спорте занимаются, прежде всего, поведением, которое выходит за рамки формальных и неформальных правил, при этом четких границ между отклоняющимся и не отклоняющимся поведением не устанавливается.

На основании сказанного можно заключить следующее. С одной стороны, спорт представляет собой ту форму социальной активности, которая позволяет реализовать агрессивные влечения и не несет в себе социального порицания и неодобрения. С другой стороны, проявление агрессии в спорте – это следствие потребности в самоутверждении через стремление к победе в борьбе с самим собой и соперниками.

Одно дело агрессивное поведение спортсмена в рамках правил данного вида спорта. Другое – когда оно выходит за рамки правил и, более того, наносит ущерб (травму) сопернику. В таких случаях встает вопрос о морально-этических аспектах спортивного поведения. Любое действие преследует конкретную цель. Вопрос заключается в следующем: осознает спортсмен цель, к достижению которой он стремится этим действием, или нет. Многие тренеры полагают, что об агрессивном, враждебном поведении следует говорить только в тех случаях, когда спортсмен осознает цель («убрать» соперника). Формы агрессивной враждебности закрепляются в случае положительного опыта. Если непреднамеренное нанесение вреда сопернику позволяло достичь цель в результате выполняемого действия (выполнение финта, отбор мяча, удар ниже пояса, обгон соперника с одновременным сбиванием ритма его бега, в том числе нанесение вреда его снаряжению и т. д.), то весьма велика вероятность, что спортсмен начинает это делать преднамеренно в подобных ситуациях, ставя перед собой цель именно «убрать» соперника. Спортивные психологи такое поведение

называют «серой зоной спортивного насилия», границы которой, с одной стороны, определяются правилами вида спорта, с другой – законами и нормами общества. По опросам спортсменов, они хорошо понимают значение «серой зоны» в их деятельности и признают ее наличие [7; 62].

А.Л. Попов разделяет понятия агрессивности и спортивной злости. «Агрессивность – это отрицательная эмоция, направленная на соперника, однако, сопровождающаяся обостренной враждебностью, выходом действий спортсмена за рамки дозволенного правилами и этикой спорта... – пишет он. – Спортивная злость – чаще возникает как фрустрация – кратковременная реакция на ситуацию объективной или субъективной недостижимости цели, которая казалась такой близкой; при этом имеется в виду, что злость направлена на себя, а не на противника» [5; 45].

Анализ литературы по проблеме агрессии и агрессивности в спорте позволяет заключить, что данная тема довольно широко исследуется западными специалистами. Однако, вследствие многогранности проблемы и недостаточного количества эмпирического материала, мнения ученых настолько многообразны и противоречивы, что найти примиряющего всех решения пока не удалось.

Классификация видов спорта по степени агрессивности. В рамках теории социального научения предполагается детерминация форм поведения в ситуациях деятельности и жизнедеятельности социальными и профессиональными нормами (поощрение – наказание). Выделяется три категории норм поведения в отношении проявления агрессии [7; 63];

- ограничение форм поведения, не допускающее каких-либо агрессивных проявлений по отношению к другим людям (жесткая иерархическая субординация социальных ролей в коллективе);
- социально неодобряемые формы агрессивного поведения (дискуссии, споры, конфликты, открытые проявления враждебности и т. п.);
- социально одобряемые формы агрессивного поведения (действия в отдельных видах спорта, действия против правонарушителей, военные действия).

В зарубежной и отечественной психологии спорта разработаны классификации видов спорта с учетом степени агрессивности, которая допустима или поощряется в рамках существующих правил соревнований по конкретному виду спорта. Зарубежные спортивные психологи полагают, что с ее помощью можно четко определить «виды стресса» (точнее, психической напряженности), характерные для определенных видов спорта.

Виды спорта, в которых спортсменам приходится то проявлять агрессивность, то сдерживать себя и ограничивать свои действия, связаны с большим психическим напряжением. Однако степень психического напряжения в агрессивном виде спорта зависит от целого ряда факторов, в том числе и от характера спортивной деятельности, требующей проявле-

ния известной степени агрессивности спортсменом, а также от внутренней потребности участника в агрессивных действиях его способности направлять и контролировать проявление собственной агрессивности, от уровня его спортивного мастерства. Обобщая работы западных психологов спорта (Крети, 1978; Найдиффер, 1979; Kunat, 1983), Сафонов предложил следующую ранговую шкалу оценки агрессивности в спорте [7; 63-64].

Поощрение непосредственной агрессивности. Существуют виды спорта, в которых разрешается и поощряется проявление непосредственной физической агрессивности. В таких видах спорта, как бокс, американский футбол, борьба, с одной стороны, правила соревнований обеспечивают безопасность участников, а с другой – поощряется непосредственный физический контакт между спортсменами. В этих видах спорта от участника требуется проявление агрессивности строго в рамках правил, которая допускается в чисто тактических целях. В последние годы мы познакомились с так называемыми боями без правил, в которых агрессия по отношению к сопернику является обязательным условием и никак не ограничивается. Специалисты спорта хорошо понимают, что это не спорт, а в чистом виде развлекательное шоу на основе спортивного единоборства, и там тоже существуют жесткие правила для участников.

Ограничение агрессивности. В американском футболе и канадском хоккее от участников требуется жесткий физический контакт на грани нарушения правил. В других видах спорта, где игроки могут проявлять агрессивность, допускаемую правилами значительно ограничивается непосредственный контакт с соперником. К таким видам спорта относятся европейский футбол, водное поло, баскетбол. Игроков специально учат вступать в единоборство, силовую борьбу, толкать противника и другими способами проявлять агрессивность, но в пределах правил.

Косвенная агрессивность по отношению к сопернику. Существуют виды спорта, в которых спортсмен физически ощущает агрессивность соперника, но она, как правило, косвенная. Так, гандболист сильным и точным броском может ударить мячом своего соперника (или вратаря), волейболисты или теннисисты сильными ударами мяча также могут причинить боль друг другу. Работая в сборной команде России по стендовой стрельбе, я не раз наблюдал, как стрелки выбрасывают стреляные гильзы в сторону соперника, который готовится произвести выстрел.

Агрессивность, направленная только на объекты. В классификации европейских психологов виды спорта, в которых агрессивность направлена только на объекты, называются «параллельными». Игрок в гольф может достаточно агрессивно ударить по мячу, но его соперники лишь наблюдают такое поведение, которое непосредственно на них не направлено. В легкой атлетике (прыжки, метание), тяжелой атлетике и вообще в индивидуальных видах спорта достаточно часто наблюдается, как

спортсмен, настраиваясь на выполнение спортивного упражнения, «заводит» себя.

Отсутствие непосредственной или косвенной агрессивности. Во многих видах спорта внешняя агрессивность по отношению к соперникам или объектам окружающей среды не наблюдается. Однако даже в таком эстетическом виде спорта, как фигурное катание, иногда спортсмены проявляют агрессивность в связи с монотонной и трудной тренировочной работой. Проявлять же агрессивность по отношению к соревновательной ситуации или соперникам у них нет возможности, правилами это не предусматривается.

В отдельных видах спорта можно наблюдать различные формы непосредственной и косвенной агрессивности. Например, в американском футболе спортсмены могут проявлять косвенную агрессивность, направленную, на объекты (удары ногами и броски), и непосредственную агрессивность по отношению к своему сопернику. В футболе и хоккее имеются одинаковые возможности для проявления как прямой, так и косвенной агрессивности. Игроки поочередно выполняют броски и удары, а также вступают в непосредственный жесткий контакт и силовое единоборство с соперником.

В отечественной психологии спорта существуют классификация видов спорта по типу физического контакта, разработанная сотрудниками кафедры психологии Санкт-Петербургской государственной академии физической культуры и спорта им. П. Ф. Лесгафта (Джамгаров, 1982).

Первый вид физического контакта характерен для ряда спортивных игр (футбол, хоккей на льду, регби, гандбол, водное поло) и для всех единоборств (бокс, борьба). Этот контакт может быть определен как жесткий, так как правилами соревнований предусмотрено применение различных приемов силового воздействия на противника (блокировки, остановки, оттеснения и т. д.), особенно в боксе, где главным оружием являются удары.

Второй вид физического контакта проявляется в играх через сетку (волейбол, теннис, бадминтон), но он не носит жесткого характера, так как реализуется через мяч, волан. Поэтому в таких видах спорта контакт определяется просто как физический.

Третий вид физического контакта соревнующихся спортсменов определяется как условный. Такой контакт характерен для всех видов легкой атлетики, плавания, гонок на лыжах, соревнований по конькам, по велосипедному спорту, гребле и др. Условность заключается в том, что спортсмены соревнуются одновременно или последовательно (на параллельных дорожках, на одной лыжне, на одном треке и т.д.), они практически не могут, и это запрещается правилами, непосредственно воздействовать на соперника (мешать, задерживать и т. д.).

Таким образом, если социальное научение, действительно, имеет место, то можно предположить, что в более агрессивных видах спорта характер спортивной деятельности должен накладывать отпечаток на личность спортсмена.

Факторы, влияющие на уровень проявления агрессивного поведения спортсмена. Существуют различные уровни агрессивного поведения. Одни из них продуктивны и желательны, другие чрезвычайно вредны.

Агрессивное поведение может снизить фрустрацию или способствовать проигрышу соперника. С другой стороны, оно может усилить фрустрацию (за нарушение правил соперник получает право на штрафной бросок или свободный удар и побеждает).

На основании этих положений была построена модель, в соответствии с которой снижение агрессивности зависит от агрессивных потребностей субъекта, от величины физического напряжения, а также от результатов агрессивных действий.

На основе этой модели можно предположить, что агрессивные тенденции снижаются, если проявление агрессивности связано с физическим утомлением и если агрессивные действия в определенной спортивной ситуации поощряются. Более того, у субъектов с выраженным стремлением к агрессивности вероятность снижения этих тенденций благодаря занятиям спортом не снижается, в отличие от людей с незначительно выраженными или средними агрессивными установками и потребностями.

Исходя из принципов системного анализа, методологического принципа психологической науки – внешнее преломляется через внутреннее – необходимо выделить группы внешних и внутренних факторов. К внешним факторам в спорте следует отнести правила вида спорта, допускающие или запрещающие жесткость по отношению к сопернику; установки и поведение тренера и спортивных функционеров; сложившиеся нормы поведения в спортивном коллективе; агрессивное или оскорбительное поведение соперника; действия судьи; поведение болельщиков; средства массовой информации. К внутренним – личностную предрасположенность (выраженность личностного свойства агрессивности); личный опыт подобного поведения, приводящий к успеху; сложившееся отношение к конкретному сопернику; личностные нормы спортивного поведения; осознание агрессивного поведения; психическое состояние.

В целом, говоря о современном спорте, следует констатировать, что сегодня в спорте чрезвычайно высока конкуренция. Это связано с высокой технологичностью подготовки спортсменов. В настоящее время в мировом спорте нет секретов от соперников в функциональной подготовке спортсменов. Спорт стал чрезвычайно прибыльным бизнесом как для предпринимателей в спорте, так и для спортсменов.

На проявление агрессии в спорте большое влияние оказывают тренер, его поведение, установка на соревнование. Путем исследования Smith, Small [10] выявлено, что в 30% случаев тренеры дают негативную оценку действиям спортсменов как во время соревнования, так и после. Если спортсмен воспринимал это как стремление тренера к победе, то такая оценка оказывалась фактором, повышающим агрессивное поведение спортсмена. В другом исследовании установлено, что формы и приемы поведения спортсменов высокого класса вынуждены принимать спортсмены более низкого статуса, в противном случае им придется уйти из команды [9].

В исследовании, проведенном Уильямсом и Иозефом, была предпринята попытка выяснить, придерживаются ли тренеры определенных стереотипов относительно личностных характеристик, имея в виду агрессивность у игроков, выполняющих различные амплуа. Авторы высказывают предположение, что на результаты исследования мог повлиять один из двух факторов: а) тренеры могли считать спортсмена агрессивным только потому, что он выполнял определенное амплуа в команде; б) сами игроки могли выполнять соответствующие роли, зная, каких действий ждут от них.

Далее было высказано предположение, что ожидания тренера и его восприятие поведения, которое должен демонстрировать игрок определенного амплуа, может не соответствовать тому, что представляет собой спортсмен на самом деле или, по крайней мере, каким он сам себя воспринимает. Это последнее обстоятельство может разочаровать тренера [3; 156-157].

Большое значение в проявлении агрессивного поведения имеет фактор общения. Социально-психологический климат в спортивном коллективе всегда рассматривался как важнейший фактор спортивного успеха. Проблема общения в спорте на протяжении многих лет исследуется Ю. Л. Ханиным. В спортивном общении он выделяет следующие категории: ориентировка-планирование; поддержка или усиление уровня активности; оценка поведения и действий спортсменов; сообщение текущей задачи; сообщение собственных действий и действий по взаимодействию [8]. В дальнейшем были сформулированы «коммуникативные профили» спортивной активности – командный и индивидуальный. Было показано, что специфика вида спорта, уровень спортивного мастерства, число спортсменов в команде влияют на формирование коммуникативной модели поведения. На основе многолетних исследований автором выделены главные причины конфликтности и агрессивного поведения внутри команды: негативная оценка и агрессивное поведение лидеров по отношению к спортсменам более низкого статуса; отсутствие поддержки неопытных и эмоционально нестабильных спортсменов со стороны тренера и партнеров;

недостаточное общение между игроками низшего и высшего статуса в команде.

Литературных данных о влиянии поведения судей и болельщиков на поведение игроков нам не удалось обнаружить.

Переходя к внутренним факторам агрессивного поведения спортсменов, следует указать на специфичность спортивной деятельности в конкретном виде спорта, которая заключается в правилах, сложившихся нормах поведения и традициях этого вида спорта. Все это в совокупности формирует определенные навыки ведения спортивной борьбы, одобряемые и поддерживаемые социальным окружением – тренером, спортивной общественностью и болельщиками [7; 69].

Говоря об агрессивности как личностном свойстве, исследователи в первую очередь выделяют взаимодействие спортсмена с окружением, ставя вопрос, что является «спусковым крючком» агрессивного поведения. В качестве же «предохранителя» подобного поведения называются способность сопротивляться агрессивному поведению, исходящему из окружения, и осознание собственного поведения. В ряде исследований установлено, что спортсмены агрессивное поведение в целом воспринимают как правомерные действия. Осознание же своего агрессивного поведения у спортсмена появляется чаще только после поединка [9].

Трудно определить, выбирает ли индивид с агрессивными наклонностями сам вид спорта и игровое амплуа в команде, требующее проявления агрессивности, или же занятия определенным видом спорта каким-то образом способствуют формированию у него должной агрессивности. Как тренеры, так и зрители, и спортсмены ожидают от участников, выполняющих в команде определенное амплуа, проявлений агрессивности, если последние добиваются признания и успеха.

Таким образом, теоретическое и практическое изучение проблемы агрессии является актуальной темой в современной психологии спорта. Исследование агрессии в спорте представляет несомненный интерес для практики психологического сопровождения спортсменов.

Также следует отметить, что спорт представляет собой вид деятельности, проявление агрессии в котором социально не порицается обществом, и даже, наоборот, поощряется. Социальная поддержка агрессивных действий в спорте снимает возможный отказ, нежелание спортсмена быть искренним в процедурах обследования. Поэтому исследователи агрессии уделяют спорту особенное внимание, считая его очень удобной моделью для изучения данного феномена.

Литература

1. Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб.: Питер, 1997.

2. *Кретти Б.* Психология в современном спорте. М., 1978.
3. *Кретти Дж.* Агрессивность в спорте // Психология спорта: Хрестоматия / Сост.-ред. А.Е. Тарас / М: АСТ, 2005.
4. *Лоренц К.* Агрессия (Так называемое зло): пер с нем.. – М.: Изд. пр. «Прогресс», «Юниверс», 1994.
5. *Попов А.Л.* Спортивная психология. Учебное пособие для спорт. Вузов. – М.: Московский психолого-социальный институт «Флинта», 1998.
6. *Реан. А.Л.* Агрессия и агрессивность личности.// Психологический журнал. – 1996. – Т.17. №5.
7. *Сафонов В.К.* Агрессия в спорте. – СПб: Изд-во С.-Петербур. Ун-та, 2003.
8. *Ханин Ю.Л.* Проблемы мотивации в спорте.// Спорт в современном обществе/ Под ред. В.М. Выдрина. – М., 1980.
9. *Isberg L.* Anger, aggressive behavior, and athletic performance// Emotions in sport/ Ed. By Y.L. Hanin. Champaign, I.L, 2000.
10. *Smith R.E., Smoll F.L.* Coach – mediated team building in youth sports// Journal of Applied Sport Psychology. 1997. Vol. 9

НАПРАВЛЕНИЕ 9. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

И.О.Косарева

Психологические аспекты управления организационными изменениями

Смена социального контекста, бурное развитие информационных технологий, жесткая конкурентная среда требуют от любой – государственной или коммерческой – организации способности к быстрым изменениям. К.Клок и Дж.Голдсмит называют гибкость и быстроту реагирования на изменения одним из основных требований внешней среды к современным организациям. Потребность в изменениях и эффективность инновационной деятельности определяется реакцией и степенью участия в этих изменениях руководителей и сотрудников, осуществляющих эти изменения. Следовательно, учет человеческого фактора и психологических реакций на организационные изменения могут способствовать более успешному проведению инноваций в организациях любого уровня. Именно люди, осуществляющие эти изменения, приведут эти процессы к позитивным результатам, а компанию – к способности конкурировать. Вместе с тем, учебные пособия, посвященные проблемам организационного развития и организационных изменений, описывают стратегические, технологические и производственные проблемы организационных изменений, часто игнорируя или минимизируя роль психологических факторов.

В современных организациях появляется все больше направлений деятельности, требующих участия психолога. Любые ситуации, связанные с приглашением психолога в организацию в качестве консультанта, коуча или специалиста по персоналу, связаны, прежде всего, с необходимостью проведения больших или малых организационных изменений. Следовательно, не только менеджеры, но и психолог должны понимать проблему изменений как на психологическом, так и на общеорганизационном уровне.

Организационные изменения связаны с процессом развития организации, ее жизненным циклом и кризисами становления. Инновация, или нововведение, является следствием инновационной деятельности. Анализ различных определений приводит к выводу, что специфическое содержание инновации составляют изменения, а главной функцией инновационной деятельности является функция изменения.

И.Шумпетер выделял пять типичных организационных изменений:

1. Использование новой техники, новых технологических процессов или нового рыночного обеспечения производства (купля – продажа).
2. Внедрение продукции с новыми свойствами.
3. Использование нового сырья.
4. Изменения в организации производства и его материально-технического обеспечения.
5. Появление новых рынков сбыта.

Р.М.Кантер, разделив все организационные проекты и преобразования на базовые и инновационные, определила последние как проекты, которые позволяют компании по-новому использовать или наращивать ресурсы и потому обеспечивают долговременное повышение эффективности.

Инновационные проекты предполагают:

- реализацию новой стратегии (разработку новых подходов);
- открытие новых возможностей (создание принципиально нового продукта или рынка);
- разработку новой методики (введение новых тиражируемых процессов, процедур и технологий);
- создание новой структуры (изменение существующей организационной структуры или создание новой, «переналаживание» связей между бизнес-единицами и т.д.

Инновационный процесс связан с созданием, освоением и распространением инноваций. При создании инновации корпорация руководствуется такими критериями, как жизненный цикл изделия и корпоративная экономическая эффективность. Инновационная стратегия корпорации направлена на то, чтобы стать более конкурентоспособной, создав инновацию, которая будет признана уникальной в определенной области.

Учитывая все вышеизложенное под *управлением изменениями* мы понимаем *осознанное и подготовленное осуществление (обеспечение, сопровождение) процессов развития, обусловленных требованиями внешней и внутренней среды.*

Организации, не готовые или не оснащенные инструментами для осуществления изменений, сталкиваясь с кризисами, оказываются не способными к движению вперед, останавливаются, а затем регрессируют. В частности, на необходимость изменений слабо реагируют организации с жесткими внешними границами (закрытая организация), ригидной иерархической системой управления и слабыми связями с внешней средой.

Мы выделяем следующие ключевые факторы успешного управления процессами изменений:

1. Способность организации к открытости процессов, связанных с управлением изменениями.

2. Понимание процессов системного существования и развития.
3. Стремление и готовность к изменениям.
4. Способность к учету обратной связи.
5. Видение последующих результатов.
6. Наличие сети так называемых агентов изменений.
7. Способность к мгновенной перестройке процессов развития на уровне руководства и на уровне функционирования организации.
8. Ясность личностного смысла изменений каждого участника процесса изменений.
9. Позитивное отношение к миру, себе и организации.

Анализируя наиболее часто встречающиеся проблемы, связанные с внедрением изменений, мы пришли к выводу о том, что все они имеют психологический характер или так или иначе связаны с психологическими факторами. Такими проблемами являются:

- сопротивление инновациям со стороны сотрудников организации;
- отсутствие возможности довести изменения до конца;
- отсутствие единого видения того, что должно быть результатом инноваций;
- неэффективное управление бизнесом в период внедрения инноваций;
- конфликты между людьми, стремящимися к изменениям и теми, кто стремится сохранить стабильность («реформаторами» и «консерваторами»);
- неэффективные системы коммуникации и координации между уровнями организации;
- потеря квалифицированного персонала в период внедрения инноваций.

По статистике, успешность внедряемых инновационных проектов чрезвычайно низка: построение организационной культуры эффективно в 19% случаев, разработка и внедрение IT-технологий успешны в 26% случаев, реструктуризация – в 46% случаев, построение стратегии – в 58%.

Для решения проблем, связанных с организационными изменениями, эффективно выделить персональный и организационный уровни. Персональный, или личностный уровень изменений касается позитивного или негативного отношения к переменам. Факторами личностного уровня изменений являются:

1. Характерологическая личностная составляющая: стремление к переменам как черта личности, способность к риску, отношение к стабильности, коммуникабельность, ответственность, ориентация на будущее, личностная самооэффективность и т.д.
2. Ситуативная личностная составляющая: состояние здоровья, материальное положение, семейное благополучие, наличие детей и т.д.

3. Карьерная история и карьерные планы.

4. Уровень воздействия предстоящих изменений на персональную ситуацию сотрудника компании.

Факторами организационного уровня являются:

1. Организационная культура.

2. «История успеха» уже проводимых изменений данной компании.

Представление о последовательности восприятия изменений на уровне организации создается на основе представлений о результатах и эффективности предыдущих изменений (глобальных, организационных, персональных) и проще всего могут быть измерены с помощью шкалы пессимизма–оптимизма.

1. Стадия *шока*, характеризующая оптимистичным отношением, связанным с отсутствием необходимого количества информации.

2. Стадия *отрицания*, связанная с наличием информации о предстоящих изменениях и пессимистичным отношением к ним.

3. *Отказ продолжать*, характеризующийся решимостью и преданностью устоявшимся нормам и традициям организации.

4. Стадия *депрессии*, связанной с реалистичным отношением к ситуации.

5. Стадия *проверки*, приводящей к информированному оптимизму.

6. Стадия *принятия*, связанная со стабилизацией ситуации.

В ситуации внедрения инноваций и организационных изменений возникает сопротивление изменениям, формы которых зависят от преобладающего фона отношения к изменениям – позитивного или негативного, возможности открыто демонстрировать сопротивление или переживать его скрыто.

Сопротивление изменениям возникает в связи с действием на любую организационную структуру двух противоположных тенденций. С одной стороны, это потребность в стабильности – любая организация и любой человек стремятся сохранить достигнутое, избавившись от риска, непредсказуемости, опасности и т.д. С другой стороны, любая система стремится к развитию, а процесс развития всегда связан с изменениями.

В психологии управления выделяют следующие виды сопротивления изменениям:

1. Сопротивления на когнитивном, осознанном уровне, проявляющиеся в виде логических (рациональных) возражений.

2. Сопротивление на бессознательном уровне в виде установок.

Различают сопротивление по времени реагирования – немедленное и отложенное, по уровням вовлеченности в процесс – индивидуальное и организационное.

Причинами сопротивления у менеджеров, руководящих инновационными процессами, являются:

1. Страх потери власти и контроля, связанный с перераспределением власти и выводом из-под контроля конкретного менеджера части управленческих процессов.

2. Боязнь увеличения круга задач, появления дополнительной работы, уменьшения ресурсов для решения этих задач.

3. Недостаток навыков, умений или опыта в управлении изменениями.

4. Страх потери работы у менеджеров среднего звена.

5. Несогласие с выбранным направлением изменений и способом их реализации.

6. Скептицизм в отношении потребностей в изменениях и отсутствие полного осознания угроз и возможностей текущей ситуации.

Причинами сопротивления у рядовых сотрудников, осуществляющих организационные изменения, являются:

1. Недостаток понимания потребностей в изменениях и видения будущего, отсутствие ясных ответов на вопросы: «Как это может повлиять на мою работу?», «Что я получу или потеряю в процессе изменений?»

2. Комфортность текущего состояния и боязнь неизвестности.

3. Корпоративная культура и история компании: каким образом проходили предыдущие изменения в компании насколько успешно, как они отразились на состоянии сотрудников компании?

4. Противодействие новым технологиям и процессам, которые требуют от сотрудников дополнительных усилий.

5. Страх потери работы.

Д.Сулл, рассматривая установки, мешающие процессу организационного развития, описал позитивные представления, в кризисе становящиеся помехой изменениям, и объединил их в следующие группы:

- установки, касающиеся стратегии: *«мы – растущая компания», «мы знаем, что наши конкуренты слабее нас», «мы превзошли всех»;*

- установки, касающиеся ресурсов: *«наш бренд – это наш продукт», «у нас есть все, что необходимо», «наша технология – это наша крепость»;*

- установки, касающиеся процессов: *«у нас есть все необходимые прописанные организационные схемы», «мы нанимаем и продвигаем по службе людей, похожих на нас», «мы принимаем решения путем консенсуса»;*

- установки относительно взаимоотношений: *«мы влияем на стоимость», «мы решаем все важные вопросы внутри компании»;*

- установки, касающиеся ценностей: *«мы – одна семья», «у нас не просто штаб-квартира, а целый городок», «наши конкуренты – наши враги».*

Дж.Коттер с соавторами в процессе преодоления сопротивлений изменениям выделяют шесть подходов: образование и общение, участие и вовлечение, помощь и поддержка, переговоры и согласие, манипуляцию, явное и неявное принуждение. Мы представили методы преодоления сопротивления в виде таблицы.

Таблица 1

Преодоление сопротивления изменениям

Подходы преодоления сопротивления изменениям	Область применения	Преимущества	Недостатки
<i>Образование и общение</i>	При недостаточном объеме информации или неточной информации и анализе	Если удастся убедить людей, они часто будут помогать при осуществлении изменений	Требует очень много времени, если вовлекается большое количество людей
<i>Участие и вовлечение</i>	Когда инициаторы изменений не обладают всей информацией, необходимой для планирования изменений, и когда другие имеют значительные силы для сопротивления	Люди, которые принимают участие, будут испытывать чувство ответственности за осуществление изменений, и любая соответствующая информация, которой они располагают, будет включаться в план изменений	Может потребовать много времени, если участники организуют не то изменение, противоречащее намеченному
<i>Помощь и поддержка</i>	Когда люди сопротивляются изменениям из-за боязни проблем адаптации к новым условиям	Ни один подход не срабатывает так хорошо при решении проблем адаптации к новым условиям	Дорогостоящий, требует большого количества времени и тем не менее может потерпеть неудачу
<i>Переговоры и согласие</i>	Когда отдельный служащий или группа явно теряют что-то при осуществлении изменений и когда группа обладает значительными силами для сопротивления	Сравнительно простой путь избежать сильного сопротивления	Может стать слишком дорогостоящим, если он ставит целью добиться согласия только путем переговоров
<i>Манипуляция</i>	Когда другие тактики не срабатывают или являются слишком дорогостоящими	Может быть сравнительно быстрым и недорогим решением проблем сопротивления	Может привести в будущем к возникновению проблем, если люди почувствуют, что ими манипулируют
<i>Принуждение</i>	Когда необходимо быстрое осуществление изменений и	Отличается быстротой и позволяет преодолеть любой	Рискованный способ, если люди остаются недоволь-

Литература

1. *Кантер Р.М.* Инноватор среднего звена // Harvard Business Review. №5. 2006.
2. *Коттер Дж.П., Коэн Дэн С.* Суть перемен. Невыдуманные истории о том, как люди изменяют свои организации. – М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2004.
3. *Сулл Дональд Н.* Почему хорошие компании терпят неудачу и как выдающиеся менеджеры их возрождают. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2004.
4. *Чернявский В.* Управление изменениями в организации. Материалы к семинару. – СПб: Стокгольмская школа экономики в России, 2006.

И.О.Косарева, К.Ю.Матвеев

Экономическая психология или психологическая экономика?

Существуют два способа возникновения новых направлений науки. Наиболее традиционный путь – «отпочковывание» от сложившейся системы знаний одного из научных течений и превращение его в самостоятельный научный раздел. Другой путь предусматривает обратное: на базе взаимодействия самостоятельных и достаточно сформировавшихся видов науки рождается новый вариант исследовательского подхода.

В мировом багаже знаний уже достаточно давно существовали две науки – экономическая теория и психология, которые с конца прошлого века находились в близком, достаточно обозримом друг для друга пространстве. Однако новой смежной науки – «экономической психологии» или «психологической экономики» – в тот период не появилось. Тем не менее, исследовательские пути двух наук периодически пересекались. В ряде прикладных экономических дисциплин, связанных, прежде всего, с рекламой, управлением и организацией труда, стали постепенно проявляться элементы психологического анализа.

Во второй половине XX века потребность в формировании полноценной междисциплинарной науки стала достаточно сильной. Экономическая практика все чаще свидетельствовала о том, что деловая жизнь не всегда может строиться лишь на основе рациональных установок, по которым, как это следовало из выводов неоклассической экономической теории, она должна была развиваться. Эмоциональный, психологический фактор порой играл решающую роль. Все больше становилось очевид-

ным: многие экономические решения принимаются на базе не столько логической, сколько эмоциональной оценки. Психологический фактор часто имеет доминирующее значение.

В связи с этим в обществе постоянно нарастало стремление познать закономерности формирования психологической ориентации, установок взаимодействующих партнеров. Интерес был обращен к таким явлениям, как ощущения, интуиция участников сделок, их понимание себя и окружающих, умение решать конфликты. Все важнее становилась задача предупреждения возможной нерасчетливости, непредсказуемости или неожиданных изменений в поведении партнеров и конкурентов.

Прагматические и чисто научные потребности стали предпосылкой постепенного формирования единой, гомогенной дисциплины – экономической психологии. Данное научное поле постепенно начало объединять отдельные направления прикладной экономической психологии. Положительная сторона этого процесса состояла в том, что экономическая психология, выступая в форме цельной науки, позволяла более глубоко понимать влияние психологического фактора не только в микроэкономических, но и макроэкономических процессах.

В настоящее время сложилось представление о том, что наиболее целесообразной структурой новой науки было бы наличие ядра (общей экономической психологии), дополненного несколькими практическими научными направлениями. Правда, хотя центристремительная тенденция и начала проявляться на практике, процесс пошел не столь однозначно. Некоторые прикладные направления экономической психологии, возникнув первоначально как самостоятельные виды исследований и найдя свою нишу, не желают становиться составной частью более общей дисциплины.

Поскольку формирование экономической психологии как единой науки еще не завершено, неизбежно возникают определенные методологические сложности в вопросе об обозначении предмета исследования. Прежде всего, следует признать тот факт, что существуют два подхода к данной дисциплине. Их различие состоит в масштабности позиции: влияние психологических факторов на хозяйственную жизнь можно анализировать, используя микро- или макроэкономический ракурсы.

В первом случае предметом науки является изучение экономического поведения индивидуума, группы, социального слоя в масштабах рабочего места, производственного участка, фирмы, концерна. Предметом изучения во втором случае выступает экономическое поведение населения, государства.

Кроме того, вопрос о предмете можно рассмотреть и в иной плоскости. К данной науке допустимо подходить с двух позиций: видеть в ней преимущественно экономическую сторону, либо, наоборот, психологиче-

скую. В обоих случаях дифференцированной будет и характеристика предмета исследования [1].

Ряд зарубежных авторов выдвинул идею о разумности доминирующей роли психологического параметра, назвав соответственно данный предмет термином «психологическая экономика», или «бихевиористский Экономикс».

Идея поддерживающих этот вариант экономистов-психологов заключается в том, чтобы отойти от принятой в экономической науке достаточно сильной ориентации на построение моделей. Экономическая действительность включает, по их мнению, множество психологических переменных, отразить которые с помощью моделей невозможно. В результате такого подхода излагаемые в работах ряда авторов экономические проблемы стали заметно ориентироваться на исследования в области психологии. Появились признаки отхода от методики подачи экономического материала в его традиционной форме, то есть в виде моделей. Произошло некоторое отклонение от «ортодоксальной» экономической теории.

Сторонники активного привнесения психологических параметров во многие аспекты экономического анализа должны были, разумеется, находить сочетание двух наук самостоятельно, не прибегая к поддержке представителей академической психологии. Так рождались, по выражению прессы, «психологические самоделки». Это был вынужденный шаг, поскольку психология как академическая наука практически не выказывала готовность проводить свои исследования в сфере экономики и создавать концепции, которые можно было бы без труда применять к экономическим проблемам.

Сторонники второго подхода, предпочитающие обозначать стык двух наук выражением «экономическая психология», ориентируются на конкретно-аналитическое рассмотрение экономических (хозяйственных) решений. В качестве основы при этом используются данные, полученные в ходе не только экономического, но и социально-психологического анализа явлений. Этот вариант подхода к сочетаемости двух наук оказался более популярным среди исследователей. В его развитии определилось несколько волн, отражающих изменения взглядов. Согласно данной эволюции, частично менялось и мнение о предмете экономической психологии [2].

Первая фаза использования этого варианта исследований связана, в первую очередь, с именем Г. Тарда во Франции. Еще в 1902 году вышла его двухтомная работа под названием «Экономическая психология». Автор стал родоначальником нового термина, употребив его первый раз в 1882 году в одной из своих статей.

Французский исследователь выдвинул свой подход как альтернативу австрийской школе экономической теории, точнее «национальной экономии». Последняя определяла себя как «психологическая школа», однако методы, ею используемые, обладали определенной спецификой. Австрийские исследователи ввели, как известно, в научный оборот концепцию предельных величин, предполагавшую рассмотрение экономических явлений с учетом психологического подтекста. Однако своеобразие этого подхода состояло в том, что экономический анализ не предполагал выхода на эмпирическую психологию. Дело ограничивалось лишь ссылкой на определенные психологические абстракции. Кроме того, такие понятия, как человек и его потребности, рассматривались австрийской школой в качестве единственно данной сущности. Включенность человека в коллективные, социальные взаимосвязи и влияние этих обстоятельств на экономическое поведение личности явно недооценивались.

Своеобразие методологического подхода Г. Тарда было определено тем, что ему удалось заложить основы «социально ориентированной психологии экономической жизни». Именно этот вариант научного взгляда соответствует сложившемуся к настоящему времени понятию «экономическая психология».

Первая волна развития новой науки прошла в начале XX века и в Германии. Отцом экономической психологии там принято называть Х.Мюнстерберга. Опираясь на традиции В.Вундта, занимавшегося эмпирическими экспериментальными исследованиями экономических явлений, Х.Мюнстерберг внес заметный вклад в дело научной кооперации между национальной экономией и психологией [3].

Его проекты нацеливались преимущественно на сферу микроэкономических проблем. Изучались, например, вопросы монотонности труда, его организации, степени справедливости получаемой оплаты и т.д. Работы этого немецкого экономиста также положили начало экспериментальному анализу эффекта рекламы в экономике Германии.

Первая волна научного развития экономической психологии, к сожалению, долго просуществовать не смогла. Она не получила дальнейшего развития в работах других экономистов. Прошло несколько десятилетий, прежде чем интерес к данной научной концепции возник вновь. Вторая волна исследований развернулась в США и Франции лишь в 50-е годы. Она связана с именами двух ученых – Г. Катоны и П. Ренольда. Особенностью второго этапа развития данной науки было использование исследователями психологических подходов применительно к макроэкономике.

Работы американского экономиста-психолога Г. Катоны посвящены, прежде всего, экономическому поведению потребителей и предпринимателей. Большое внимание уделялось иррациональности действий покупа-

телей. Был предложен вариант классификации экономического поведения: импульсивное и традиционное (то есть привычное). Кроме того, Г. Катона ввел понятие подлинного, то есть фактического решения, принятие которого, по его мысли, во многом зависит от ожиданий. В целом в данной концепции большое внимание уделено самому факту появления чувства ожидания и его влиянию на принятие экономических решений (например, по поводу потребления или инвестиций). В теоретических построениях американский исследователь ввел также некоторые новые показатели. Один из них называется индексом потребительского чувства. Его функциональная роль выражается в способности дать характеристику психологического состояния определенных масс людей и возможно более раннее предвидение (на этой основе) изменения конъюнктуры.

Интересы французского исследователя П. Ренольда затрагивали проблемы общего экономического развития, формирования предпринимательства, положения в мировой экономике развивающихся стран. В своих работах П. Ренольд выступил с критикой того направления, которое приняла экономическая психология. Он отмечал, что к 50-м годам данное научное течение еще не вело к развитию общей дисциплины с определенным ядром. В основном, продолжала наблюдаться раздробленность данного курса.

Вторая волна развития экономической психологии (во многом подобно первой) не получила массового продолжения. Лишь немного позже, в конце 60-х и в 70-х годов исходные позиции второй волны получили некоторое отражение в работах немецких ученых Б.Штрюмпеля [4] и Г.Шмельдерса.

80-е годы принято считать периодом, когда возникла третья волна данного научного явления. Одним из ее признаков служит появление регулярного издания – Журнала экономической психологии. Его инициаторами стали голландские, английские и скандинавские экономисты-психологи. С середины этого десятилетия стали быстро выходить в свет коллективные научные труды, словари, первые учебники.

Отмеченные работы базируются на современном уровне психологических исследований. Это отличает их от предыдущих изданий, обнаруживавших явные пробелы (опора была не на эмпирические исследования, а, в основном, на умозрительные психологические размышления).

Авторам 80-х годов удалось в значительной мере создать связующий мост между экономикой и психологией. Сделать это было относительно непросто. В частности потому, что в обеих науках сложились различные исследовательские традиции и методологические подходы. Синтез удалось осуществить, прежде всего, благодаря тому, что постановка проблемных вопросов, аспекты применения полученных результатов были в обоих случаях нацелены на экономическую сферу. Например, чи-

сто психологические концепции использовались для объяснения именно теоретических моделей экономики. Таким путем и сложилась наука, которую следует называть «экономической психологией», а не «психологической экономикой». Еще один положительный момент работ «третьей волны» в том, что удалось закрепить центростремительную тенденцию в формировании новой науки.

Правда, любой этап развития ученой мысли, как известно, имеет не только достижения, но и определенные недостатки. Применительно к случаю «третьей волны» отметим один аспект, связанный с психологическим вызреванием самой науки. Проблемные вопросы, как мы знаем, в немалой степени определяются тем направлением, которое задано «первооткрывателем», родоначальником, сделавшим заметный вклад в становление данного научного течения. Роль доминирующей фигуры в становлении современного этапа экономической психологии досталась американскому исследователю Г.Катону. В качестве наиболее актуальных направлений исследований он предложил следующие: поведение потребителя на рынке, поведение предпринимателя в области сбережений, проблема инфляции, налогообложение, благосостояние. Разработка же психологических аспектов безработицы, теневой экономики, экологических проблем оказалась на отдаленном плане.

И все же определенная раздробленность новой науки в настоящее время продолжает сохраняться. Следует признать: институционализировать единый курс экономической психологии как науки, в котором в качестве ядра было бы общее научное направление (вокруг которого группировались бы отдельные специализированные направления), пока еще не удается. Так, например, с точки зрения психологического подхода сегодня активно изучаются проблемы труда, производственного персонала, системы организации. Однако реализуется это в рамках психологии менеджмента, то есть научного направления, желающего оставаться самостоятельным и не интегрирующемся (по крайней мере, в настоящее время) с другими науками «под единой крышей».

Более того, порой происходит дальнейшее разъединение близких дисциплин, углубление их специализации. Все больше складываются самостоятельные исследовательские традиции. Например, такое направление, как психология труда, имеет растущее тяготение к эргономике. Психология менеджмента в значительной степени «тянется» к социальной психологии. Проблемы рынка сбыта исследуются маркетинговой психологией. Самостоятельным направлением стала в известном смысле и психология рекламы [1].

Общий вывод таков: подразделы экономической психологии возникли не на базе общеэкономического подхода к совокупности проблем. Они явились результатом определенного объединения ряда конкретных эконо-

мических научных курсов. В итоге возникает ощущение, что экономическая психология в большей мере выступает пока в качестве «обслуживающей» дисциплины. Ее задача в основном реализуется в прикладном направлении – в распространении знаний о том, как можно повысить производственную эффективность.

Литература

1. Основы экономической психологии: Учебное пособие//Под ред. Соколинского В.М. – М., 1999.
2. Соколинский В.М. Психологические основы экономики. – М., 1999.
3. Мюнстерберг Г. Психология и экономическая жизнь. – М., 1924.
4. Strumpel B. Economic wellbeing as an object of social measurement. – 1974.

А.В. Макаров

Исследование зависимости социально-психологического климата в коллективе от рефлексивных качеств руководителя

Социально-психологический климат коллектива понимается как социально обусловленная, относительно устойчивая система отношений членов коллектива к коллективу как целому. Социально-психологический климат интегрирует эмоциональный, поведенческий и когнитивный компоненты отношений в коллективе. В качестве существенного признака эмоционального компонента рассматривается критерий привлекательности на уровне понятий «нравится – не нравится», «приятный – неприятный». Поведенческий компонент связан с желанием (нежеланием) работать в данном коллективе, желанием (нежеланием) общаться с членами коллектива в сфере досуга. Основным критерием когнитивного компонента является знание психологических особенностей членов коллектива.

Любой трудовой коллектив имеет своего руководителя, личностные качества которого, конечно, не могут не оказывать воздействия на психологическую атмосферу в подразделении. Очевидно, что не все качества и свойства личности руководителя прямо влияют на социально-психологический климат.

Значимым фактором, при наличии которого становится возможной коррекция представлений человека о своем Я, является рефлексия в процессе социальной коммуникации. Особо важную роль рефлексивные качества играют в тех видах социальных контактов, которые с необходимо-

стью предполагают учет «обратной связи», а именно в сфере управления человеческими ресурсами. Эффективное управление не может строиться вне рефлексивных актов. Большое значение в процессе управленческой деятельности имеет социорефлексия, т.е. способность руководителя адекватно отражать представления подчиненных о самом себе. При определении сформированности рефлексивных качеств руководителя следует принимать во внимание соответствие/несоответствие 3-х различных представлений (в данном контексте термин «представление» используется в расширительном значении, а именно, как «суждение, оценочное мнение, взгляды»):

- представление руководителя о себе («я думаю, что я»);
- представление руководителя о том, какие представления относительно него есть у подчиненных («я думаю, что они думают, что я»);
- представление подчиненных о руководителе.

Хотя представления подчиненных о руководителе ни в коей мере не отражают уровень сформированности у последнего рефлексивной способности, однако анализ расхождений между разными видами представлений возможен только при контрольном условии, в качестве которого и выступает обобщенное представление подчиненных о своем руководителе.

Развитые рефлексивные качества руководителя как важнейшая составляющая общей компетенции менеджера, во многом, обуславливают не только эффективность профессиональных коммуникаций, но также социально-психологический климат в коллективе, психологическую атмосферу, позитивно влияют на взаимопонимание между руководителем и подчиненными, способствуют снижению социально-психологической напряженности. Напротив, «закрытость» руководителя, его неспособность (или нежелание) понимать характер отношений с подчиненными, пренебрежение тем, как подчиненные воспринимают его и исходящие от него управленческие решения, – все это приводит к ухудшению психологического климата в коллективе, снижает внешнюю мотивацию труда сотрудников и косвенно влияет на удовлетворенность работой. Поэтому есть достаточные основания полагать, что степень сформированности рефлексивных качеств руководителя непосредственно влияет на социально-психологический климат в подчиненном ему коллективе.

С целью эмпирической проверки данного положения было проведено специальное исследование на базе нескольких промышленных и коммерческих организаций г. Самара и г. Тольятти.

Логика построения исследования. Эмпирическое исследование влияния рефлексивных качеств руководителя на социально психологический климат в трудовом коллективе строилось в несколько этапов.

На *первом этапе* решалась задача выбора тех эмпирических референтов, которые могли бы выступать индикаторами рефлексивной способности руководителя. Эмпирическим критерием, определяющим уровень сформированности рефлексивной способности у руководителя, рассматривалась мера *соответствия / несоответствия* оценочных показателей, относящихся к трем выше отмеченным представлениям. В качестве исходных эмпирических данных, лежащих в основе анализа выраженности социорефлексии руководителя, в исследовании были выбраны следующие оценочные показатели:

- самооценки руководителя;
- оценки руководителя со стороны подчиненных;
- оценки руководителя с позиции подчиненных.

Отношения между данными показателями (т.е., их согласованность) принимались за эмпирическую выраженность социорефлексивной способности руководителей.

На *втором этапе* производился выбор методических средств исследования, а также была разработана психосемантическая процедура, которая затем применялась для определения социальной рефлексии руководителей.

На *третьем этапе* проводилась диагностика социально-психологического климата в 14-ти трудовых коллективах.

На *четвертом этапе* применялась процедура психосемантического оценивания по разработанной ранее методике.

На *пятом этапе* производилась обработка и интерпретация полученных результатов.

План исследования. Для реализации замысла работы был построен следующий исследовательский план:

Зависимая переменная – социально-психологический климат в коллективе. (Измерение производилось в соответствии с алгоритмом обработки, предусмотренном методикой диагностики социально-психологического климата в коллективе).

Независимая переменная – социальная рефлексия руководителей. Эмпирическими индикаторами социорефлексии руководителей служили 3 показателя:

- разностная величина между самооценкой руководителя и его предполагаемой оценкой со стороны подчиненных;
- разностная величина между самооценкой руководителя и средней оценкой подчиненных;
- разностная величина между средним значением оценивания подчиненными руководителя и предполагаемой руководителем средней оценкой подчиненных.

Методическое обеспечение и процедура исследования. Для выявления степени выраженности социорефлексии была разработана психосемантическая процедура оценивания качеств руководителя. Суть данного метода состояла в следующем.

Испытуемых (членов трудового подразделения) всех 14-ти групп просили анонимно ответить на три вопроса, относящихся к профессиональным умениям их руководителей. Процедура проходила анонимно.

Инструкция, которую получали испытуемые, звучала таким образом: *«Пожалуйста, оцените по 100-бальной шкале выраженность следующих качеств Вашего руководителя»*. Испытуемые должны были оценивать:

1. умение прислушиваться к мнению подчиненных;
2. умение четко ставить задачи;
3. доступность руководителя для подчиненных.

После оценивания каждым членом коллектива указанных параметров составлялась матрица оценивания размерностью: *3* x количество членов коллектива

Строки матрицы задавались критериями оценивания, столбцы – членами трудового подразделения.

Руководителям трудовых коллективов давалась следующая инструкция: *«Пожалуйста, оцените по 100 бальной шкале выраженность у себя следующих качеств: умение прислушиваться к мнению подчиненных; умение четко ставить задачи; доступность для подчиненных. Оцените также выраженность у Вас данных качеств с позиции Ваших подчиненных. Иначе говоря, как Вы думаете, каким образом оценили бы Вас Ваши подчиненные?»*

Для определения выраженности зависимой переменной была использована методика диагностики социально-психологического климата в коллективе [Столяренко, 1999]. В процедуре участвовали все члены трудового коллектива, за исключением его руководителя. Процедура проходила анонимно.

Испытуемые получали следующую инструкцию: *«Оцените, пожалуйста, как проявляются перечисленные ниже свойства социально-психологического климата в вашей группе, выставив ту оценку, которая, по Вашему мнению, соответствует истине»*. Оценки:

- 3 – свойство проявляется в группе всегда;
- 2 – свойство проявляется в большинстве случаев;
- 1 – свойство проявляется редко;
- 0 – проявляется в одинаковой степени и то, и другое свойство.

Каждому испытуемому предлагался для заполнения бланк, в котором нужно было оценить по 13-ти показателям проявления социально-психологического климата в коллективе.

Обработка результатов. Обработка результатов осуществлялась в несколько этапов.

На *первом этапе* рассчитывались результаты диагностики по методике изучения социально-психологического климата в коллективе для каждого сотрудника каждого из 14-ти трудовых подразделений.

Разница показателей *A* и *B* определяет индивидуальную оценку социально-психологического климата коллектива членом трудового подразделения. Все результаты диагностики рассчитывались в соответствии с алгоритмом обработки первичных данных.

После обработки индивидуальных данных рассчитывались средние значения по каждой группе испытуемых. В Таблице 1 приведены среднегрупповые оценки социально-психологического климата в трудовых подразделениях.

Таблица 1
Среднегрупповые оценки социально – психологического климата в трудовых коллективах

Усл. № трудового коллектива	Кол-во сотрудников	Среднее
1	12	8.3
2	18	0.1
3	7	28.3
4	10	- 1.1
5	14	4.6
6	6	32.3
7	8	26.4
8	9	20.3
9	10	15.5
10	12	16.5
11	13	0.8
12	7	16.1
13	5	27.4
14	11	13.3

На втором этапе обработки результатов рассчитывались данные, относящиеся к оценке рефлексивных качеств руководителей трудовых коллективов.

В Таблице 2 приведены средние значения оценивания руководителей трудовыми коллективами, как по отдельным параметрам оценивания, так и в целом.

Таблица 2
Средние значения оценивания руководителей в трудовых коллективах (%)

	Качества	

Условный номер трудового коллектива	Умение прислушиваться к мнению подчиненных	Умение четко ставить задачи	Доступность руководителя для подчиненных	Среднее значение интегрального показателя оценивания
1	37	49	23.6	36.5
2	17.2	20.3	26.1	21.2
3	92	94.1	97	94.4
4	10.2	14.4	14.7	13.1
5	27	28.1	19.9	25
6	95	95.5	96.9	95.8
7	83.5	84.9	75.4	81.3
8	73.9	63.3	88.3	75.2
9	62.5	58	57	59.2
10	50.8	45	55	50.3
11	22.7	20	24.2	22.3
12	63.3	68.6	67.3	66.4
13	85	87.8	88	86.9
14	48.8	48.7	46.2	47.9

Следующим шагом в процессе обработки стал расчет 3-х разностных величин: X , Y и Z .

X – разностная величина между самооценкой руководителя и его предполагаемой оценкой со стороны подчиненных;

Y – разностная величина между самооценкой руководителя и средней оценкой подчиненных;

Z – разностная величина между средним значением оценивания подчиненными руководителя и предполагаемой руководителем средней оценкой подчиненных.

Данные, полученные в результате опроса руководителей, приведены в Таблице 3.

Таблица 3
Результаты опроса руководителей (%)

Условный номер подразделения	Самооценка			Оценка с позиции подчиненных		
	1	2	3	1	2	3
1	83	87	89	77	96	84
2	90	95	80	90	90	75
3	90	90	95	100	95	100
4	93	97	70	90	100	70
5	75	85	80	65	80	80
6	90	90	95	90	95	97
7	87	93	97	90	93	97
8	85	90	78	96	90	83
9	30	90	40	45	90	35
10	80	80	80	90	90	90
11	90	90	70	95	75	75
12	97	98	90	90	90	90

13	90	85	90	90	87	90
----	----	----	----	----	----	----

Условные обозначения:

1 – умение прислушиваться к мнению подчиненных;

2 – умение четко ставить задачи;

3 – доступность руководителя для подчиненных.

В Таблице 4 приведены показатели, являющиеся в рамках данного исследования критериальными для оценки рефлексивных качеств руководителя. В принятом плане исследования влияние именно этих параметров на социально-психологический климат (СПК) в коллективе выражает эмпирическую зависимость СПК от уровня сформированности рефлексивных качеств руководителя.

Таблица 4

Значения эмпирических показателей выраженности рефлексивных качеств

Условный № трудо- вого коллекти- ва	Разностный показатель								
	X			Y			Z		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3
1	6	-9	5	46	38	65,4	-40	-47	-60,4
2	0	5	5	72,8	74,7	53,9	-72,8	-69,7	-48,9
3	-10	-5	-5	-2	-4,1	-2	-8	-0,9	-3
4	3	-3	0	82,8	82,6	55,3	-79,8	-85,6	-55,3
5	10	5	0	48	56,9	60,1	-38	-51,9	-60,1
6	0	-5	-2	-5	-5,5	-1,9	5	0,5	-0,1
7	-3	0	0	3,5	8,1	21,6	-6,5	-8,1	-21,6
8	-11	0	-5	11,1	26,7	-10,3	-22,1	-26,7	5,3
9	-15	0	5	-32,5	32	-17	17,5	-32	22
10	-10	-10	-10	29,2	35	25	-39,2	-45	-35
11	-5	15	-5	67,3	70	45,8	-72,3	-55	-50,8
12	7	8	0	33,7	29,4	22,7	-26,7	-21,4	-22,7
13	0	-2	0	5	-2,8	2	-5	0,8	-2
14	0	10	5	21,2	41,3	18,8	-21,2	-31,3	-13,8

На третьем этапе обработки рассчитывалась зависимость социально-психологического климата в коллективе от приведенных в Таблице 4 разностных показателей. Для решения этой задачи был применен корреляционный анализ. Использовался коэффициент корреляции Пирсона. Результаты представлены в Таблице 5.

Таблица 5

Результаты корреляционного анализа

	СПК	
x1	Pearson Correlation	-,337
	Sig. (2-tailed)	,239
	N	14
x2	Pearson Correlation	-,410
	Sig. (2-tailed)	,145

	N	14
x3	Pearson Correlation	-,278
	Sig. (2-tailed)	,336
	N	14
y1	Pearson Correlation	-,840(**)
	Sig. (2-tailed)	,000
	N	14
y2	Pearson Correlation	-,982(**)
	Sig. (2-tailed)	,000
	N	14
y3	Pearson Correlation	-,789(**)
	Sig. (2-tailed)	,001
	N	14
z1	Pearson Correlation	,851(**)
	Sig. (2-tailed)	,000
	N	14
z2	Pearson Correlation	,954(**)
	Sig. (2-tailed)	,000
	N	14
z3	Pearson Correlation	,760(**)
	Sig. (2-tailed)	,002
	N	14

* Correlation is significant at the 0.05 level (2-tailed).

** Correlation is significant at the 0.01 level (2-tailed).

Результаты и их обсуждение. Показатель X отражает мнение руководителя об адекватности представлений о нем подчиненных. Несоответствие самооценки и предполагаемой оценки подчиненными является показателем убежденности руководителя в том, что мнение подчиненных о его профессиональной компетенции не является адекватным. Если X – положительная величина, это предполагает, что, по мнению руководителя, подчиненные оценивают его профессиональную компетенцию хуже, чем он сам. Отрицательные значения показателя X демонстрируют убежденность руководителя в том, что подчиненные его переоценивают. Величина предполагаемой руководителем переоценки или недооценки определяется значением соответствующего показателя.

Анализ данных, представленных в Таблице 5, показывает, что имеются отрицательные корреляции между оценкой руководителем адекватности представлений о нем подчиненных и социально-психологическим климатом (т.е. наличие представлений руководителя о переоценке своей профессиональной компетенции подчиненными соответствует более благоприятному социально-психологическому климату), но они не достигают уровня статистической значимости.

Показатель Y рассматривается нами как адекватность самооценки своей профессиональной компетенции руководителем. На наш взгляд, подчиненные способны более адекватно оценить такие качества руководи-

теля как его умение прислушиваться к чужому мнению и четко ставить задачи; а также его доступность, нежели сам руководитель. Поэтому можно считать, что несогласованность самооценки руководителя с оценками подчиненных в данном случае отражает неадекватные представления руководителя об отмеченных выше качествах своей профессиональной компетенции. Положительные значения величины Y , таким образом, являются показателями переоценки, а отрицательные – недооценки своей профессиональной компетенции руководителем.

Обнаружены значимые отрицательные корреляции адекватности самооценки своей профессиональной компетенции руководителем и социально-психологическим климатом (см. Таблицу 5). Как выяснилось, более предпочтительным для создания благоприятного социально-психологического климата в коллективе является недооценка своей профессиональной компетенции руководителем, нежели ее переоценка. Однако значительная недооценка своей профессиональной компетенции в нашем исследовании была выявлена только у одного из 14-ти руководителей, принявших участие в исследовании (№ 9), поэтому мы не утверждаем, что эта недооценка является необходимым условием создания благоприятного климата. Напротив, если обратиться к результатам того единственного коллектива, руководитель которого значительно недооценивает собственную профессиональную компетенцию, можно убедиться в том, что климат данного коллектива далек от высоких показателей (является неустойчиво благоприятным). Предположительно, более сильная недооценка собственной профессиональной компетенции руководителем может являться препятствием для создания хорошего социально-психологического климата, однако по результатам нашего исследования можно говорить лишь о том, что незначительной недооценке руководителем своей профессиональной компетенции соответствует более благоприятный социально-психологический климат в коллективе.

Обнаружены также значимые корреляции между отдельными оцениваемыми параметрами по рассматриваемому показателю (адекватности самооценки своей профессиональной компетенции руководителем), т.е. между умением прислушиваться к мнению подчиненных, умением четко ставить задачи и доступностью руководителя. (Во всех трех случаях $p < 0,01$). Так, если руководитель переоценивает свое умение прислушиваться к мнению подчиненных, то он, как правило, также переоценивает и умение четко ставить задачи и свою доступность для подчиненных. Таким образом, можно говорить о существовании тенденции к переоценке или недооценке руководителем своей профессиональной компетенции.

Показатель Z демонстрирует наличие/отсутствие рассогласований между реальной оценкой подчиненными профессиональной компетенции своего руководителя и предполагаемой руководителем оценкой подчинен-

ными этого качества. Этот показатель является наиболее информативным с точки зрения рассматриваемой проблемы и отражает способность руководителя понимать то, что думают о нем подчиненные. Совпадение оценок руководителя и подчиненных в данном случае рассматривается как наличие социорефлексии руководителя. Иными словами, чем ближе разностные показатели к нулю, тем более адекватным является понимание руководителем мнения подчиненных о нем. Положительные значения величины Z свидетельствуют о том, что руководитель недооценивает отношение к себе подчиненных, т.е. думает, что подчиненные о нем худшего мнения, чем то, которого они на самом деле придерживаются. Отрицательные значения демонстрируют, что руководитель переоценивает мнение о себе подчиненных, иными словами, он считает, что подчиненные оценивают его профессиональную компетенцию лучше, чем они реально это делают.

В исследовании обнаружена сильная положительная взаимосвязь рассматриваемого показателя и социально-психологического климата (см. Таблицу 5): отрицательным значениям данного показателя, т.е. переоценке руководителем мнения о нем подчиненных, соответствуют более низкие значения социально-психологического климата. Так же, как и в предыдущем случае (т.е. с адекватностью самооценки своей профессиональной компетенции руководителем), можно констатировать, что наличие незначительной недооценки руководителем мнения о нем подчиненных – фактор, способствующий созданию благоприятного социально-психологического климата в организации. Сильных отклонений в сторону недооценки мнения подчиненных в нашем исследовании выявлено не было.

Опять же, как в предыдущем случае, отдельные оцениваемые параметры обнаруживают сильную положительную корреляцию между собой (во всех случаях $p < 0,01$). То есть, если руководитель переоценивает мнение о нем подчиненных, то, как правило, по всем трем параметрам (умение прислушиваться к мнению подчиненных, умение четко ставить задачи и доступность для подчиненных).

Итак, ситуация, когда руководитель незначительно недооценивает свою профессиональную компетенцию, и, соответственно, мнение подчиненных о ней, способствует благоприятному социально-психологическому климату в организации. Но, как показывают результаты нашего исследования, это редкий случай, – гораздо чаще встречается противоположная ситуация: руководители переоценивают как свою профессиональную компетенцию, так и мнение о ней подчиненных. Такая переоценка является фактором, препятствующим созданию благоприятного социально-психологического климата в организации.

Чтобы выявить влияние адекватного понимания руководителем оценки своей профессиональной компетентности подчиненными на социально-

психологический климат в организации, был использован обобщенный показатель рефлексивных способностей. С этой целью мы объединили отдельные параметры показателя Z и высчитали средние значения нового показателя для каждой организации (см. Таблицу 6). Затем руководителям каждой организации были присвоены градации от 1 до 2 по степени выраженности у них рефлексивных способностей. Градацию 1 получили руководители, имеющие минимальное расхождение между предполагаемой ими и реальной оценкой профессиональной компетенции у них подчиненными (сюда попали значения обобщенного показателя рефлексивных способностей от +2,5 до -15). Градацию 2 получили руководители, значительно переоценивающие мнение подчиненных о своей профессиональной компетенции (от -15 до -73,57). Руководителей, значительно недооценивающих мнение подчиненных о своей профессиональной компетенции, как уже отмечалось, не оказалось вовсе.

Таблица 6

Градация руководителей по степени выраженности рефлексивных качеств

Условный № трудового коллектива	Обобщенный показатель рефлексивных способностей руководителей	Градации обобщенного показателя рефлексивных способностей руководителей
1	-49,13	2,00
2	-63,80	2,00
3	-3,97	1,00
4	-73,57	2,00
5	-50,00	2,00
6	1,80	1,00
7	-12,07	1,00
8	-14,50	1,00
9	2,50	1,00
10	-39,73	2,00
11	-59,37	2,00
12	-23,60	2,00
13	-2,07	1,00
14	-22,10	2,00

Для сравнения различий социально-психологического климата в двух выделенных группах был использован непараметрический критерий U-Манна-Уитни. Были обнаружены статистически значимые различия между сравниваемыми трудовыми коллективами: в коллективах, руководители которых обладают выраженными рефлексивными способностями (градация 1), более благоприятный социально-психологический климат (средний балл 25), в то время как в коллективах, руководители которых переоценивают оценку подчиненными своей профессиональной компетенции, средний показатель социально-психологического климата составляет только 7,3 балла (Mann-Whitney U = 0,0; p = 0,002). Таким образом, можно говорить о высокой значимости рефлексивных способностей руководи-

телей для формирования благоприятного социально-психологического климата в организации.

Литература

1. *Столяренко Л.Д.* Основы психологии. Практикум. М., «Феникс», 1999.

А.В.Макаров

Личность руководителя и социально-психологический климат коллектива

Традиционно термин «коллектив» используется для обозначения группы людей, объединенных общими целями и задачами, характеризующихся едиными ценностями, нормами и правилами поведения, а также высокой референтностью членов группы по отношению друг к другу [11].

Актуальность изучения различных коллективов и их особенностей объясняется тем, что, во-первых, многие задачи могут быть решены только совместно. Именно поэтому в последние годы слово «коллектив» часто заменяется словом «команда». Во-вторых, на продуктивность коллектива влияет ряд особенностей, отличных от характеристик межличностных отношений:

- представления членов коллектива об окружающем мире и других людях (*мировоззрение*) направляют их поведение и определяют их отношения с другими сотрудниками. Значительные расхождения в мировоззрении членов коллектива или организации затрудняют их сотрудничество и могут привести к возникновению противоречий и даже конфликтов. При этом изменить индивидуальное мировосприятие очень сложно, а иногда и невозможно;

- *коллективные ценности* выступают связующим звеном между коллективной и индивидуальной жизнью. Ценности могут сохраняться, даже если в коллективе произошли значительные изменения. В то же время, может быть произведена определенная смена ценностей, которая скажется на поведении всех или отдельных членов коллектива;

- сотрудников конкретной организации характеризует определенный *стиль поведения* – принятая в коллективе манера общения, используемый при этом язык, специфические ритуалы и церемонии, определенные символы, значимые для членов данного коллектива;

- *нормы* – совокупность как формальных, так и неформальных требований, предъявляемых коллективом к своим членам. Эти требования могут быть универсальными и частными, императивными и ориентиро-

вочными. Чаще всего они направлены на сохранение структуры и функций коллектива;

- *социально-психологический климат* коллектива, актуальность изучения которого продиктована возросшими требованиями к уровню психологической включенности индивида в его трудовую деятельность.

Социально-психологический климат коллектива, будучи одним из важнейших компонентов психологической удовлетворенности собственным трудом каждого из его членов, одновременно является наиболее скрытым от внешнего наблюдения и потому более сложным для изучения фактором. В отличие, например, от коллективных ценностей (они могут быть прописаны в миссии компании) или стиля поведения (видного даже «невооруженным» глазом), социально-психологический климат, господствующий в каждом конкретном коллективе, увидеть гораздо сложнее. В то же время, по мнению некоторых исследователей, именно этот параметр является мощным фактором усиления психологического настроения и мотивации членов коллектива [9].

Социально-психологический климат коллектива связан с определенной эмоциональной окраской психологических связей коллектива. Не удивительно, что в большинстве определений особое внимание уделяется зависимости данного климата от межличностных отношений и доминирующего настроения [10]. Анализ различных точек зрения на содержание понятия социально-психологического климата позволяет сделать вывод, что он представляет собой групповое психологическое состояние, характеризующее особенностями социального восприятия и степенью удовлетворенности членов коллектива различными сторонами его жизнедеятельности [12]. Существенным элементом в общей концепции социально-психологического климата является характеристика его структуры. Так, В.М. Шепель выделил три «климатические зоны»: 1) социальный климат - определяется тем, насколько в данном коллективе выражена общность целей и задач; 2) моральный климат – моральные ценности, принятые в данном коллективе; 3) психологический климат – система отношений, которая складывается между работниками, находящимися в непосредственном контакте друг с другом [14].

Р.Х. Шакуров описывает психологический климат с двух сторон. Психологический аспект раскрывается в эмоциональных, волевых, интеллектуальных состояниях и свойствах группы. Социально-психологическая составляющая климата проявляется в интегративных особенностях психологии группы, значимых для сохранения ее целостности и для ее функционирования как самостоятельного объединения людей [13].

В психологической науке описано множество разнообразных факторов, влияющих на формирование и динамику социально-психологического климата в каждом конкретном коллективе. Согласно Н.М. Фатееву, все

они могут быть разделены на факторы макросреды и микросреды или внешние и внутренние. Первые связаны с объективными условиями: общественно-экономической формацией, материально-технической базой, совершенством общественных отношений. Вторые подразделяются на предметно-вещные (обеспеченность коллектива необходимыми материально-техническими средствами, заданность определенных организационных структур, полномочия коллектива и его членов) и социально-психологические (наличие неформальных связей, состояние межличностных отношений, стиль руководства, уровень психологической совместимости и т.п.) [12].

Очевидно, что специфику социально-психологического климата определяют люди. Любой человек уже в силу своего присутствия в социальной группе, а тем более участвуя в совместном труде, оказывает влияние на многие сферы жизни коллектива, в том числе на социально-психологический климат. Люди оказывают положительное или отрицательное воздействие на самочувствие окружающих в зависимости от их социально-психологических и индивидуально-психологических свойств. На самочувствие людей и через него на общий климат коллектива оказывают влияние и особенности психических процессов (интеллектуальных, эмоциональных, волевых), а также темперамента и характера членов коллектива [3].

Наиболее важным фактором, определяющим уровень психологического климата производственного коллектива, является личность руководителя [1, 5]. Действительно, роль непосредственного руководителя в создании благоприятного социально-психологического климата огромна. Руководитель оказывает влияние практически на все условия, определяющие социально-психологический климат. От руководителя во многом зависит воспроизводство таких психических состояний, как симпатия и притяжение, положительный эмоциональный фон общения, чувство защищенности и др. Одной из наиболее изученных характеристик руководителя является стиль управления. Еще К. Левин выделил три стиля управления: авторитарный (директивный), демократический (коллегиальный), нейтральный (попустительский) [8]. Основным критерием, отличающим один стиль управления от другого, является способ принятия решения руководителем. Различные экспериментальные исследования посвящены выделению и сравнительному анализу организационной эффективности различных управленческих стилей. Вопреки расхожему мнению, демократический стиль управления не всегда более эффективен, чем авторитарный.

Более того, в чистом виде управленческие стили практически не встречаются. Руководитель выбирает тот или иной стиль управления в за-

висимости от ситуации управления и собственных личностных особенностей.

В психологической литературе подробно описаны те характеристики и профессионально важные качества, которыми должен обладать «идеальный» руководитель: профессиональные знания – понимание и использование основ психологии управления; коммуникативные способности – умение устанавливать и поддерживать контакты с подчиненными и вышестоящим руководством; деловые и организаторские способности – умение стимулировать подчиненных, оперативно анализировать ситуацию и принимать решения, способность подбирать и организовывать кадры и т.д. Кроме того, руководитель должен обладать стрессоустойчивостью, креативностью и другими психологическими характеристиками [4, 6, 7]. Очевидно, что представленные типологии профессионально важных качеств важны не только для руководителя, но и для любого человека, которому в процессе выполнения должностных особенностей или другой деятельности необходимо вступать в контакт с окружающими. Более того, данные экспериментальных исследований, направленных на изучение взаимосвязи личностных особенностей руководителя и эффективности управления часто противоречивы.

Важным качеством эффективного руководителя традиционно считается его авторитет в глазах подчиненных. Распоряжения неавторитетного руководителя почти всегда оборачиваются недоверием к компетентности и целесообразности, принимаемых им решений, что несет в себе потенциальную возможность возникновения конфликтных ситуаций. Поэтому некоторые руководители в своей деятельности стремятся к искусственному созданию своего авторитета.

Таким образом, можно отметить существующее в психологической теории и практике противоречие. С одной стороны, влияние личности руководителя на социально-психологический климат коллектива признается всеми исследователями. С другой стороны, до сих пор нет однозначного ответа, за счет чего организуется подобное влияние.

Анализ проблемы влияния личности руководителя на социально-психологический климат в подчиненном ему коллективе позволяет предположить, что указанное влияние определяется его (руководителя) *рефлексивной способностью*. Рефлексивную способность можно определить, как способность понимать и адекватно оценивать образ руководителя, существующий в сознании подчиненных. Это подтверждается и проведенными исследованиями механизмов социальной перцепции. Известно, что эффективность коммуникации определяется тем, насколько точным является представление человека о восприятии его другими людьми. Основные направления исследований восприятия человеком человека рас-

крыл в своих работах еще А.А. Бодалев, показав, насколько важна опосредствующая роль механизма социального восприятия в формировании психологического образа социального объекта — человека [2]. Закономерности социального восприятия в управлении и формировании психологического климата, обусловлены сложными механизмами «обратной связи». Согласование различных представлений (представлений сотрудников о личности руководителя, представлением себя, в том числе с позиции подчиненных самим руководителем) определяет условия изменения социально-психологического климата.

Представленный в статье анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Социально-психологический климат – это результат межличностного взаимодействия в процессе осуществления совместной деятельности. Он проявляется в таких групповых эффектах, как настроение и мнение коллектива, индивидуальное самочувствие и оценки условий жизни и работы личности в коллективе.

2. Социально-психологический климат имеет двойственную природу. С одной стороны, он представляет собой некоторое субъективное отражение в групповом сознании всей совокупности элементов социальной обстановки, всей окружающей среды. С другой — возникнув как результат непосредственного и опосредованного воздействия на групповое сознание объективных и субъективных факторов, социально-психологический климат приобретает относительную самостоятельность, становится объективной характеристикой коллектива и начинает оказывать обратное влияние на коллективную деятельность и отдельные личности.

3. Социально-психологический климат – динамическое образование. Он может изменяться в зависимости от действий и поведения членов коллектива, особенно руководителя. Психологические особенности личности руководителя способствуют или мешают формированию чувства общности, то есть влияют на формирование социально-психологического климата в трудовом коллективе.

4. Социально-психологический климат является продуктом взаимодействия социальных объектов. Следовательно, его изучение невозможно без учета закономерностей и особенностей социального восприятия.

Литература

1. Андреева Г.М. Социальная психология. М., 1980.
2. Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком. М., 1982.

3. *Бойко В.В., Ковалев А.Г., Панферов В.Н.* Социально-психологический климат коллектива и личность. М., 1983.
4. *Велков И.Г.* Личность руководителя и стиль управления. М., 1993.
5. *Вичев В.В.* Мораль и социальная психика. М., 1978.
6. *Зигерт В., Ланг Л.* Руководитель без конфликтов. – М., 1990.
7. *Кричевский Р.Л.* Если вы – руководитель. М., 1996.
8. *Левин К.* Динамическая психология. М., 2001.
9. *Парыгин Б.Д.* Социально-психологический климат коллектива: Пути и методы изучения. Л., 1981.
10. *Платонов К.К., Казаков В.Г.* Развитие системы понятий теории психологического климата в советской психологии // Социально-психологический климат коллектива / Под ред. Е.В. Шороховой и О.И. Зотовой. М., 1979.
11. Психология: Словарь / Под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М., 1990.
12. *Фатеев Н.М.* Влияние особенностей управления на социально-психологический климат коллектива // Вопросы психологии. 1986. № 1. С. 102-108.
13. *Шакуров Р.Х.* Социально-психологические проблемы руководства педагогическим коллективом. М., 1982.
14. *Шепель В.М.* Социологические и психолого-педагогические основы хозяйственного руководства химическими предприятиями. М., 1974.

А.В. Макаров

Социально-психологический климат: анализ концептуальных подходов

Существенным признаком группы является общность взаимодействующих друг с другом субъектов. Такая особая общность может рассматриваться как коллективный субъект деятельности, в том числе деятельности профессиональной. Общность содержания деятельности группы порождает и общность ее психологических характеристик. К психологическим характеристикам группы относят такие групповые образования, как групповые интересы, групповые потребности, групповые нормы, групповые ценности, групповое мнение, групповые цели.

Традиционно в социальной психологии изучаются, как правило, некоторые элементарные параметры группы: композиция группы (или ее состав), структура группы, групповые процессы (групповая динамика), групповые нормы и ценности, система санкций и т.д. Каждый из этих парамет-

ров может приобретать различное значение в зависимости от того общего подхода к группе, который реализуется в исследовании.

В то же время, столкновение интересов, взглядов, мнений, личностных симпатий и антипатий создает в группе некую атмосферу, которая характеризует ее как целое, определяет настроение и самочувствие объединенных в ней людей. Правила, нормы и требования организации предполагают и порождают особые социально-психологические отношения между людьми, существующие только в организации и формирующие социально-психологический климат (СПК), определенную атмосферу взаимоотношений.

Принято считать, что основой социально-психологического климата является организованная деятельность, под которой понимается не просто совместная деятельность людей, объединенных общими интересами или целями, симпатиями и ценностями, а деятельность людей, объединенных в одну организацию, подчиняющихся правилам и нормам этой организации, выполняющих заданную совместную работу в соответствии с экономическими, технологическими, правовыми, организационными, корпоративными и целым рядом других требований.

Социально-психологические отношения выступают как взаимоотношения людей, опосредованные целями, задачами и ценностями совместной деятельности, то есть ее реальным содержанием. При этом, отдельный работник выступает как элемент социальной группы, вне которой его поведение не может быть понятым. Изучение личности работника в организации, анализ влияния организации на социально-психологическую структуру и развитие коллектива – таковы главные вопросы, стоящие перед исследователем. В плане понимания психологического статуса человека в коллективе актуальна не только проблема соответствия работника его профессии, но и проблема соответствия работника конкретной организации, проблема подбора людей в эту организацию и роль личности руководителя в этом процессе.

Начиная с середины 50-х годов, в отечественной социально-психологической литературе разрабатываться понятие «психологический климат коллектива». Как показано в работе Г.А. Виноградовой, впервые термин «психологический климат» был введен в научный оборот В.П. Мансуровым [Виноградова, 1995].

Одной из первых работ, в которой не только дано определение понятия «социально-психологический климат», но и проанализировано состояние исследований этого феномена, была работа Г.А. Моченова и М.П. Ночевника «К вопросу о социально-психологическом климате научно-исследовательского коллектива» [Моченов, Ночевник, 1981]. Авторы утверждают, что «под социально-психологическим климатом надо понимать эмоционально-психологический настрой, который складывается в коллективе

в процессе работы и проявляется в тех взаимоотношениях, которые устанавливаются на основе объективных и субъективных взаимосвязей между членами коллектива, формальными и неформальными группами при личных контактах между людьми. Этот эмоционально-психологический настрой появляется в результате того, что при непосредственных личных контактах работников все связи между ними (функциональные, организационные, информационные, специальные и идейно-психологические) приобретают эмоционально-психологическую окраску, определяемую ценностными ориентациями, моральными нормами и интересами членов коллектива» [Моченов, Ночевник, 1981]. .

В разработке понятия «социально-психологический климат» нашли свое отражение многие теоретические и методологические проблемы отечественной психологии, такие как проблемы групповой совместимости и сплоченности, конформности в группе, проблемы соотношения внешних и внутренних условий в детерминации поведения членов группы.

В 60-80-е годы проблема социально-психологического климата активно разрабатывалась в русле социальной психологии, прежде всего – в связи с изучением трудовых производственных коллективов, управления и оптимизации климата в коллективах. В этой области проводили исследования многие ученые, а именно: А.И. Донцов, Е.С. Кузьмин, М.П. Ночевник, Н.С. Мансуров, В.П. Машеро, Г.А. Моченов, Б.Д. Парыгин, В.А. Петровский, К.К. Платонов, А.А. Русалинова, Ф.М. Русинов, А.Л. Свенцицкий, Ю.Т. Тимофеев, А.И. Шалыто, И.Е. Шварц, А.И. Щебенко и др.

Анализ работ по проблеме показывает, что единого определения понятия "психологический климат" в литературе не имеется.

Так: в исследовании В.В. Бойко, А.Г. Ковалева и Б.Н. Панферова утверждается, что для определения психического состояния членов коллектива более подходит понятие "психологический климат". Для определения отношений членов коллектива друг с другом, как психологических условий жизнедеятельности, больше подходит определение «социально-психологический климат». Таким образом, второе понятие по объему шире первого [Бойко, Ковалев, Панферов, 1983].

В то же время К.К. Платонов считает, что психологический климат понятие более широкое, чем социально-психологический [Платонов, Казаков, 1979]. В.М. Шепель обосновывает ту точку зрения, что климат складывается из трех климатических зон: социальный климат, моральный, психологический. «Причем зона действия психологического климата значительно локальнее морального, а тем более, социального» [Шепель, 1986, с.61].

В исследовании Г.А. Виноградовой дается следующее последовательное расширение понятий: психологический климат – эмоционально-

психологический климат, социально-психологический и нравственно-психологический климат как наиболее общее понятие в данном ряду. При этом нравственно-психологический климат определяется как «субъективное отражение в групповом сознании общественной системы ценностей, нравственных идеалов, традиций, выражающихся в конкретных действиях и поступках людей в коллективе» [Виноградова, 1995, с.34].

Таким образом, анализ существующих точек зрения показал, что в отечественной психологии наметились четыре основных подхода к пониманию природы социально-психологического климата.

Представителями первого подхода (Л.П. Буева, Е.С. Кузьмин, Н.Н. Обозов, К.К. Платонов, А.К. Уледов) климат рассматривается как общественно-психологический феномен, как состояние коллективного сознания. Климат понимается как отражение в сознании людей комплекса явлений, связанных с их взаимоотношениями, условиями труда, методами его стимулирования. Под социально-психологическим климатом, полагает Е.С. Кузьмин, необходимо понимать такое социально-психологическое состояние малой группы, которое отражает характер, содержание и направленность реальной психологии членов организации [Кузьмин, 1967].

Сторонники второго подхода (А.А. Русалинова, А.Н. Лутошкин) подчеркивают, что сущностной характеристикой социально-психологического климата является общий эмоционально-психологический настрой. Климат понимается как настроение группы людей [См. Парыгин, 1981].

Авторы третьего подхода (В.М. Шепель, В.А. Покровский, Б.Д. Парыгин) анализируют социально-психологический климат через стиль взаимоотношений людей, находящихся в непосредственном контакте друг с другом. В процессе формирования климата складывается система межличностных отношений, определяющих социальное и психологическое самочувствие каждого члена группы.

Идеологи четвертого подхода (В.В. Косолапов, А.Н. Щербань, Л.Н. Коган) определяют климат в терминах социальной и психологической совместимости членов группы, их морально-психологического единства, сплоченности, наличия общих мнений, обычаев и традиций [См. Шепель, 1986].

В американской социальной психологии говорят об «организационной культуре» в организациях, об отношениях рабочих и менеджеров. Теория «человеческих отношений» Э. Мейо опирается в первую очередь на формирование психологического климата отношений между работниками [См. Шепель, 1986].

Социально-психологический климат организации, по мнению О.С. Выханского и А.И. Наумова определяется ее организационной культурой [Выханский, Наумов, 1996]. Ряд современных авторов рассмат-

ривают понятия «организационная культура» и «социально-психологический климат» как родственные, однако, между ними существуют определенные различия.

По определению М.В. Удальцовой, термин «организационная культура» охватывает большую область явлений духовной и материальной жизни коллектива, а именно: доминирующие в нем моральные нормы и ценности, принятый кодекс поведения и укоренившиеся ритуалы [См. Выханский, Наумов, 1996].

Наиболее последовательно сущность и структура данного понятия разработаны в монографии Б.Д. Парыгина «Социально-психологический климат коллектива» [Парыгин, 1981]. Автор отмечает, что в отличие от понятия «психологическая атмосфера», понятие «социально-психологический климат» обозначает не те или иные ситуативные перемены в преобладающем настроении людей, а лишь его устойчивые черты (аналогично тому, как погода и климат означают ситуативную и долговременную характеристику комплекса природных явлений в определенной местности).

«Под социально-психологическим климатом, – пишет Б.Д. Парыгин, – подразумевается преобладающая и относительно устойчивая духовная атмосфера или психический настрой коллектива, проявляющийся как в отношении людей друг к другу, так и в их отношении к общему делу» [Парыгин, 1981, с.24]. Позже тот же автор дополняет первоначальное определение, подчеркивая устойчивость психического настроя коллектива, «который находит многообразные формы проявления во всей его жизнедеятельности» [Парыгин, 1981, с.11].

Анализируя сущность понятия СПК, Б.Д. Парыгин разрабатывает его структуру. Она строится на едином основании – использовании категории отношение. В связи с этим, в структуре СПК автор выделяет отношение людей к труду и их отношение друг к другу. В свою очередь отношение друг к другу дифференцируется на отношения между товарищами по работе и отношения в системе руководства и подчинения. Автором обоснована также связь СПК коллектива с отношением людей к миру, к самому себе, а также значение направленности личности на различные стороны ее деятельности и удовлетворенность этими сторонами (предметный и эмоциональный настрой) [Там же, с.12-14].

Таким образом, употребляя далее понятие «социально-психологический климат организации», будет рассматриваться, прежде всего, качество и уровень развития взаимоотношений в группе, которые складываются на основе сходства мнений, ценностей, отношений, убеждений.

При изучении климата необходимо иметь в виду два его уровня. Первый уровень – статический, относительно постоянный. Это устойчивые взаимоотношения членов коллектива, их интерес к работе и коллегам по труду. На этом уровне социально-психологический климат понимается

как устойчивое, достаточно стабильное состояние, которое, однажды сформировавшись, способно долгое время не разрушаться и сохранять свою сущность, несмотря на те трудности, с которыми сталкивается организация. С этой точки зрения, сформировать благоприятный климат в группе довольно трудно, но в то же время легче поддерживать его на определенном уровне, уже сформированном ранее. Контроль и коррекция свойств социально-психологического климата осуществляются членами группы эпизодически. Они чувствуют определенную стабильность, устойчивость своего положения, статуса в системе взаимоотношений. Поскольку состояние климата менее чувствительно к различным воздействиям и изменениям со стороны окружающей среды, постольку оно оказывает определенное влияние на результаты коллективной и индивидуальной деятельности, на работоспособность членов группы, на качество количество продуктов их труда.

Второй уровень динамический, меняющийся, колеблющийся. Это каждодневный настрой сотрудников в процессе работы, их психологическое настроение. Этот уровень описывается понятием «психологическая атмосфера». В отличие от социально-психологического климата психологическая атмосфера характеризуется более быстрыми, временными изменениями и меньше осознается людьми. Изменение психологической атмосферы влияет на настроение работоспособность личности в течение рабочего дня. Изменения климата всегда более выражены, заметны, они осознаются и переживаются людьми более остро; чаще всего человек успевает адаптироваться к ним. Накопление количественных изменений в психологической атмосфере ведет к переходу ее в иное качественное состояние, в другой социально-психологический климат.

Таким образом, социально-психологический климат – это сложное, многоплановое явление. Однако ни один из исследователей СПК не дает исчерпывающего определения. Каждый сосредоточен на, безусловно, исключительно важных, но все-таки отдельных гранях этого феномена.

Важнейшей проблемой в изучении социально-психологического климата является выявление факторов, которые его формируют. Анализ литературы показывает, что чаще всего в качестве факторов, определяющих социально-психологический климат, выделяются взаимоотношения в коллективе по горизонтали и по вертикали (как необходимый минимум), и затем различные составляющие производственной обстановки; организации, условия труда, система стимулирования и т.д. По-другому их можно назвать факторами макро и микросреды [Почебут, Чикер, 2002].

Факторы макросреды – это тот общественный фон, на котором строятся и развиваются отношения людей. К этим факторам относятся:

1. Общественно-политическая ситуация в стране – ясность и четкость политических и экономических программ, доверие к правительству и пр.

2. Экономическая ситуация в обществе — баланс между уровнями технического и социального развития.

3. Уровень жизни населения – баланс между заработной платой и уровнем цен, потребительская способность населения.

4. Организация жизни населения – система бытового и медицинского обслуживания.

5. Социально-демографические факторы – удовлетворение потребностей общества и производства в трудовых ресурсах.

6. Региональные факторы — уровень экономического и технического развития региона.

7. Этнические факторы – наличие или отсутствие межэтнических конфликтов.

Факторы микросреды – это материальное и духовное окружение личности в организации. К микрофакторам относятся:

1. Объективные – комплекс технических, санитарно-гигиенических, управленческих элементов в каждой конкретной организации.

2. Субъективные (социально-психологические факторы):

а) формальная структура – характер официальных и организационных связей между членами группы, официальные роли и статусы членов группы;

б) неформальная структура – наличие товарищеских контактов, сотрудничества, взаимопомощи, дискуссий, споров, стиль руководства, индивидуальные психологические особенности каждого члена группы, их психологическая совместимость.

Среди социально-психологических факторов, влияющих на климат в организации, исследователи выделяют ведущие:

- межличностные взаимоотношения, как один из ведущих факторов, влияющих на социально-психологический климат коллектива и опосредующий его; общественное мнение, в виде совокупных суждений и отношений к событиям и фактам;

- общее (групповое) настроение – эмоциональное состояние и настрой членов группы как совокупность переживаний, в значительной степени влияющих на ориентацию и характер всех проявлений, как у отдельных представителей, так и коллективов в целом;

- индивидуальные особенности членов коллектива;

- личность руководителя.

Руководитель оказывает влияние практически на все факторы, определяющие социально-психологический климат. От него зависят подбор

кадров, поощрение и наказание членов коллектива, продвижение их по службе, организация труда работников, однако его «социально-психологические характеристики недостаточно учитываются в современной управленческой практике [Вичев, 1978; Литвинов, 1969]. Важное место в системе формирования социально-психологического климата коллективов занимают личностные характеристики руководителя. Именно они в значительной степени определяют эффективность формирования СПК в коллективе. От руководителя требуется не только выполнение общественной и профессиональной функций, не только осознание своей лидирующей, организующей роли как инструмента достижения наилучшего результата, но и целенаправленные действия по формированию благоприятного социально-психологического климата в трудовом коллективе.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

- во-первых, анализ литературы, посвященной проблематике и исследованию сущности и структуры социально-психологического климата коллективов, показывает его реально существующую социально-психологическую природу, а также интегральную структуру, требующую дифференцированного подхода к рассмотрению каждого из его структурных элементов с учетом факторов, оказывающих на него воздействие в условиях профессиональной деятельности;

- во-вторых, как было отмечено ранее, единого общепринятого подхода и определения социально-психологического климата коллектива в настоящее время не существует;

- в-третьих, выделяют факторы макро и микросреды, определяющие уровень социально-психологического климата в организации;

- ведущим фактором, влияющим на формирование и управление социально-психологическим климатом, является личность руководителя, его характерологические проявления, коммуникативные и когнитивные ресурсы.

Литература

1. *Бойко В.В., Ковалев А.Г., Панферов В.Н.* Социально-психологический климат коллектива и личность. М., 1983.
2. *Виноградова Г.А.* Нравственно-психологический климат и мастерство учителя. Ижевск, 1995.
3. *Вичев В.В.* Мораль и социальная психика. М., 1978.
4. *Выханский О.С., Наумов А.И.* Менеджмент. М., 1996.
5. *Донцов А.И.* Психология коллектива. М., 1984.
6. *Ершов А.А.* Личность и коллектив: Межличностные конфликты в коллективе, их разрешение. Л., 1976.

7. *Ковалев А.Г.* Коллектив и социально-психологические проблемы руководства. М., 1975.
8. Коллектив. Личность. Общение: Словарь социально-психологических понятий. Под ред. Е.С. Кузьмина и В.Е. Семенова. Л., 1987.
9. *Кричевский Р.Л., Дубовская Е.М.* Психология малой группы: теоретический и прикладной аспекты. М., 1991.
10. *Кузьмин Е.С.* Основы социальной психологии. Л., 1967.
11. *Литвинов В.Н.* Психологический климат и экономические показатели. Социальные проблемы труда и образования / Материалы научной конференции. Вып. 2. Рига, 1969.
12. *Моченов Г.А., Ночевник М.П.* К вопросу о социально-психологическом климате научно-исследовательского коллектива. М., 1981.
13. *Парыгин Б.Д.* Социально-психологический климат коллектива: пути и методы изучения. Под ред. В.А. Ядова. Л., 1981.
14. *Платонов К.К., Казаков В.Г.* Развитие системы понятий теории психологического климата в советской психологии // Социально-психологический климат коллектива. Под ред. Е.В. Шороховой и О.И. Зотовой. М., 1979.
15. *Почебут Л.Г., Чикер В.А.* Организационная социальная психология. СПб., 2002.
16. *Руденский Е.В.* Социальная психология. М., 1997.
17. Теоретические и методологические проблемы социальной психологии. Под ред. Г.М. Андреевой, Н.Н. Богомоловой. М., 1977.
18. *Шепель В.М.* Социологические и психолого-педагогические основы хозяйственного руководства химическими предприятиями. М., 1974.
19. *Шепель В.М.* Управленческая психология. М., 1986.

НАПРАВЛЕНИЕ 10. ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

М.Ю.Шейнис

Исследование влияния индивидуального стиля деятельности на профессиональную успешность

Изучение проблемы стиля сопряжено с широким спектром исследований индивидуальности, личности и ее жизненного пути (2, 10, 12, 14, 16, 18), разработкой понятия субъекта деятельности (1,3,4). В последние годы появляются работы по систематизации накопленного эмпирического материала и по самой проблематике стиля (5,8,9,11,17). «Стиль» как специальное понятие введен Г.Адлером (19), который понимал под стилем совокупность индивидуальных черт, особенностей поведения, динамики жизненных целей человека, способствующих маскировке и компенсации его индивидуальных дефектов (физических, психических, социальных) и преодолению комплекса неполноценности. Такой стиль складывается стихийно как следствие взаимодействия индивидуальных особенностей человека и условий его жизни.

Позднее понятие «стиль» стали использовать и другие психологи для объяснения единства разнообразных психологических проявлений. Так, Г.Олпорт (20) стилем называл индивидуальные различия в экспрессии, в выразительной манере поведения, отражающие отношения личности к объектам и субъектам жизни. К стилю он относил «инструментальные», операциональные по своей природе черты личности (способы и средства поведения), с помощью которых человек реализует свои мотивы и цели. Но при этом он еще не разграничивал чисто экспрессивные, формально-динамические акты поведения, и собственно операциональные особенности реализации мотивов. Стиль как двуединство форм реагирования и личностно обусловленных обобщенных схем соотношения образов раскрывает Р.Стагнер (1962). Он различает перцептивные стили — схемы перцептивных актов — и реактивные стили — обобщенные типы соматического выражения эмоциональных переживаний. Г.Уиткин, Дж.-Клейн, Р.Гарднер и другие под когнитивными стилями (контролями) понимают устойчивые симптомокомплексы, личностно обусловленные индивидуальные и возрастные различия в познавательной деятельности.

В отечественной психологии первым исследованием, в котором было сформулировано понятие «стиль», считают работу Ю.А.Самарина (15). В ней показана технически опосредствующая роль стиля в развитии способностей человека и подчеркивается индивидуальное своеобразие его

стиля. Стиль учебной деятельности школьников понимается исследователем как производное трех компонентов: 1) направленности личности; 2) степени сознательного владения ею своими психическими процессами; 3) техническими приемами деятельности. Стиль рассматривается как проблема двух полюсов: есть «рациональные стили», «дающие умственным возможностям правильное направление», и «нерациональные стили». Аналогично понятие стиль в трудовой деятельности токарей использовал и Д.А.Ошанин (13). Однако наиболее последовательно и систематично эта проблема в отечественной психологии разрабатывалась В.С.Мерлиным и Е.А.Климовым с сотрудниками как концепция индивидуального стиля деятельности.

Наше исследование базируется на отечественной концепции *индивидуального стиля деятельности (ИСД)*, которая реализует не только особое понимание стиля как определенной психологической системы, но всегда подразумевает его связь с конкретными индивидуальными особенностями человека. Специфика концепции ИСД, разработанной В.С.Мерлиным и Е.А.Климовым (6,7,12) на основе достижений дифференциальной психофизиологии и дифференциальной психологии, состоит в том, что под стилем понимаются не отдельные элементы деятельности, а их определенное сочетание (система приемов и способов). Стиль обусловлен психологически (психофизиологически), но он не фатально детерминирован индивидуальностью субъекта, а формируется как «интегральный эффект взаимодействия субъекта и объекта» (7). Стиль может изменяться при изменении условий деятельности. Формирование и развитие стиля связано с формированием и развитием определенных индивидуально-психологических особенностей субъекта. Термин «индивидуальный стиль деятельности» используется «для понимания взаимоотношений объективных требований деятельности и свойств личности. В зависимости от объективных требований деятельности одни и те же свойства личности выражаются в разных стилях» (12).

В основу нашего исследования положены следующие теоретические выводы:

1. Под индивидуальными стилями мы понимаем индивидуально-своеобразные психологические системы субъектов, включающие как собственно предметные действия (структура), так и бессознательные механизмы пассивной адаптации в форме предпочтения определенных условий деятельности, а также сознательные механизмы активной адаптации — саморефлексия, саморегуляция.

2. Стиль профессиональной деятельности должностного лица, занимающегося таможенным оформлением и таможенным контролем включает в себя следующие основополагающие компоненты: особенности принятия решений; поведенческие реакции; стиль общения.

3. Особенности принятия решения – когнитивный стиль и ценностно-мотивационное ядро личности. Это: процессуальная, инструментальная характеристика познавательной деятельности, определяющая способ получения того или иного когнитивного продукта; это «сквозная» операциональная характеристика для всех уровней когнитивной сферы (ощущений, восприятия, внимания, памяти, мышления); отражение качественного своеобразия деятельности субъектов (они могут быть более или менее успешными в зависимости от ситуации решения задачи). Одна из его характеристик – саморефлексия.

4. Поведенческие реакции – это то определение индивидуального стиля деятельности, которое было дано Е.А.Климовым: в узком смысле слова это есть «обусловленная типологическими особенностями устойчивая система способов деятельности, которая складывается у человека, стремящегося к наилучшему осуществлению данной деятельности» (12).

5. Стиль общения – это совокупность устойчиво применяемых работником форм воздействия (передачи информации) на коллег и клиентов — в обычных условиях, в ситуациях неудач и успеха, а также формы выражения данных воздействий.

6. Стили профессиональной деятельности (СПД) отдельных субъектов представляют собой интегральные, иерархические биполярные образования с постоянной вариативной изменчивостью в границах двух полюсов («субъективно удобных и неудобных» условий и параметров деятельности), детерминированные не только индивидуальностью субъектов, но, прежде всего, организацией среды (компонентов профессиональной деятельности и интерперсонального пространства взаимодействующих субъектов), «снимающей» детерминации индивидуальных особенностей субъектов.

7. Основой стиля в каждый данный момент жизни человека является определенное коммуникативное состояние, его обращенность к другим людям. Коммуникативное состояние - это, с одной стороны, обобщенное состояние готовности к приему влияний со стороны других людей, которое предполагает соответствующую глобальную перестройку личности и деятельности субъекта. Другими словами, это целостная рецептивная установка (преднастройка) субъекта, содержанием которой является предвосхищение (ожидание) направленных на него действий и оценок. Это, с другой стороны, готовность к коммуникативному воздействию — предрасположенность к действиям и оценкам по отношению к другим людям, определяемая рецептивной установкой субъекта и в свою очередь ее определяющая. Говоря о «коммуникативном состоянии», следует иметь в виду, что оно не является принадлежностью какого-то одного отдельно взятого индивида; оно характеризует данного индивида постольку, поскольку тот находится в состоянии общения с конкретным другим инди-

видом, определенной группой индивидов или какой-либо иной социальной общностью. Коммуникативное состояние обнаруживается в отдельно взятом индивиде как его установка или преднастройка. Подлинной сферой его распространения лишь частично является сам индивид, в котором оно проявляется как сумма черт характера и индивидуально-типических характеристик; главные же его свойства обнаруживают себя в «околоиндивидуальном пространстве», физическом и социальном, через взаимодействия, возникающие между людьми.

Исходя из основных положений концепции СПД, мы рассмотрели зависимость стиля профессиональной деятельности от личностных особенностей субъекта и условий деятельности (таможенным оформлением и таможенным контролем), а так же от особенностей взаимодействия в группе и от его места в неформальной структуре группы. Т.е. мы рассмотрим влияние на успешность того или иного стиля профессиональной деятельности и отношений субъекта по «горизонтали» и по «вертикали».

Нами были выдвинуты следующие гипотезы:

1. Стилиевые характеристики в различной степени влияют на успешность трудовой деятельности сотрудника поста ТО и ТК в зависимости от уровня развития рабочей группы и преобладающего стиля управления.

2. Стилиевые характеристики в различной степени влияют на успешность трудовой деятельности сотрудника поста ТО и ТК в зависимости от места, занимаемого этим сотрудником в неформальной структуре группы.

Для проверки этих гипотез решались следующие задачи:

1. Изучить стиль руководства и основные показатели уровня развития коллектива на различных постах ТО и ТК.

2. Изучить неформальную структуру группы, выделить группы «принятых», «изолированных» и «отвергаемых».

3. Изучить степень успешности сотрудников ОТО и ТК и разделить выборку на успешных и неуспешных.

4. Изучить стилиевые особенности сотрудников.

5. Изучить влияние на успешность трудовой деятельности стилиевых особенностей сотрудника, его положения в неформальной структуре группы и особенностей группы.

Для решения этих задач была сформирована выборка, в которую вошли посты таможенного оформления и таможенного контроля Самарской, Саратовской и Оренбургской таможен. Посты были подобраны с условием того, что его начальник руководит данным подразделением не менее 3 лет. Вместо наименований, посты пронумерованы. В таблице 1 представлена численность каждого из обследованных постов.

Таблица 1.

Наименование таможи	всего	ОТО и ТК №1	ОТО и ТК №2	ОТО и ТК №3	ОТО и ТК №4	ОТО и ТК №5	ОТО и ТК №6
---------------------	-------	-------------	-------------	-------------	-------------	-------------	-------------

Самарская	65	15	11	8	11	20	-
Саратовская	59	12	20	12	15	-	-
Оренбургская	100	12	16	14	16	20	22
	224						

Обследование проводилось в таможенных, по постам, на рабочих местах во время еженедельных занятий по профессиональной учебе.

В первый день изучались социально-психологические характеристики группы (метод Социометрии и тест «Пульсар», применялась методика изучения стиля руководства группой).

Во второй день – проводилось изучение характеристик темперамента, проявляемых в трудовой деятельности, с помощью «Опросника структуры темперамента» В.М. Русалова. Так же в этот день изучалась направленность личности «Ориентировочной анкетой» В.Смейкла и М.Кучера.

На третий день изучалась успешность профессиональной деятельности при помощи методики ГОЛ, и с помощью Семантического дифференциала изучались наиболее удобные для каждого сотрудника характеристики начальника, коллеги и клиента.

В результате анализа полученных результатов, были сделаны следующие выводы:

1. Отделы с авторитарным стилем управления отличаются более высокой организованностью и направленностью на решение трудовых задач. Демократический стиль руководства в данном случае в большей степени способствует проявлению активности сотрудников в принятии решений. Кроме того, в выборке преобладают отделы с авторитарным стилем руководства

2. Успешность трудовой деятельности сотрудника, непосредственно занятого в таможенном оформлении и таможенном контроле, зависит от его направленности. У успешных сотрудников преобладает направленность на дело. У неуспешных – на людей и на себя.

3. Место сотрудника в неформальной структуре трудовой группы зависит от того, насколько он принимает преобладающие в группе стили взаимодействия с начальником и с коллегами.

4. Выразителем принятого в группе стиля взаимодействия является начальник отдела (во всех исследуемых нами группах формальное и неформальное лидерство принадлежало начальнику отдела).

5. При наличии инвариантности стилей руководства и взаимодействия с коллегами, основной предпочитаемый стиль взаимодействия с клиентами – авторитарный.

6. Среди успешных сотрудников значимо больше лиц, имеющих высокие показатели эргичности, пластичности, темпа и эмоциональной чув-

ствительности (по всем четырем или по трем признакам). При этом для успешности деятельности значимо наличие высоких показателей по эргичности и темпу (или хотя бы по одному из них).

Литература

1. *Абульханова-Славская К.А.* Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 300 с.
2. *Анциферова Л.И.* К психологии личности как развивающейся системы // Психология формирования и развития личности. М., 1981. С.3–18.
3. *Брушлинский А.В.* Проблема субъекта в психологической науке // Психол. журн. 1992. Т. 13. №6. С.3–12.
4. *Брушлинский А.В.* Проблема субъекта в психологической науке // Психол. журн. 1991. Т.12. №6. С.3–11.
5. *Ильин Е.П.* Стиль деятельности: Новые подходы и аспекты // Вопр. психологии. 1988. №6. С.85–93.
6. *Климов Е.А.* Индивидуальные особенности трудовой деятельности ткачих-многостаночниц в связи с подвижностью нервных процессов // Вопр. психологии. 1959. №2. С.66–76.
7. *Климов Е.А.* Индивидуальный стиль деятельности в зависимости от типологических свойств нервной системы. Казань: Изд-во Казан, ун-та, 1969. 278 с.
8. *Колга В.А.* Возможные миры когнитивных стилей // Когнитивные стили / Под ред. В.В.Колга. Таллинн, 1986. С.32–37.
9. *Кочетков В.В., Скотникова И.Г.* Индивидуально-психологические проблемы принятия решения. М.: Наука, 1993. 143 с.
10. *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 444 с.
11. *Маствилискер Э.И.* Индивидуально-типологические различия в решении практических задач детьми старшего школьного возраста (к вопросу об онтогенезе индивидуального стиля): Автореф. дисс. канд. пед. наук. Л., 1968. 20 с.
12. *Мерлин В.С.* Очерки интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986. 256 с.
13. *Ошанин Д.А.* К вопросу вариативности вспомогательного времени при работе на металлорежущих станках // Доклады АПН РСФСР. Т.4. М.: Педагогика, 1957. С. 105–108.
14. *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. 2-е изд. / Отв. ред. Е.В.Шорохова. М.: Педагогика, 1976. 416 с.
15. *Самарин Ю.А.* Стиль умственной работы старшеклассников // Изв. АПН. Вып. 17. М. – Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1948. С.103–151.

16. *Теплов Б.М.* Проблемы индивидуальных различий. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961. 555с.
17. *Толочек В.А.* Стили деятельности: Модель стилей с изменчивыми условиями деятельности. М.: Измайлово, 1992. 77 с.
18. *Шорохова Е.В.* Тенденции исследования личности в современной психологии // Психол. журн., 1980. Т.1. №1. С.45–47.
19. *Adler A.* Understanding Human Nature. New York: Garden City Publ. Co., 1927. 287 p.
20. *Allport G.W.* Personality: a psychological interpretation. New York: Holt, 1937. 588 p.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Высшее образование

Квалификация – психолог, преподаватель психологии.

Специализации – психологическое консультирование, социальная психология, организационная психология и психология менеджмента.

Формы обучения – очная, заочная, вечерняя.

Срок обучения – 5 лет, 6 лет.

Телефон приемной комиссии СамГУ – 334-54-24.

Электронный адрес – www.ssu.samara.ru.

Второе высшее образование

Квалификация – психолог, преподаватель психологии.

Специализации – психологическое консультирование, социальная психология, организационная психология и психология менеджмента.

Формы обучения – заочная, вечерняя.

Срок обучения – 2,9 года.

Контактный телефон – 278-09-80.

Абитуриенту

Школа психологических знаний: время занятий – с 18.00 до 20.30, один раз в неделю, с сентября по май.

День открытых дверей в СамГУ – первое воскресенье октября, первое воскресенье апреля.

Тематические олимпиады для поступающих – март, апрель.

Подготовительные курсы по предметам (обществознание, русский язык и литература, биология, информатика).

Телефон приемной комиссии СамГУ – 334-54-24.

НАШИ АДРЕСА И ТЕЛЕФОНЫ

Самарский Государственный университет

г. Самара, ул. Ак. Павлова, 1. тел. 278-09-80, 334-54-00.

www.ssu.samara.ru, lisecky@ssu.samara.ru

Центр Практической Психологии (ЦПП)

г. Самара, ул. Ново-Вокзальная, 176. тел. 278-09-80, 224-95-01.

www.psycheya.ru center@psycheya.ru

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ. КУРСЫ ПОДГОТОВКИ, ПЕРЕПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ И ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ*.

*По окончании выдается свидетельство государственного образца. Все сертификаты и свидетельства регистрируются и публикуются на сайте www.psycheya.ru.

По вопросам получения дополнительного образования обращаться на кафедру психологии СамГУ – телефон 278-09-80, Гайдуллина Татьяна, методист.

Название	В программе	Ведущие
Арт-терапия в психологической работе	Изучение арт-терапевтических техник, применяемых в психокоррекционной работе. Погружение, методический разбор, лекции.	Зоткина Е. А.
Для кого предназначена программа: <i>психологи, педагоги, медицинские работники, специалисты помогающих профессий.</i>		
Длительность программы - 72 часа.		
Психологическая профилактика наркомании	Конфликтология в аспекте профилактической работы. Психологические особенности детей в период взросления. Психологические особенности детей склонных к злоупотреблению психоактивными веществами. Медицинская модель профилактической и реабилитационной работы. Стратегии психологического воздействия на взрослеющего человека.	Лисецкий К.С., Березин С.В., Самыкина Н.Ю., Литягина Е.В. и др.
Для кого предназначена программа: <i>психологи, социальные работники, социальные педагоги, работники центров «Семья», работники правоохранительных органов, таможенных служб, работники ОДН и др.</i>		
Длительность программы - 72 часа, 150 часов.		
Психология муниципального управления	1. Психология лидерства. 2. Управление малой группой. 3. Трудовые конфликты. 4. Особенности межличностного взаимодействия в малых группах.	Пыжикова Ж.В., Березовский А.Э.
Для кого предназначена программа: <i>руководители структурных подразделений компаний.</i>		
Длительность программы – 72 часа.		

Особенности профилактики девиантного поведения в подростковой среде	Девиантное поведение в контексте анализа ситуации развития в подростковом возрасте. Виды и факторы возникновения девиантного поведения в подростковой среде. Технологии и методы психопрофилактики девиантного поведения.	Бутаков Д.Б.
Для кого предназначена программа: <i>психологи, социальные работники, социальные педагоги, работники ОДН, студенты данных специальностей.</i>		
Длительность программы - 72 часа.		
Эффективные технологии корпоративного обучения	Процесс обучения в организации. Технологии диагностики организационных потребностей. Обучение персонала на различных структурных уровнях. Технологии оценки эффективности корпоративного обучения.	Лисецкий К.С., Макаров А.В.
Для кого предназначена программа: <i>директора по персоналу, внутренние тренеры компании, специалисты по развитию и обучению персонала.</i>		
Длительность программы - 72 часа.		
Системное управление структурных подразделений	Основные точки контроля в управлении деятельностью. Технологические фазы управления. Социально-психологические особенности управления. Результативные технологии управления на разных стадиях процесса.	Лисецкий К.С., Макаров А.В.
Для кого предназначена программа: <i>высшее руководство компаний, руководители структурных подразделений.</i>		
Длительность программы - 72 часа.		
Психология профессиональной эффективности	Самопроектирование профессиональной карьеры. Развитие коммуникативной компетентности. Психологическая проницательность.	Лисецкий К.С.
Для кого предназначена программа: <i>студенты СамГУ и других высших учебных заведений в соответствии с образовательной специальностью.</i>		
Длительность программы - 72 часа.		

СПЕЦИАЛИСТЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА СамГУ

Агафонов Андрей Юрьевич – доцент кафедры общей психологии и психологии развития СамГУ, заместитель декана по научной работе, кандидат психологических наук. Тел. 278-09-80.

Березин Сергей Викторович – заведующий кафедрой социальной психологии СамГУ, доцент, кандидат психологических наук, семейный психолог (супружеские и родительско-детские отношения). Тел. 224-70-69.

Березовский Андрей Эдуардович – старший преподаватель кафедры общей психологии и психологии развития СамГУ, врач-психотерапевт. Тел. 265-41-19.

Богдан Наталья Анатольевна – старший преподаватель кафедры социальной психологии СамГУ, практикующий психолог в области межличностных проблем. В том числе коучинг, консультирование по вопросам ВИЧ. Тел. 261-97-87, 8-9276-025-225.

Буров Александр Александрович – психолог Областного Реабилитационного центра для лиц, страдающих наркоманией.

Тел. 8-9277-064-327.

Бутаков Данила Борисович - преподаватель кафедры общей психологии и психологии развития СамГУ, психолог-консультант (работа с детьми и подростками, профилактика и психокоррекция девиантного поведения). Тел. 958-69-69.

Галкина Ольга Александровна – преподаватель кафедры социальной психологии СамГУ, семейный психолог, специалист по работе с детьми раннего возраста, с детьми с особенностями психического развития и здоровья. Тел. 993-19-68, 8-9276-098-588.

Ежова Олеся Николаевна – доцент кафедры общей психологии и психологии развития СамГУ, кандидат психологических наук, специалист по вопросам сохранения и поддержания психического здоровья. Тел. 8-9277-356-240.

Зоткин Николай Васильевич – доцент кафедры общей психологии и психологии развития СамГУ, кандидат психологических наук, специалист по психодиагностике, психологии среднего возраста, психологии эмоций и мотивации. Тел. 263-57-18.

Зоткина Елена Александровна – старший преподаватель кафедры общей психологии и психологии развития СамГУ, специалист по речевым техникам, психологии голосового общения, арт-терапевт, возрастно-психологическое консультирование, специалист по работе с детьми с нарушениями психического развития. Тел. 263-57-18.

Исаев Дмитрий Станиславович – старший преподаватель кафедры общей психологии и психологии развития СамГУ, врач-психотерапевт (психосоматические расстройства, неврозы, депрессии, помощь тяжелобольным). Тел. 261-97-87, 8-9272-028-626.

Козлов Дмитрий Дмитриевич – преподаватель кафедры социальной психологии СамГУ, специалист по математической обработке результатов научных исследований. Тел. 278-09-80.

Косарева Ирина Олеговна – старший преподаватель кафедры общей психологии и психологии развития СамГУ, кандидат психологических наук, психоаналитик, семейный консультант. Тел. 332-93-95, 267-04-44, 8-9272-614-636, www.psytraining.ru, office@psytraining.ru.

Литягина Елена Викторовна – старший преподаватель кафедры общей психологии и психологии развития СамГУ, кандидат психологических наук, специалист по разрешению подростковых и юношеских проблем и конфликтов. Тел. 278-09-80.

Лисецкий Константин Сергеевич – декан психологического факультета, доцент кафедры общей психологии и психологии развития СамГУ, психолог-консультант, специалист в области организационного консультирования, трансперсональной психологии. Тел. 334-54-00.

Макаров Антон Валерьевич - преподаватель кафедры социальной психологии СамГУ, консультант по развитию и обучению персонала, бизнес-тренер. Тел. 272-83-13.

Мышкина Марина Сергеевна - старший преподаватель кафедры общей психологии и психологии развития СамГУ, кандидат психологических наук, психолог-консультант по работе с детьми младенческого и раннего возраста. Тел. 8-9033-042-282.

Самыкина Наталья Юрьевна – старший преподаватель кафедры социальной психологии СамГУ, кандидат психологических наук, психолог-консультант, специалист по разрешению подростковых и юношеских проблем и конфликтов. Тел. 278-09-80.

Соболева Алла Валерьевна – преподаватель кафедры общей психологии и психологии развития СамГУ, специалист в области спортивной психологии. Тел. 278-09-80, 8-9033-096-111.

Сысоев Дмитрий Юрьевич – старший преподаватель кафедры социальной психологии СамГУ, кандидат философских наук, психолог-консультант. Тел. 8-9171-130-905.

Пыжикова Жанна Владимировна – доцент кафедры общей психологии и психологии развития СамГУ, кандидат психологических наук, специалист по оценке и подбору персонала. Тел. 278-09-80.

Ушмудина Оксана Александровна – преподаватель кафедры социальной психологии СамГУ, психолог-консультант, специалист по разрешению подростковых и юношеских проблем и конфликтов. Тел. 278-09-80.

Шапатина Ольга Валерьевна – доцент кафедры общей психологии и психологии развития СамГУ, кандидат психологических наук, психолог-консультант по работе с детьми дошкольного возраста. Тел. 224-70-69.

КОГДА: РАСПИСАНИЕ ТРЕНИНГОВ, СЕМИНАРОВ, ГРУПП

Индивидуальные консультации

Название	Кто
Помощь в подготовке, проведении и обработке научных исследований.	Агафонов А.Ю., Березин С.В., Ежова О.Н., Козлов Д.Д., Пыжикова Ж.В., Сысоев Д.Ю.
Индивидуальные и семейные консультации	Березин С.В., Березовский А.Э., Богдан Н.А., Буров А. А., Бутаков Д.Б., Галкина О.А., Ежова О.Н., Зоткина Е.А., Исаев Д.С., Косарева И.О., Мышкина М.С., Литягина Е.В., Самыкина Н.Ю., Соболева А.В., Шапатина О.В.
Организационное консультирование, обучение персонала, развитие организации, кадровая диагностика.	Лисецкий К.С., Березин С.В., Исаев Д.С., Пыжикова Ж.В., Макаров А.В.

Тренинговые программы

Название	Кто
«Кинотерапия»	Березин С.В.
«Методический тренинг продаж»	Березин С.В.
«Тренинг решения семейных проблем»	Галкина О.А.
«Психология голосового общения»	Зоткина Е.А.
«Арт-терапевтический тренинг»	Зоткина Е.А.
«Психология любви: как мы влюбляемся и любим»	Зоткин Н.В.
«Играть по-русски: технологии эффективных переговоров»	Косарева И.О.
«Задачи взросления» (развивающие тренинги для детей и подростков)	Литягина Е.В., Самыкина Н.Ю., Ушмудина О.А.
«Технологии эффективного управления»	Лисецкий К.С., Макаров А.В.
«Технология проведения Ассесмент-центра»	Пыжикова Ж.В.

Психокоррекционные группы

Название	Кто
Психотерапевтическая группа, ориентированная на личностный рост	Березовский А.Э.
Психокоррекционная группа для зависимых и созависимых	Буров А.А.
Психокоррекционная группа по развитию самоотношения у подростков.	Бутаков Д.Б.
Психокоррекционная группа для родителей	Галкина О.А.
Психотерапевтическая группа	Исаев Д.С.
Психотерапевтическая группа личностного разрешения	Исаев Д.С., Березин С.В.
Открытая женская вечерняя группа	Косарева И.О.
Межличностное общение	Сысоев Д.Ю.

Обучающие программы. Практические семинары-мастерские

Название	Кто
«Сознание Вслух», или Путешествие в СВ (индивидуальный экзистенциальный семинар)	Агафонов А.Ю.
«Транзактный анализ и психосоматические заболевания»	Исаев Д.С., Березин С.В.
«Транзактный анализ в сексологии»	Исаев Д.С., Березин С.В.
«Весенний марафон»	Исаев Д.С., Березин С.В.
«Летний марафон»	Исаев Д.С., Березин С.В.
«Ландшафтная аналитика»	Исаев Д.С., Березин С.В.
«Семейная системная психотерапия и консультирование»	Косарева И.О.
«Образ и стиль. Психология моды»	Косарева И.О.
«Психодрама. Базовый курс»	Косарева И.О.
«Трансперсональная психология»	Лисецкий К.С.
«ПОМОГ» психологическая охрана молодости организма	Лисецкий К.С.
«Профилактика проблем развития детей младенческого и раннего возраста»	Мышкина М.С.

Запись на индивидуальные консультации, семинары, группы, программы у ведущих по телефонам.

Научное издание

Психологические исследования. Выпуск 4.

Под редакцией А.Ю. Агафонова, В.В. Шпунтовой

Компьютерная верстка, макет